

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ:

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ

Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш

Москва • 2020

УДК 316
ББК 60.5
П78

Публикуется по решению Ученого совета ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия:

член-корр. РАН М. Ф. Черныш (ответственный редактор)
д. социол. наук В. В. Маркин (ответственный редактор)
д. социол. наук В. В. Воронов, д. социол. наук М. Л. Малышев,
канд. филос. наук А. В. Воропаева, канд. социол. наук Л. Ю. Коростелева

Рецензенты:

член-корр. РАН В. А. Ильин
д-р социол. наук, проф. В. В. Локосов

Авторский коллектив:

М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, А. Ю. Ардальянова, А. В. Винокурова,
В. В. Воронов, А. В. Воропаева, В. К. Егоров, Ю. Б. Епихина,
Е. Н. Заборова, Ю. А. Зубок, А. В. Кинсбургский, М. В. Клейменов,
В. В. Козловский, Л. Ю. Коростелева, П. И. Куконков, В. Ю. Леденева,
Э. Ю. Майкова, М. Л. Малышев, Марко Ричери (Marco RICCERI), Е. М. Марков,
Н. М. Морозова, В. В. Пацюрковский, В. М. Пешкова, А. С. Труба,
Ренато Фонтана (Renato FONTANA), А. В. Роговая, О. П. Ружа, А. Н. Силин,
Е. В. Симонова, С. В. Устинкин, А. Н. Чумиков, В. И. Чупров, В. А. Юдашкин

**Пространственное развитие малых городов: социальные
П78 стратегии и практики: [монография] / М. Ф. Черныш,
В. В. Маркин [и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин;
предисл. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ
РАН, 2020. – 523 с.**

DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020

ISBN 978-5-89697-335-5

Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с другими подразделениями ФНИСЦ РАН и региональными партнерами в 2019 году проведено комплексное изучение проблем малых городов в современной России. Первые результаты исследования были представлены в электронной монографии «Малые города в социальном пространстве России», где рассмотрены теоретико-методологические основания исследования, отечественный и зарубежный опыт оздоровления малых городов, обозначены наиболее актуальные и острые проблемы развития малых российских городов с выходом на стратегии и практики их решения. Особое внимание уделено рекомендациям по погашению негативных тенденций в социально-экономической и социокультурной сферах малых городов.

В настоящей монографии представлены результаты продолжающихся масштабных социально-экономических и социологических исследований, поставлен целый ряд дискуссионных вопросов экономического и социологического измерений развития малых городов, раскрываются исторические, социокультурные, миграционные, территориальные, конфликтологические особенности их становления. Предлагается новый подход к формированию перспективного направления в развитии государственной политики пространственного развития России.

Монография будет представлять интерес как для научных сотрудников и специалистов в социологии и регионоведении, так и для руководителей и специалистов в области местного, регионального и федерального уровней управления.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-89697-335-5

© Авторы, текст, 2020
© Горшков М. К., предисл., 2020
© ФНИСЦ РАН, 2020

Оглавление

Предисловие	5
Введение	9
Раздел I. Теоретико-методологические проблемы исследования малых городов в социально-пространственном дискурсе	15
Глава 1. Малые города в социально-пространственном развитии России: проблемы сохранения и развития	16
Глава 2. Малый город: социальные противоречия и социальная политика	42
Глава 3. Малые города в социально-пространственном дискурсе: теоретико-методологические подходы в их исследовании	58
Глава 4. Исторические особенности пространственного развития России и малые города	87
Раздел II. Особенности воспроизводства социального и человеческого капитала в малых городах	109
Глава 5. Социокультурное развитие малых городов России: теоретические замыслы и практики воплощения	110
Глава 6. Культурная жизнь молодёжи в малых городах: общее и особенное	131
Глава 7. Социальная активность современной молодежи в условиях малого города	151
Глава 8. Межпоколенческая профессиональная мобильность в малом городе (воспроизводство профессионального статуса)	164
Глава 9. Доступность высшего образования в малых городах России	181
Раздел III. Малые города в пространственном развитии российских регионов	203
Глава 10. Малые города – опорный каркас расселения российского Севера: постановка проблемы.	204
Глава 11. Социокультурное пространство малых городов Дальнего Востока: мнения, суждения, оценки представителей местных сообществ (на примере городов Большой Камень и Спасск-Дальний Приморского края)	225
Глава 12. Состояние и перспективы развития малых городов Среднего Урала (регион – Свердловская область).	244
Глава 13. Миграционные потоки в малых городах Нижегородской области: факторы, направленность, динамика	266

Раздел IV. Стратегии и практики развития малых городов: субъекты и факторы изменений	291
Глава 14. Участие населения в практиках местного самоуправления как ресурс развития малых городов.	292
Глава 15. Проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства российского малого города	314
Глава 16. Современное состояние и стратегии развития малых городов Российской Арктики	340
Глава 17. Научоград Дубна – особая экономическая зона	360
Глава 18. Конструктивные функции социальных конфликтов в малых городах России	381
Раздел V. Малые города в глобальном дискурсе и цивилизационном контексте	397
Глава 19. Глобализация и малые города: проблема качества развития. Опыт Италии	398
Глава 20. Опыт Латвии в развитии малых городов: возможности и барьеры.	422
Глава 21. Брендинг малых городов: зарубежные практики	449
Глава 22. Цивилизационный потенциал малых городов России	471
Заключение	493
Библиографический список	501
Сведения об авторах	521

Предисловие

Представляемая читателю книга посвящена проблемам малых городов, традиционно остающихся в тени крупных, которым уделяется большее внимание в научном и практическом дискурсах. Между тем, в современной России из 1117 городов около 800 являются малыми, то есть насчитывающими менее 50 тыс. человек. А если к ним прибавить более 2000 посёлков городского типа, большинство которых практически мало чем отличаются от малых городов, то окажется, что в поселениях этого типа сосредоточена почти треть населения страны. При этом каждый город является уникальным образованием в силу исторического генезиса и расположения (по мере освоения разных частей огромного пространства страны более 17 млн км²), экономического профиля (многие – моногорода различной отраслевой принадлежности), роли в административно-территориальной организации (центры муниципалитетов), природно-климатических условий (от вечной мерзлоты до субтропиков) и ландшафта («с южных гор до северных морей»), архитектурно-градостроительного облика (с памятниками регионального, национального и мирового значения), транспортно-логистических связей (от пригородных электричек до паромов и «зимников») и другого. В конце концов, особой ментальности городских сообществ («что ни город, то – свой нор»).

Рассматривая эту уникальность в призме типологического моделирования, в основу которого положен социопространственный подход, ученые Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН) проводят комплексное изучение проблем малых городов, выявляют способы их решения посредством региональных стратегий и практик, а также определяют возможные перспективы их развития. Общий контекст пространственного развития страны раскрывается на примере конкретных и наиболее типичных для России малых городов, выделенных по критериям их актуального социально-экономического положения, а также региональной и отраслевой принадлежности. В нашей работе по данному направлению налажено сотрудничество с Союзом малых городов Российской Федерации, заинтересованными федеральными, региональными и муниципальными органами власти, бизнес-структурами, не-

коммерческими организациями, научными и образовательными учреждениями. В 2019 г. была открыта специальная тема НИР государственного задания, вышла коллективная монография «Малые города в социальном пространстве России»¹, вызвавшая широкий резонанс в научных и общественных кругах. В книге были представлены первые результаты масштабных социально-экономических и социологических исследований, поставлен целый ряд дискуссионных вопросов; предложен новый подход к формированию перспективного направления в развитии государственной политики пространственного развития России.

Здесь уместно отметить, что по отношению к роли малых городов в пространственном развитии сложилось две установки. Первая представлена в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию и в его указах, где малые города выступают одним из важнейших векторов и резервов пространственного развития России, укрепления социально-территориального каркаса российского государства. Такой же установки придерживается значительная часть политиков и ученых. Вторая установка озвучивается отдельными влиятельными политиками, считающими малые города России неперспективными, требующими больших бюджетных затрат и инвестиций, которые могли бы быть направлены в большие города и агломерации с привлечением в них населения из малых городов.

Актуальный опыт жизнедеятельности в условиях пандемии коронавируса наглядно свидетельствует, что именно в малых городах распространение инфекции было минимальным, проявилась лучшая самоорганизация жителей, в том числе их адаптация к экстремальным условиям и выходу из них. Этот момент, безусловно, заслуживает особого изучения. Тем не менее предлагаемые в настоящей монографии общие подходы, материалы и результаты эмпирических исследований, хотя и были разработаны до наступления упомянутых событий, принципиально пока-

¹ Малые города в социальном пространстве России: [монография] / [А. Ю. Ардальянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 545 с. Текст электрон. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751

зывают определённые преимущества малого города в данном и многих других отношениях.

Важно отметить глубокий анализ теоретико-методологических оснований, в котором впервые представлен синтез гео- и социопространственных подходов в проекции на малые города, их роли в поселенческо-расселенческих структурах различных пространственно-территориальных конфигураций (агломераций, конурбаций, мегалополисов), исторического и социального генезиса формирования сети городов, в том числе малых – опорного каркаса регионов и страны в целом, социальных противоречий, сложившихся вокруг малых городов и внутри них.

Эти подходы применяются авторами монографии в анализе проблем человеческого и социального капитала в малых городах, особенностей их социокультурного развития, места и перспектив молодежи, межпоколенческой профессиональной мобильности, доступности высшего образования и других вопросов преодоления ограниченных возможностей жителей в трудовой сфере и социальной мобильности.

Территориальная развертка геосоциопространственной парадигмы производится в материалах, содержащих анализ проблем отдельных типичных малых городов в макро-региональном и региональном контекстах. Особое внимание исследователи уделили тем макрорегионам и регионам внутри них, где малые города имеют действительно стратегическое значение: Дальний Восток (Приморский край), Север (арктические регионы), Урал (Свердловская область), Поволжье (Нижегородская область). При этом акцентируются такие моменты, которые лишь на первый взгляд кажутся незначительными, а на самом деле существенно препятствуют развитию города и региона.

В связи с этим интерес представляет анализ сложившихся как федеральных, так и особенно региональных и местных политико-управленческих практик. В рамках выделенных социально-демографических, социально-экономических, социально-политических и социокультурных факторов для различных типов малых городов показываются стратегии развития, их реализация со стороны различных субъектов (акторов): органов власти, бизнеса, гражданских структур, собственно местных городских сообществ.

Завершает монографическое исследование раздел, в котором малые города представлены в несколько неожиданных глобально-цивилизационных ракурсах. На основе анализа международного и зарубежного опыта, в том числе отдельных стран Западной и Восточной Европы, выдвигается концепция качества развития городов этого типа и условия её применения в различных странах, в том числе посредством стратегирования и брендинга. Раскрывается цивилизационный потенциал российских малых городов и механизм его использования по оптимизации условий жизнедеятельности и социального воспроизводства значительной части российского социума.

Данный проект объединил многих учёных и практиков из столиц и регионов как в теоретическом осмыслении важной темы, так и в проведении эмпирических исследований, заинтересованных в дальнейшей углублённой разработке больших проблем малых городов с высоким научно-практическим эффектом. Каждый участник большого авторского коллектива привнёс свои результаты в общее дело этого издания. Надеемся, что оно будет востребовано и в научном плане, и в практической деятельности органов власти всех уровней, структурах бизнеса и в активных гражданских группах самих городских сообществ.

М. К. Горшков
Академик РАН

Введение

В современном общественном знании в отношении городов, в том числе малых, сложились два общеметодологических подхода. Первоначально в изучении поселений данного типа активно использовался геопространственный подход, предметом которого является территориальный способ существования геообъектов, связанных с различными сферами жизнедеятельности людей. Геопространственный подход в исследованиях городов включает физико-географическую, геосторическую, геополитическую, геоэкономическую, георелигиозную, геокультурную, георбанистическую и др. парадигмы, эвристический потенциал которых дает возможность изучать города как целостные геопространственные сегменты социальной реальности в рамках тех или иных регионов. Таким образом производится «локализация локализации».

Геопарадигмальные основания вполне оправданы с позиций генезиса регионально-городской проблематики, которой в первую очередь занимались географы, все более дифференцируясь в зависимости от аспектов своих исследований: экономических, политических, культурологических и т.д. Вместе с тем, оставаясь в своем основном предметном поле – физическом пространстве, накладывая на него аспектные конструкты и выводя соответствующие концепты.

В начале прошлого века Г. Зиммель предложил социологическую теорию пространства (первоначально именно на примере городского пространства), ставшую альтернативой геопространственному подходу и оказавшую сильное влияние на представителей Чикагской школы (А. Смолл, Р. Парк, Э. Берджес, Дж. Мид, Г. Беккер, И. Гофман и др.). Наиболее концентрированно современная классика социологической теории пространства выражена в концепции социального пространства П. Бурдьё, представленной им уже в конце XX века (действия акторов (агентов) на различных социальных полях, позиции, диспозиции, габитус и т.д.), хотя собственно городской (социально-территориальный) контент в ней не был развернут.

В отечественной науке и градостроительной практике с 20-х годов прошлого века широко использовался зарубежный опыт, активно исследовались и «присаживались»

на российскую почву разнообразные идеи, имеющие гео- и социопространственный контекст, начиная с концепции «город-сада» и заканчивая современными «общественными пространствами».

Соединению названных подходов были посвящены две Программы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.) и «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (2012–2014 гг.), в которых ИС РАН выполнил крупномасштабные социологические проекты (М. К. Горшков, Л. М. Дробужева, Н. И. Лапин, В. В. Маркин, И. А. Халий и др.). Однако задача междисциплинарного синтеза гео-и социопространственного подходов в отношении городов, в том числе малых, пока решена лишь в первом приближении.

Геопространственный подход не покрывает в полной мере расширяющееся поле пространственно-территориальных исследований, в том числе и малых городов, а скорее лишь локализует их в каких-то отдельных содержательных аспектах (экономическом, политическом, культурном и т.д.), оставляя на внешнем контуре тенденции глобализации и виртуализации, на внутреннем – социальную субъектность современного пространства жизнедеятельности индивидов и групп.

Социопространственный подход, в отличие от геопространственного, опирается на достижения социологической науки, в которой акцент делается на субъектности социально-территориальных групп (общностей и сообществ), а не просто на некое население, дифференцируемое по каким-то признакам (демографическим, национальным и т.п.). Ставя цель сблизить разные подходы, используя преимущества каждого из них, ФНИСЦ РАН в 2019 г. открыл новую тему «Малые города в социальном пространстве России». Комплексный анализ проблематики малых городов в социально-экономическом, общественно-политическом и социокультурном контекстах был проведён на основе крупномасштабных эмпирических замеров в 16-ти типичных поселениях данного типа, отобранных по типологическим основаниям, отражающим макрорегиональный, поселенче-

ско-рассленческий, отраслевой и критериальные признаки. Были изучены соответствующие законодательные, правовые и нормативные документы, материалы статистики, проведены глубинные интервью с экспертами и фокус-группы в целевых аудиториях. Первые результаты данного проекта были представлены в монографии в 2019 г.¹

Углублённое прочтение первичных материалов, сопоставление их с новыми данными, в том числе данными других исследователей, позволили вывести рассмотрение проблематики социопространственного развития малых городов на новый уровень как в теоретико-методологическом плане, так и в обобщении практик деятельности основных субъектов: власти, бизнес-сообществ, гражданских структур, сообществ жителей.

Геосоциопространственный подход включает в себя исследования глубоких трансформаций, которые происходят в малых городах. С одной стороны, мы фиксируем усложнение всего комплекса отношений по поводу их сохранения и возможностей развития, на который оказывает существенное влияние неопределённость складывающихся в них и вокруг них социальных ситуаций. С другой – компактная локальность (некая автономность) жизнедеятельности местного сообщества, сложившаяся конфигурация социально-психологической общности жителей при непосредственной контактности их между собой, преобладание традиционного образа жизни придают относительную устойчивость городскому социуму, способствуют его самоорганизации, в том числе адаптации к внешним вызовам и угрозам.

Перед коллективом авторов стоял ряд важных задач – создать модели развития малых городов с учётом их специфики, построить их типологию и классификацию, учитывающую как общее, так и особенное, и даже единичное (многообразие единства) в положении каждого из них, и в тоже время имеющую практическую применимость. Решение

¹ Малые города в социальном пространстве России: [монография] / [А. Ю. Ардальянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 545 с. Текст электрон. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751

данных задач предполагало использование широкого спектра методологических подходов и методов сбора и обработки данных. Эти подходы и техники складывались, прежде всего, в рамках многомерных полипарадигмальных методологических оснований (концептов) междисциплинарных научных исследований, направленных на преодоление дисциплинарной односторонности и парадигмальной ограниченности научно-исследовательских практик, связанных с изучением местных сообществ. Разработанные таким образом подходы и апробированные техники представлены в первом разделе, посвящённом теоретико-методологическим основаниям изучения малых городов в социально-пространственном дискурсе.

В этом контексте особого внимания заслуживают методологические проблемы, связанные с изучением социальных и институциональных практик, ментальных программ и социального поведения в местных сообществах, солидарных групп, сочетания гражданской, этнической, конфессиональной и социально-территориальной идентичностей, ценностных установок, групп влияния и управления, стратегий развития и их реализации. Анализ этих проблем и составляет содержание последующих разделов.

Во втором разделе анализируются вопросы имеющегося и необходимого для развития малых городов человеческого и социального капитала. Признавая важность социально-экономических оснований, авторы выдвигают идею активного внедрения в жизнь малых городов институциональных драйверов социокультурного развития, эффективных практик воспроизводства молодёжной группы и обеспечения межпоколенческой трудовой (профессиональной) мобильности на основе расширения доступности высшего образования.

В третьем разделе монографии рассмотрены проблемы городов в разрезе географического и природно-климатического разнообразия России. Социопропространственная и климатическая дифференциация российских пространств такова, что каждое подобное поселение является уникальным. При этом в каждом регионе к настоящему времени сформировалась своя структура (конфигурация) малых городов, которая под влиянием текущих тенденций пережи-

вает глубокую трансформацию. Авторы, рассматривая её с общесоциетальных и макрорегиональных позиций, показывают особенности этих конфигураций, уделяя основное внимание специфике городов Центра и Поволжья, Севера и Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Исследования малых городов не могут обойти вниманием процесс принятия решений, влияние на жизнь этих поселений решений, принимаемых на разных уровнях, роль акторов, способных существенно изменять параметры социально-экономической политики, формирующей предпосылки развития или упадка каждого конкретного малого города. Авторы посчитали необходимым структурно выделить эти вопросы в специальный (четвёртый) раздел, в котором предметом изучения стал конкретный опыт стратегирования развития малых городов, формирование стратегий развития и их реализация в политико-управленческих практиках. В этом разделе в поле зрения находятся самые разные аспекты темы, включая процесс принятия решений на разных уровнях, участие жителей в местном самоуправлении, предпринимателей в городском развитии, разрешении конфликтных ситуаций в конструктивном плане. В подобном ракурсе представлен опыт малого города-наукограда (г. Дубна).

Завершающий раздел посвящён глобальному контексту изучения малых городов, сравнению состояния малых городов и политики, направленной на их развитие в разных странах. Представлен авторский анализ работ известных зарубежных учёных, западноевропейский опыта решения проблем малых городов (на примере Италии). В этом же контексте рассматривается опыт Латвии, проблемы малых городов в которой наиболее близки российским. В разделе также анализируется зарубежный опыт брендинга малых городов. Синтез глобального и национального содержится в исследовании цивилизационного потенциала малых городов России.

Монография подготовлена авторским коллективом в составе: М. К. Горшков (Предисловие), В. В. Маркин (Введение, гл. 3, Заключение), М. Ф. Черныш (Введение, гл. 2, Заключение), А. Ю. Ардальянова (гл. 11), А. В. Винокурова (гл. 11), В. В. Воронов (гл. 20), А. В. Воропаева (гл. 5),

В. К. Егоров (гл. 4), Ю. Б. Епихина (гл. 8), Е. Н. Забо-
рова (гл. 12), Ю. А. Зубок (гл. 6), А. В. Кинсбургский
(гл. 18), М. В. Клейменов (гл. 12), В. В. Козловский
(гл. 22), Л. Ю. Коростелева (гл. 9), П. И. Куконков (гл. 13),
В. Ю. Леденева (гл. 17), Э. Ю. Майкова (гл. 14), М. Л. Ма-
лышев (гл. 3), Марко Ричери (Marco RICCERI) (гл. 19),
Е. М. Марков (гл. 1), Н. М. Морозова (гл. 13), В. В. Паци-
орковский (гл. 10), В. М. Пешкова (гл. 15), Ренато Фон-
тана (Renato FONTANA) (гл. 19), А. В. Роговая (гл. 7),
О. П. Ружа (гл. 20), А. Н. Силин (гл. 16), Е. В. Симонова
(гл. 14), А. С. Труба (гл. 21), С. В. Устинкин (гл. 13),
А. Н. Чумиков (гл. 21), В. И. Чупров (гл. 6), В. А. Юдаш-
кин (гл. 16).

Раздел I

Теоретико-методологические
проблемы исследования
малых городов
в социально-пространственном
дискурсе

Глава 1

Малые города в социально-пространственном развитии России: проблемы сохранения и развития

В настоящее время в российском обществе и в научных кругах малый город превратился в предмет столкновения взглядов разных сторон: сохранить Россию в её нынешнем пространственном измерении или превратить в «компактное государство», «предав анафеме» её малые города. Чётко обозначились два полярных подхода в отношении роли и места малого города в социально-пространственном развитии России. Один из них состоит в утверждении безусловной значимости малого города как необходимого звена социально-пространственной структуры государства. Другой провозглашает малые и даже средние (с населением до 100 тыс. жителей) города «экономически неэффективными», утрачивающими какую бы то ни было ценность для государства. Сторонники этого подхода призывают к концентрации практически всех доступных ресурсов развития в больших городах – столичных и областных центрах. Подобный подход к оценке роли и значения малых городов, продиктованный рыночной идеологией, исключительно с позиций «рынка», их рыночной конкурентоспособности не выдерживает критики. Акцентируя внимание на экономической стороне вопроса, сторонники такого подхода игнорируют значимость множества других, прежде всего социальных факторов в развитии структуры расселения и населённых мест. Социальная интерпретация малого города представляет собой научную платформу, на базе которой могут быть выявлены роль и сформулированы основополагающие тенденции и задачи общественного развития, принципы построения таких сложных социально-экономических и материально-технических звеньев российского общества, как малые города.

Факторы социально-пространственной организации малого города

Среди имманентных факторов социальной организации малого города обращает на себя внимание *сравнительно небольшой масштаб города* как некая существенная черта

его социальной организации. Масштаб малого города следует учитывать как важную характеристику «пространства активности» его населения. Пространство активности, его масштаб становится одним из главных показателей степени социального развития как отдельного индивида, так и определённого социума. Если масштаб большого города делает его структуру и в экономическом, и в социальном отношении многофункциональной, в материально-пространственном отношении – многообразной и разноплановой, то небольшой масштаб малого города стремится ограничить возможности его многофункционального развития, делая его среду специализированной. Значительной части малых городов не удаётся преодолеть монофункциональный характер своей структуры. Поэтому другим значимым фактором социально-пространственной организации малого города становится *многообразие функциональных типов малых городов*: аграрных и аграрно-промышленных центров, промышленных городов на базе различных отраслей добывающей и перерабатывающей промышленности, специализированных научных и научно-промышленных городов, историко-туристических городов, городов-курортов, городов-транспортных центров, городов, выполняющих оборонные функции и др. Каждый из них – со своими значительными особенностями социальной и материально-пространственной среды жизнедеятельности.

В условиях относительно автономного существования современного малого города его возможности социального развития из-за ограниченности его функциональной структуры сравнительно малы. Однако небольшой масштаб среды жизнедеятельности оказывает на развитие малого города не только негативное, но и позитивное влияние. Так, можно увидеть, что человек как личность в малом социуме более заметен, его субъектность существенно более выражена, чем в среде большого города. Это качество социума малого городского поселения можно считать его важным социальным преимуществом. Не менее значимы и такие позитивные факторы социальной организации малого города, такие имманентно присущие ему специфические характеристики материально-пространственной среды, как пешеходная доступность практически всех социаль-

ных и производственных объектов в пределах суточного цикла жизнедеятельности, а также физическая близость природной среды, делающая общение человека с природным окружением повседневным. Социальное пространство малого города характеризуется повышенной и более многосторонней, в сравнении с большим городом, степенью *взаимосвязанности производственно-экономической и социально-бытовой сфер*. В этом отношении интерес может представлять феномен «города-завода» в СССР как целостного производственно-бытового и производственно-культурного пространства. Задача выявления всего спектра естественных достоинств малого города остаётся сегодня весьма актуальной.

Малый город как особая категория населённых мест

Сложность и многоаспектность задач развития малых городов в сети населённых пунктов различной величины требует не только комплексного, системного подхода к их решению, но также необходимой и достаточной дифференциации населённых пунктов. В действующей постсоветской системе управления территорией такая дифференциация ещё не сложилась. Большинство документов, принимаемых федеральными органами по вопросам развития городов, показывают, что их авторы исходят из общего, якобы усреднённого представления о городе, подразумевая город «вообще», но фактически отталкиваясь от его урбанистического видения, т. е. от модели большого города. Практически же «город вообще» уже давно разделился на «большой» и «малый», и между ними определились существенные различия. Игнорирование их при принятии управленческих решений позволяет как бы не замечать особенности малого города, что наносит таким городам огромный ущерб, как это видно на примере реализации федерального закона о местном самоуправлении. Необходимость дифференциации городов давно получила признание в научной сфере и отражение в программных материалах ещё советского периода, где директивно выдвигалась практическая задача ограничения роста больших и развития малых городов. Малые города были обозначены и в «Стратегии пространственного разви-

тия Российской Федерации на период до 2025 г.»¹. Поэтому необходимо с целью отражения особенных характеристик малого города использовать классификацию, рассматривающую малые города как одну из трёх основных категорий населённых пунктов, формирующую каркас территориальной структуры каждого из субъектов Федерации и выделяемую не только по критерию величины, но также и по их рангу в структуре управления территорией: *малые, средние города и посёлки городского типа*. Роль и значение такой классификации выявляется в сопоставлении с двумя другими категориями поселений – *больших городов* с функциями столичных и региональных социально-культурных центров субъектов Федерации, а также *сельских населённых пунктов* – сёл и деревень (вместо этих терминов с некоторых пор стало применяться расплывчатое понятие «сельские территории»). Последние формируют низовую сеть самых малых, преимущественно аграрных, важных по своим производственно-экономическим, социальным, культурно-историческим характеристикам населённых пунктов. Для принятия выверенных управленческих решений на федеральном уровне в различных сферах деятельности (образования, здравоохранения, формирования жилой среды, построения системы налогообложения и т.д.) данная дифференциация создаёт простую, но необходимую методологическую основу для выделения малого города в качестве особого социально-экономического звена социального пространства страны – структуры расселения Российской Федерации. В этом отношении малый город требует специального научного внимания и как субъект саморазвития определённого социума, и как объект управления со стороны общества и государства.

Сравнительный анализ трёх обозначенных категорий населённых мест в их взаимодействии позволяет обратить внимание и на такой фактор социально-пространственной организации малых городов, как *промежуточное положение* категории небольших городских населённых мест между

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 13 февраля 2019 г. № 207-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOX122JJAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).

двумя другими: категорией больших городов и категорией сельских населённых пунктов, которые также оказывают влияние на целый ряд характеристик малых городов, определяют их преимущества и недостатки. Это промежуточное положение между категориями сельских (в основном аграрных) поселений и больших промышленных городов предопределяет *двойственность природы* (как экономической, так и социальной) *малых городов*. Естественная связь небольших городов с промышленностью, с городскими видами деятельности делает их своеобразным «союзником» большого города, активной стороной индустриального развития и процесса урбанизации. Вместе с тем многосторонние связи с окружающими сельскими территориями, функции обеспечения специфически сельскохозяйственных и сельских видов деятельности делают их одновременно и пассивной стороной процесса урбанизации. Прежде всего – поставщиком для него людских ресурсов с одновременно нарастающим из-за объективной необходимости сопротивлением их деградации, сопротивлением экспансии большого города. Малые города становятся всё более определённым союзником деревни. Этот союз как интеграция небольшого города и деревни способен создать непреодолимое препятствие для дальнейшего расширения процессов урбанизации и основу их взаимного социально-культурного обогащения.

Среда жизнедеятельности малого города

Сравнение трёх обозначенных категорий населённых мест выявляет свойственные каждой из них свои особые отличительные характеристики – плотность населения, специфическая модель социального поведения, тип жилища и жилой среды в целом, требующие учёта в процессе управления их развитием:

- в *большом городе* – это высокоплотная застройка с многоэтажными многоквартирными жилыми домами в *высокоурбанизированной среде* с высокой, во многом – вынужденной социально-психологической плотностью контактов их населения при фактически полном отсутствии связи жилья с живой природой;

- в *селе* – это низкоплотная жилая застройка индивидуальными жилыми домами с придомовым участком территории, формирующая *неурбанизированную среду* с естественной (непринуждённой) социально-психологической плотностью контактов населения и полной погружённостью жилища в своё природное окружение;
- в *малом городе* – это, с одной стороны, реальная возможность обеспечить многие элементы городского образа жизни и, с другой стороны, возможность исключить давление урбанизированной среды большого города жить в *слабоурбанизированной среде* двух- трёхэтажной жилой застройки с приквартирным (придомовым) участком, с естественной социально-психологической плотностью контактов их населения, и иметь тесный контакт жилища с естественным природным окружением.

В современной социально-пространственной структуре РФ формируется три типа социально-пространственной организации местных сообществ населённых мест различной величины:

1. Индустриально-урбанистический тип социума, высокоурбанизированный образ жизни его жителей (большие города).
2. Индустриально-аграрный тип социума, слабоурбанизированный образ жизни его жителей (малые и средние города, посёлки городского типа).
3. Аграрный тип социума, неурбанизированный, сельский образ жизни его жителей (сельские населённые пункты).

Оценка указанных трёх типов среды с позиций целого ряда стоящих перед нашей страной проблем и поставленных президентом России в национальных проектах последних лет задач, прежде всего демографических, выдвигает на первый план малый город, ориентирует на использование всех преимуществ его среды. Сравнивая плюсы и минусы каждой из указанных выше категорий населённых мест, следует обратить внимание на возрастающую востребованность среды малого города как её важное преимущество и для решения задач народосбережения. Высокая рожда-

емость (выше среднероссийской) отличает национальные республики, в которых нет (за исключением Башкортостана и Татарстана) «городов-миллионников» и где население повсеместно (не считая центров городов) совершенно справедливо предпочитает малоэтажную застройку с придомовыми участками. Это – самые благоприятные для многодетных семей условия. В большинстве других субъектов Российской Федерации, преимущественно с русским населением, значительно больше многоэтажных многоквартирных зданий. С демографической точки зрения это значит, что ожидать там высокого уровня рождаемости маловероятно. Невозможно обзавестись большой многодетной семьёй в высокоплотной застройке на двадцатом и даже на пятом этаже многоэтажного дома в большом городе. Если общество считает актуальной задачу повышения рождаемости, то надо развивать малоэтажное жилищное строительство в небольших городах. Российский малый город с его застройкой отдельно стоящими зданиями, с существенно более широкими уличными и другими открытыми пространствами, с его подчёркнуто слабоурбанизированным видом представляет характерный для России, с её обширными пространствами, тип среды жизнедеятельности, гораздо более гуманистичный и привлекательный, чем западноевропейский, с непрерывными рядами сплошь двух- трёхэтажных фасадов.

Пути развития малых городов, как и социально-пространственной структуры расселения в целом, определяются характером социально-экономической структуры общества и господствующей идеологией общественного развития. При сохранении рыночной (капиталистической) общественно-экономической системы урбанистический вектор будет преобладать и закономерно вести к ликвидации других типов социума – агроиндустриального и аграрного. Для России с её весьма низкой плотностью населения этот урбанистический вектор весьма опасен. Он очень быстро (по историческим меркам) ведёт к исчезновению сети не только сёл, но и малых городов.

Проблема эффективности малого города как особой формы расселения

Рассматривая малые города с точки зрения их якобы «неэффективности», следует признать, что их нынешнее состояние даёт основание для подобной оценки. В экономике и в социальной сфере малых городов в настоящее время продолжает оставаться сложная, порой кризисная ситуация. Она во многом порождена теми действиями, которые реализовывала федеральная власть на протяжении всего пореформенного периода, обрушив непродуманным реформированием их градообразующую экономическую базу, лишив их основных фондов, сломав централизованную государственную систему управления, в рамках которой они действовали эффективно. В сельских районах и малых городах-райцентрах целенаправленно и последовательно свёртывалась вся дисперсная, мелкоэлементная сеть их структурных социальных, производственно-экономических и градостроительных объектов: закрывались филиалы банков и отделения финансовых учреждений, налоговых служб, ликвидировались малокомплектные школы, сокращалась / «оптимизировалась» сеть учреждений здравоохранения – учреждений, которые органически там необходимы и всегда делали жизнеспособным всё социально-экономическое пространство малых городов и российской провинции в целом. Действовавшая в 1990-е годы федеральная власть ввергла в кризис практически всё: и сельские, и городские небольшие населённые пункты не из-за какой-то их изначальной неэффективности, а волонтаристскими, ничем не обоснованными решениями «реформаторов», заявивших после их «системной оптимизации», что малые города экономически неэффективны.

Однако реальная значимость этой категории населённых мест подтверждается тем, что она, несмотря на нанесённый ей ущерб, остаётся важной частью социально-экономического потенциала страны. В настоящее время малые города во многих регионах России сохраняют своё геополитическое значение. Им нет альтернативы не только в Заполярье, но и на Дальнем Востоке, и на всех приграничных территориях. Они обеспечивают своеобразный «контроль»

территории окружающих сельских районов. *Именно малые города продолжают выполнять социально-культурные, социально-политические, оборонные функции в территориальной структуре российского государства.*

Важно и экономическое значение малых городов. С ними связаны различные отрасли добывающей промышленности, ответственна роль малых городов для предприятий оборонной промышленности. Массовым типом всегда были и остаются городские центры сельскохозяйственных районов, но в перспективе будет расти число малых городов научного и научно-производственного профиля. Большое будущее у малых городов, специализирующихся на лечении и отдыхе, развивающихся на базе природных и бальнеологических ресурсов. Растёт потребность в поддержке и развитии малых городов, располагающих огромными историко-культурными возможностями развития отечественного туризма. Сохраняет своё значение множество монопрофильных малых городов, сложившихся на основе предприятий разных отраслей промышленности. Опыт создания и функционирования таких городов показывает, что вопросы их эффективности никогда прежде не рассматривались исключительно с позиций узкоотраслевой экономической или местнической экономической эффективности, а только на основе комплексного многофакторного подхода, позволяющего успешно балансировать затраты и эффекты по комплексу факторов городского развития.

Малые города жизненно необходимы не только всему нашему обществу, но и десяткам миллионов их жителей, для которых это малая родина, их сформировавшая и взрастившая. Удивительно, но позиция огромной части российского народа продолжает оставаться без внимания «власти предержащей». Проведённые реформы фактически лишили жителей малого города возможности развиваться не только в качестве органичного звена единой народно-хозяйственной системы, как это было в прежней социально-экономической формации, но и на собственной основе. До начала процесса урбанизации малые города функционировали как самодостаточные социально-экономические образования. Пригородные земли, акватории, лесные и минеральные ресурсы ближнего окружения активно использовались мест-

ным населением в интересах своего развития. Сегодня они лишены этих возможностей из-за приватизации, отчуждения местных ресурсов развития и их хищнической эксплуатации внешними собственниками, интересы которых никак не связаны с интересами местного населения. Интересы собственников, сохранившиеся в малых городах градообразующих предприятий, также оказались в новом историческом периоде оторванными от интересов городского социума. Всё это и предопределило нынешнее состояние малых городов, выход из которого требует предоставления им доступа к местным и, прежде всего, природным ресурсам развития. Колоссальные природные ресурсы России необходимо соединить с громадным созидательным общественным потенциалом малых городов, общая численность населения которых вместе с другими небольшими поселениями – средними городами и посёлками городского типа – составляет четверть населения страны. Что же касается такого социально-психологического ресурса развития, как настроение жителей малых городов, то дееспособные местные сообщества ценят и по мере сил укрепляют свою малую родину, демонстрируя удивительную жизнестойкость. Очень многое делают сами, без поддержки государства. Несмотря на суровый приговор реформаторов, малые города продолжают жить несмотря на то, что во многих городах ситуация продолжает оставаться тяжёлой: не хватает специалистов, значительная часть молодёжи уезжает безвозвратно, а для многих вынужденным спасением является маятниковая трудовая миграция.

Малый город остаётся также востребованным и со стороны «большого города», и со стороны «деревни» как промежуточная между ними форма расселения. Для большого города важны рекреационные, туристические, бальнеологические ресурсы малого города, его функция второго жилища, его возможности по размещению подразделений своих головных предприятий, а также возможности рационального взаимовыгодного использования трудовых и социально-культурных маятниковых миграций. Для села актуальным остаётся весь спектр его функций производственного и социально-культурного обеспечения аграрного производства и жителей сельской местности. В этом отношении особую значимость в решении проблемы малых городов приобре-

тает вопрос совершенствования и активизации взаимоотношений населённых мест различных типов и величин, определения принципов дальнейшего развития их сети.

Проблемы, тенденции и принципы формирования малого города в социальном пространстве России

Социальные характеристики населения, социальное поведение, интенсивность общественных отношений, их содержательная структура тесно связаны с особенностями населённых мест различного типа и величины и их сети. Процессы, происходящие в этой сети на всех этапах её развития, оказывают важнейшее и всё возрастающее воздействие на судьбу малых городов, роль и значение которых продолжают определяться уровнем развития производительных сил и зависящей от них структурой расселения. Урбанизация предопределила нарастающий разрыв в уровне и возможностях социально-экономического развития населения бурно растущих промышленных городов и остальных, стагнирующих и остающихся малыми.

Малый город в процессе урбанизации. Характерным проявлением урбанизации стала поляризация в условиях, качестве и образе жизни населения в больших и малых городах и сёлах, нашедшая отражение в типах среды и облика населённых мест. Она привела к драматическому разделению всего «поля расселения» страны на развивающиеся центры и отсталую периферию, представленную малыми городами и сельскими поселениями. Процесс урбанизации, сосредоточив основные производительные силы в больших, крупных и крупнейших городах, «отказал» малым городским и сельским населённым пунктам в развитии. Именно урбанизация породила само понятие «малый город» как особую социально-экономическую единицу расселения. В российской истории есть положительный пример полицентрического пространственного развития страны, где в 70-х гг. прошлого века была реализована такая форма индустриализации, которая, не вызывая чрезмерного роста численности населения больших городов, стимулировала развитие малых.

Их число на фоне устойчивого роста общей численности населения стало прирастать каждые 10 лет примерно на

300 городов и посёлков. СССР стал медленно, но уверенно уходить от урбанизированных форм жизнедеятельности. В массовом порядке начались разработка генеральных планов малых городов и более равномерное (полицентрическое) размещение новых производств, а этажность основного типа жилищного строительства, формирующего городскую среду, была ограничена пятью этажами. На системной основе получила развитие иерархически организованная, обеспечивающая более равномерное развитие, сеть социальных учреждений – объектов социально-бытового и социально-культурного назначения, охватившая в равной степени населённые пункты всех типов и величин. Государственная политика была ориентирована на поддержку малых городов как в их определившихся, так и совершенно новых функциях, вызванных к жизни научно-техническим прогрессом – были созданы малые города при атомных электростанциях, города научного и научно-промышленного профиля.

Проект управляемого сжатия. Произошедшая в 1991 г. смена всей парадигмы общественного устройства, резко изменив траекторию пространственного развития страны, одномоментно прервала процесс развития малых городов. Отказ от поддержания управляющими воздействиями государства какого бы то ни было баланса больших и малых форм расселения и воцарившаяся стихия «рынка» привели к фактически полному разрушению градообразующей базы малых городов и резкому сокращению числа посёлков городского типа, к ликвидации почти всей обширной сети сельских населённых мест. С середины 90-х гг. наши «реформаторы», взяв на вооружение порождённую «рынком» идеологию урбанизации, стали проводить в жизнь идею «управляемого сжатия» ареала расселения в России с взрывным ростом небольшого числа крупнейших городов и нарастающей в них гиперконцентрацией населения. Суть этой идеи изложил председатель совета Центра стратегических разработок (ЦСР), ныне председатель Счётной палаты России А. Л. Кудрин. По его мнению, в каждом из больших «городов-миллионников» следует создать хорошие условия для жизни (словно это не актуально для других городов и сёл России – *прим. авт.*), повысить межрегиональную и межгородскую мобильность (т. е. сильнее простимулиро-

вать и без того большой отток населения из малых городов и сёл – *прим. авт.*). Для этого развернуть для «миллионников» отдельную государственную программу с конкурсами и грантами, которая должна войти в число шести важнейших структурных реформ страны. Глава ЦСР считал правильным, что «в результате этих реформ в крупные центры перетекут трудовые и финансовые ресурсы, а малые города будут деградировать. В первую очередь – моногорода, где и сейчас вложения не соответствуют отдаче»¹. Проводимый курс обрекает деревню и подавляющее большинство малых городов, и прежде всего, монофункциональных городов и городов-районных центров прилегающих сельскохозяйственных территорий на вымирание, а территорию российских регионов – на опустынивание. Предлагаемый подход вступает в очевидное противоречие с указаниями президента Российской Федерации В. В. Путина о необходимости развития всего пространства России, выравнивания уровней развития российских регионов, о социально-культурном развитии малых городов и сельских территорий, о приоритетном развитии дальневосточных регионов, об ускорении развития аграрного сектора отечественной экономики, то есть решения тех задач, над которыми работают сегодня многие субъекты Федерации. Тем не менее прежним правительством РФ вместо плана развития был утверждён план сокращения освоенного пространства России. Суть его хорошо осветил Леонид Бершидский, аналитик Bloomberg, указав, что цель этого плана – перенаправлять потоки населения и экономическую деятельность в определённые регионы, связать которые предполагается новыми транспортными магистралями². При этом территории, которые не смогут завоевать себе места под солнцем, неизбежно превратятся в социальное бремя, а остальные обширные территории, судя по всему, останутся по итогам воплощения такого плана в жизнь не у дел. Не снизит

¹ На что спорим? Поможет сильным городам–слабые сами вымрут. URL: <https://www.sutynnews.ru/index.php?mode=articles&id=7348> (дата обращения: 29.04.2020).

² Bloomberg: правительство превращает необъятную Россию в глушь. URL: <https://finobzor.ru/75983-bloomberg-pravitelstvo-prevrashaet-neobyatnuyu-rossiyu-v-glush.html> (дата обращения: 29.04.2020).

остроту ситуации и внесённое в план правительства положение о включении в число развиваемых больших городов их ближайших пригородов – агломераций. Их намечаемый рост также повлечёт, как указывал известный эконом-географ С. Я. Ковалёв, дальнейшую территориальную концентрацию промышленного производства и трудовых ресурсов с ускоренной ликвидацией малых городских и сельских населённых мест за пределами этих агломераций, с массовой миграцией из периферийных зон страны миллионов граждан России, которых в этих новых центрах гиперурбанизации никто не ждёт, не имеет средств и не готов принять.

Малые города на переходном этапе. В настоящее время, в условиях сложной социально-демографической ситуации, дефицита трудовых, финансовых и других национальных ресурсов малые города продолжают серьёзно отставать от больших городов по уровню жизни и доходам населения. Периферийное положение малого города в условиях урбанизированного социопространственного развития снижает у значительной части его населения уровень его самооценки. Своеобразной чертой поведения жителей малого города было стремление походить на большой город во многих его проявлениях. Такое стремление сдерживает население от поиска и развития органических достоинств малого социума и его среды жизнедеятельности, подавляет естественное стремление жителей малого города к самобытности. В нашей стране урбанизация сыграла свою положительную роль в предшествующий период её развития, довершив начавшиеся в прежней России процессы формирования промышленных больших и малых городов, посёлков. Однако попытки интерпретировать современные процессы в развитии расселения исключительно как проявление всё того же процесса урбанизации, учитывая вышеизложенное, не имеют необходимых обоснований. Всё очевиднее становится неправомочность её возведения и в универсальный феномен. *Мир переходит от этапа урбанизации к новому этапу в развитии человечества – этапу интеграции больших и малых городов, посёлков и сёл, к их совместному, гармоничному и сбалансированному социально-экономическому и социально-культурному созреванию.* Эти факторы ведут к нарастанию процессов дезурбанизации, к повышению

в них роли малых городов. Появляются первые признаки встречного потока миграции – переселения из большого города в малые и даже в деревню как предвестника грядущих дезурбанистических процессов; быстро растут социальные запросы населения малых городов; активизируется процесс формирования особого, аграрно-промышленного слабоурбанизированного образа жизни и соответствующей среды жизнедеятельности; лучше осознаются в обществе некоторые непреходящие ценности сельского образа жизни в малом социуме; растёт историко-культурное самосознание народа, вновь открывающего в малом городе и деревне истоки своей духовной культуры. В этих условиях должна получить развитие принципиально иная концепция последовательного развития и всемерного сохранения всей сети населённых мест с постепенным расширением освоенного пространства страны, сбалансированного взаимосвязанного развития всех типов поселений и форм среды жизнедеятельности. Можно утверждать, что в развитие новых форм среды жизнедеятельности малый город вносил, вносит и будет вносить свой положительный вклад.

Сегодня, по прошествии почти 30 лет рыночного развития, общество вновь начинает осознавать неприемлемость курса на сверхконцентрацию населения и гиперурбанизацию всего социального пространства России и среды жизнедеятельности в целом. Возникает потребность противопоставить этому курсу иной, адекватный интересам большинства граждан, курс социально-пространственного общественного развития России. В интересах пространственного развития РФ приоритетными должны стать инвестиции в создание современных скоростных межселенных транспортных и информационных коммуникаций в масштабе субъектов Федерации и низовых административных районов. На новом этапе становится возможным принять в качестве генерального направления развития территориальной социально-пространственной структуры России вариант сохранения и преемственного развития всей сложившейся сети населённых мест.

От урбанизации к интеграции. Основным содержанием происходящих изменений в территориальной социально-пространственной структуре России становится смена

процесса урбанизации процессом интеграции. Это обязывает искать адекватные и новые формы социальной организации всей сферы жизнедеятельности как в малых, так и в больших социально-пространственных формах расселения. Вместо относительно автономных, территориально сосредоточенных форм расселения (городов и сёл) начинают развиваться их рассредоточено интегрированные формы. Противопоставление большого и малого городов частично уже снимается всеми новейшими тенденциями современного научно-технического развития: роботизацией производства, появлением безлюдных технологий, цифровизацией различных сфер жизнедеятельности и другими факторами, снижающими необходимость концентрации рабочих мест, резким усилением эффективности транспортных систем, новыми информационными технологиями, повышением их влияния на поведение людей, структуру расселения и все стороны нашей жизни в целом. Эти тенденции указывают на постепенный переход нашего общества от этапа урбанизации к этапу интеграции населённых мест, к их тесному взаимодействию в новой пространственной форме. Прорывные достижения XXI века могут позволить существенно расширить пространство суточной активности жителей малых городов, сделать «пригородными», т. е. функционирующим в режиме суточного цикла жизнедеятельности не только пригородные, но и все городские населённые пункты субъектов Федерации, для начала – в регионах с относительно высокой (по российским меркам) плотностью населённых мест.

Достигнутый уже в настоящее время уровень инфраструктурной взаимосвязанности населённых мест, связанности и оперативного взаимодействия как производственных, так и социальных возможностей предопределяет переход к более высокому уровню системной целостности в социально-пространственной организации нашего государства в масштабе не только субъектов Федерации, но и всей страны.

Становление процесса интеграции. В структуре расселения страны всё шире разворачивается принципиально новый процесс интеграции, состоящий в постепенном и неуклонном усилении как функциональной, так и соци-

ально-пространственной целостности всей сети населённых мест страны и протекающей одновременно на всех уровнях её организационной структуры. Одним из определяющих его аспектов будет последовательное сближение двух основных исторически сложившихся форм расселения – города и деревни, а также и крупнейших городов, с одной стороны, и малых – с другой. В интерпретации такого сближения недопустимы какие бы то ни было упрощённые трактовки вроде сведения развития к какой-либо одной из этих форм или к поселениям некоей оптимальной величины. Можно ожидать, что процесс интеграции будет достаточно длительным и займёт не одно десятилетие. Темпы его будут определяться темпами развития общества в целом. Как известно, процессы развития сети населённых мест чрезвычайно инерционны. В то же время тренды в развитии материального производства, транспортной и информационной инфраструктуры указывают на объективно обусловленные направления пространственного развития страны. В сфере экономики перестают действовать промышленно-производственные факторы концентрации рабочей силы и населения в целом. Новейшие прорывные транспортные и информационные системы открывают возможность рассредоточенных систем общественного производства и общественного развития. Информационные технологии создают невиданные возможности дистанционного взаимодействия в социально-трудовой и социально-культурной сферах жизнедеятельности общества. В масштабе муниципального сообщества отчётливо сформировался переход от централизованных инженерно-технических систем жизнеобеспечения к многообразным локальным системам, в том числе – на основе местных ресурсов. В аграрном секторе экономики всё активнее заявляют о себе, наряду с крупными специализированными объединениями, мелкие, привязанные к местным ресурсам, производства экологической товарной продукции. Кроме того, опросы населения показывают, что подавляющее большинство граждан нашей страны хотели бы, при прочих равных условиях, вернуться к земле, в свой дом в естественном природном окружении.

В рамках модели относительно автономного развития населённых мест различных типов и величин проблема

формирования оптимальных социально-пространственных форм среды жизнедеятельности принципиально неразрешима. Только объединение населённых мест в целостной интегрированной территориально рассредоточенной структуре превращает величину поселения и его объёмно-пространственную форму из абсолютных их характеристик в частные – они начинают определять в этом случае уже не всю единицу расселения (прежний город или прежнюю деревню), а лишь её структурно-планировочный фрагмент. В процессе такого развития на современном этапе снижается степень привязанности человека к одному только своему населённому пункту. Для жителей малого города расширение пространства их активности в процессе интеграции приобретает важное значение, особенно в аспекте суточного цикла жизнедеятельности. Пространством повседневной активности человека, выходящим за рамки «своего» города, становится районная (а в дальнейшем – даже областная, региональная) система расселения, в пределах которой её житель, например, спать сможет дома в деревне, обедать – в малом городе – райцентре, а выступать с лекцией – в большом городе – областном центре. И всё это – в режиме суточного цикла жизнедеятельности. Сегодня выявляются объективные предпосылки перехода к таким структурам. В их числе следует назвать снижение зависимости расселения от размещения производства; весьма существенное возрастание роли социальных факторов в экономическом и социальном развитии общества; расширение реальных возможностей эффективного управления развитием расселения и населённых мест на основе более глубокого понимания социально-экономических закономерностей их развития; создание необходимых экономических, социальных и инженерно-технических предпосылок развития межселенных социально-культурных, трудовых, производственных и других связей. Неуклонное повышение функциональной, в том числе социальной, а также и структурно-планировочной целостности сети населённых мест в пределах определившихся зон влияния их центров представляет собой определённую закономерность формирования интегрированной структуры расселения. Выявляется вполне определённая связь процесса интеграции

с границами административно-территориальных единиц, создающими более или менее чёткие территориальные рамки и направляющими процесс структурного формирования каждой такой единицы. Фактически он протекает в пределах зон комплексного экономического и социального влияния городов-центров административно-территориальных единиц разного ранга: административных районов, краёв и областей. В их пределах нарастающая целостность среды жизнедеятельности обуславливается единством административного управления всей совокупностью населённых мест, а также других объектов и функциональных систем на данной территории, необходимостью согласованного, в функциональном и планировочном отношении, решения задач всестороннего функционирования территории и контроля за целостностью социально-культурного комплекса и поддержанием экологического равновесия в её пределах.

Развитие структуры территории характеризуется тем, что процесс интеграции протекает одновременно на всех сложившихся иерархических уровнях административно-территориального деления страны. Роль и значение малого города на каждом из уровней процесса интеграции существенно меняется вследствие того, что он приобретает особые черты, обусловленные различиями в масштабах территории, величине их центров, интенсивностью и характером связей между поселениями и другими моментами.

Малые города в системах расселения. Концепция территориальных систем расселения была положена в основу разработанной ещё в 70-х годах прошлого века «Генеральной схемы расселения РСФСР» с целью сбалансированного социально-пространственного развития страны¹. В самом общем виде система расселения понимается как организованное на системной основе и обладающее целостной структурой некоторое множество взаимосвязанно функционирующих поселений в определённых границах, обусловленных пределами зон комплексного социально-экономического влияния их центров различного ранга.

¹ См.: Градостроительные основы развития малых населённых мест: Сел. расселение и города-центры Нечернозем. зоны РСФСР / Е. М. Марков, В. П. Бугузова, В. А. Таратынов, В. В. Мусатов. М.: Стройиздат, 1989. 416 с.

В процессе интеграции населённых мест возникает широкий спектр социальных инициатив и контактов, прежде ограниченный пределами городской или сельской территории, расширение ареала межличностного, межпрофессионального общения – всё это создаёт необходимую базу для творческого роста личности и, в частности, окончательно стирает всё ещё существенные противоречия между большим индустриальным городом, малым аграрно-промышленным городом и деревней. Исходя из этих тенденций, главное внимание уже сейчас следует уделить построению межселенных социальных и производственных структур – систем учреждений культуры, здравоохранения, образования, рекреации, инженерной инфраструктуры – в масштабе как районов, так и областей, не ограничиваясь пределами только отдельных населённых пунктов. В интегрированных социально-пространственных структурах и районных, и региональных систем расселения прежде внешнее для каждого из населённых пунктов природное окружение станет органической частью новой, существенно более богатой и многообразной среды жизнедеятельности. Эти формируемые районные и областные системы расселения надо воспринимать не просто как обычное множество самостоятельных населённых пунктов, хотя бы и связанных между собой сетью транспортных и различных инженерных, энергетических и информационных коммуникаций, а как целостное пространственно высокоинтегрированное социальное образование принципиально нового типа, связанное общностью повседневной жизни населения. Именно эти образования во всём их большом типологическом разнообразии, но однородные по сути своей, и будут представлять новый образ России. Такой путь пространственного развития позволит сделать все регионы высокоразвитыми и равнодоступными, превратить всю территорию Российской Федерации, её малые города (а не только города-гиганты и островки агломераций) в пространство равного доступа к производству и получению благ.

В границах территориальных систем расселения должны обеспечиваться благоприятные условия для интенсификации производства и повышения эффективности капитальных вложений; рациональное использование трудовых

и природных ресурсов, продуманная организация трудовых и культурно-бытовых поездок населения в пределах приемлемых затрат времени на межселенные передвижения, эффективная охрана естественной природы и, вместе с тем, организация отдыха населения, а самое главное – относительно равнокачественные условия проживания и социального развития населения во всех населённых пунктах, включённых в систему. В системах расселения для малых городов возникает реальная возможность интегрировать достижения и использовать преимущества как городской, так и сельской среды, городского и сельского образа жизни. Включение малого города в процесс взаимосвязанного развития всех социопространственных форм расселения создаёт целый ряд новых возможностей в развитии и функционировании малых городов, способствующих укреплению их экономики и улучшению условий жизнедеятельности населения; условий для широкого производственного и хозяйственного кооперирования его предприятий с предприятиями, расположенными в крупном городе и других населённых пунктах системы; возможность создавать в малых городах-райцентрах широкий диапазон учреждений социально-культурного и рекреационного профиля для населения, рассчитанных на функционирование системы в целом; возможность обеспечить полную занятость трудовых резервов малых населённых мест и предложить их населению больший выбор профессий и мест приложения труда благодаря рациональной организации их размещения в системе расселения и развитым внутрисистемным маятниковым передвижениям населения, условия для формирования более благоприятной половозрастной структуры населения, чем та, которая характерна для большинства малых городов, и тем самым резко повысить жизнеспособность малых форм расселения.

В пределах формирующихся систем расселения различного ранга (краёв, республик в составе РФ), складываются три пояса расселения, существенно различающихся по условиям развития и функционирования, в том числе и социальной сферы малых городов. Малые города в пределах первого пояса расселения развиваются в составе формирующегося структурного ядра системы – складываются воз-

возможности взаимодействия малого города, его учреждений, с большим городом – центром в режиме суточного цикла жизнедеятельности их населения. В третьем, наиболее удалённом от центра поясе расселения повышается роль и значение малых городов, их основных социально-культурных объектов как местных социально-культурных и экономических центров. Малые города во втором поясе расселения сохраняют своё значение местных центров, варьируя степень связности с центром всей региональной системы в зависимости от его конкретной транспортной доступности.

Безуспешность попыток обеспечения равных по всем параметрам условий жизнедеятельности во всех точках территориальной системы преодолевается на пути обеспечения относительно равновесных по привлекательности комплексов благоприятных условий жизнедеятельности *на компенсационной основе*. Её сущность состоит в том, что объективно обусловленное недостаточное удовлетворение тех или иных требований и условий современного уровня комфорта проживания человека в одной точке системы может и должно компенсироваться обеспечением необходимой степени удовлетворения ряда других существенных требований, созданием баланса достоинств и недостатков проживания в той или иной точке системы. Применение такого принципа расширяет возможности сохранения сложившейся сети малых городов и более равномерного расселения жителей как в масштабе систем расселения, так и страны в целом.

Основные направления развития малых городов. Основными направлениями работы над стратегией пространственного развития малых городов должны стать сохранение и развитие сети средних и малых городов, посёлков городского типа; оставшейся сети сельских населённых пунктов; предотвращение дальнейшего роста численности населения больших городов (столичных и региональных центров); обеспечение всестороннего развития и качественного совершенствования всех социальных подсистем городской инфраструктуры больших и малых городов; форсированное развитие всех видов межселенных внутриобластных транспортных систем воздушного, автомобильного, речного, в том числе – вездеходного транспорта в масштабе субъектов Федерации и низовых административных единиц

(муниципальных районов и округов); планомерное преобразование сети городских и сельских населённых пунктов в масштабе краёв, областей, республик в составе РФ в целостную территориальную единицу – региональную систему расселения с равными для жителей всех районов субъекта Федерации и его областного центра возможностями реализации своего потенциала; развитие форм и методов распространения социально-культурного потенциала городов-центров на всю территорию соответствующего субъекта Федерации; выравнивание уровней социально-культурного и производственно-экономического развития всех и каждого субъектов Федерации с доведением его повсеместно до уровня единых минимальных государственных стандартов; создание условий наибольшего благоприятствования для использования населением малых городских населённых пунктов местных природных ресурсов – земельных, водных, лесных, минеральных; модернизация и качественное совершенствование всех типов и форм среды жизнедеятельности с учётом существенной специфики больших и малых форм расселения. В процессе реализации перечисленных задач будет формироваться уже объективно складывающаяся форма социально-пространственного развития России, охватывающая всю территорию страны, – общероссийская многоуровневая социально-пространственная система расселения.

Управление развитием малого города. Надежды на могущество «невидимой руки рынка», на эффективность того «броуновского», беспорядочного движения разнонаправленных деловых инициатив, характерных для рынка, не оправдываются. Рыночная демократия обнажила все ей присущие недостатки в 90-е годы прошлого века. Во всё большем числе стран мира процессы экономического, а также социального и культурного развития становятся всё более управляемыми, а задачи развития малых городов приобретают национальное значение. При этом начинать движение к созданию эффективной систем управления пространственным развитием страны придётся с идеологии. Сегодня настоятельно необходим пересмотр реализуемой идеологии в нашем государстве, в т. ч. в аспекте его пространственного развития. Коренной вопрос снятия проблем малых городов – переход от рыночной идеологии

урбанизации к идеологии интеграции, ориентированной на комплексное и сбалансированное устойчивое развитие всей территории страны, включая и развивая всю сеть малых городских населённых мест. К идеологии расширения пространства социально-экономической активности нашего народа, нашего государства, а не его сжатия, ведущего к полному опустыниванию огромных наших территорий. Решение сложнейшего комплекса задач пространственного развития в социальной плоскости возможно лишь на основе программно-целевого системного подхода, путём выявления, учёта и мобилизации всех, не только материальных, ресурсов развития страны. С этой целью принципиальные положения действующей иерархической системы управления государством целесообразно дополнить принципом субсидиарности, с передачей «наверх» тех и только тех функций, выполнение которых невозможно на нижележащем уровне управления, чтобы максимально активизировать созидательный потенциал местных сообществ.

Несовершенство принципов и механизмов взаимодействия четырёх уровней территориального управления (муниципальное управление получило двухступенчатый характер) наносит серьёзный ущерб его эффективности, приводит к снижению в небольших городах роли местных органов самоуправления. Принципиально важная задача – выделение небольших городских населённых пунктов – малых, средних городов, посёлков городского типа – в качестве особого объекта государственного управления и повышение статуса органов местного самоуправления на всех уровнях власти. Необходимо исходить из субъектности малого города, вырабатывая и принимая решения относительно городских населённых пунктов отдельно по большим и малым городам как двум самостоятельным категориям. Это необходимо для того, чтобы корректно решать вопросы функционирования и развития как малых городов, так и пространственной организации России в целом. Важной задачей управления остаётся вопрос обеспечения одновременного применения двух подходов: с одной стороны – централизованного целеполагания и централизованного управления, и с другой – максимально широкого раскрепощения местной социальной, творческой и деловой инициа-

тивы широких слоёв населения на муниципальном уровне. Здесь применим опыт целевого государственного управления в оборонно-промышленном комплексе, который следует распространить и на другие сферы деятельности, в том числе и на управление пространственным развитием страны. Актуальна задача формирования новой государствообразующей элиты: подготовка и даже замена людей в структурах и органах управления. Элиты, руководствующейся идеологией созидания и служения, а не стяжательства и предательства интересов общественного развития.

Малые города, представляя промежуточную между большим городом и деревней форму расселения и особый, слабоурбанизированный тип среды жизнедеятельности, усиливая своё многостороннее межселенное взаимодействие в нарождающихся социально-пространственных системах интегрирующихся населённых мест, во многом сохранят свой аграрно-промышленный профиль в его новых, продвинутых формах или станут местом размещения многих новых высокотехнологичных производств. Они будут, как показывает отечественный и зарубежный опыт, повышать постепенно свою экономическую и социально-культурную привлекательность, создавая наиболее благоприятные возможности сочетания преимуществ и городского, и, одновременно, сельского образа жизни. Они имеют все предпосылки превратиться, с учётом резко возрастающих экологических требований населения страны к среде жизнедеятельности, в наиболее привлекательное место постоянного проживания большей части российского населения в малоэтажной, открытой в природное окружение среде жизнедеятельности. В малых городах получит развитие функция второго жилища для населения больших городов.

Совокупная численность населения этой категории населённых мест может, с учётом всех изложенных факторов и тенденций, существенно возрасти, особенно при их развитии в качестве продвинутых небольших специализированных, различного функционального профиля центров не только регионального, но также малых городов федерального значения, а также и в виде высокоразвитых местных межселенных социально-культурных центров в районных системах расселения. Есть все основания с оптимизмом от-

носиться к будущему малых городов, утверждать, что их сохранение и развитие как государственно значимого звена территориального устройства России – важная и весьма актуальная задача российского государства. Препятствием для решения вопроса экономической эффективности малых городов сегодня остаётся только отсутствие целенаправленной системы управления их развитием в масштабе всей страны и управленческих кадров, ориентированных на интересы России.

Малый город: социальные противоречия и социальная политика

В социологическом наследии работ, посвящённых малым городам, не так много. С известной долей условности можно отнести к таковым работу М. Вебера под названием «Город»¹. В эссе речь идёт о современности, о том, как город шаг за шагом преодолел пределы, в которых он находился в древности и постепенно стал таким, каким мы знаем его сегодня. Вебер говорит о городах трёх типов – потребительском, производственном и торговом. Мы не знаем, в какой степени каждый из названных типов принадлежит к конкретной эпохе, возможно в типологии городов Вебер придерживался иной логики, не только временной. Но время в его работе всё-таки присутствует как мера сложности, мера развития. Потребительский города явным образом находится на первой стадии общественного развития. В нём главные роли отведены вельможам, князьям, которые получают прибыль от эксплуатации крестьянского труда, но предпочитают селиться в городе, где шире возможности общения с себе подобными, больше вариантов оказывать политическое влияние. В какой-то момент город потребительский превращается в город производителей, использующих концентрацию городской среды для того чтобы выгодно торговать своим или привозным товаром. И, наконец, на третьей стадии из малых городов вырастает крупный центр торговых обменов. В эту категорию входит большинство современных крупных городов, таких как Лондон или Париж. Вебер полагает, что именно в этих поселениях город раскрывает свою сущность, обнаруживает только ему присущие возможности и существенные ограничения, изменяющие жизнь тех, кто его выбрал как место постоянного проживания. Таким образом, в функциональном отношении любой город – малый или крупный – это прежде всего среда, в которой, благодаря концентрации населения, возникает возможность иной жизни, чем в деревне, иные нравы, отличные от сельских.

¹ Вебер М. Город / Пер. с нем. М. И. Левиной; науч. ред. К. А. Левинсон. М.: Strelka Press, 2017. 250 с.

Малый город, античный или греческий полис, формируется, полагает Вебер, как особый тип поселения, который, во-первых, помогает развитию ремёсел, а во-вторых, делает возможной политику в её развитых формах: в городе возникает вертикаль власти, иная, чем та, к которой привыкали аристократы, живущие парцельно, по отдельности. Здесь политика приобретает конкурентные формы, причём конкурировать приходится по определённым правилам, исключая масштабное насилие. Если вне города выяснение отношений происходило с участием обученных армий и не вело к фатальному ущербу для местного населения, то столкновения на узких улочках небольших городов неизменно наносило тяжёлый ущерб наиболее прибыльным предприятиям, принадлежащим вождям враждебных фракций. Это означало, что в городе объективно возникала необходимость иной политики, свободной от масштабного насилия, столкновений, в которых победу мог одержать тот, кто лучше владел словом, имел дар убеждения, обещал создать условия жизни более благоприятные, чем существующие. Сказанное не означает, что города имели прививку от насилия и никогда не приносились в жертву сторонам, борющимся за власть. Речь идёт лишь об общей тенденции, о том, что возникала среда, в которой правила игры, политические договорённости приносили больше выгоды, чем военные противостояния.

Из рассуждений Вебера следует, что малые города с момента их возникновения играли важную роль локальных центров, организующих обширные территории. Любая форма организации пространства неизменно приводила к появлению городов. Освоение российских территорий, включение их в хозяйственный оборот не было исключением. Первоначально на пространствах, слабо заселённых, не имеющих организованной общественной жизни возникали и создавались намеренно небольшие поселения – крепости, остроги – которые по мере развития превращались в города, как правило, небольшие, которые становились точками притяжения и обмена для постоянного населения сельских территорий. Малые города играли стабилизирующую роль, способствуя оседлости кочевников, поощряя земледелие и ремесла. Одновременно малые города становились опорны-

ми точками российской власти: в городах располагались военные контингенты, в задачу которых входило поддержание порядка на вверенных территориях. Дж. Джэкобс, анализируя развитие современных обществ, пришла к парадоксальному выводу: не сельские поселения были элементарной формой общественной жизни, из которой выросли общества со всеми его современными институтами, а именно города и, прежде всего малые, давали начало современному государству¹. В дальнейшем по мере того, как совершенствовались орудия труда, выросли современные производства, увеличивалась доля прибавочного продукта, некоторые из малых городов получали импульс к дальнейшему росту, превращаясь в крупные городские центры.

Этот процесс происходил постепенно вровень с темпами экономического развития. Многие из российских городов во второй половине XX века сохраняли практически сельские кварталы, так называемый частный сектор, более похожий на деревню, чем на город. Общая тенденция, характерная для прошлого столетия, сохраняется в странах мировой периферии и по сей день. Крупные мегаполисы имеют тенденцию к росту за счёт притока сельского населения, процесс урбанизации продолжается во многих странах и по сей день. В развитых странах ситуация иная, скорее обратная тому, что происходит в странах периферии. С 20-х годов прошлого века, с момента возникновения в этих обществах массового среднего класса, население больших городов если и растёт, то только за счёт благополучных пригородов. Средний класс, под которым понимается благополучная прослойка населения, отдаёт предпочтение жизни в собственном доме, а не в городской многоэтажке, здоровой экологии, инфраструктуре, позволяющей проводить досуг с пользой для здоровья в кругу семьи. Постепенно в представлениях об оптимальных условиях жизни прочно укореняется понятие *community*. В русском языке понятия полностью эквивалентного, точно передающего его смысл нет, термин «сообщество» не позволяет понять настоящие политические смыслы этого концепта. Ведь «community» – это не

¹ Джэкобс Д. Города и богатство наций: принципы экономической жизни Новосибирск: Культурное наследие, 2009. 332 с.

только совместное проживание некоторого числа граждан, но и самоуправление на разумных основах. Именно этот тип агрегации подразумевал Э. Говард, когда принимался рассуждать о преимуществах так называемого «города-сада» над другими формами городской организации¹. «Город-сад», малый город открывают широкие возможности для самоорганизации населения, позволяют ему создавать организацию, способную адекватно решать многие из тех проблем, с которыми сталкиваются граждане, живущие в городской среде. В развитых странах существование community создаёт условия для реализации коллективной воли в тех масштабах, когда она не угрожает свободе, а гармонично сочетается с волей индивида, направленной на улучшение жизни, достижение всеобщего блага.

В российской истории есть примеры того, как на базе небольших поселений возникали сообщества, способные действовать не менее эффективно. Это так называемые земства, созданные по инициативе Николая Милютина и поддержанные Александром II². Законы о земствах, принятые в 1864 г., открыли дорогу для самоуправления территорий, создали работающие механизмы улучшения условий жизни на местном уровне. Земства, как и community, не решали и не могли решить всех проблем местного населения. Выборы в земства проводились по сословному признаку так, что главенствующую роль в земских собраниях играли представители дворянства. Однако нельзя отрицать, что многие из тех проблем, которые не могли быть решены в масштабах государства, на уровне земств решались вполне успешно. Речь идёт о борьбе с нищетой и бедностью, строительстве дорог, создании системы здравоохранения, создании эффективной почтовой службы, сборе социальной статистики. Земства, объединяясь, выросли в серьёзную организацию, желающую и способную представлять местное население в органах государственного управления.

Было бы неверно ставить знак равенства между community и малыми городами в том виде, в котором они представлены в современной структуре поселений в России.

¹ *Howard E. Garden-cities of Tomorrow. Massachusetts. MIT Press, 1965. 168 с.*

² *Гармиза В. Подготовка земской реформы 1864 года. Изд. МГУ. 1957. 264 с.*

Однако именно в малых городах возможен в принципе тот тип самоуправления, который успешно работает в современных развитых обществах и который практически невозможен в большом городе, для которого характерен высокий уровень индивидуализации и одновременно дефицит форм, в которых может найти воплощение организация граждан, имеющая географическую основу. Как показали российские реформы жилищного хозяйства, россияне, проживающие в одном микрорайоне большого города, редко и неохотно объединяются даже для защиты собственных интересов, фактически никак не влияют на политику благоустройства территорий, состояние дорог, сбор мусора и другие базовые вопросы, определяющие состояние городской среды.

И дело здесь не только в том, что уничтожены традиции общественной жизни в масштабе локальных сообществ, что на протяжении многих десятилетий создание любых квазиполитических объединений было не только нежелательным, но и наказуемым. Одна из причин в самой организации жизни в современных российских больших городах, где территория города рассматривается исключительно с точки зрения её коммерческого использования, где создание «человеческих измерений» не было и не является одной из целей городского развития. Джэкобс оказала огромное влияние на принципы градостроительства, призвав устремить взгляд архитекторов и управленцев на «тротуары» больших и малых городов, на те возможности, которые город создаёт для общественной коммуникации, образования сообществ, реализации социального интереса¹. В российских больших городах взгляд, устремлённый на улицу, обнаруживает полное отсутствие инфраструктуры для человеческих взаимодействий, отсутствие возможностей для построения общественной жизни. Даже принцип создания «cityblock» – поквартальной организации городской жизни, способствующей развитию местных сообществ и самоуправления, в российском контексте превратился в ориентированное на коммерческую выгоду строительства панельных многоэтажек, формирующих мрачные бетонные

¹ *Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов / Перевод с англ. Леонида Мотылева. – Москва: Новое издательство, 2011. 460 с.

«колодцы», исключая любую форму продуктивных человеческих взаимодействий на местном уровне.

Перемещение значительной части населения в большие города имеет преимущества, которые очевидны – рост рентабельности предприятий внутри города, удешевление социальных услуг, но и существенные недостатки, которые обнаруживаются со временем. Первый из них – это запредельная плотность населения в мегаполисе, обостряющая многие из социальных проблем, которые характерны для любых человеческих сообществ. В городах сходятся вместе люди и находятся в непосредственном соприкосновении разные социальные классы и разные социальные слои. По мере становления больших городов разрыв между разными классами увеличивается, отношения между ними обостряются. Д. Харви, один из наиболее глубоких исследователей процесса урбанизации, определил этот процесс как совмещение двух измерений – географического и социального¹. В идеале общее пространство большого города, в котором находятся люди, побуждает к равенству возможностей, к равному распределению имеющихся ресурсов и социальных услуг. Однако на деле ресурсы большого города распределяются в ином порядке, на который влияют так называемые «скрытые механизмы» перераспределения: «В сложной системе большого города “скрытые” механизмы перераспределения увеличивают неравенства, а не уменьшают их. Это является самым прямым следствием социальной политики “с запасом”, которая должна компенсировать работу механизмов скрытого перераспределения. Альтернативный вариант – сдерживание скрытых механизмов перераспределения»². «Механизмы», о которых говорит Харви, приводят к тому, что пространство большого города сегментируется, делится на места обитания высших, средних и низших классов. В любом российском большом городе пространство делится по линии «центр-периферия», в котором привилегия проживания в центре отводится высшим классам, а спальные районы или частный сектор неявным образом закрепляют-

¹ *Harvey D. Social Justice and the City. Athens and London. The University of Georgia Press. 2009. 368 p.*

² Там же. Р. 53.

ся за низшими слоями или, в некоторых случаях, маргиналами, превращаясь, вследствие этого, в очаги социального неблагополучия. Социальная политика, которую проводят городские власти для того, чтобы сдерживать нарастание социальных различий, как правило, недостаточна и не меняет общей тенденции дифференциации социального пространства.

В малых городах – и это доказано исследованиями – уровень социальной дифференциации значительно меньше. Это не означает, что в малом городе отсутствуют социальные различия, связанные с позицией во властной иерархии или уровнем доходов, однако эти различия имеют гораздо меньший масштаб и, соответственно, провоцируют меньше социальных напряжений. Отчасти это связано с тем, что малый город не имеет тех избыточных ресурсов, которыми обладают большие города, а отчасти потому, что возможности сегментации пространства малого города имеют границы, определяемые его небольшой, компактной территорией. В малых городах практически невозможно возникновение особых зон проживания для богатых и, соответственно, практически нет возможности заключить в территориальные пределы социальный слой бедных. При этом рынки труда в малых городах, как правило, невелики, хорошо оплачиваемых рабочих мест в них немного, а большинство активного населения либо планирует отъезд в другой город или регион, либо стремится устроиться в государственном или муниципальном секторе экономики, где можно рассчитывать на стабильную занятость, примиряясь при этом с невысокой заработной платой. В малых городах, входящих в конурбации, образующихся вокруг крупных центров областного или федерального значения, становится распространённой практика маятниковой миграции – отъезда на работу в большой город с эпизодическим возвращением домой. Эти практики воспроизводят явление, которое в дореволюционное время именовалось как «отходники». Надо понимать, что это явление свойственно, прежде всего, малым городам, которые не имеют собственных крупных производств или иных условий расширить возможности занятости на местном уровне и при этом находятся в зоне влияния крупного мегаполиса с его, несомненно, более широкими возможностями.

Сумма факторов, которые изменяют ситуации в малом городе, создавая в них почву для социальных конфликтов, Харви именует экстерналиями, возникающими в тех случаях, когда в систему тесных отношений, которые воспроизводятся в малом городе на протяжении многих лет, вторгаются факторы рыночной природы. Одним из таких факторов становятся различия в стоимости земли и жилья в больших и малых городах. Ограниченные возможности занятости в малом городе, а также низкий уровень развития инфраструктуры, доступности современных социальных и материальных благ приводят к тому, что стоимость жилья и земли в малых городах находятся на предельных низких значениях. Это даёт возможность небогатым жителям больших городов, не имеющим постоянной занятости (например, пенсионерам), приобретать квартиры, дома и земельные участки в малом городе и жить там на постоянной основе, возделывая сад или огород, работая дистанционно. Как показывают исследования, обратная миграция части населения в малые города происходит, хотя пока и не носит массового характера¹. Она усиливается в периоды, когда экономика переживает кризисные состояния, т. к. в малом городе есть возможность выживать, используя подсобное хозяйство, и уменьшается тогда, когда в экономике наблюдается подъём. Быстрый экономический рост, как показал пример Китая, является важнейшим стимулом для перемещения населения из сельской местности или малого города – в большой. Однако доля тех, кто переезжает в большой город уменьшается в тех случаях, когда экономический рост замедляется, сужая тем самым диапазон жизненных возможностей, которыми могли бы воспользоваться мигранты.

К области экстерналий, влияющих на состояние малых городов, относятся и те акценты, которые расставляет местная и федеральные власти в том, как реализуется социальная политика. И здесь – это надо признать – малые города оказались в менее выгодном положении, чем мегаполисы.

¹ Покровский Н. Е., Николаева У. Г., Демидова Ю. А. Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 71–80.

Социальная политика, которую проводит российское государство, представленное властями разных уровней, может быть охарактеризовано как финансовая оптимизация. Речь идёт о том, чтобы, не увеличивая расходы бюджета, так перераспределить имеющиеся фонды, чтобы на каждый вложенный рубль добиваться максимальной отдачи. Критерии эффективности социальной политики, которые использует российская власть, неоднократно подвергались серьёзной критике. В области здравоохранения, к примеру, курс, определяемый этими критериями, привёл к ликвидации фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов), что существенно ухудшило состояние здравоохранения вдали от больших городов. В ходе финансовой оптимизации в малых и средних городах закрывались клиники, а врачи-специалисты увольнялись, переходя, как правило, в коммерческий сектор системы здравоохранения. У жителей малого или даже среднего города варианты получения квалифицированной медицинской помощи существенно сокращались, а это, в свою очередь, существенно снижало степень привлекательности малого города как места постоянного проживания.

Усугублению территориального неравенства способствовала, помимо всего прочего, реформа образования и, прежде всего, подушевое финансирование школьного обучения. В малых городах, по определению, не может быть больших школ и, следовательно, не может быть тех финансовых возможностей, которые есть у школ, расположенных в большом городе. Реформа привела к ещё большему разрыву, кратному в уровне заработных плат между учителями, занятыми в населённых пунктах разного типа. Если учителя, работающие в большом городе, от этой политики выиграли, то учительский контингент, занятый в малых городах, с очевидностью, проиграл. Это привело и приводит к тому, что многие школы в небольших городах недокомплектованы преподавателями-предметниками, а качество обучения в них в целом ниже, чем качество обучения в школах большого города. Экстерналии, создаваемые политикой в области здравоохранения и образования, целенаправленно способствуют оттоку населения из малых городов в города более крупные. Активно мигрирует в сто-

рону больших городов молодёжь «из захолустья», ищущая в большом городе и, прежде всего, столице возможность воплотить в жизнь свои жизненные планы. Как показывают социологические исследования, желание покинуть малую родину, отношение к ней как зоне жизненного тупика, не имеющей перспективы, возникает у жителей малых городов в самом раннем возрасте. Примерно шестеро из десяти учащихся средней школы, проживающие в малых городах, считают, что к 30 годам они будут проживать не там, где живут сейчас, а в Москве или Санкт-Петербурге¹. Каждый десятый рассчитывает покинуть не только малую родину, но и Россию, обосновавшись в одной из развитых стран. В сложившихся обстоятельствах деградация малых городов выглядит как самосбывающаяся реальность или замкнутый порочный круг: слабая социальная политика приводит к оттоку молодёжи, а отток наиболее перспективной части населения ставит крест на дальнейшем развитии населённых пунктов данного типа.

Возникает вопрос: может ли малый город выживать благодаря собственным ресурсам или ему обязательно нужна подпитка извне. Ни один город, большой или малый, не живёт только за счёт собственных ресурсов: города были и будут играть роль центральных узлов в процессе распределения ресурсов, федеральных или региональных. Для того чтобы малые города не оказывались заранее в роли проигравших, необходимо, по меньшей мере, нивелировать влияние внерыночных экстерналиев, представленных заведомо ущербной социальной политикой. Одно лишь улучшение положения дел в местном здравоохранении и системе образования могло бы заметно уменьшить в малых городах масштаб исходящей миграции, позволить этим населённым пунктам более активно использовать те преимущества перед большими городами, которыми многие из них бесспорно обладают.

Целесообразно рассмотреть, возможно, самый важный вопрос, который мог бы звучать следующим образом: есть

¹ Дети в подростковом возрасте. Основные факторы самореализации. Результаты исследования. Москва. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. 2019. С. 93.

ли у малых городов ресурсы выживания, которые в том случае, если будут исправлены негативные факторы, смогут обеспечить не только воспроизводство того, что и так уже есть в этих населённых пунктах, задержав их деградацию, но и положить начало процессам их развития, превращения в процветающие оазисы, помогающие восстанавливать российские пустоши. Необходимо понимать, что малые города – это хотя и одна категория населённых пунктов, но при этом они очень разные, различающиеся в широких пределах. В этой категории, безусловно, есть города, которые обречены, которые не восстановят ни федеральные инвестиции, ни исправленная социальная политика. Это возможно печальный вывод, но неизбежный ввиду того, что такое случилось во все времена, во всех странах. Какие-то населённые пункты пустели, превращаясь в призраки, а какие-то, напротив, получив дополнительные ресурсы, расцветали, создавая перспективу для местного населения, становясь притягательными для соседних регионов.

Рассмотрим более подробно те типы городов, которые имеют шанс выжить и развиваться, обладая для этого соответствующими ресурсами. Начнём с такой категории, как промышленные центры.

Российская Федерация унаследовала от прошлой советской эпохи структуру экономики, более подходящую для планового метода ведения хозяйства, чем для рыночного. В этой структуре особое место занимали предприятия военно-промышленного комплекса, работавшие на производство вооружений. В какой-то момент в период перестройки казалось, что эти предприятия являются обузой для советской экономики и должны в результате конверсии начать производство продукции «народного потребления». Власть явно недооценивала тот технологический ресурс, которым располагали эти центры, и тот предел, до которого можно трансформировать и налаживать существующее там производство до того, когда он будет потерян. В дальнейшем, по мере того, как многие мифы перестроечного периода отмирали под давлением обстоятельств, становилось ясно, что оборонные предприятия и в новую, рыночную эпоху имеют конкретную перспективу, производя высокотехнологичную продукцию на экспорт, а также обеспечивая

возрождающиеся российские вооружённые силы высокоэффективным оружием. Возобновление интереса государства к *оборонным отраслям* предопределило возвращение финансирования некоторых *предприятий в малых городах* и, соответственно, создало предпосылки для возрождения и развития самих этих городов. Одним из таких примеров можно считать город Калязин (население 12 770 чел.), в котором работает Калязинский машиностроительный завод, включённый в состав производств корпорации МиГ. В настоящее время завод участвует в разработке новых видов авиационной техники, включая истребитель следующего поколения МиГ-35. Город Калязин обладает и рядом других ресурсов, способных обеспечить его выживание и развитие, но более подробно речь и о них пойдёт дальше. Город Воткинск, хотя и не малый город в полном смысле этого слова (население около 90 тыс. чел.), но в какой-то момент мог разделить судьбу малых городов, зависимых от оборонного производства. Воткинский завод располагал (и по-прежнему располагает) современным производством, позволяющим производить новейшие ракеты для российских ВКС. После того, как было принято принципиальное решение об обновлении российской ядерной триады, завод получил государственные заказы, которые помогают не только ему, но и самому городу воспроизводиться и воспроизводить существующую социальную инфраструктуру.

Второй тип малых городов, которые при определённых обстоятельствах могут иметь благоприятные перспективы – это *города науки*. Созданный в предыдущую эпоху порядок, в рамках которого научные, интеллектуальные и материальные ресурсы науки концентрировались в особых малых городах, вряд ли возможно изменить в ближайшие десятилетия. Институциональное устройство российской науки, как и устройство других институтов, политических или экономических, обладает огромной инерцией и может обеспечить производство научного знания только в том случае, если не будет подвергаться постоянным встряскам и перебазированиям. Перестроечный миф о перемещении науки в университеты оказался на поверку несостоятельным по той причине, что российские вузы не имели ни кадровых, ни инфраструктурных (лабораторных) ресурсов

для того, чтобы обеспечить высокий, мировой уровень научной деятельности. Даже лучшие из российских вузов не могли и не могут в настоящее время соперничать с институтами Российской академии наук, обеспечить схожий уровень и масштаб научных исследований. Города науки были и являются в настоящее время уникальными центрами, концентрирующими кадровые и материальные возможности прикладной и фундаментальной науки. Дубна, Троицк, Жуковский, Королёв – это лишь несколько наукоградов, благодаря которым поддерживается высокий уровень научной деятельности в соответствующих сферах – физике, исследованиях космоса, авиастроении. Можно предположить, что реализуемый в настоящее время приоритетный проект «Наука» благоприятно скажется на жизни в этих малых городах, создаст предпосылки для их полноценного возрождения и развития как научных центров, аналогов так называемых «силиконовых долин» – калифорнийской или израильской. Локализация науки в самостоятельных географических точках, вывод научных исследований из рассредоточенного состояния в больших городах может стать одним из центральных трендов развития науки в будущем, одной из важнейших стратегий концентрации научных ресурсов на прорывных направлениях.

Третий тип городов, имеющих шансы на выживание, можно охарактеризовать как *«туристический анклав»*. Речь идёт не только о небольших городах, расположенных на черноморском побережье Кавказа и Крыма, но и, к примеру, небольших городах Калининградской области (Балтийск, Светлый, Светлогорск), а также городах центральной России и российского Севера, сохранивших уникальные ландшафты, традиции и архитектуру. По мере развития внутреннего туризма, а это, по-видимому, вскоре станет одним из главных его направлений, будет увеличиваться численность городов, осознавших собственное культурное своеобразие, способных привлечь инвестиции для создания соответствующей инфраструктуры. Суздаль и другие города «Золотого кольца» – не единственные малые города, обладающие «культурным капиталом» развития. Для того чтобы численность подобных населённых пунктов увеличилась, необходимы содействие федеральных и региональных

властей, изменения в законодательстве, которые позволяют этим поселениям оставлять у себя «туристический сбор», расходовать его на своё развитие. Речь в этом случае идёт о городах не просто как о центрах потребления в веберовском смысле этого слова, а о поселениях, способных вывести процесс потребления на новый уровень, придать ему культурное, историческое измерение.

В этой же категории находятся *малые города, обладающие традициями народных ремёсел*. В настоящее время спрос на продукцию, производимую в этих городах, находится на низком уровне, но это происходит лишь потому, что потребности значительной части населения принижены за счёт потери доходов за минувшее десятилетие. В то же время – и это подтверждает опыт последних десятилетий – по мере того, как возрастает уровень жизни населения России, растёт и спрос на продукцию, которая ими производится. В эпоху реплицирования культурных образцов особую ценность приобретает подлинность как уникальность производимого культурного артефакта, его укоренённость в исторической традиции. Большое значение для успеха ремесленников может иметь политика государства, направленная на развитие уникальных, народных производств и промыслов. Для того чтобы эта политика возымела эффект, необходимы существенные изменения в налоговом законодательстве, отдающие должное уникальным художественным видам творчества. Косвенным образом, эти послабления создадут благоприятные условия для возрождения не только самих промыслов, но и малых городов, в которых они традиционно локализованы.

Четвёртый вид городов, обладающий на сегодняшний день ресурсами самостоятельного выживания, – это *центры*, в которых сфокусирована *обработка сельскохозяйственной продукции*, производимой в регионе. Ресурсовооружённость поселений данного типа в значительной степени зависит от развития первичного производства в регионе, степени развитости сельского хозяйства и его эффективности. Нет ничего удивительного в том, что малые города, расположенные в южных регионах страны, обладают более серьёзными ресурсами выживания, чем, к примеру, малые города на севере России. Последние испытывают отток на-

селения, даже несмотря на то, что и на этих территориях имеются ресурсы, которые при должном к ним отношении могут стать источником дохода.

Пятый тип можно охарактеризовать как *город-спутник, находящийся в пределах крупной городской конурбации*, выживающий благодаря близости к крупному мегаполису. Как правило, в этих городах локализованы производства, в которых нуждается большой город. Территории небольших поселений подобного типа широко используются под жилищное строительство: сказывается низкая стоимость земли, позволяющая существенно снизить затраты на строительство и цены на сами жилища. Это жильё, как правило, приобретают представители средних и низших слоёв среднего класса, имеющие работу в большом городе, но не имеющие денежных накоплений на приобретение там квартиры. Сопутствующие производства и жилищная застройка создают импульсы к развитию поселений данного типа. В этих городах открываются магазины, филиалы банков, развивается социальная инфраструктура. За будущее населённых пунктов этого типа можно не беспокоиться. Высокий уровень экономической активности, характерный для больших городов, создаёт благоприятные условия для развития малых поселений, находящихся в их орбите.

Для того, чтобы малые города имели возможность развиваться, необходима чёткая работа с негативными экстерналиями, которые ставят их в неравное положение с большими населёнными пунктами. К таковым относятся, к примеру, различия в развитии социальной сферы, ставшие следствием многочисленных нелиберальных «оптимизаций». Важнейшим условием выживания малых городов могла бы стать политика создания позитивных факторов развития в форме налоговых послаблений для местных производств и промыслов. В малых городах вполне могли бы располагаться некоторые из современных, постиндустриальных производств. Одним из примеров этого является Куперстаун, небольшой город в штате Нью-Йорк, где возникло целое сообщество программистов, включая перебазирувавшихся сюда российских программистов, работающих на российский рынок. В этом случае, по уже сложившейся в современной России пагубной традиции, денежные ресурсы, за-

работанные внутри страны, выводятся из неё, нисколько не способствуя улучшению жизненной среды в России, её развитию.

В настоящее время вопрос о том, нужны ли нашему Отечеству малые города, не стоит в повестке дня. В своём большинстве малые города были, есть и будут в будущем опорными точками, стягивающими воедино необъятные пространства России. Мечта «стягивателей в точки роста» о перемещении подавляющего большинства населения в большие города не прошла проверку временем и чрезвычайными обстоятельствами, в которых оказалась страна в период эпидемии коронавируса. Выяснилось, что иметь дисперсное население более выгодно, чем концентрировать его в безликих многоэтажках крупных мегаполисов, где оно, если и воспроизводится, то только за счёт притока инокультурных мигрантов. Дисперсное население выгоднее со многих точек зрения, включая соображения стратегической безопасности, да и экономически с точки зрения не самой ближайшей, а более отдалённой перспективы. Оно имеет больше шансов сохранять культурное разнообразие, формировать дееспособные сообщества, ориентированные на сохранение окружающей среды, освоение новых практик жизни в более сложных климатических, а возможно и социальных условиях.

Малые города в социально-пространственном дискурсе: теоретико-методологические подходы в их исследовании

В настоящее время в России можно выделить два основных типа городских общностей – собственно «города, общая численность которых составляет 1114 единиц, в том числе 787 из которых малые, и посёлки городского типа (более 2 тыс.), унаследованные с советского периода»¹. Более 75% всего населения страны проживает именно в таких населённых пунктах.

При первом рассмотрении малых городов можно отметить не только их количественные характеристики, но и качественные. **Количественные** характеристики в данном случае обусловлены численностью населения, где нижние показатели для малых городов составляют 5 тыс. жителей, а верхние значения не превышают 50 тыс. жителей. **Качественные** характеристики статуса малого города предопределяются более широким спектром составляющих. В целом, *«малый город – это населённый пункт с развитой социальной и производственной инфраструктурой, который является промышленным, финансовым, экономическим, транспортным, культурным центром, и имеющим достаточную численность населения, большая часть которого занята вне сельского хозяйства»*².

Нами выделяются два основных подхода к изучению современных городов, в том числе – малых: геопространственный и социопространственный. В первом, имеющем географический генезис ещё с древнейших времён, упор делается на физической основе градообразования, что предполагает комплексное описание природно-климатических условий, рельефа местности, внешней и вну-

¹ Малые города в социальном пространстве России. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 15. В 2020 г. общее число городов увеличилось до 1117. CURL: <https://all-populations.com/ru/ru/list-of-cities-in-russia-by-population.html> (дата обращения: 20.11.2020).

² Фролова Т. А. Понятие «Город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно-территориальном делении // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3. С. 51–55.

тренней логистических схем, экономических факторов, конфигурации поселения и его зонировании, составе и структуре населения и других характеристик, представляющих город как целостную геопропространственную единицу, локализованную в определённой природно-общественной среде. Во втором, социопропространственном подходе, возникшем в рамках социологии города начала XX века и развитом в целом ряде социологических концепций, главный упор делается на социальную субъектность города и других общественно-пространственных образований с выделением особых социальных полей и действующих на них стейкхолдеров, акторов и агентов с определёнными габитусами. Созданный первоначально в альтернативу геопропространственному, социопропространственный подход к настоящему времени стал вполне с ним совместимым и взаимодополняемым¹.

Среди основных групп субъектов городов, к которым относятся органы власти и работающие в них должностные лица, бизнес-сообщества, гражданские объединения, особая роль принадлежит местным общностям. Социальные группы и общности малых городов имеют свои специфические черты, выделяющие их из таких же групп в крупных городах. Это объясняется их иным образом жизни, обусловленным практически ежедневным коммуникативным взаимодействием между горожанами в самых различных сферах: начиная от мест проживания, транспорта, занятости, торгово-бытовых услуг и заканчивая досугом. В таком социопропространстве формируется своя ментальность, которая и «воспроизводит особую идентичность социально-территориальных общностей со своими лидерами, авторитетными и уважаемыми людьми. Эти общности нередко образуют солидарные группы, представители которых взаимодействуют с официальной властью, а в ряде случаев и выбираются ею для пополнения своих рядов»².

¹ Подр. см.: Маркин В.В. Рецензия на: Лубский А. В. Методология регионального исследования: уч. пос. М.: ИНФРА-М, 2019. 223 с. // Социологические исследования. 2019. № 4 (33), С. 46–55.

² Малые города в социальном пространстве России. С. 11.

Особенностью жизнедеятельности малого города, с одной стороны, является ограниченность его функциональной основы, доступа к некоторым ресурсам, таким как высшее образование, здравоохранение, культура, с другой – по отношению к личности – характеризуется социальным преимуществом в её большей заметности в такой среде. Среди очевидных преимуществ малого города следует отметить практически пешеходную доступность производственных и социальных объектов, близость к природе, дополнительно позволяющую обеспечивать себя натуральными продуктами личного подсобного хозяйства или от природных ресурсов (грибов, ягод, рыбы и т.п.), а также небольшими доходами от их продажи. В некоторых регионах такая деятельность образует особую группу населения из числа самозанятых, имеющих своё существенное значение в отдельно взятом малом городе наряду с представителями малого и среднего бизнеса. Коммуникативные связи отдельно взятых представителей таких сообществ расширяются и дополняются за счёт связей с родственниками, знакомыми, друзьями и коллегами, выступающими в роли своеобразных связующих агентов в социальном пространстве территориальных общностей.

Изучение местных сообществ малых городов предполагает использование различных методологических подходов, а в ряде особых случаев – широких междисциплинарных научных подходов и методико-инструментальных техник с использованием научно-исследовательских практик. Исследователей притягивают проблемы местных сообществ малых городов, их менталитета, поведенческих и ценностных установок, формы и условия образываемых социальных групп «на основе социально-территориальной, этнической, конфессиональной, профессиональной и других общностей, а также их влияние на другие общности, например, на местное управление в малых городах и сельских поселениях. Отдельное внимание уделяется роли малых городов в территориальных и поселенческо-расселенческих системах: локализованных образованиях, агломерациях, конурбациях и мегарегионах (мегалополисах), а также их влияния на пространственное развитие регионов. Довольно интересны значение и роль малых городов в новых формах территориальных единиц страны, выделенных в Стратегии

пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (макрорегионы, геостратегические территории, включая перспективные центры экономического роста и пр.)»¹.

Обозначенные проблемы изучаются Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН (ЦРСиК ИС ФНИСЦ РАН) совместно с подразделениями и филиалами Центра, а также региональными партнёрами начиная с 2019 г. в рамках выполнения государственного задания «Малые города в социальном пространстве России». В ходе исследования были использованы различные научные подходы, включая системный подход, сочетающий социально-пространственную и социально-территориальную идентификацию (моделирование) регионов России: комплексный, междисциплинарный (на социологической основе) анализ основных тенденций развития регионов России, выделенных по ряду критериев (макрорегиональная принадлежность, отраслевые особенности, социально-экономическое положение и т.д.), кейс-стади, социальное моделирование. Последнее, на примере конкретных регионов и городов России, которые по праву можно отнести к типичным, позволило исследовать стратегии государственного управления и выделить общее и особенное в системе управления разных уровней, в институтах гражданского общества, предпринимательских и бизнес-сообществах, а также сделать предварительные оценки потенциала самих малых городов и возможностей для оптимизации социального воспроизводства в них и точек роста.

В рамках выполнения государственного задания научным коллективом было обозначено проведение исследования в общенациональном масштабе с максимальным географическим охватом территории страны: Север – Юг, Запад – Восток. Далее фокус территориальных критериев был обращён на федеральные округа, макрорегионы и наконец, регионы. Конечный выбор малых городов по отобранным регионам обуславливался территориальным признаком: один исследуемый город обязательно находил-

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 11.

ся в агломерации крупного при удалении не более чем на 25 км., второй исследуемый малый город в регионе – на локальном удалении. При этом учитывались моногорода и приграничные малые города, особое внимание уделялось их социально-экономическому развитию. Таким образом, всего было выделено 16 модельных малых городов в восьми российских регионах, что позволило нам охватить все федеральные округа страны.

Таким образом, «в 2019 г. эмпирические исследования были проведены в следующих малых городах: г. Лихославль в агломерации Твери и г. Кимры вне агломерации (Тверская область, Центральный ФО); г. Сокол в агломерации Вологды и г. Красавино вне агломерации (Вологодская область, Северо-Западный ФО); г. Аксай в агломерации Ростова-на-Дону и г. Миллерово вне агломерации (Ростовская область, Южный ФО); г. Изобильный в агломерации Ставрополя и г. Новоалександровск вне агломерации (Ставропольский край, Северо-Кавказский ФО); г. Балахна в агломерации Нижнего Новгорода и г. Заволжье вне агломерации (Нижегородская область, Приволжский ФО); г. Среднеуральск в агломерации Екатеринбурга и г. Ирбит вне агломерации (Свердловская область, Уральский ФО); г. Шелехов в агломерации Иркутска и г. Зима вне агломерации (Иркутская область, Сибирский ФО); г. Большой Камень в агломерации г. Владивосток и г. Спасск-Дальний вне агломерации (Приморский край, Дальневосточный ФО)»¹. Самым малочисленным из модельных городов оказался моногород Красавино – всего 6 тыс. чел, а самым многочисленным г. Иркутск – 47,6 тыс. чел.

В ходе исследования, помимо уже упомянутых общенаучных методов, применялись и конкретно научные: изучение и анализ государственной статистики развития малых городов и макрорегионов, а также материалов ранее проведённых исследований (например, специально подготовленную СОПС ВАВТ Минэкономразвития России программу «Разработка научно-методических подходов к формированию стратегий развития городов»); экспертные опросы на федеральном, региональном и городском уровнях; фо-

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 12.

кус-группы для представителей малого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей и самозанятых, а также представителей местных сообществ, связанных по профессиональному и общественному признаку (объединения работников образования, здравоохранения, культуры, представители общества ветеранов, общественного совета города, профсоюзы, НКО и т.п.).

Разностороннее изучение проблемы позволило определить перспективные направления и предложить новые подходы государственной политики пространственного развития России, в том числе в отношении малых городов, что придаёт высокую *практическую значимость данному проекту*.

Исследование проводилось в формате микс-методологии (В. А. Ядов), предполагающей сочетание количественных и качественных методов и техник. Прежде всего, был применён метод группировки, систематизации и анализа статистических данных, в частности *статистики численности и структуры групп населения малых городов как в общероссийском типологическом плане, так в точечных измерениях по модельным городам с 2000 года, по отдельным сюжетам – отслеживались более ранние периоды*.

Были детально изучены: тренды *естественного движения* населения модельных городов и регионов, в которых они находятся. В них представлены изменения численности населения в результатах соотношения рождаемости и смертности. При этом показатели сопоставлялись с данными по бракам и разводам. Так же анализировалось механическое (миграционное) движение населения. Были отмечены две основные тенденции, связанные с временными (возвратными) и постоянными (безвозвратными) миграциями. Параллельно изучалось социальное движение населения, характеризующееся прежде всего изменением социальных условий, в которых проживает население.

Анализ статистических материалов позволил получить следующую информацию:

- *количественные данные о численности населения городов*, куда вошли не только показатели рождаемости, смертности, но и данные о количестве браков и разводов, прибытия и убытия мигрантов и т.п.;

- **тенденции демографических процессов**, позволившие сформировать представление о половозрастных характеристиках населения малых городов, уровне образования, принадлежности к тем или иным типам поселений (городским или сельским), профессиональной принадлежности, занятости;
- **общие представления о профессиональной и производственных средах** социальных групп городских образований, условий их формирования в зависимости от территориального размещения и уровня урбанизации;
- направление и **формы коммуникативных процессов, взаимосвязей** и совместимости между различными социальными группами под воздействием внутренних и внешних факторов, социальных процессов;
- перспективу демографических процессов, включая ближайший и долгосрочный **прогноз численности населения**.

Основным источником информации о составе населения и ключевых показателях сфер жизнедеятельности послужили данные переписи населения, а также данные ежегодной региональной и местной статистики. К сожалению, из полных систематизированных данных мы могли опираться лишь на материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. (в сопоставлении с предыдущими), максимально используя текущую региональную статистику.

В изучении малых городов в настоящее время, как нам представляется, наиболее актуальным является метод моделирования, в частности группировки объектов на основе вычислимых признаков (индикаторов) определённых критериев.

Следует отметить, что «в мире существует **множество индикаторов оценки городов** и их сравнения между собой. Из всех методов наиболее успешным по праву считается так называемый интегральный индексный, суть которого состоит в оценке городского развития посредством составления многомерных интегральных индексов»¹. Метод даёт

¹ Более подробно см.: Малые города в социальном пространстве России. С. 351.

возможность получать ясную оценку конечного результата, сравнивать различные показатели и в динамике делать замеры результатов развития городов, о чём мы подробно писали ранее. Также мы указывали и на то, что в России наблюдается значительный интерес к разработке собственных индексов и построение внутренних рейтингов городов, среди которых заметно лидирует индекс городского развития (ИРГ), разработанный СОПС ВАВТ при Минэкономразвития России.

Всесторонний анализ общемировых и отечественных индексов городского развития, практики их применения, соотношение их сильных и слабых сторон, а также перенесение их на решение конкретных задач исследования с учётом наличия данных и возможностей получить недостающие, позволил остановить выбор именно на тех индикаторах, которые помогут максимально полно оценить развитие малых городов России.

В результате среди вычислимых категорий и субиндексов, трансформируемых в показатели и индикаторы, оказались следующие: экономическое развитие, человеческий капитал, социальная инфраструктура и индекс качества городской среды. Это позволило сформировать методологию типологического моделирования развития городов Российской Федерации. В результате нами было выделено три основных модельных типа малых городов¹:

Тип 1А – характеризуемый значением индекса городского развития от 0,500 и выше и получивший, в результате, обозначение «более развитые».

Тип 1В – со значением индекса городского развития в пределах 0,499 – 0,451 и отнесённый к категории «менее развитые».

Тип 1С – значение индекса 0,450 и ниже, что было обозначено как «депрессивные».

Таким образом, к первому типу городов – 1А («более развитые») – были отнесены Изобильный, Среднеуральск, Заволжье, Аксай, Шелехов, Кимры, Балахна. Ко второму – 1В – Сокол, Лихославль, Новоалександровск, Миллерово, Ирбит. По наиболее низким показателям индекса к типу

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 355.

1С причислены города: Красавино, Спасск-Дальний, Зима, Большой Камень. В общей совокупности модельных малых городов из 16 модельных девять оказались в статусе «менее развитые» или «депрессивные» против семи «более развитых». Первые полученные результаты стали тревожными сигналами о состоянии малых городов и их перспективах.

Сформированные аналитические типологические модели по трем группам позволили наполнить их субъектным содержанием, выполненным с помощью экспертного опроса и метода фокус-групп. Выбор *экспертного опроса* в качестве метода исследования позволил использовать потенциал высококвалифицированных специалистов, компетентных в рассматриваемой проблеме малых городов, провести зондаж и получить предварительную информацию об объекте исследования, скорректировать опросные листы и провести углублённый опрос экспертов, поскольку массовый опрос в данной ситуации был невозможен ввиду большого географического охвата.

В данном случае были обоснованы все перечисленные обстоятельства: опросные бланки для экспертов федерального, регионального и городского уровней – анкеты с дополнительной частью для глубинного интервью специально разрабатывались по особой методике с учётом общего плана. Для опроса экспертов особый акцент был сделан на сами вопросы и их формулировку во избежание любых косвенных и контрольных, способных изменить доверие к организаторам. В нашем исследовании были учтены все нюансы и поэтому практически все привлечённые нами эксперты отвечали необходимым требованиям и дали ценную информацию. Отметим и то, что тщательный отбор групп экспертов, выбор способа замера их оценок, наряду с основательной подготовкой опросных листов и анализом полученных данных, даёт право говорить о высокой *надёжности оценок*.

В соответствии с этим в рабочие группы были отобраны соответствующие специалисты, с которыми проведены структурированные глубинные интервью: 1) с федеральными экспертами (с представителями федеральных органов исполнительной власти, Союза малых городов РФ и т.п.) (40 интервью); 2) с городскими экспертами (представителя-

ми городской власти, местного бизнеса-сообщества, гражданских сообществ) (80 интервью).

Экспертный опрос показал, что «абсолютное большинство опрошенных (93%) имеют принципиальную позицию «за сохранение малых городов и их развитие», дополняя свои суждения тем, что это способствует не только социально-экономической, но и в целом национальной безопасности страны. Кроме того, эксперты почти единогласно (87%) отметили значение сохранения и развития малых городов как систем социального воспроизводства, общероссийских ценностей и норм жизни»¹. Против политики укрупнения малых городов выступило более половины экспертов, однозначно полагая, что расселение жителей малых городов в крупные города или их включение в состав таковых повлечёт за собой массу негативных последствий.

Экспертные оценки, спроецированные на типологические модели, позволили выявить причинно-следственные связи проблем и возможностей их решения в каждом конкретном кейсе, обобщить суждения относительно приоритетов, стратегий развития малых городов, политико-управленческих механизмов их реализации.

Как было указано, для получения различных данных был использован не только экспертный опрос, но **фокус-групповая исследовательская техника** как метод получения непосредственного «живого» материала, характеризующего социальные практики. Фокус-групповая техника, зарекомендовавшая себя как качественный метод сбора информации, позволяет настроить участников на определённую тему, сфокусировав их внимание на проблеме и в ходе дискуссии, построенной на определённом сценарии, фиксировать в динамике высказывания и ответы в ходе дискуссии. Поскольку большинство участников фокус-групп, как правило, ощущает себя комфортно, будучи вовлечёнными в дискуссию, это и даёт положительный эффект. Этот научный метод был использован в исследовании, поскольку имеет большие преимущества в получении углублённой информации в сравнении с индивидуальными интервью.

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 32.

При этом выявляется мотивация высказываемых суждений, что представляет особый интерес для сопоставления с материалом, полученным из других источников.

Наше исследование, построенное на основе использования данных государственной статистики развития малых городов, регионов и микрорегионов, экспертных опросов на федеральном, региональном и городском уровнях, материалов фокус-групп для представителей малого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей и самозанятых, а также представителей местных сообществ, связанных по профессиональному и общественному признаку (объединения работников образования, здравоохранения, культуры, представители общества ветеранов, общественного совета города, профсоюзы, НКО и т.п.), показало, что в малых городах существует четыре основных вида акторов муниципальной политики. Первый – **власть** (законодательная и исполнительная), второй – **бизнес** (малый, средний, крупный), третий – **общественные организации** (представляющие жителей), четвёртый – **средства массовой информации** (СМИ). Каждый из этих акторов сложно структурирован. При этом выделяются различные институты: профессиональные (организации, ассоциации, профсоюзы), негосударственные (НКО), образовательные (школы, техникумы, вузы), политические (партии), а также группы отдельных гражданских активистов. Власть в малых городах представлена федеральными структурами (их территориальными органами), региональными органами управления (власть субъектов РФ) и собственно местной (муниципальной) властью. Последняя включает главу города и его команду, администрацию, представительный орган власти (совет депутатов).

Помимо структур власти в социально-территориальном образовании малого города есть и структуры гражданского общества: общественность, образовательные и культурные организации, средства массовой информации, бизнес, (включая иностранный), активная часть которых способна оказывать прямое влияние на принятие решений. При этом менее активная часть городского сообщества также оказывает влияние на многие управленческие решения с той разницей, что происходит это косвенно, в виде учёта

интересов социальной общности в конкретном вопросе. Что же касается большинства жителей малых городов, то их мнения слабо или вовсе не влияют на процесс политико-управленческих решений.

Важным моментом следует признать роль публичности власти малых городов на всех её уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. На этом, в частности, настаивает абсолютное большинство экспертов и участников фокус-групп. Власть в малых городах, её роль и качество принятых ею решений, как правило, определяется самой системой выборов главы города, а также стилем его управления. После очередной реформы местного самоуправления (2014 г.) в стране внедряется модель выборов главы администрации городов (в том числе малых), которые проводит специальная комиссия, в состав которой входят и представители думы, и региональной администрации. Жители фактически отстранены от выбора руководителя своего города и это при том, что его знает, уважает и поддерживает большинство населения. Потерялись два важных механизма эффективного функционирования публичной власти: доверие и ответственность. Их место заняли административно-командное начало и корпоративный интерес. Эксперты разных городов указывают, что «получая возможность активно вмешиваться в рыночные отношения, городская власть заметно «мутирует», фактически превращается в местный бизнес и многие чиновники прямо или косвенно используют такие преимущества своих властных позиций для лоббирования подконтрольного им бизнеса»¹.

Схожую роль демонстрируют региональный и федеральный уровни власти. Это формирует, в определённой степени, апатию и отчуждение людей от действий государственной и местной власти, препятствует гармонизации взаимодействия всех акторов городского пространства и функционированию устойчиво-развивающейся социально-экономической системы города. Приведём пример: «на федеральном уровне может быть принято решение о ликвидации ветхого жилья в каком-либо малом городе, однако расселить людей должны местные власти, а у них бюджет ограничен. День-

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 273.

ги на решение этой проблемы может выделить областной бюджет, у которого в ведении таких малых городов много («сделаешь одному – захотят другие»), так что в результате решения проблемы так и не происходит»¹.

Приведённый пример «наглядно показывает, что принимаемые решения федеральной власти на практике бывает сложно, а зачастую и невозможно реализовать»². У широкой общественности такие решения создают негативные мнения, подрывают авторитет власти, способствуют росту социального напряжения и недовольства со стороны жителей малых городов.

Если говорить о бизнесе в малых городах, то он представлен двумя основными векторами: крупный бизнес, а также малый и средний. Два последние, как акторы в местном сообществе малых городов, значительное влияние оказывают лишь на общую занятость рынка труда как поставщики рабочих мест. Влияние малого и среднего бизнеса в социальной сфере оценено большинством экспертов как невысокое, а на городское развитие и вовсе низкое. Эксперты также отмечают проблемы в существовании и функционировании малого и среднего бизнеса, включая финансовые, налоговые и правовые.

Крупный бизнес в малых городах представлен в основном банками, торговыми сетевыми компаниями, нефтяными и топливными компаниями или их филиалами, а также филиалами и представительствами других региональных и федеральных предприятий и организаций (как региональных, так и федеральных), компаний сферы услуг. Заметно «выше оценивается роль крупного бизнеса в жизни малых городов и их развитии. Так, «выше среднего оценено влияние крупного частного иностранного и отечественного бизнеса (торгового, производственного, финансового) на инвестиции в экономику, обеспечение занятости на местном рынке труда, поддержку социальной сферы (образование, медицина, культура, спорт, социальная защита). Однако его влияние на приоритеты городского развития оценено как весьма слабое («крупный бизнес скорее отстраняется

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 279.

² Там же.

от участия в развитии города»). Кроме того, будучи зарегистрированными в других городах, предприятия крупного бизнеса не платят налоги в местную казну, тем самым слабо участвуют в развитии муниципальной инфраструктуры»¹. Среди таких предприятий довольно распространена своя практика найма работников из числа квалифицированных кадров других регионов или мигрантов на низкооплачиваемый труд. Местная рабочая сила при этом остаётся вне занятости. Типично, по мнению экспертов, навязывание крупным бизнесом малому городу своих интересов через их лоббирование или через своё непосредственное участие в работе местной власти. Когда градообразующее предприятие малого города принадлежит иностранным собственникам, это усугубляет проблему взаимодействия местной власти и крупного бизнеса на данной территории»².

Представители местного гражданского общества также влияют на перспективу развития малых городов и ряд экспертов отмечают их роль как «среднюю» или «достаточно высокую», но в то же время отмечают, что такая активность проявляется, в основном, представителями местных общественных организаций из числа лиц старшего поколения. Можно предположить, что эти сообщества скорее выступают за сохранение статус-кво, нежели предлагают что-то новое для развития своих городов. Молодёжь же в подобных ситуациях чаще всего занимает выжидательную позицию или самоустраняется.

Эксперты отметили и «проблемы с координацией усилий различных местных гражданских сообществ: *«Все общественные организации в городе разрознены, некому сплотить активистов, а ведь во многих малых городах действуют советы ветеранов, советы молодёжи и т.д.»*. Объясняется определённый пессимизм и недостаточная социальная активность местных жителей тем, что люди перестали верить в то, что могут что-то изменить. Хотя большинство экспертов признают, что общее дело или общая беда продолжают спланивать и поднимать на решительные действия русских людей на всём пространстве страны, как

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 275.

² Там же.

это в очередной раз показала самоорганизация местного гражданского сообщества в Балахне на Волге¹ на фоне попытки строительства федеральной властью опасной для города плотины.

При определении роли СМИ в жизни малых городов, их влияния на нынешнюю ситуацию и перспективы их развития, формировании имиджа привлекательности малых городов эксперты в большинстве своём отметили её как «низкую». То есть региональные и федеральные СМИ не выступают в роли популяризаторов жизнедеятельности малых городов. Отчасти это объясняется коммерциализацией средств массовой информации при недостаточном внимании к этой сфере со стороны региональных и федеральных властей.

Положение и место таких значимых акторов, как силовые структуры (полиция, прокуратура, Росгвардия), эксперты считают неоднозначным, но в целом их роль в обеспечении правопорядка оценивается как «средняя» и «выше средней» в большинстве обследованных малых городов.

Эксперты, анализируя роль и действия основных акторов, сходятся во мнении о необходимости развития малых городов. Это возможно лишь посредством комплексного преодоления серьёзных диспропорций, особенно в экономической и социальной сфере, а также изменений в правовой и финансовых системах.

Вместе с тем, в ходе исследования нами были зафиксированы неоднозначные оценки экспертов по вопросам относительно «необходимости изменений в судьбе малых городов как социально-территориальных общностей или ячеек на карте России»². В вопросах, касающихся будущего малых городов, предлагались следующие варианты: «дальнейшая либерализация экономики (свобода предпринимательства и развитие индивидуальной инициативы)», «возрождение социалистической модели экономики (справедливость и равенство для всех)». Первый вариант ответа был оценён минимально, тогда как по второму оценки разделились. Около 40% экспертов считают модель справедливости и равенства

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 251.

² Там же. С. 63.

достаточно значимой, и почти пятая часть (19%) оценили её как высоко значимую. Достаточно высоким оказался процент тех, кто не занял определённую позицию – 17%»¹.

Исследование позволило выявить общую неопределённость позиций респондентов по решению проблем и разброс идеологических мнений в каждом пятом ответе. Отметим при этом, что респонденты – эксперты из малых городов – лидеры общественного мнения.

В настоящее время в малых городах как первичных исторически сложившихся социально-территориальных общностях наблюдается серьёзная потребность в возрождении и укреплении общероссийских ценностей (семьи, социальной справедливости, общности), характерных для нашего народа. Особенно это становится актуальным на фоне усиления «мозаичного» капитализма, когда люди в поисках работы и средств для содержания своих семей вынуждены покидать места своего проживания и отправляться в крупные города, где они, как в плавильном котле, теряют свою индивидуальность, вынуждены отказываться от традиций, культуры и переживать кризис самоидентификации.

Субъекты малых городов понимают и в целом адекватно воспринимают кризисность ситуации в стране на фоне углубления социального неравенства, неопределённости развития, несправедливости и разгула чиновничества. Это проявляется в экспертных оценках и суждениях об акторах развития малых городов, равнодушных к собственной судьбе и малой родине. В ходе исследования была выявлена множественность предложений и новых идей по обновлению и развитию малых городов. Были отмечены и противоположные тенденции с долей отчуждения от происходящего в условиях элементарного выживания.

Для понимания действий основных субъектов взаимодействия в городских условиях, в исследовании приводятся их дефиниции, в соответствии с местом и ролью этих основных субъектов в указанном взаимодействии. Можно выделить три вида политико-управленческих практик. Первый вид – успешные практики, включающие и реализацию всех или большинство стратегических установок комплексного

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 63.

развития. Второй вид – относительно успешные, учитывающие и реализующие стратегические установки развития отдельных сфер. Третий вид – неуспешные практики, ведущие к деградации, разрывам в экономической и социальной сферах, тормозящие развитие, создающие угрозы для выживания малого города.

В обследуемых малых городах выявлены субъектно-субъектные связи в управлении, между звеньями которых нами обнаружены действующие как прямые, так и обратные связи. Их взаимодействие, соответственно, порождает разнообразие политико-управленческих практик и стратегии регионального развития в целом. Большинство политико-управленческих практик возникает, как правило, по поводу решения различных проблем социально-экономического состояния малого города. Наше изучение экспертного мнения и оценок участников фокус-групп позволило выявить следующий рейтинг актуальных проблем в обследуемых малых городах: 1) социальные проблемы (здравоохранение, образование, слабая социальная поддержка в отношении незащищённых слоёв населения); 2) проблемы ЖКХ (тарифы и действия управляющих компаний); 3) занятость населения и низкий уровень заработной платы (отъезд квалифицированных специалистов и молодёжи); 4) состояние городской среды; 5) состояние малого и среднего предпринимательства (особенно конкуренция с федеральными торговыми сетями); 6) проблемы формирования местных бюджетов и их недофинансирование; 7) недостаток крупных промышленных предприятий, зарегистрированных в малом городе. Актуальными вопросами остаются особенности развития города в рамках муниципального района. В качестве примера приведём г. Заволжье Городецкого района, который подчиняется районной администрации и потому ограничен в самостоятельности решения многих вопросов. Аналогично сложилась ситуация в г. Миллерово и Миллеровском районе.

Возможно несколько подходов к выявлению моделей взаимодействия основных стейкхолдеров и акторов и связанных с ними политико-управленческих схем. Основы взаимодействия построены на вертикальных властно-управленческих практиках: малый город–район–область, либо регион–

федеральный центр. Например, политико-управленческие практики по решению социальных вопросов (образование и медицина) отнесены к области региональной ответственности, включая подчинение соответствующим ведомствам и организациям. При этом на уровне областной власти в приоритете решаются свои вопросы, а остальные – по остаточному принципу. Местная же власть не может их решить по причине ограниченности и в полномочиях, и возможностях.

В каждом конкретном городе оценка работы власти (на федеральном и региональном уровнях) осуществлялась в ходе исследования исходя из степени её эффективности на местах. Если местные инициативы были услышаны на федеральном или региональном уровне, то механизм политико-управленческих практик оценивается положительно. То же относится и к оценкам федеральной власти на местном уровне, когда федеральные законы успешно работают в сообществах малых городов.

Исследование в фокус-группах показало преобладание негативных оценок в отношении реализации федеральных законов на уровне малых городов, местных сообществ и отдельно взятых граждан. Присутствие таких мнений участники фокус-групп объясняли в первую очередь слабой ориентацией федеральных законов на интересы обычных граждан и учёт их мнений.

Во взаимодействии вертикали власти и политико-управленческих практик на уровне федеральной, региональной и местной власти необходимо обозначить влияние государственной бюджетной политики. Финансирование, построенное на вертикальных потоках сверху вниз, оставляет меньше возможностей местным городским бюджетам, напрямую зависящим от федерального центра.

В то же время следует отметить положительную тенденцию политико-управленческих практик взаимодействия федеральной, местной власти и населения по ряду целевых госпрограмм: «Материнский капитал», «Доступное жильё молодой семье», «Комфортная городская среда» и др.

Исследование показало, что взаимодействие региональных и местных властей в отношении решения ряда городских вопросов замыкается на региональные, либо област-

ные власти, их возможности и интересы, что неизбежно приводит к бюрократизации.

При оценке отношений малого / среднего бизнеса и местных властей представителями местных предпринимательских сообществ особо отмечены целевые программы, ориентированные на финансовую поддержку предпринимателей в форме грантов, кредитных программ и субсидий.

В целом, взаимодействие местных властей, представителей местных сообществ с жителями города, как правило, осуществляется вокруг реализации муниципальных (и в некоторых случаях региональных и федеральных) программ. В числе таковых – ориентированные на поддержку молодёжи, спорта, образования и культуры, а также комфортной городской среды (ремонт дорог, дворовых и парковых территорий и др.). В целом, большинство экспертов положительно оценивают работу городских властей, хотя и понимают, что ограниченность финансовых ресурсов и компетенций заметно сдерживает развитие и снижает ожидание местных жителей.

Эффективность политико-управленческих практик в этом взаимодействии зависит от ряда причин, включая доступность власти, её близость к народу, авторитета главы города, практик представления интересов как в целом города, так и местных сообществ на региональном и федеральном уровнях. Отметим, что исследование позволило понять взаимоотношения субъектов местных сообществ – акторов и стейкхолдеров и их влияние на внутригородские политико-управленческие решения. Так, нами выявлено заметное влияние местных сообществ на принятие решение и в целом на политическую обстановку, при этом, что очень важно для сохранения баланса в системе, не обнаружено преимущественного влияния какой-то одной страты. Системообразующие функции и координация выполняются городскими властями. Нестабильность в их работу скорее вносит довольно частая смена руководства или моделей власти, что в свою очередь порождает недоверие со стороны населения и снижает его инициативность. Вместе с тем, если сравнивать инициативные проявления у жителей малых и крупных городов, то первые в большей степени открыты и чаще выражают свою заинтересованность в решении проблем, что

в свою очередь отражается на политико-управленческих практиках.

Взаимодействие основных стейкхолдеров и акторов в малых моногородах (их в исследовании шесть) в целом укладывается в указанные модели, но есть и свои особенности. Во-первых, имеет место тенденция роста и внедрения целевых государственных программ как федерального, так и регионального уровня и снижение доли программ, специально разработанных для малых моногородов и нивелирование существующих программ. Во-вторых, отмечается несогласованность некоторых программ федерального и регионального уровней. В-третьих, решение ряда проблем моногородов нуждается в системном подходе с комплексным включением в их решение специалистов на всех уровнях управления.

Взаимодействие крупного бизнеса и власти позволяет внедрять специальные целевые муниципальные программы, социально ориентированные на развитие и финансово поддерживаемые бизнесом. В качестве примеров можно привести гранты, субсидии, специальные кредитные программы и др., индикатором успешности которых является уровень социально-экономического развития, прозрачность взаимодействия предприятий и администрации и т.п. Такие практики относятся только к российским компаниям. Бизнес-структуры с участием иностранных владельцев или совладельцев в меньшей степени принимают активное участие в жизни малых городов, а иногда и вовсе самоотстраняются, как например, Среднеуральская ГРЭС с официальным названием «Энел Россия», 56% которой теперь принадлежит итальянской Enel.

В качестве противоположного примера в том же Среднеуральске можно привести компанию УК «РЭМП-Среднеуральск», представители которой активно стремились при поддержке местных депутатов в городскую власть.

Во взаимодействии малого и среднего бизнеса с представителями власти предприниматели отмечают многочисленные трудности, связанные в основном, с излишней бюрократией: необходимостью получения всякого рода разрешений, согласований, экспертиз, которые нередко используются для злоупотреблений или в качестве инструмента для по-

лучения взяток. Отмечается предпринимателями и низкий или выборочный подход властей к поддержке малого и среднего бизнеса, когда заявленные программы оказывают реальную поддержку единичным предприятиям. Например, «Заволжский бизнес-инкубатор», учреждённый администрацией города в рамках программы «Развитие малого и среднего предпринимательства муниципального образования города Заволжья на 2010–2012 годы», оказал поддержку четырём предприятиям из двухсот¹.

Отношения власти на уровне субъектов Федерации с регионами выстраиваются при использовании политико-управленческих и финансовых инструментов. Вертикаль кадровой и финансовой политики распределяет потоки сверху вниз, выступая регулятором бюджетной системы, в которой недофинансирование становится постоянным явлением. Это приводит к регулярной нехватке средств в муниципалитетах и перекладыванию, в конечном итоге, проблем на само местное население малых городов. Распространённая практика грантовой поддержки малых городов, с одной стороны, предоставляет возможность прямого участия в федеральных конкурсах, а с другой – не все города могут принимать участие в подобных проектах ввиду низких финансовых и интеллектуальных ресурсов, необходимых на этапе подачи заявок на участие.

Другим негативным примером политико-управленческих практик, не приемлемых в чистом виде для малых городов, является порядок госзакупок в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ, согласно которому отбор подрядчиков и закупка товаров и продукции возможна только через проведение тендеров. Хороший замысел законодотворцев на деле превращён в формальность, за которой стоит единственная цель – выполнить работу при наименьших затратах. В результате такой нездоровой конкуренции рождаются абсурдные цифры и сметы, практическое выполнение работы в соответствии с которыми является низкокачественным, а результат достигается лишь для галочки.

¹ Маркин В.В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 2 //Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 61–74.

Кроме этого, в отдалённых районах страны и в суровых климатических условиях тендерные процедуры увеличивают время, необходимое на процедуру конкурсного отбора, и, как следствие, само выполнение работ, в результате чего снова страдает качество и конечный потребитель. Примером непродуманности управленческих практик в Ростовской области эксперты назвали построенный кинотеатр в городе Аксае, расположенном в 20 минутах от Ростова. При такой транспортной удалённости от центра жители малого города имели возможность посещать кинотеатры в Ростове, тогда как выделенные средства могли быть расходованы с большей пользой.

Экспертами также отмечена проблема практических реализаций ряда региональных программ, по своей направленности рассчитанных на улучшение качества жизни людей, но включение в которые предусматривает обязательное и одновременное финансовое участие местного населения и местного бюджета. Население малых городов, особенно Нижегородской, Иркутской областей, Приморского края оказывается в сложной ситуации, когда для участия в программе по улучшению условий жизни нужно дополнительно изыскивать финансовые средства. Такая аномия приводит к тому, что малообеспеченные слои населения вынуждены прибегать к услугам кредитных организаций и брать микрозаймы лишь для того, чтобы иметь возможность принять участие в программах, рассчитанных на улучшение их же условий жизни. Опасность такого явления для малообеспеченных граждан заключается в рисках ещё больше ухудшить своё материальное положение.

В то же время, при очевидных в минусах таких программ для населения малых городов, представители местных сообществ отметили и плюсы, поскольку, по их мнению, именно тесное сотрудничество местных властей и населения положительно влияет на развитие местного самоуправления, формирует ответственность сторон.

При рассмотрении практики взаимодействия местных муниципалитетов отмечаются и положительные тенденции, особенно в материальном и кадровом направлении. Этот эффект межмуниципального сотрудничества заметно усиливается при территориальной близости малых городов

или поселений, например, в Центральной России, способствуя улучшению социально-экономического положения.

Между тем, эксперты отмечают слабое взаимодействие между отдельными муниципалитетами на уровне горизонтальных связей, а фрагментарные акты сотрудничества возникают лишь при особой необходимости такого сотрудничества, как, например, при решении вопросов организации полигонов для складирования мусора или постройки важного социального объекта. Активность некоторых представителей глав муниципалитетов в отношении совместных межмуниципальных проектов неспособна преодолеть бюрократические барьеры в связи со сложностью самих организационных процедур, а также отсутствия прозрачного механизма в финансовых межмуниципальных отношениях на горизонтальном уровне. Для воплощения межмуниципальных проектов главы местных муниципалитетов вынуждены прибегать к вертикальным связям и обращаться к главам районов или округов, которые «сверху» организуют проекты взаимодействия. При этом затрачиваются дополнительные время и средства. Если у инициатив «снизу» проявляется активность в отношении ряда вопросов, то политико-управленческие инициативы «сверху» проявляют её в меньшей степени, особенно в организационно-правовой плоскости.

Связь малых городов с другими городами и центрами агломераций основана не только на экономическом, но и на социокультурном взаимодействии, что делает их своеобразными «партнёрами» в индустриальном развитии. При этом сопротивление экспансии большого города основано на желании малых городов сохранить свои интересы и не утратить особенные черты.

Как уже упоминалось, «качество власти в малом городе во многом определяется системой выборов главы города и его стилем управления. Большинство экспертов, принявших участие в нашем исследовании, утверждают, что модель местного самоуправления, при которой глава города выбирается по конкурсу, не подходит для большинства обследованных малых городов. Жители малых городов, как правило, хорошо знают своих активных граждан и хотели бы видеть во главе города человека, которому они доверя-

ют. Избранный населением глава в какой-то мере ответственен перед ними, в то время как избранный комиссией более склонен к изоляции от населения и обычно разделяет интересы бизнеса. Однако отмечаются и примеры, когда и выбранный жителями глава города оказывается далеко не самым лучшим руководителем. Например, до 2015 г. в Среднеуральске глава выбирался, и правление трёх мэров заканчивалось уголовными делами и их «посадками». Таким образом, в случае всенародных выборов городских депутатов или главы города очень многое зависит от социально-психологического состояния местного сообщества, его эмоциональных реакций, формирования атмосферы доверия к власти, гораздо больше, чем гарантия правильности выбранного мэра»¹. Во всяком случае, должны быть средства контроля деятельности городских властей со стороны местного сообщества вплоть до выражения недоверия и отзыва чиновников.

Отметим в качестве ещё одной проблемы малых городов и несогласованность реализации программ как федерального, так и регионального уровней. В качестве наглядного примера достаточно упомянуть программу «Свободный порт Владивосток», в которой заложены риски по отношению к моногородам Спасск-Дальний и Большой Камень, и без того находящихся в зоне рисков ухудшения социально-экономического положения, а из-за масштабных федеральных строек эти риски лишь усилятся.

Похожая ситуация складывается и в Нижегородской области. Строительство гидроузла в районе Городца в рамках внедрения федерального проекта «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.)» грозит не только подтоплением части земель малого города Балахна и переселением его местных жителей, но и экологической катастрофой в масштабе региона.

Помимо перечисленных проблемных точек в малых городах следует указать и проблему качества кадров в системе управления из-за низкой или недостаточной их подготовки и компетенции. Попытка назначения «более подготовленных и грамотных» руководителей «сверху» зачастую

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 273.

оказывает обратный эффект ввиду незнания такими назначаемыми руководителями местных проблем и их индифферентностью по отношению к решению сложных ситуаций в малых городах и тем более их развития. В качестве яркого примера такого назначения приведём «транспортный коллапс в Балахне, когда руководство района фактически довело до банкротства муниципального перевозчика»¹.

Схожая ситуация возникла на Дальнем Востоке в моногороде Большой Камень: «предпринимаемые меры по созданию территорий опережающего развития (ТОР) на примере активности судостроительной компании “Звезда” ориентированы, по мнению экспертов и участников фокус-групп, на “освоение денег” и постройку “потёмкинских деревень”. При этом взаимодействие с местной властью руководство судостроительного комплекса сознательно ограничивает. Местная же власть не обладает рычагами давления, соответственно не пользуется авторитетом у местных жителей. Претензии общественности и жителей города руководство компании не слышит, а местная власть повлиять на это не может»².

В качестве рекомендаций для достижения некоей общей согласованности при реализации федеральных и региональных программ эксперты и участники фокус-групп также указывают, прежде всего, на необходимость учёта ряда обстоятельств, включая географию реализации проектов и территориальное расположение малых городов, а также учёт других особенностей, например, климата. Примером, который подробно был рассмотрен выше, послужили так называемые тендеры, организованные на выполнение работ в местностях с жёстким климатом, характеризуемым коротким летним периодом, за который необходимо успеть выполнить определённую работу. Смещение сроков из-за формальных процедур выбора оптимального по финансовым затратам подрядчика в конечном итоге негативно отражается на качестве работ.

Проведённое исследование позволило подтвердить гипотезу о многообразии типов малых городов, их дифференциации и особенностям социального и материального развития.

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 262.

² Там же. С. 292.

Последний определяется, прежде всего, наличием промышленных отраслей (добывающей и перерабатывающей) или транспортных центров, а также численностью населения. Важное значение для малых городов имеет и инвестиционная активность, позволяющая, хотя бы на время внедрения отдельных инвестиционных проектов, создавать «точки роста», как, например, в Среднеуральске и Изобильном.

В числе индикаторов развития городской среды находятся объекты социальной сферы (учреждения образования, дома культуры, библиотеки и т.п.). В ходе исследования была выявлена следующая картина: ряд объектов номинально присутствуют в малых городах в качестве наследия советской системы. В основном это учреждения образования – детские сады, школы и дома детского творчества; некоторые объекты сохранились лишь в виде зданий. При этом часть зданий, находящаяся в хорошем техническом состоянии, либо продана, либо сдаётся в аренду под торговлю. Здания, находящиеся в полуразрушенном состоянии, вряд ли будут когда-либо восстановлены (даже при наличии средств) из-за экономической нецелесообразности: сокращение местного населения, отток молодёжи в крупные города, отсутствие интереса к подобным объектам у вахтовиков, а также замечающие многие неиспользуемые социальные объекты современные тарелки спутниковой связи, ярко украшающие балконные окна практически каждой квартиры.

Многоплановые проблемы малых городов, включая экономические, экологические, социальные, культурные и др. требуют к себе особого внимания, многофакторного социологического анализа с учётом особенностей таких городов, их роли в территориальном каркасе России. Таким инструментом может стать программа, определяющая дальнейшую стратегию развития малого города. Определение приоритетных задач и перспективных направлений в отношении развития малых городов по типам (аграрные, аграрно-индустриальные, промышленные, туристические и т.д.), сфокусированные в такой Стратегии развития с учётом интересов всех социальных групп местных сообществ и охватом ключевых проблем, позволило бы сформировать единый подход в политико-управленческих практиках и наметить курс на сохранение и развитие малых городов.

К основным составляющим Стратегии развития малого города относятся: Направления. Интегральность. Включённость в интеграцию высокого уровня. Условия экономической деятельности. Брендинг и формирование образа городской идентичности. «Умный город». Диверсификация и благоустройство городской среды. Экологические инновации. Мультимодальное транспортное развитие. Формирование компактного города. Развитие торговли. Солидарный город. Развитие социальных систем. Социальная связность. Территориальное развитие. Управление реализацией стратегии.

Эти составляющие могут как полностью включаться в стратегию, так и выборочно, в зависимости от типовых моделей малых городов и их особенностей, требующих использования специфических политико-управленческих практик (например, в военных городках). В целом, совокупность предложенных позиций отражает разные стороны экономической, социальной и культурной среды малого города, поскольку они являются своего рода индикаторами сильных и слабых сторон, а кроме этого позволяют определить новые векторы развития на муниципальном, региональном, федеральном уровнях и обозначить себя не только на внутрироссийском пространстве, но также и на общемировом. При этом основополагающим в любой стратегии является человеческий капитал и социальное воспроизводство с учётом интересов и мнений разных социальных общностей и групп.

На этапах создания, обсуждения, принятия и практической реализации Стратегии необходимо не только политико-управленческое сопровождение в формате нормативных / распорядительных документов и мониторинг основных этапов, но и научное сопровождение, позволяющее проводить замеры результативности, оценивать реакции тех или иных групп на разных этапах осуществления проекта. Так, социальное моделирование в формализованном виде даёт всестороннее представление о факторах развития малого города.

Социологическая оценка должна содержать следующие основные показатели: удовлетворённость различными сторонами жизни и работой власти; доверие к органам власти всех уровней и общественным институциям и их

ответственность перед гражданами; социальное самочувствие жителей. Эти показатели могут быть представлены в количественной форме по результатам опросов экспертов и качественного исследования на основе проведения фокус-групп с представителями малого и среднего бизнеса, индивидуальными предпринимателями и самозанятыми, а также представителями местных сообществ, связанных по профессиональному и общественному признаку (объединения работников образования, здравоохранения, культуры, представители общества ветеранов, общественного совета города, профсоюзы, НКО и т.п.).

Таким образом, основные представленные в настоящей главе результаты проведённого исследования подводят к научно-практическим рекомендациям. Их несколько. Во-первых, для решения задач пространственного развития страны необходимо понимание важности сохранения и развития малых городов как опорного каркаса России. Для нашей страны с её низкой плотностью населения урбанистический вектор развития весьма опасен, он способствует быстрому исчезновению малых городов и сельских поселений и обезлюдиванию значительных территорий. Капиталистическую рефлексию сторонников гиперурбанизации по поводу сиюминутных выгод и большой прибыли «здесь и сейчас» необходимо скомпенсировать разумным подходом к самосохранению государственной целостности и безопасности страны как в настоящее время, так и на перспективу.

Во-вторых, необходим системный, мультидисциплинарный подход к формированию и внедрению плана сохранения и развития малых городов и сельских поселений с учётом многих факторов. Выработка и принятие решений должны быть отдельными для больших и малых городов, поскольку слепое копирование модели управления большим городом не только не приемлемо, но и опасно для малых городов (примеры этому приводились выше – *прим. авт.*).

В-третьих, обращение к широкой научной общественности для всесторонней и глубокой проработки вопросов развития малых городов с позиции разных областей научного знания (геополитики, демографии, права, экономики, социологии, культуры и т.д.) и выработка практических рекомендаций, начиная с нормативно-правовых основ и за-

канчивая комфортной городской средой малых городов, для представителей власти, бизнеса, структур гражданского общества позволит обоснованно подойти к решению проблем малых городов.

В-четвёртых, акценты при разработке и внедрении стратегий развития малых городов следует смещать в сторону интересов населения и общественного развития.

В-пятых, вопросы развития малых городов, равно как и их сохранение – задачи важные и, вместе с тем, срочные, а их реализация требовалась уже «вчера». Принятие запаздывающих решений по развитию малых городов чреваты вымиранием этих типов поселений и их исчезновением с карты России, что создаёт дополнительные угрозы безопасности страны.

Исторические особенности пространственного развития России и малые города

Анализ самых разных директивных, научных, статистических и прочих документов, а также публицистики позволяет сделать вывод о том, что в широкой и разнообразной по содержанию совокупности проблем, переживаемых в нынешний период Россией, одной из важнейших является сохранение, приращение и актуализация общего потенциала развития страны в самом широком понимании этого слова.

Настоятельная необходимость решения этой задачи представляется очевидной, несмотря на то, что даже при серьёзных сокращениях к концу минувшего столетия таких своих объективных параметров, как территория и, соответственно, природные ресурсы, состав и численность населения, резкое снижение уровня научно-технологического развития, утрата статуса одной из мировых экономических сверхдержав, Россия всё ещё остаётся одним из самых влиятельных членов мирового сообщества прежде всего в военно-стратегическом и геополитическом планах.

В последние два десятилетия относительной стабилизации положения внутри нашей страны и определённого повышения её международного статуса обозначенные выше проблемы и соответствующие задачи остаются объектами активного комплексного рассмотрения и изучения на самых различных уровнях, включая научно-исследовательский, законодательный и общегосударственный. Конструктивный вклад в этот процесс вносят общественно-политические организации и объединения, а также средства массовой информации, предоставляющие возможность учесть и принять к сведению реакцию широкой общественности на состояние проблемы и подходов к её решению. В результате подобного многостороннего рассмотрения, обсуждения и одобрения на различных уровнях рождаются документы декларативного, рекомендательного, аналитического и прочего характера, многие из которых находят отражение в законодательных актах.

В последние годы упомянутого выше процесса был принят ряд директивных документов, среди которых особое

значение для настоящей работы имеет утверждённая Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р *«Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»*. Этот документ представляет собой итог всестороннего анализа, учёта и обобщения эффективности целого ряда ранее принятых государственно-правовых актов и прежде всего Федерального закона *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»* и *«Основы государственной политики регионального развития на период до 2025 г.»*, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. (полный перечень нормативных актов, использованных в разработке Стратегии пространственного развития, содержится в разделе 1. «Общие положения»).

Обращение в настоящей работе к вышеназванным документам вызвано не только необходимостью использования их в качестве источников для формулирования как промежуточных, так и основных выводов данного исследования, но и для придания необходимой степени определённости некоторым элементам понятийного аппарата. В первом разделе Стратегии содержится перечень основных понятий, в том числе, следующее, принятое в качестве основного: *«Пространственное развитие» – совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счёт проведения эффективной государственной политики регионального развития»*¹. В настоящей главе предполагается, придерживаясь этой формулировки, допускать наличие иных, в том числе, авторских толкований.

Необходимость этого вызвана тем, что в научных дискуссиях, отдельных трудах, комментариях и т.д. нередко отмечается, что определение *«пространственное»*, как производное от слова *«пространство»*, в упомянутом понятии избыточно, или же в научном плане может показаться не вполне строгим, прежде всего потому, что оно (пространство) *скалярно*, т. е. представляет собой одну из форм суще-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. С. 3. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).

ствования материи, характеризующейся протяжённостью и объёмом. А субъектами и объектами процесса *развития*, которые, изменяясь в соответствии с его *вектором*, наполняют пространство, являются собственно и природа, и *над-природа*, т. е. общество, наука, культура, промышленность и так далее, но не пространство как таковое.

Признание правомерности подобного вывода и, как следствие, наличия в отмеченном выше определении пространственного развития определённой доли условности, представляется, тем не менее, при рассмотрении данного вопроса применительно к нынешней ситуации в России вполне допустимым, что представляет собой элемент авторской установки.

Одним из основных понятий в структуре нормативных актов, использованных в разработке Стратегии пространственного развития, является *«время»* (в различных сочетаниях с планами, объектами, разработкой, выполнением, длительностью этапов и т.п.). Время – вектор, направленный из прошлого в будущее, и который, воздействуя на всё, что вмещает пространство, вносит изменения в его содержимое (см. выше). И именно это, в конечном итоге, проявляет себя как *процесс исторического развития* или просто *историю*. А неразделимое строго научное сочетание *пространство – время* трансформируется в прикладной науке, жизненной практике, а также в нормотворчестве в *пространственном развитии*.

Исторический процесс формирования российского государства на протяжении более, чем 1200 лет его существования, был и в значительной степени остаётся неоднозначным и неравномерным по скорости, направленности движущих и препятствующих сил и т.д., но результирующий вектор данного процесса оставался постоянным – вектором *развития* в самом широком смысле этого понятия. Территория, демографический состав, социально-экономические условия существования различных слоёв населения, идейные и идеологические особенности в отдельные периоды существования России, её место среди других государств – всё это и многое другое периодически подвергалось влиянию как внутренних, так и внешних, локальных и широкомасштабных кризисов, войн, революций и переживало, как

правило, не очень продолжительные периоды относительно мирного существования.

В настоящей главе предполагается рассмотреть лишь некоторые *особенности исторического плана*, учёт которых, как представляется, мог бы способствовать теоретическому осмыслению и эффективному решению задачи пространственного развития России в современный период её существования. Представляется очевидным, что это понятие сравнительно новое, как уже отмечалось, не только в научном обиходе, но и в публицистике и популярных средствах массовой информации, естественно и логично соотносится с целым рядом словосочетаний, которые не только широко использовались в недалёком историческом прошлом, прежде всего нашей страны, но и в различном контексте сохраняют своё смысловое значение в настоящее время.

Подтверждением этому могут быть сочетания слов «*страна*» и «*развитие*» с множеством близких по смыслу лексических вариантов. Достаточно вспомнить некоторые из них: покорение Арктики и Сибири, освоение целины и Дальнего Востока и т.д. А знатоки истории могут процитировать пророческое высказывание М. В. Ломоносова, сделанное им ещё во второй половине XVIII в. о том, что «*российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном*». Можно вспомнить ещё не один подобный пример с большей или меньшей описательностью событий, однако общими, в любом случае, останутся основные их части, такие, как акторы, динамика, время, направления, итоги и перспективы, нынешнее состояние и т.п.

Рассматривая вопрос пространственного развития, следует исходить из того, что за **весь** исторический период развития человечества совершенно необитаемых, «ничейных» земель, которые могли быть пригодны для проживания, было не так уж много. Письменный период истории наполнен преимущественно хрониками бесчисленных войн, покорений слабых племён, насильственного освоения «открытых» земель, исчезновения в результате войн целых народов. И в то же время всё это происходило одновременно с расширением Ойкумены, великими географическими открытиями и, что нельзя отрицать, подлинным освоением ранее недоступных, непригодных для жизни пространств.

Последнее было результатом, в том числе, технического прогресса, получения нового знания и опыта. В то же время географические открытия и достижения в науке и технике синхронно конвертировались в насильственное обладание пространственным потенциалом.

Обозначенный ранее наиболее общий подход к пониманию сути «пространственного развития» в целом совместно с выбранным историческим периодом, как объекты исследования, составляют существенную часть содержания настоящей работы.

Вторжение в 1237 г. монголо-татарских войск на Русь, захват её земель, разрушение Киева – политического и религиозного центра Руси, значительно осложнило и затормозило процесс формирования российской государственности и негативно сказалось на развитии страны на многие десятилетия. Период ордынского правления на Руси в отечественной и зарубежной исторической науке принято обоснованно считать временем политической, научно-технологической, культурной, экономической, то есть её общецивилизационной отсталости. Этим выводом, в частности, сторонники концепции прозападной геополитической ориентации России обосновывали историческую предопределённость как ускоренной, переходившей порой в насильственную, вестернизации нашей страны и общества в петровские времена, так и в дальнейшем – закономерность догоняющего развития нашей страны в XIX в. и в её современной истории.

В настоящей работе не предполагается анализировать и давать оценку приведённого выше вывода в силу его общепринятости. Цель – выявление исторических особенностей пространственного развития России на основных его этапах. Исходным тезисом при этом является то, что *особенности установления, протекания и завершения отдельных исторических периодов способствовали формированию основополагающих принципов образования и дальнейшего развития России как централизованного государства*. Предполагается также, что особенности и характер задач, решаемых в данном разделе, ссылки на исторические исследования позволяют в соответствующем контексте в качестве аналога современному определению

«пространственное развитие» использовать историзм «собрание (собрание) земель».

Подобно многим другим государствам далеко не во все периоды своей истории Россия развивалась и, в том числе, прирастала землями и увеличивалась населением, используя в этих целях лишь мирные способы и средства. Нередко русским в процессе территориального расширения своей страны приходилось сталкиваться с активным сопротивлением коренного населения присоединяемых (покоряемых) земель или государствами – соперниками, преследовавшими подобные цели. И тогда в действие приводились силовые, экономические, дипломатические средства и методы в их разнообразных комбинациях, а также, если наличествовало известное совпадение интересов, совместные действия в коалициях с государствами – союзниками, зачастую – временными. Российская история изобилует примерами как успешного, так и неудачного исхода при решении своих территориальных проблем подобными средствами.

В связи с этим представляется полезным привести некоторые исторические примеры использования для расширения и усиления российского государства как военной силы и внешнеполитической конъюнктуры, так и специфики социально-экономических и межэтнических отношений в странах и на территориях, которые добровольно или с различной степенью принуждения входили в состав России. В дальнейшем, используя периодические изменения внутривнутриполитического положения и (или) международной расстановки сил, сопровождавшейся ослаблением российского государства, вышеупомянутые территории становились, как вариант, независимыми, а его население спешило восстановить (создать) свою государственность, сохраняя в своей памяти не самые лучшие воспоминания о России и, соответственно, российском периоде своей истории.

Предварительный комментарий к изложению подобранных примеров. ***Настоятельная необходимость объективного знания условий и особенностей протекания вышеизложенных процессов predetermined тем, что сохранение в исторической памяти народов, входивших в состав нашего государства, причин и конкретных поводов для добровольного или принудительного присое-***

динения, не имеет срока давности. И поэтому знание неполное, искажённое или тенденциозное, относящееся и к прошлым периодам сосуществования и, что особенно актуально, к нашему времени, способно проявить себя как негативный, дестабилизирующий фактор и в системе международных отношений с участием Российской Федерации, и во внутренней политике нашего многонационального государства в новейший период истории. Сложные ситуации, временами переходящие в кризисные, характерные для Советского Союза в послевоенный период времени, значительно обострились после его распада в 1991 г. и, в основном, продолжают оставаться таковыми поныне.

Приведём лишь некоторые примеры из отечественной истории в её названные периоды. Так в 1552 г. после серьёзной подготовки и длительной осады русские войска взяли Казань, устранив, наконец-то, угрозу России с востока и открыв путь в Сибирь. Одновременно, с падением Казанского ханства, башкиры получили свободу от своих угнетателей. В 1557 г. от имени царя Ивана IV главам основных башкирских племён было предложено «пойти под высокую руку» русского государя с предоставлением им значительной самостоятельности. В 1957 г. в столице Башкортостана г. Уфе был открыт памятник в ознаменование 400-летия вхождения Башкортостана в состав России.

В 1801 г. в состав России добровольно вошла Кахетия (Восточная Грузия). Следует отметить, что добровольность присоединения была во многом вынужденной из-за разногласий между другими грузинскими государствами, несмотря на общую для всех постоянную угрозу со стороны Османской империи.

В 1809 г. после окончания русско-шведской войны финнам, освободившимся от власти шведов, было предложено войти в состав Российской империи на правах Великого княжества Финляндского, обладавшего заметной, особенно в сравнении с российскими губерниями, суверенностью в социально-правовых вопросах. После Октябрьской революции 1917 г. Финляндия мирным путём вышла из состава России, став со временем одним из наиболее стабильных государств Европы.

Приведённые эпизоды российской истории представляют собой малую часть того, как «собирая земли», Россия обустроивала не только самоё себя, но и освобождала автохтонное население, пытавшееся или, по крайней мере, сохранявшее укоренённое в его национальном сознании стремление освободиться от гнёта третьих сторон в геополитических конфликтах. В таких случаях совпадение направленности векторов устремлений России и её зачастую вынужденных союзников, этническая и религиозная близость становились, как правило, одними из основных условий устойчивого мирного сожительства с ними на более или менее длительные периоды времени.

Так же нередко, следуя своим внешнеполитическим, геостратегическим и экономическим интересам, Россия, как и любое крупное государство, обретя со временем необходимый и достаточный экономический и военный потенциал, переходила от решения задач самосбережения и сохранения *status quo* в вопросах обеспечения безопасности и иных своих интересов к государственной стратегии силовых инициативных и превентивных действий в этих областях. Здесь уместно отметить, что далеко не всегда Россия, выбрав второй вариант действий, адекватно оценивала свой совокупный потенциал как для действий в названных областях, так и характер всего спектра возможных последствий для своего положения как на международной арене, так и внутри себя самой.

В новой и новейшей истории Россия и в одиночку, и в союзе с другими государствами неоднократно принимала участие в войнах, по результатам которых она прирастала территориями побеждённых стран, не всегда просчитывая эффект «прирастания» не только на долгосрочную, но и краткосрочную перспективу. Достаточно вспомнить наиболее показательный пример: состоявшиеся во второй половине XVIII столетия три раздела Польши коалицией трёх стран – России, Пруссии и Австрии, в итоге которых Речь Посполитая утратила суверенитет, а её значительная часть более чем на сто лет вошла в состав Российской империи в качестве Царства Польского.

Внешняя политика Российской империи в отношении Польши неоднозначно оценивалась ещё современниками,

поскольку участие России в разделе Польши, будучи обусловленным обязательствами перед союзниками по коалиции, не было мотивировано сколько-нибудь жизненно важными интересами государства. Не повышало оно, как показал дальнейший опыт межгосударственных отношений со странами Запада, и безопасность России в плане приобретения надёжных союзников в случае возможных в будущем осложнений в Европе. А длительное пребывание Польши в составе Российской империи в немалой степени способствовало формированию в историческом сознании не только поляков, но и других европейцев, стойкое, сохраняющееся поныне представление о России как стране – потенциальном агрессоре.

Поэтому, несмотря на то, что, подобно Финляндии, Царство Польское обладало особым политико-правовым статусом, оно прежде всего в силу сохранявшегося в исторической памяти стойкого неприятия народом и правящей элитой утраты независимости своего государства оставалось наиболее беспокойной, во всех смыслах, частью Российской Империи, что приводило к усмирению поляков посредством вооружённого подавления, к массовым репрессиям и ссылкам. Историческая память об этих событиях, совокупно с рядом других событий из далёкого прошлого, в дальнейшем, после обретения Польшей независимости по итогам Первой мировой войны 1914–1918 гг., стала важной частью основы неоднозначных взаимоотношений вначале между Польшей и СССР, а затем и с Россией, резко обострившихся в настоящее время.

В настоящей работе не предполагается давать обстоятельную оценку причинам и итогам многочисленных войн, которые в составе различных коалиций и в одиночку вела Россия в течение нескольких столетий на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке и т. д. и, тем более, мировых войн XX века, в которых участвовала Российская империя и Советский Союз, а также современных вооружённых конфликтов с участием Российской Федерации на постсоветском пространстве. Примеры изменения силовым путём территорий государств, т. е. *освоенного ими пространства* приведены для того лишь, чтобы попытаться понять особенности нынешнего состояния России с помощью отечествен-

ной модели пространственного развития с привлечением исторического опыта, полученного государством и народом как в нынешнее время, так и в историческом прошлом.

Уже сама постановка задачи пространственного развития России – государства, имеющего за свою 1200-летнюю историю богатый, разнообразный и неоднозначный опыт развития в этом направлении, свидетельствует о высокой степени неординарности проблемы, адекватной сложности её решения и сохраняющейся по сию пору актуальности. Неординарность проблемы современной России заключается, прежде всего, в том, что впервые в новейшей мировой истории в условиях мирного сосуществования как с отдельными государствами и мировым сообществом в целом, в конце 1991 г. прекратил существование Советский Союз – одна из крупнейших ядерных сверхдержав и экономик мира. Возможное сравнение в качестве контраргумента с распадом по итогам Первой мировой войны Российской, Австро-Венгерской, Германской, Османской империй, а также обретение после Второй мировой войны независимости бывшими колониями ряда европейских стран – представляется некорректным.

Распад СССР состоялся в силу целого ряда причин и обстоятельств, которые, в целом, не входят в перечень объектов настоящей работы. *Представляется обоснованным и достаточным полагать, что это событие всецело противоречило логике и содержанию исторического процесса развития нашего государства в последние 500 лет его развития, представляя собой негативный итог воздействия, прежде всего, совокупности внутренних субъективных факторов.* Среди них одним из основных является волюнтаризм руководства страной в целом и отдельных союзных республик, проявленный в частности, при решении вопросов, касающихся судьбы государства. Несмотря на наличие целого ряда иных предпосылок, это проявилось в том, что итоги всенародного референдума 1991 г. в пользу сохранения единства страны были проигнорированы, и союзные республики, в том числе и те, что не располагали достаточным потенциалом для превращения в полноценные государственные образования, воспользовались конституционным правом свободного выхода из состава СССР.

Идея тотальной суверенизации была доведена до абсурда. Её последствия, если не считать конспирологических версий, не были должным образом просчитаны, действия были спонтанными и стихийными, в результате чего в значительной степени разрушены промышленные, энергетические, оборонные, научные, коммуникационные и прочие системы. ***В результате были перечёркнуты итоги пространственного развития последних столетий.*** Россия утратила почти треть своей территории – наиболее освоенные, обжитые её части, а также существенно сократились её транспортные и промышленные возможности на Балтийском, Чёрном, Азовском и Каспийском морях, усложнились условия обеспечения надлежащего уровня обороны. Вступление в НАТО прибалтийских республик, вооружённый конфликт с Грузией в 2008 г., напряжённые отношения с Украиной привели к кризису и продолжают обострять отношения с мировым сообществом, заметная часть которого поддерживает отношения с Россией, в основном, в режиме санкций. Кроме того, Российская Федерация в течение более десяти лет была вынуждена выходить из кризисной внутривнутриполитической ситуации в отдельных национальных субъектах Федерации.

Целостность оставшейся после распада СССР части страны подверглась испытанию на прочность приватизацией энергосетей, железнодорожного и воздушного транспорта, ликвидацией неприбыльных с точки зрения новых владельцев предприятий, переходом преимущественно к сырьевой экономике. Значительный урон понесла система стимулирования труда в сложных условиях крайнего Севера и Арктики, распространявшаяся раньше не только на гарантированно высокую оплату труда, но и специализированный отдых, лечение и т.д. Преобладающей формой организации труда на Севере страны и приравненных к нему районах стал вахтовый метод работы во всех его разновидностях, по своей специфике предполагающий временность пребывания трудоспособного населения в местах трудовой занятости. Тем самым, он препятствовал появлению долговременных и эффективных стимулов для всестороннего освоения сложных регионов и существенно затруднял решение задачи пространственного развития страны в целом.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Стратегии пространственного развития в разделе «Основные направления» для решения нынешних проблем в организации труда в сложных районах страны предлагается (в том числе) «Обеспечить формирование и развитие минерально-сырьевых центров путём: формирования минимальных (даже не оптимальных – прим. авт.) стандартов получения услуг отраслей социальной сферы для граждан, осуществляющих трудовую деятельность вахтовым методом в минерально-сырьевых центрах»¹. Подобная формулировка одной из актуальных задач Стратегии даёт основание полагать, что в настоящее время предоставление жизненно необходимых услуг названной категории граждан осуществляется или произвольно по объёму и качеству, или же вовсе отсутствует, что входит в явное противоречие со стратегическими целями, поставленными Программой.

Основным же фактором, препятствующим всестороннему устойчивому развитию сложного, но по самым разным оценкам, в высшей степени перспективного во многих отношениях российского Севера, является его преимущественно ориентированная на экспорт сырьевая экономика, предопределяющая исчерпание невозобновляемых природных ресурсов в результате интенсивного добывания в сравнительно недалёком будущем. По различным оценкам нынешних природных запасов углеводородов в России при существующих объёмах добычи и экспорта хватит от силы на два поколения россиян.

Подобный характер современной российской экономики имеет, в числе многих других, одно из наиболее отрицательных, с точки зрения рассматриваемых, последствий, которые, если не изменится существующая тенденция в экономике и её социальном обеспечении, выразятся в том, что даже самые богатые регионы Севера и Сибири России постигнет современное национальное бедствие – **обезлюживание**, проявляющееся в одичании и запустении некогда окультуренных многими поколениями сельских жителей

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. С. 10. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JJAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).

не только собственно Севера, но уже и Центра России, в том числе – недалекого Подмосковья. Можно с достаточным основанием утверждать, что в настоящее время наша страна переживает болезненный период *пространственной деградации*. Именно поэтому и прежде всего *задача осуществления реального пространственного развития представляется крайне актуальной*.

Предпринимая попытку раскрыть заявленную проблему применительно к нашей стране, представляется уместным, не углубляясь в какие-либо сравнения, привести высказывание известного отечественного учёного В. В. Пациорковского из его фундаментальной работы «Сельско-городская Россия», вышедшей в 2010 г. Коснувшись проблемы демографического развития, вызывающей непреходящий интерес во всех развитых странах на разных общественных уровнях, включая научный, он пишет: «Традиционные проблемы территориального развития, прежде всего роста числа и численности населения городов было принято решать за счёт сельской местности. Однако, как оказалось, это можно делать только при условии расширенного воспроизводства в ней населения. Это обстоятельство не принималось во внимание до тех пор, пока депопуляция во многих развитых странах не заявила о себе во весь голос»¹. Не ограничиваясь констатацией существующей и набирающей силу тенденции в демографическом процессе, он формулирует ряд принципов соответствующей пространственной организации общества, отмечая при этом, что «между точкой естественного минимализма и началом депопуляции существует интервал глубокого снижения численности сельского населения, проходя который, сельская популяция утрачивает способность к воспроизводству»².

Использованное в настоящей работе столь же русское слово *обезлюдивание* в контексте настоящей работы представляется лишь отчасти синонимичным *вымиранию*, поскольку отражает ещё и характер пространственной динамики плотности населения страны. Широко известно, что

¹ Пациорковский В. В. «Сельско-городская Россия». М., 2010. С. 45.

² Там же. С. 47.

в сравнительно короткий срок, менее, чем при жизни двух поколений, произошёл гигантский сдвиг в демографической картине российского социума. Это явление многофакторно и вызвано чередой или совокупностью событий новейшей истории нашей страны, таких, как две мировые войны, породившие в результате гигантских жертв «демографические ямы», сложные периоды восстановления в послевоенные периоды. Каждое из этих событий сопровождалось резким падением экономического развития страны, численности и уровня жизни населения и, соответственно, приводило к резкому снижению рождаемости.

Настоятельная необходимость в максимально короткие сроки восстановить экономику, прежде всего, промышленность, энергетику, транспорт и т.д. закономерно становились ещё и причиной массового перемещения наиболее трудоспособной части населения в города. Как всегда в самые трудные периоды истории России основным источником рабочей силы становилась в широком смысле деревня. Так было в период индустриализации 30-х годов, и ещё больший масштаб это приобрело после окончания Великой Отечественной войны в период восстановления народного хозяйства. К концу 50-х гг. с завершением основных задач послевоенного восстановления ожидаемый подъём сельского хозяйства и улучшение жизни в деревне не наступил. Замена колхозов с их относительной самоорганизацией на совхозы, резкое сокращение площадей приусадебных участков, уменьшение до минимума численности домашнего скота и пр., несмотря на существовавшую в 50-е гг. «беспаспортность» сельских жителей как средство закрепления населения в деревне, лишь привели к упадку сельскохозяйственного производства и сокращению, несмотря на все препоны, численности сельского населения.

Обретение в дальнейшем полноценного гражданского статуса жителями сёл и деревень не изменило ни социально-экономической, ни демографической ситуации. Более того, исход сельских жителей из мест традиционного проживания и деятельности приобрёл массовый, почти тотальный характер. Не только из объявленных на основе некоторых научных рекомендаций «неперспективными», но и вполне

устойчивых сёл и деревень в 50-е и 60-е гг. прошлого столетия в города и рабочие посёлки, на масштабные стройки переселились миллионы людей, что привело, в частности, к тому, что к середине 1960-х гг. страна из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции превратилась в столь же крупного её импортёра, а с большим трудом возделанные сельскохозяйственные угодья декультивировались. Те же, кто уехал в города, и большая часть их потомков в деревни и сёла не возвратились. Здесь уместно привести данные последней переписи населения Российской Империи (по некоторым известным источникам), проведённой в 1897 г., согласно которым при её общей численности в 125 640 021 человек, в городах проживало лишь 13,4% от этого количества, при том, что существенная часть горожан того периода времени были таковыми, в лучшем случае, во втором поколении после отмены в России крепостного права в 1861 г.

Существует проверенная временем и подтверждённая жизненной практикой истина, что деревня, в самом широком смысле этого слова, в России была и остаётся хранительницей традиционной культуры, одной из основ российской цивилизации. Однако (и это подтверждают многочисленные научные исследования, публицистика и литература) российская деревня как цивилизационный феномен, культуруобразующий фактор исчезает, перемещаясь в национальный эпос. Примечательно, в частности, то, что из живого русского языка практически исчезли самоназвания бывшей самой крупной в течение многих веков составной части русского народа и его отдельного представителя – **крестьянство и крестьянин**, этимологически восходящих к историческому социально-религиозному самоопределению – **христианин и христианство**. Вместо крестьянина утвердилось понятие фермер, толкуемый в современном словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой всего лишь как «владелец или арендатор фермы»¹.

В настоящее время, после длительного периода деидеологизации общества в нашей стране с переменным успехом

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 850.

идёт поиск того, что иногда с иронией называют «скрепами». Всё чаще имеет место обращение к отечественной истории в её самом широком толковании как учителя жизни, источнику «самостоянья человека», патриотизму. Не углубляясь в этот вопрос, можно лишь подтвердить настоятельную необходимость его решения, и что в этом процессе не может быть мелочей. В поздний период истории Советского Союза в литературном мире появилось такое направление, как деревенская проза, представители которой В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев и другие замечательные писатели-деревенщики, как их тогда называли, создавали произведения, основной темой которых была горькая судьба русской деревни, её разрушение и, как следствие, – утрата традиционных культурных и нравственных ценностей нашего народа. В наше время глубинная, деревенская Россия как объект литературного творчества практически незаметна. Что отчасти естественно, поскольку и литература в её серьёзном, общественно значимом понимании во многом, если не совсем, утратила свои позиции.

Социально-политическое переустройство нашей страны, начатое в 1991 г., не только не ослабило, но, к сожалению, укрепило эту разрушительную тенденцию, проявившую себя в нашей стране ещё задолго до 1991 г. В одном из директивных документов – Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326 «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» – во второй главе, в частности, отмечается: «За последние 10 лет в России уничтожено более 2500 памятников истории и культуры... в стране почти 65% объектов культурно-исторического наследия находится в предаварийном или аварийном состоянии. Реально же немалое число памятников уже превратилось в руины». И далее следует констатация того, что *«Разрушение исторического наследия наносит серьёзный удар по историческому сознанию, ведёт к утрате национальной идентичности»*¹.

¹ Исторические города России. Сохранение и развитие». Аналитический доклад. Совет Федерации Федерального Собрания. Москва, 2011 г. С. 34.

В документе нет перечня подобных объектов исторического наследия и названий соответствующих населённых пунктов, но, как правило, нередкие сейчас сообщения об уничтожении памятников истории и культуры относятся к городам, которые сейчас принято называть *малыми*, или к покинутым, обезлюженным, некогда крупным, процветавшим сёлам и деревням. Нечастые в наше время сообщения о планах и попытках осуществить по-настоящему профессиональное, адекватное восстановление памятников истории и культуры нередко имеют характер намерений, не переходящих в стадию их выполнения. Чаще всего причиной этого были и остаются крайне ограниченные возможности (организационные, кадровые, финансовые и пр.) местных и региональных администраций. В подтверждение ещё одна выдержка из Доклада: *«Причин такого удручающего состояния памятников истории и культуры очень много. Это и несовершенство федерального и регионального законодательств в этой сфере, и катастрофический дефицит высококвалифицированных реставраторов, и недостаточное финансирование консервации, ремонта, реставрации и благоустройства памятников истории и культуры»*¹.

В связи с этим представляется настоятельно необходимым, чтобы в процессе совершенствования федерального и регионального законодательств достигался их согласованный императив в отношении способности реально воспрепятствовать бесконтрольному, ползучему переходу теперь уже не деревень, а малых городов в разряд «неперспективных» с вытекающими из этого необратимыми разрушительными последствиями. Требование подобной согласованности вытекает из объектной *взаимообусловленности задач сохранения историко-культурного наследия и пространственного развития страны, т. е., по сути, как задачи единой*. На практике это означало бы включение задачи сохранения культурно-исторического наследия в процесс пространственного развития как страны в целом, так и её отдельных составляющих, все категории территориальных образований и населённых пунктов, в том числе, *малые*

¹ Исторические города России. С. 34.

города. Таким образом, выстраивается логичная и технологически корректная связь частной задачи (отдельный регион, город, поселение и т.д.), с задачей глобальной, общегосударственной.

Стратегия пространственного развития до 2025 года содержит ряд положений, в той или иной степени предусматривающих лишь некоторые подходы к её решению. В частности, в разделе V «Принципы пространственного развития Российской Федерации» в общем перечне содержится один из них в следующей формулировке – *«Рациональное природопользование, сохранение историко-культурного наследия, обеспечение доступа к природным и культурным ценностям»*¹. Поскольку данная формулировка одного из принципов Стратегии содержит одновременно два различных объекта целеполагания, т. е. *собственно природу как таковую, с одной стороны, и творений человека разумного, с другой*, было бы логичным обобщённую формулировку вышеупомянутого принципа Пространственного развития РФ представить в виде трёх. Их возможные варианты:

- Рациональное природопользование, обеспечение доступа к природным ценностям, их сохранение и воспроизводство.
- Сохранение историко-культурного наследия, выявление и реставрация памятников архитектуры и других артефактов в научных и образовательных целях.
- Развитие внутреннего и въездного туризма, преобразования его в стабильно развивающуюся отрасль экономики страны.

Значительные возможности для развития в России различных видов туризма, этнокультурное и природное многообразие, наличие и постепенное увеличение числа отечественных объектов, входящих в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, накопление опыта в туристическом сервисе, соответствующего международному уровню в различных регионах и отдельных городах в нашей стране, – всё это и многое другое делает туризм потенциально высокодоходной отраслью народного хозяйства с обновляемыми

¹ Исторические города России. С. 8.

источниками доходов. Особое значение это обстоятельство имеет для вывода из стагнации малых городов и поселений с большим прошлым, уникальной историко-культурной средой и находящимися, чаще всего на грани исчезновения, материальными памятниками прошлого.

В докладе, в частности, говорится: «Одно из направлений развития исторических городов – туризм, в том числе, внутренний. Туризм – единственная отрасль народного хозяйства, по-настоящему заинтересованная в сохранении исторической среды. Однако, несмотря на богатый потенциал, наша страна в этом направлении является очень отсталой. Сегодня доходы от туризма не превышают 3–4 процентов от совокупных доходов российских городов. Для сравнения: в структуре доходов таких европейских столиц, как Париж и Лондон, доходы от туризма выше 50 процентов»¹.

Экспертный анализ показывает, что, несмотря на наличие во многих из них объектов туристического интереса, в том числе для зарубежных туристов, многие малые города и исторические поселения в значительной мере утратили или даже ещё не приобрели необходимые сервисные функции и технологии организации и поддержания должного уровня комфортности среды как для проживания горожан, так и необходимых условий для развития туристической отрасли. Всё это, а также хронические бюджетные проблемы у городских администраций, отсутствие у молодёжи перспектив для приложения сил и знаний стимулируют современный исход населения из малых городов в большие, особенно те, которые являются столицами субъектов Российской Федерации или крупными промышленными центрами.

В настоящее время Россия переживает специфический период пространственного развития, представляющего собой значительное повышение уровня урбанизации отдельных территорий и, во многом, *сохраняющего инерционный, стихийный характер* при одновременном сокращении территорий, находящихся в социально-экономическом обороте. С учётом этих особенностей в Стратегии простран-

¹ Исторические города России. С. 29.

ственного развития рассматриваются особенности двух основных сценариев процесса развития страны¹:

1. **«Инерционный** сценарий пространственного развития Российской Федерации предполагает сохранение текущих тенденций развития системы расселения и экономики при условии невыполнения запланированных мер и отказа от реализации механизмов устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации».
2. **«Приоритетный** (целевой) сценарий пространственного развития Российской Федерации предполагает *снижение различий между субъектами Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям*».

Подобное формулирование основных сценариев пространственного развития имеет как оценочный, так и директивный характер в отношении «связанности центров экономического роста *с малыми и средними городами, сельскими территориями*, расположенными за пределами крупных и крупнейших городских агломераций», что будет способствовать сохранению и развитию человеческого капитала.

Сравнительно недавно вошедшее в научный оборот, а также в социально-политический лексикон понятие **агломерация** стало знаковым для оценки степени однородности государства, стабильного, равновесного состояния всех составляющих его частей. Однако же следование директивному характеру приоритетного сценария пространственного развития России существенно ограничивается тем, что на практике в последние два десятилетия превалирует сценарий инерционный, который для нашей страны уместнее, к сожалению, охарактеризовать как исторически традиционный.

Основанием для подобного заключения является то, что основная доля административно-организационного, финансового, торгового, политического и прочих потенциалов всей страны концентрировалась и концентрируется в Мо-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. С. 27. <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).

скве и Санкт-Петербурге, и тенденция к росту этой доли сохраняется. В значительно меньшей степени наращивание совокупного потенциала происходит в субъектах Российской Федерации, что препятствует решению поставленной в Стратегии пространственного развития задачи снижения различий между ними и столичными городами по основным социально-экономическим показателям.

Декан экономического факультета МГУ проф. А. Аузан в своём интервью газете «БИЗНЕС Online» от 12.11.2018 г. отметил, что в настоящее время Москва и Санкт-Петербург, которые он назвал «старыми агломерациями», уже дают до 40% валового внутреннего продукта страны, а через 15 лет они будут производить 50%, т. е. половину ВВП. По его мнению, сохранение впредь нынешнего положения будет означать переход на инерционный сценарий развития, что приведёт в результате к появлению огромной агломерации в европейской части России и возникновению гигантских пустующих пространств к востоку от Волги. По мнению учёного, выход из подобного критического положения состоит в том, чтобы «развивать новые агломерации, новую модель, новые возможности расселения населения и полицентричности развития страны».

В порядке комментария следует отметить, что «старые агломерации» Москва и Санкт-Петербург, уже длительное время не имеющие в своей структуре крупных промышленных предприятий, производят в основном специфический продукт, относящийся прежде всего к сфере обслуживания, торговле, банкам и т.п., что существенно обесценивает содержательность возможных 50% ВВП через 15 лет. Стягивание же работоспособного населения в гигантскую агломерацию неизбежно приведёт к прогрессирующему сокращению и закрытию ещё остающихся за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке предприятий тяжёлой и лёгкой промышленности, сельского хозяйства, машиностроения и т.д. С достаточной долей уверенности можно предполагать, что до какого-то времени, пока не иссякнут запасы углеводородов, будут способны выживать добывающие предприятия и в необходимом для этого объёме – транспорт.

Следование инерционному сценарию пространственного развития России, наряду с обозначенными проблемами,

не только обострит, но и неизбежно породит новые, более сложные геополитические и геостратегические проблемы, обусловленные необходимостью обеспечения государственной безопасности и территориальной целостности нашей страны.

История России свидетельствует о том, что задачи её развития, сбережения народа и обеспечения безопасности всегда были жёстко взаимообусловленными. И, несмотря на принципиальные различия в содержании и способах выполнения, их решение было и остаётся в числе основных, которые способны и должны обеспечивать государству прочность и могущество.

Раздел II

Особенности воспроизводства
социального и человеческого
капитала в малых городах

Социокультурное развитие малых городов России: теоретические замыслы и практики воплощения

Проблемы малых городов действительно огромны. Это подтверждают исследования не только социологов, экономистов, но и математиков, географов, политологов, культурологов и т.д., показывая, таким образом, разнообразие типов городского пространства (экономическое, социальное, культурное, информационное). Во время индустриализации малые города создавались чаще всего в связи с потребностями развития промышленности и по одинаковому образцу. Однако начавшиеся после распада СССР экономические преобразования привели к остановке производств, города оказались в плачевном состоянии, без рабочих мест, без какой-либо возможности выживания, поэтому люди покидали их, переезжая в более удобные для жизнедеятельности города. Тем не менее российские малые территории, в силу исторических и экономических причин, разнородного расселения и переселения, выживали с помощью своих внутренних резервов. В современной России, преодолевая диспропорцию между экономической и социальной сферами, малые города развиваются не одинаково, а какие-то просто выживают, но все эти территории формируют пространственное единство России: в них проживает треть граждан населения страны.

В первую очередь, территориальное развитие малых городов связано с градостроительной политикой, с использованием заброшенных как внутригородских, так и прилегающих к ним земель, с защитой окружающих территорий. Сегодня государственные программы РФ пытаются учитывать роль малых городов в экономике страны. Однако многие из них уже не являются промышленными территориями, изменяются требования к ним с точки зрения собственной активности местного руководства, поиска новых идей, путей и ресурсов развития. В результате ликвидации прежних предприятий в этих городах возникает предпринимательская деятельность, открывающая новые возможности для развития активности населения. Вместе с тем, бизнес всегда связан с формированием культурной

среды, с повышением вовлечённости местных жителей в общие проблемы по развитию города. При этом малые города глубоко интегрированы в жизнь сельской местности, для которой они играют роль центра, как и крупные мегаполисы – для региона в целом.

Исследование Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН (далее ЦРСиК ИС ФНИСЦ РАН)¹ ставило своей целью разобраться в сегодняшних экономических условиях существования малых городов, их культурной инфраструктуре, в участии населения в жизни города, активности городских сообществ, понять причины упадка и остановки городского развития. С этой целью социологами первоначально изучались реальные экономические ресурсы городов, действительно оказывающие или, в силу каких-то причин, уже не оказывающие благоприятное воздействие на жизнь населения. Поэтому за основу исследования берётся, прежде всего, сфера экономических отношений. Однако экономические возможности напрямую связаны с состоянием культуры малого города. Учитывая современный переход промышленности к использованию высоких технологий и соответствующей им техники, к цифровой экономике, важнейшим в этом процессе является образование, требующее от личности совершенствования профессионального и культурного уровня. Именно через сферы деятельности человека, включая культуру и искусство, образовательные и обучающие практики, появляются новые современные профессии.

Кроме того, проблемы малого города обычно связаны с понятиями «центр» и «периферия», с важностью и необходимостью взаимодействия между центром и периферией, с реализацией стратегии зависимого развития, с оптимизацией культурных процессов и т.д.

Попытки осмысления реальной ситуации в малых городах всё больше приводят к выводам об усилении развития агломераций на основе экономической, культурной и обра-

¹ Эмпирические данные представлены на основе проведённого Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с региональными партнёрами исследования в рамках государственного задания «Малые города в социальном пространстве России» в 2019 г.

зовательной политики, когда города и другие поселения, сохраняя свою самостоятельность, вместе могут решать взаимосвязанные общие проблемы. С целью пространственного развития агломераций, социоэкономических и социокультурных связей входящих в них территориальных образований, их внутренних возможностей по реализации проекта пространственного развития России, требуется глубокий анализ экономических и культурных реалий городских и поселковых территорий, которые значительно отличаются друг от друга своим своеобразием.

Представляется целесообразным разобратся в потенциале малых городов как внутреннем резерве экономического развития агломераций, т. е. раскрыть особенности, их сильные и слабые стороны. Важно то, что существует значительный экономический и социокультурный разрыв между городами, сельской местностью и глубинкой, и это вызывает серьёзную озабоченность, ибо наша страна – многонациональная и многоконфессиональная, что ещё больше расширяет спектр культурных проблем малого города.

В России, как и в других зарубежных странах, преобладают агломерации с одним городом-центром, взявшим на себя обязательства по экономическому и культурному развитию населённых пунктов входящих в него территорий. Центр, как обычно, превосходит по территории и экономическому развитию все остальные города и поселения. Правила образования агломерации заключаются в следующем: 1) малые города присоединяются к крупному городу, который расположен не далее 60 км и который способен стать успешной агломерацией; 2) населённые пункты, занимающиеся сельским хозяйством, в которых нуждается город-центр и который способен создать агрокомплекс, в то время, как сельское население нуждается в городской культуре; 3) малые города, имеющие внутренние ресурсы, связанные с собственной историей и культурой, которые могут стать брендом и послужить серьёзным толчком в развитии экономики агломерации.

При этом отметим, что понятие городской среды имеет комплексный и в то же время совершенно конкретный характер. Прежде всего, город – это комфортное пространство, сохраняющее притягательность для места постоян-

ного проживания, где образ жизни человека вписывается в культурную среду. Культурное пространство в этом случае не только подстраивается под интересы горожан, но и формирует новые модели их поведения: сначала люди формируют городскую среду, а затем эта среда формирует культуру жителей города. Большую помощь в этом процессе оказывают современные технологии и действительно профессиональное руководство, позволяющее эффективно формировать комфортную инфраструктуру. Проживание в конкретном городе оказывает влияние на формирование культурной идентичности индивида, и в этом немаловажную роль играет тип населённого пункта. Городская и деревенская среды имеют разную структуру общественной жизни. Каждое поселение имеет возможности использования своих уникальных особенностей и укрепления своей особой роли в социокультурной идентичности.

Однако недостаточный уровень развития социальной сферы и благоустройства, неразвитость городской культуры в современной жизни характерны не только для подавляющего большинства российских малых городов, но и для многих крупных центров. Градообразующая база разрушена, а современные производства ещё не созданы, что приводит к безработице и низкому уровню жизни населения. В такой ситуации город не способен существовать как замкнутая экономическая структура, поэтому значительная часть населения вынуждена трудоустраиваться в близлежащих крупных городах. Вследствие этого перед людьми встаёт другая проблема – транспортной отдалённости или вообще отсутствия необходимого транспорта до места работы, а, кроме того, ограниченные материальные возможности людей. Тем не менее в этих тяжелейших экономических условиях большинство малых городов смогли себя сохранить, что свидетельствует об их исторической особенности, о сохранённых собственных резервах, которые объективно необходимы в экономическом, социальном, политическом и других аспектах пространственного развития России.

Сегодня малый город (численность населения до 50 тыс. человек) – это, как правило, посёлок городского типа, с магазинчиками, с одноэтажными деревянными домами, с огородами и, в лучшем случае, клубом – центром культуры

города, единственным местом для проведения свободного времени. Жители города в основном предпочитают «домашний» досуг, чаще смотрят телевизор, в меньшей степени вовлечены в общественную деятельность, в основном занимаются своим хозяйством. В малых городах разрушена система градостроительства. Негативные последствия государственной политики России постсоветского времени легли на плечи простых людей. В этот период внедрялись в практику новые формы управления, т.е. руководство города не избиралось населением, а было рекомендовано «сверху», что ограничивало граждан в формировании структур управления. Особенно это сказывается сейчас на примере поселений и городов, удалённых от регионального центра, в определённой степени изолированных, зачастую обладающих слабым ресурсным потенциалом.

Исследование ЦРСиК 2019 г. позволяет сделать вывод, что в каждом российском малом городе наблюдается свой набор проблем: в городах обнаруживаются полуразрушенные здания школ, а порой школа отсутствует вообще и учащиеся вынуждены ездить в школу в другие населённые пункты за много километров от дома. Для некоторых поселений отсутствие школьных и дошкольных, а также клубных учреждений уже кажется обыденным. Отсутствуют в городах культурные мероприятия, развлечения для молодёжи, повсеместно наблюдается плохое состояние парков, неухоженная городская территория и т.д. Экономическая помощь со стороны государства этим городам – мизерная, выделяемая по остаточному принципу. В недостатке квалифицированных специалистов медицинского, транспортного обслуживания, а также педагогов кроется одна из главных причин того, что основной поток миграции, перемещения людей (это касается в большей степени молодёжи) идёт из малых городов России в крупные. Практически все эксперты проведённого ЦРСиК ИС ФНИСЦ РАН социологического исследования¹ отмечают необходимость комплексного развития малых городов,

¹ Малые города в социальном пространстве России: [монография] / [А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019.

подчёркивая необходимость преодоления диспропорций между экономической и социальной сферами, указывая на значительную потребность населения в развитии социальной инфраструктуры. Важной проблемой малого города является ограниченный доступ к культурным ценностям, возможность реализации творческих способностей, вовлеченность жителей в разные формы самостоятельной культурной и творческой деятельности. Однако экономическая ситуация малых городов не позволяет организовать содержательный досуг населению, что приводит к росту употребления алкоголя, наркомании, преступности и т.д. Особенно необходима помощь детям, начиная с их досуга уже в начальной школе, где основой развития способностей и становления самой личности ребёнка является свободное время. То же самое касается создания условий для занятий спортом для людей всех возрастов. Благополучие малых городов в первую очередь зависит от правильной организации руководством города работы с общественными организациями, что является основой вовлечения населения в деятельность по сохранению историко-культурной идентичности, исторического наследия своего города, формирующего чувство патриотизма. Можно сделать вывод из ответов респондентов исследования, что качество досуга жителей провинциальной России значительно ниже по сравнению с возможностями его проведения в крупных городах.

Требования государственной политики по созданию условий для развития интеллектуальных, творческих, эстетических, этических, духовных, культурных, информационных ресурсов для самореализации каждого жителя малого города в условиях современной кризисной экономики, низкого уровня жизни людей, отсутствия возможности устройства на работу и т.д. **без федеральной финансовой помощи не-возможно**¹. Некоторые исследователи всё чаще говорят о бесперспективности малых городов. Но нельзя забывать, что малые города – это особое российское культурное про-

¹ См. *Барбошина Н. В.* Малый город России: в поисках культурного своеобразия // Молодой учёный. 2017. № 21.1. С. 1-3. URL: <https://moluch.ru/archive/155/43963/> (дата обращения: 13.02.2020).

странство, где родились и жили великие люди российской науки и культуры, внесшие в их развитие огромный вклад, представляющие гордость нашей страны. Первый космонавт Юрий Гагарин родился под г. Гжатском Смоленской области; создатель периодической системы химических элементов Дмитрий Менделеев – в Тобольске Тюменской области. А в городе Выксе Нижегородской области жил и работал российский инженер, архитектор и учёный Владимир Шухов, создатель знаменитой конструкции башни на Шаболовке. Михаил Калашников родился в селе Курья Алтайского края, а его знаменитое изобретение – автомат Калашникова – не только спас жизнь многим советским солдатам, но и известен сейчас во всём мире. Константин Циолковский – русский и советский философ, основоположник теоретической космонавтики, родился в с. Ижевское Рязанской губернии. Один из самых известных русских художников Виктор Васнецов родился в семье священника в небольшой деревне Лопьял Уржумского района Кировской области. Этот ряд знаменитых соотечественников можно продолжать ещё и ещё.

Есть убедительные примеры того, что сегодня необходимо восстанавливать не только качественно иную городскую среду малого города, но и качество человеческого ресурса. Это связано, прежде всего, с развитием города как особого социокультурного пространства, с уникальной культурной средой, где происходит развитие духовных качеств человека. Малые города России в социокультурном и духовном смысле – та российская земля, которая создала особый национальный тип характера и уникальную русскую культуру.

ЦРСиК Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с региональными партнёрами в 2019-2020 гг. было проведено исследование по государственному заданию «Малые города в социальном пространстве России». Отбор российских малых городов осуществлялся следующим образом: 1) в восьми федеральных округах были отобраны достаточно типичные субъекты Российской Федерации: Тверская, Вологодская, Ростовская, Нижегородская, Свердловская, Иркутская области, Ставропольский и Приморский края; 2) в каждом из этих регионов были выбраны по два малых города: а) входящий в агломерацию крупного горо-

да (25–30 км от крупного города или в пределах часовой транспортной доступности) и б) не входящий в агломерацию город¹.

В рамках исследования был проведён экспертный опрос, в котором участвовали квалифицированные специалисты тех структур федеральных органов исполнительной власти, с которыми связано решение выявленных проблем городов, Союза малых городов России, представители городской власти, местного бизнеса-сообщества, гражданских сообществ. Всего – 120 интервью. Для экспертов были составлены специальные анкеты. С помощью 16-ти фокус-групп интервьюеры получили более глубокую информацию, чем при индивидуальных интервью. Опрос был организован не только для представителей экономической сферы, деловых кругов, но и для представителей профессиональных и общественных сообществ (работников образования, здравоохранения, культуры, общественного совета города и т.д.).

Для ясности дальнейшего обсуждения представленной проблемы необходимо разобраться, что такое «пространственное развитие», понятие «региональное развитие» и что понимать под «территориальным развитием», т. к. важность введения понятия «пространственное развитие» связано, прежде всего, с управленческими практиками агломерации, с их социальным смыслом, средствами и инструментами этих практик, выражающими сам механизм управления данным пространственным образованием. **Региональное развитие** осуществляется за счёт экономического роста агломераций, крупных городов, входящих в регион, их экономических функций, промышленных производств, местного сырья и т.д. Это наиболее широкое понятие. **Пространственное развитие** – характеристика естественной среды жизнедеятельности социальных общностей муниципальных образований, а также разных видов поселений, входящих в агломерацию. Говоря о России в целом, развитие государства можно охарактеризовать как пространственно-региональное (85 регионов России). **Территориальное развитие** – понятие, характерное для

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 49-50.

конкретного муниципального образования, формирующегося как отдельная территориальная единица, очерченная границами, со своими экономическими потребности и нуждами населения, со своими особенностями. Таково соотношение этих понятий.

Когда эксперты при ответах на поставленные вопросы говорили об агломерациях, речь шла не только о центрах агломераций, но и о прилегающих территориях малых городов, посёлков, деревень. Агломерация возникает при наличии разных предприятий, взаимодействующих между собой и строящих необходимые экономические, социальные, культурные и другие связи между поселениями. По договорённости членов агломерации координирующие функции берет на себя крупный город. Агломерация – это, в первую очередь, экономическая категория, поэтому в приоритете её задач – решение общих экономических проблем с целью пространственного развития этой территории в целом. С другой стороны, центр (город) несёт ответственность за социокультурное развитие всей территории, укрепление и улучшение социальной и культурной жизни небольших и зачастую более привлекательных для людей близлежащих населённых пунктов (малых городов, деревень, посёлков).

Отметим ещё раз, что абсолютное большинство экспертов (93%) полагают, что для решения и реализации стратегии пространственного развития России необходимо сохранение малых городов и их развитие с целью социально-экономической и национальной безопасности, 87% разделяет положение о том, что сохранение и развитие малых городов способствует воспроизводству общероссийских ценностей и норм жизни, а более половины экспертов категорически выступили против возможного укрупнения городских поселений за счёт расселения малых городов или включения их в состав больших городов, отрицая даже экономический расчёт таких действий. Само население полностью выступило за решение сохранить малые города¹.

Что же представляет собой реальная жизнь малых городов? Возьмём, например, результаты исследования

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 241–265.

в Нижегородской агломерации. Они свидетельствуют о том, что руководство, используя финансовые возможности федерального и регионального бюджета по нескольким программам («Безопасные и качественные дороги», «Создание современной образовательной среды для школьников», «Формирование комфортной городской среды»), посчитало необходимым вначале обратить внимание на обновление автодорог и финансировать работу именно Программы «Безопасные и качественные дороги». Решая извечную российскую проблему, агломерация одновременно пытается разрабатывать новые типологии малых городов, стараясь подобрать инструментарий по решению их экономических и социокультурных проблем. Однако на деле руководством агломерации направляются субсидии только в те города, которые стали победителями Всероссийского конкурса, а другим они дают возможность самим решать свои проблемы, возникшие за многие годы развала экономики и культуры, таким образом, обрекая их на кризисное существование, на полную деградацию, а затем и вовсе на исчезновение¹. Явно обостряются социальные проблемы городов, наблюдается падение производства, находящееся в частных руках. Эту тяжелейшую ситуацию подтверждают предприниматели (эксперты опроса), а также весьма критичны в высказываниях по этому поводу общественники г. Балахна, подтверждающие, что *«город потерял свой облик, превратившись в большую деревню, молодёжь из города бежит, всё только разрушается и никаких созданий»*.

Если жизнь целого города может зависеть от одного частного предприятия, то проживание в таком городе оказывает влияние прежде всего на формирование культурной идентичности индивида. Городская и сельская среды играют в этом немаловажную роль. В сельском обществе порой нет рабочих мест для специалистов, экономика зависима от агрокультуры, заработки населения ниже, чем в городе, а поэтому значительную роль в развитии и формировании общественной среды играет культурная идентичность. Все поселения по-своему уникальны, и эту уникальность следует развивать, а также поощрять местное своеобразие,

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 49–50.

стремиться к сохранению истории, помогать творческим объединениям. Возьмём, к примеру, г. Красавино в Великоустюгском муниципальном районе Вологодской области, административный центр городского поселения «Красавино». Город (более 6 тыс. чел.) не входит в агломерацию г. Вологда, а включён в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации с наиболее сложным социально-экономическим положением. С распадом Советского Союза город Красавино изменялся в связи с общей перестройкой. Бывшая льнопрядильная фабрика – «лицо» города, как сейчас говорят – «бренд» города, стала Льнокомбинатом, переходила от хозяина к хозяину, оборудование не обновлялось, рабочие получали незначительные деньги за свой нелёгкий труд. В 2012 г. Льнокомбинат окончательно закрылся. Сегодняшний город Красавино – это небольшой городок с постепенно уменьшающейся численностью населения. Жилой фонд города изношен на 70% и состоит преимущественно из частных и малоквартирных домов барачного типа.

Респонденты опроса оценивают социально-экономическую жизнь в городе как кризисную. Они рады тому, что есть хотя бы школа и больница. Родственники одного из опрошенных приехали в Красавино из Первоуральска (Свердловская область), получили впечатление о Красавино как о городе после бомбёжки, в то время как в Первоуральске строятся социальные объекты. Красавинская железнодорожная станция большее время функционирует как грузовой терминал для местных предприятий по лесопереработке. В зимний сезон она работает для туристических поездов из Москвы и Санкт-Петербурга в Великий Устюг.

Обычно в качестве положительного примера малого города Вологодской области приводят г. Великий Устюг – родину Деда Мороза. Отличие его от других близлежащих поселений в том, что в нём проводятся мероприятия и зимой, и летом. Встреча Деда Мороза с детьми, конечно, – это помощь в воспитании детей и формировании любви жителей к родному городу, гордости за него. Местные традиции, ремесла, обычаи и народные промыслы являются одной из важнейших составляющих разнообразных экскурсионных программ и мастер-классов. Родина Деда Мороза с точки

зрения рекламы – удачный проект. Но этот проект не может осуществляться в отрыве от социально-экономического развития, без соответствующей инфраструктуры. Туристы приезжают в Великий Устюг и сталкиваются с катастрофической нехваткой всего: гостиниц, ресторанов, нормальных туалетов, что особенно не приемлет избалованный сервисом турист из Европы. Поэтому пока ещё проект родины Деда Мороза не достиг своего планируемого результата.

Казалось бы, всего в 25 км от Великого Устюга расположен г. Красавино, знаменитый своей историей. Напомним, в 1842 г. обрусевший немец Пётр Карлович Люрс построил в Красавино льнопрядильную ткацкую фабрику, для которой было закуплено лучшее оборудование за границей. Фабрика стала первой в Российской Империи по выпуску тонких льняных изделий. Слава фабрики гремела на весь мир. Льняные изделия побывали на многочисленных выставках, завоёвывая различные награды. Фабрика, названная в советское время Льнокомбинатом, производила широко известную продукцию, где трудилось большинство местного населения. Историческая ценность города могла бы быть основной культурологической составляющей по экономическому развитию и формированию инфраструктуры этого малого города на реке Лапинка с последующим развитием широкого туризма. Однако в 2012 г. Льнокомбинат был ликвидирован. Кроме того, недавно в г. Красавино остановлен ещё и кирпичный завод и с трудом выживает завод железобетонных изделий. Основной проблемой является большой износ инженерных сетей, отсутствие трубопроводов для обеспечения водоснабжением многих районов города.

Отвечая на вопрос «Что в наибольшей степени формирует лицо Вашего города?», большинство опрошенных в Красавино отвечали однозначно – красавинский лён, но, к великому сожалению, его производство прекращено. В своих ответах респонденты отмечали ещё и то, что в малых городах плохо организовано местное гражданское сообщество, оно неактивно, и что все общественные организации разрознены, пассивны, а сплотить организации некому. Нет ярко выраженного лидера, есть скорее группы влияния. Городская власть не даёт возможности появлению неформально-

го лидера. В ответах нередко звучало, что жители теперь не верят, что может что-то измениться.

На примере этого города, который оказался вне агломерации, можно понять, что одним из возможных способов возрождения и развития малого города является обращение к его историческим ценностям, к восстановлению производства (высококачественного льна), что и сегодня могло бы представлять «лицо» города и что однозначно могло бы стать главным в решении как экономических, так и социокультурных проблем. Вместе с восстановлением этого производства появляется возможность активизировать деятельность городской туристической инфраструктуры, способствующей развитию малого бизнеса, а также организации различных мероприятий, всегда привлекающих к себе внимание людей, оживляющих общественную жизнь города, способствующих общению людей, появлению новых традиций. Такие малые города, на наш взгляд, как Красавино имеют все шансы стать частью успешной агломерации, но только при профессиональном руководстве местной власти и реальной финансовой поддержке государства.

Далее, обратим внимание на г. Сокол, входящий в агломерацию г. Вологда (37 тыс. чел.), включённый в категорию «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в котором имеются риски ухудшения социально-экономического положения». Это – крупный центр деревоперерабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, входящий в первую тройку моногородов, на развитие которого были выделены средства из федерального бюджета. Это позволило, в частности, построить в 2012–2017 гг. новый комбинат по производству фанеры на территории индустриального парка «Сокол». В городе три основных предприятия данного профиля и, кроме того, – молочный комбинат и мясокомбинат. Есть железнодорожная станция, речной порт, междугородные автобусные маршруты, прямое автобусное сообщение с Вологдой. На вопрос: «Что в наибольшей степени формирует лицо Вашего г. Сокол?», ответ респондента был такой – *продукция бумаги (ЦБК) и сгущённое молоко.*

В городе есть все основные детские и образовательные учреждения, которые необходимы для культурного развития

молодёжи, а также Сокольский лесопромышленный политехнический техникум и старейший в области Сокольский педагогический колледж. Открыта Вологодская областная кадетская школа-интернат имени Белозерского полка. Для любителей спорта – два стадиона, спортивная школа, два физкультурно-оздоровительных центра.

При личном опросе респондентов открывается иная картина жизни города, которая отражает реальную его жизнь. Респондент – житель Сокола на вопрос: «Насколько, по вашему мнению, организовано и активно в городе местное бизнес-сообщество» дал лаконичный ответ – *«владельцы крупных предприятий города – москвичи, а их не очень интересует сам город, главное, чтобы предприятие работало и приносило прибыль владельцам этого предприятия, но не поступало в казну города»*. Это результат того (по ответам других респондентов), что город получает, во-первых, недостаточное финансирование из федерального центра для его развития, а во-вторых, большинство крупных предприятий малых городов зарегистрированы, как правило, не по месту их фактического расположения, а в крупных городах, и, соответственно, их налоги идут не в местные бюджеты. Результат опроса говорит о том, что никакого социальноэкономического развития города при такой ситуации нет и быть не может, поскольку в этих условиях за счёт малого города обогащается крупный бизнес.

Большинство опрошенных жителей малых городов, входящих в исследованные агломерации, высказали своё мнение по этому поводу в целом так: *«местная власть мало помогает в развитии городского бизнеса, все слишком самостоятельны, автономны, каждый делает по-своему, нет единства»*. Отмечали и то, что *«гражданское сообщество требует выработки новой системы мер политики развития города»*.

Напомним, что первый удар г. Сокол, как и многие другие малые города, ощутил от приватизации, потом пришло время строительства «рыночной» экономики, и, конечно же, коррупция во власти, связанная с переделом собственности. Сейчас перед ним, как и перед другими малыми городами, стоит проблема разрушенных дорог и необходимость строительства жилых домов, в которых нуждается

население. Но, как всегда, у руководства не хватает финансирования на градостроение.

Роль культуры как фактора интеграции местных сообществ часто недооценивается. Сокращающееся в городах финансирование бюджетных организаций культуры не способствует вовлечению людей в творческое взаимодействие с обществом, т. к. финансирование культуры города основывается на количественных показателях Дома культуры, музеев, Центров творчества и т.д. Муниципальные бюджеты не имеют возможности полноценно поддерживать ни инфраструктуру культуры, необходимую для сохранения историко-градостроительной среды, ни саму среду. Муниципалитеты также не имеют реальных финансовых стимулов для работы с малым бизнесом, способным оказывать услуги в сфере культуры.

Между тем, культурная деятельность имеет существенное значение для экономического развития малого города, формирует ценностные ориентиры общества, определяет имидж не только города, но и страны в целом. К такой деятельности относятся: использование памятников истории культуры, художественное и музыкальное творчество, художественные народные промыслы и ремесла, народная культура в таких её проявлениях, как языки, диалекты и говоры, фольклор, обычаи и обряды, исторические топонимы, самодеятельное художественное творчество и т.д. В малых городах и сёлах культура имеет и другое важное значение – она определяет базовый уклад жизни, повседневную активность граждан, формирует местные сообщества. Целевая модель развития культуры в сёлах и малых городах – творческая активность, дающая людям новый смысл существования через инициативных граждан и различные объединения (школы искусств, музеи, клубы, библиотеки и т.д.).

Комфортные благоустроенные города с яркой идентичностью и оживлённой общественной жизнью, развитой инфраструктурой культуры и досуга всегда привлекают людей. Безусловно, подобные проекты должны быть поддержаны Постановлением Правительства России по реализации стратегии пространственного развития РФ. Возьмём, к примеру, один из известных городов – Мышкин (Ярославская область) с населением – 5488 чел. Его можно назвать

городом-музеем русской провинции, с купеческой застройкой XIX века, где до сих пор сохраняется провинциальный уклад жизни. В городе практически нет промышленности, действует лишь производство по изготовлению валенок и рядом с городом размещены газокompрессорный Мышкинский ЛПУ МГ (линейное производственное управление магистральных газопроводов – *прим. авт.*) и нефтеперекачивающая станция. В городе действует более 50 торговых точек и предприятия общественного питания¹.

Другой город – Гусь-Хрустальный, где расположен музей хрусталя, открытый в 1983 г. Город знаменит своими достопримечательностями и входит в состав Золотого кольца России. Гусь-Хрустальный является центром стекольной промышленности, население которого составляет 60 773 человека. В основном в городе преобладают предприятия, специализирующиеся на выпуске изделий из стекла и хрусталя. На данный момент самой яркой достопримечательностью города является его музей².

Формирование и сохранение уникальности этих малых городов через их культурные ресурсы представляются источником экономической эффективности. Но в реальной экономической жизни действующие механизмы наполнения муниципальных бюджетов этих городов не позволяют полноценно поддерживать культурную инфраструктуру, необходимую для сохранения историко-градостроительной среды. Культура малых городов и сёл современной России оказалась за пределами системы государственной поддержки. Тем не менее, само городское общество, местные объединения способны предложить свои идеи по социокультурному развитию малых городов России.

Проекты, разработанные местными объединениями малых городов, нуждаются в поддержке и продвижении – для создания через взаимодействие городов агломерации творческой среды, позволяющей генерировать идеи. В связи с этим, сохранение населения малых городов и привлечение новых жителей – ключевая цель агломерации. Для

¹ Мышкин. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мышкин> (дата обращения: 20.04.2020).

² Музеи России. Гусь-Хрустальный историко-художественный музей // URL: <http://www.museum.ru/M1807> (дата обращения: 20.04.2020).

этого важной стратегической задачей является расширение культурного пространства города. Необходимы новые общественные образования с организацией разнообразных видов досуга, которые будут учитывать потребности различных групп населения городов. Культурная среда малого города всегда была и будет особым социокультурным пространством, и это надо учитывать разработчикам государственной стратегической программы, используя готовые проекты творческих, профессиональных и талантливых людей малых городов.

Интервьюерами был задан интересный вопрос: оценить преимущества или недостатки своего малого города в сравнении с такими же городами Тверской области или другими агломерациями. Респондент г. Заволжья ответил, что *«везде у них примерно одинаково, но в их городе власть не стремится изменить ситуацию»*, и указал на *«отсутствии земли, а главное – муниципальной программы»*. Респондент из города Кимры не мог более подробно ответить, поскольку, как он подчеркнул, *«сложно сравнивать свой город с другими, т. к. есть более бедные города»*.

Посмотрим, что представляет из себя г. Кимры. Из всех городов Тверской области г. Кимры (46 тыс. чел., вне агломерации) – самый приближённый к столице. Он является Административным центром Кимрского района Тверской области. Его официальное наименование «муниципальное образование “город Кимры Тверской области”». Обычно специфика пространственного обособления города предполагает своеобразие архитектурного комплекса. Вот и Кимры всегда был городом с уникальной культурой, с собственной судьбой и неповторимым образом. Это был купеческий город, где проводились крупные ярмарки, одни из самых значительных в губернии. В Кимрах трудились лучшие портные, сапожники, известные по всей России. Закупленная на ярмарках обувь расходилась по всей империи. В 1906 году была построена первая обувная фабрика «Якорь», которая затем была национализирована и обрела новое название – «Красная звезда». В 1925 г. открылась швейная фабрика им. Горького. Но в годы перестройки и в 1990-е гг. в городе резко сократилось промышленное производство, возникла безработица. Заводы переживали упадок.

Сегодня в Кимрах – 48 больших и малых предприятий, которые занимаются различным производством – станкостроением, деревообработкой, строительными технологиями, высокотехнологичным приборостроением, металлообработкой, обувной и швейной промышленностью, производством средств индивидуальной защиты человека. С 2013 г. в Тверской области началась реализация проекта «Сохранение и использование культурного наследия в России». В Кимрах было решено реализовать другой проект – «Столица сапожного царства». Там же проводится один из крупнейших в России фестивалей исторической реконструкции «Былинный берег», посвящённый культуре и традициям древнерусского государства и скандинавских народов в IX–XI вв., а также становлению «Волжского торгового пути», поддерживаемый государственными структурами. В городе функционирует краеведческий музей с постоянно действующей экспозицией, рассказывающей об истории края и о развитии в Кимрах обувной промышленности, а также есть свой Театр драмы и комедии, художественная галерея, издаётся различная пресса.

Непринятие необходимых решений местной властью, которая обычно указывает на отсутствие в городской казне финансов на сохранение исторических памятников культуры города, и, в первую очередь, на реставрацию исторических памятников архитектуры, приводит к тому, что город их теряет. Вот, к примеру, в 2019 г. произошло обрушение фасада Гостиного двора в Кимрах, который является лицом города, историческим памятником. Конечно же, средства на ремонт у руководства отсутствуют, в результате чего памятник будет выставлен на торги. Это значит, что процесс реставрации памятника затянется на годы, а он с каждым днём всё больше и больше разрушается. Такое пренебрежительное отношение местных властей, а также федерального руководства к истории наших городов приводит к потере русских исторических памятников, которые уже десятилетиями стоят в убогом виде (к примеру, подмосковные усадьбы XVIII и XIX вв. в том же Звенигороде). Хочется верить, что реализация Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г., утверждённая Правительством 13 февраля 2019 г., позволит обеспечить эффективное раз-

витие экономического пространства страны и раскрытие экономического потенциала различных типов территорий с последующей для этого финансовой поддержкой истории и культуры малых городов.

В последнее десятилетие наблюдается отчётливо выраженная тенденция так называемой обратной миграции, когда представители различных слоёв населения уезжают жить из больших городов в малые. У них формируется новый уклад жизни, возникают новые специализации. Если мы возьмём 25 крупнейших российских агломераций, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, то увидим, что из 40 млн проживающих в них – 15 млн живут в сельской местности или в других малых городах. Поэтому для стратегии пространственного развития особую роль играет молодое поколение в перераспределении населения между городами разных типов и связанная с этим учебная миграция, которая в основном направляется в региональные столицы.

Отток молодёжи в большие города значительно уменьшает человеческий и социальный потенциал этих поселений, лишая малые города перспектив развития. Учитывая, что, по последним данным Росстата¹, в сельской местности и малых городах проживает свыше половины населения России, рассмотренные в главе проблемы представляются исключительно важными для российских граждан – жителей посёлков, малых городов, муниципалитетов, и их роли в социальной активности, в решении локальных проблем и в достаточно высокой готовности принимать участие в различных практиках местного самоуправления. Малые города затормозились в своём развитии, там практически происходит массовая депопуляция, которая ведёт, как следствие, к сужению воспроизводства населения, человеческого капитала, и, тем самым, к торможению социокультурного развития.

Проблема образования и воспитания молодёжи – одна из самых, на наш взгляд, важных в развитии малых городов России, которая требует отдельного рассмотрения. В монографии эти вопросы представлены в главах 6 и 7.

¹ Росстат.URL: <https://inosmi.ru/social/20171016/240526196.html> (дата обращения: 04.05.2020).

Власть агломерации – организатор своего пространства, с особенностями входящих в него территорий и с различными характеристиками. Для дальнейшего ускоренного экономического развития необходимо глубокое изучение внутренних экономических возможностей малых городов, полноценного изучения их истории и культуры. Творческие объединения малых территорий способны конструировать и предлагать новаторские идеи по экономическому и социально-культурному развитию города. Недостаточность информации для полного и всестороннего понимания и представления о возможностях этих городов привела некоторых государственных экспертов к решению укрупнения мегаполисов за счёт различных малых поселений. Однако малые города и сёла представляют ряд неожиданных возможностей, преимуществ и могут послужить основательным источником в решении задач по пространственному развитию агломерации, и, одновременно, решать вопрос национальной безопасности страны в целом. В процессе ускоренного развития малых городов важное значение имеет формирование, укрепление, развитие городских и сельских сообществ, самостоятельно создающих социокультурные проекты.

Перспективное развитие территории агломераций заключаются не только во взаимосвязи центра и периферии, а в превращении малых городов и сёл в развитые поселения, с современным спектром культуры, без принудительного переселения людей в другие города. Тенденция последнего времени – перемещение людей крупных городов в малые во многом объясняется современной духовно-нравственной ситуацией, когда возникает необходимость быть со своим внутренним миром и своими ценностями, обратиться к своим корням, основанным на использовании потенциала локальных сообществ. В то же время, происходящий отток местного населения из малого города в крупный может компенсироваться притоком мигрантов. Этим восполняется демографический провал, но усложняются социальные взаимоотношения, особенно в более консервативных сельских поселениях.

Только при взаимодействии руководства агломерации и руководства местных сообществ по формированию экономики и инфраструктуры поселений, социокультурному

развитию, а также при понимании властью агломерации подлинной ценности каждой малой территории для России в целом, и, конечно, при необходимой финансовой поддержке федеральной власти, можно сохранить малые города, с их «лицами» и «душой», восстановить историю и культуру малых городов, столь необходимые сейчас России, а также – будущим поколениям россиян. Как справедливо отмечено, *«разрушение исторического наследия наносит серьёзный удар по историческому сознанию, ведёт к утрате национальной идентичности»*¹.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (Ч. II) <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IхP7f2xm.pdf> (дата обращения: 03.06.2020).

Культурная жизнь молодёжи в малых городах: общее и особенное

Культурная жизнь является одной из сторон социальной жизни человека и рассматривается как особая форма организации и регулирования его жизнедеятельности. Благодаря влиянию культуры, жизнедеятельность наполняется смыслом. По М. Веберу, феномен культуры можно понять, рассматривая её в непосредственной связи с субъективным смыслом, которым люди в своей повседневной жизни наделяют её предметы, объекты, события. Они становятся феноменом культуры, если значимы для познающего субъекта, т. е. соотносятся с его ценностями. «Эмпирическая реальность есть для нас культура потому, – отмечал Вебер, – что мы соотносим её с ценностными идеями... Культура охватывает те, и только те компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас»¹.

Значимое обретает смысл в культурном пространстве, в которое включены молодые люди. А само культурное пространство – это пространство смыслов и значений, которыми они наделяют разные объекты реальности, включая и саму культуру.

Смыслы различаются в разных культурных контекстах, поэтому культурное пространство молодёжи малых городов имеет свою специфику. Она определяет особенности её культурной жизни, связанные с материальными условиями жизни и с особенностями самосознания молодёжи малых городов. Материальные условия чаще всего ограничиваются недоступностью средств для достижения необходимого уровня развития культурной инфраструктуры. Несоответствие её состояния современному уровню отражается в самосознании молодёжи, формируя в её среде псевдогородской образ жизни².

¹ Вебер М. Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 374.

² Габдулова Н. Н. Культурное пространство провинциального города // Труды псковского политехнического института. С. 40–43; Нефедова Т. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3(48). URL: <http://www.strana-oz.ru>. (дата обращения: 20.05.2020).

Мера доступности средств различается в малых городах, образованных на базе сельских поселений, и вокруг строящихся предприятий (моногорода). Соответственно, в таких городах формируются различные ментальные структуры, характеризующиеся доминированием традиций сельских или городских культурных практик. Проявляющаяся при этом маргинальность отражается в особом психотипе личности молодого человека. Таким образом, в малых городах создаются социокультурные условия, при которых в молодёжной среде воспроизводятся особые архетипы «маргинальности» и «провинциальности», влияние которых проявляется в культурной жизни молодёжи. Рассмотрим, каковы основные характеристики культурной жизни молодёжи малых городов и их отличие от молодёжи в целом; как изменяются смысловые проекции молодёжи под влиянием разных социокультурных установок¹.

Характеристика культурной жизни молодёжи малых городов

О роли культуры в жизни молодёжи в значительной мере можно судить на основе её досуговой деятельности. Досуг аккумулирует разные формы культурного участия, отражая не только роль и место культурного производства и потребления в стиле и образе жизни молодых людей, но и возможности, предоставляемые им средой.

Представление о разных формах культурного участия молодёжи содержится в ответах на вопрос: «Чем Вы обычно занимаетесь в свободное от учёбы и работы время?» (см. табл. 6.1).

Как видно из данных таблицы 6.1, значительное место в структуре свободного времени молодых людей занимают разные способы общения с друзьями, которые принимают форму традиционных встреч, прогулок / тусовок, хожде-

¹ Для анализа используются результаты социологического исследования, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ РАН в 2017 г. в 7 субъектах РФ, в 28 населённых пунктах. Выборка молодёжи в возрасте 15–29 лет составила 803 чел. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Рук. Исследования: Ю. А. Зубок, В. И. Чупров.

ния друг к другу в гости, или современных – пребывание в социальных сетях. И даже шопинг в молодёжной среде часто является способом совместного проведения времени, общения, тусовки.

Таблица 6.1

Виды деятельности молодёжи в свободное время, в %

Виды деятельности	Распределение ответов			
	Молодёжь малых городов		Общее распределение	
	Часто	Регулярно	Часто	Регулярно
Домашнее хозяйство, уход за детьми	37,5	29,7	36,5	30,6
Прогулки (тусовки)	55,7	28,6	52,6	32,8
Чтение художественной литературы	27,1	9,9	34,5	10,1
Приём и посещение гостей	59,4	16,1	56,2	12,2
Занятие художественным творчеством, конструированием	19,3	13,0	21,3	8,1
Просмотр телепередач, видео, прослушивание музыки	54,7	32,8	55,8	30,4
Участие в художественной самодеятельности, занятия в кружках, в спортивных секциях	11,5	6,8	14,7	6,5
Посещение театров, концертов, музеев	16,7	6,8	<u>25,0</u>	6,1
Посещение кинозалов	43,2	12,0	48,6	11,8
Посещение дискотеки, вечеринок, танцев	23,4	9,4	25,3	7,5
Общение с друзьями	53,6	39,1	48,8	44,2
Посещение стадионов, спортивных зрелищ	28,1	12,5	23,9	8,2
Хождение по магазинам	59,9	22,9	57,7	22,3
Занятия спортом, туризмом	31,8	13,5	31,4	14,6
Проведение времени в Интернете, в соцсетях	44,3	43,2	45,3	43,9
Занятие дополнительным образованием	14,6	4,7	15,5	6,0
Работа для дополнительного заработка	26,6	6,3	22,7	6,7
Посещение церкви, мечети	19,3	4,2	15,5	3,2

Сравнение структуры досуга молодёжи в малых городах и в общем распределении обнаруживает больше сходств, чем различий, которые в большинстве своём не являются существенными. Исключения составляют те практики, которые определяются инфраструктурой малых территориальных образований. Например, посещение театров, музеев, выставок, которых во многих малых городах попросту нет. Но и в целом по молодёжи эти показатели довольно низкие. Так, включённость в театральную жизнь отмечают не более четверти молодёжи в общем распределении, что на 9% больше, чем в малых городах, хотя в абсолютном выражении весьма невелико. Следовательно, в данном случае проявляется скорее уровень символической ценности такого досуга для молодого поколения, реализация которой сегодня оказывается многим молодым людям не по карману.

Однако различия в степени участия молодёжи малых городов, по сравнению с общим распределением, связаны не только с инфраструктурой. Существенно меньшая её доля среди часто читающих в свободное время художественную литературу (27,1% против 34,5% в общем распределении) вряд ли объясняется неразвитой инфраструктурой, хотя по количеству библиотек малые города уступают крупным. Скорее можно согласиться с мнением, что, поскольку чтение художественной литературы является проявлением «габитуса чтения», сформированного определённым опытом и перешедшего в устойчивые практики¹, то в малых городах обозначилась обратная тенденция – вытеснение чтения другими досуговыми практиками нивелирует влияние данного габитуса, оставляя в прошлом представление о россиянах как самой читающей нации.

Некоторые различия наблюдаются в отношении таких форм, как занятие творчеством, относящихся не к потребительским, а к продуктивным формам культурной жизни. Так, молодёжь малых городов больше вовлечена в эти виды деятельности на регулярной основе (13% против 8,1%). Это может быть связано с внедрением системы грантов Президи-

¹ Селиверстова Н. А., Юмашева Н. Д. Чтение в студенческой среде: Опыт социологического исследования / Рос. кн. палата. М. 2009, Селиверстова Н. А., Короткая Н. Д. Габитус // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 311.

дента для НКО в области образования и культуры, а также проекта «Культура малой Родины», направленных на поддержку и повышение качества работы учреждений культуры в населённых пунктах с числом жителей до 50 тыс. человек. Государственная поддержка направлена на стимулирование творческой деятельности, обеспечение доступности всех граждан к участию в культурной жизни страны, разнообразие культурного досуга и расширение возможности для дополнительного образования, особенно поддержку юных дарований¹. Но следует признать, что это пока ещё не стало разветвлённой системой детского и молодёжного творчества.

Некоторое отличие наблюдается и в отношении подработки как способа улучшить своё материальное положение. Молодёжь малых городов чаще подрабатывает, чем молодёжь в целом (26,6% против 22,7%) но её дополнительный заработок не является регулярным и поэтому не достигает поставленных целей.

Итак, наиболее значимыми в среде молодёжи являются зрелищные формы потребления культуры, направленные на удовлетворение познавательной, эмоциональной и гедонистической потребностей. Существенно различаясь по содержанию потребляемого контента, они определяют специфику культурной жизни российской молодёжи, в том числе и в малых городах. Выявленные отличия культурных практик молодёжи в малых городах связаны с видами досуговой деятельности, направленными на активное творчество, развитие духовных и физических сил. Уступая по степени значимости зрелищным формам, они, вместе с тем, играют важную роль в расширении культурного пространства молодёжи, способствуя формированию социально-значимых компетенций. Данная особенность является следствием содержащегося в коллективном бессознательном стремлении молодёжи малых городов преодолеть комплекс провинциальности.

Рассмотрим, как молодёжь малых городов относится к искусству и в какой степени проявляет к нему интерес. Для этого проанализируем ответы на вопрос: «Насколько Вы увлекаетесь следующими видами искусства?» (табл. 6.2).

¹ Федеральный проект «Культура малой Родины». URL: <https://proekty.er.ru/node/6605> (дата обращения: 20.05.2020).

Таблица 6.2

Отношение молодёжи к различным видам искусства, в %

Виды искусства	Молодёжь малых городов						Общее распределение					
	Не увлекаться	От случая к случаю	Слежу за новинками	Влюблёсь по-настоящему	Сам занимаюсь		Не увлекаться	От случая к случаю	Слежу за новинками	Влюблёсь по-настоящему	Сам занимаюсь	
Танцы	61,5	26,0	6,3	3,7	4,7		57,2	28,3	6,1	3,7	4,7	
Кино	22,4	30,7	34,4	9,4	3,1		14,7	39,2	34,1	9,8	2,2	
Театр	66,1	25,0	4,2	4,7	0		52,3	37,0	6,5	3,8	0,4	
Литература, поэзия	57,3	24,5	9,9	6,3	2,1		45,3	34,9	12,1	5,9	1,8	
Изобразительное искусство	62,0	23,4	5,7	3,6	5,2		59,7	27,9	4,7	4,4	3,3	
Музыка	20,3	17,7	30,2	17,2	14,6		12,0	26,7	31,0	20,5	9,8	
Средние значения	48,3	20,7	15,1	9,7	4,9		40,2	32,3	15,7	8,0	3,7	

Данные, представленные в таблице 6.2, показывают, что также, как и в предыдущем вопросе о досуговых практиках, выделяется наибольшая по численности группа респондентов, проявляющих равнодушие и не увлекающихся перечисленными видами искусства. На втором месте по численности – группа респондентов, проявляющих эпизодический, во многом случайный интерес. Доля респондентов, демонстрирующих осознанный и устойчивый интерес к различным видам искусства, заметно ниже. Причём, данная тенденция характерна как для молодёжи малых городов, так и для молодёжи в целом. С той лишь разницей, что среди молодёжи малых городов доля не увлекающихся больше (48,3% против 40,2% в общем распределении), а доля интересующихся от случая к случаю меньше (соответственно 20,7% против 32,3%).

Все анализируемые виды искусства привлекают внимание молодёжи из малых городов в основном эпизодически, однако по определённым видам есть различия в степени выражения заинтересованности. Наибольший интерес у молодёжи малого города вызывают кино и музыка. Так, 34,4% следят за новинками кино, 30,7% – за музыкальными и ещё по 30% интересуются кино и музыкой от случая к случаю. Сравнение с общим распределением показывает, что такое распределение отражает отношение молодёжи независимо от места проживания. Чуть более заметны различия в отношении активного занятия музыкой, которое в малых городах выше, чем среди молодёжи в целом – 14,6% против 9,8%.

На этом фоне довольно безразличного отношения к искусству, присущего большинству современного поколения молодёжи, выделяется группа молодых людей, активно вовлечённых в занятия некоторыми видами искусства. Эта группа представлена как в общем распределении (3,7%), так и среди жителей малых городов (4,9%). Доминирует в этой группе увлечение музыкой. Если в общем распределении занимается музыкой каждый десятый, то среди жителей малых городов – каждый седьмой.

Оценивая роль и значение разных видов культуры и искусства в собственной жизни, в сознании молодых людей формируется ценностное отношение к искусству и к культуре в целом. В ответах на вопрос: «Какую роль играют

в Вашей жизни перечисленные виды культуры и искусства?» – содержалась оценка степени их значимости по семибальной шкале, где за 1 принималось значение «совсем не играет», а за 7 баллов – значение оценки «играет очень большую роль» (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Оценка молодёжью значения различных видов культуры и искусства в собственной жизни, К*

Виды культуры и искусства	Молодёжь малых городов		Общее распределение	
	К*	Ранг	К*	Ранг
Общение с друзьями	5,87	1	5,75	1
Связь с природой	5,39	2	5,45	2
Киноискусство	3,78	3	3,94	3
Эстрадная музыка	3,22	4	3,50	4
Рок, джаз	3,16	5	2,98	7
Зодчество (архитектура), исторические памятники	3,11	6	2,94	8
Молитва, обращение к Богу	3,07	7	3,14	6
Танцевальное искусство	2,98	8	2,86	10
Литература, поэзия	2,93	9	3,22	5
Классическая музыка	2,85	10	2,91	9
Живопись, скульптура	2,74	11	2,65	12/13
Народная музыка	2,67	12	2,82	11
Театральное искусство	2,46	13	2,65	12/13

*К – средневзвешенный коэффициент по семибальной шкале оценок.

Как видно из данных таблицы 6.3, перечень видов культуры содержит «общение с друзьями» и «связь с природой», рассматриваемые в качестве специфических форм культурной жизни молодёжи. Через общение с друзьями выражается стремление молодых людей к объединению со сверстниками, что является значимой характеристикой молодёжной субкультуры. Связь с природой, как форма культурной жизни молодёжи, отражает особенности «души русской культуры» (О. Шпенглер), её влияние на внутреннее состояние молодого человека.

Из распределения значений оценок, представленных в таблице 6.3, следует, что только культурные ценности, занявшие первые четыре позиции, совпадают у жителей малых городов и у молодёжи в целом. Это – общение с друзьями, связь с природой, киноискусство, эстрадная музыка. При этом степень их значимости среди молодёжи в малых городах и в общем распределении различается. Наибольшую роль в культурной жизни молодёжи в целом играет общение с друзьями, но в малых городах степень его выраженности выше ($K=5,87$ против $K=5,75$). А три других вида культуры, напротив, значат несколько меньше для молодых жителей малых городов, чем для молодёжи в целом. В оценке значимости связи с природой $K=5,45$ в общем распределении и $K=5,39$ в малом городе; значения киноискусства – соответственно $K=3,94$ и $K=3,78$; эстрадной музыки $K=3,50$ и $K=3,22$.

Обращает на себя внимание невысокий уровень оценок молодёжью значения в собственной жизни большинства анализируемых видов культуры и искусства. Молодёжь и малых городов, и в целом по стране выше среднего уровня оценивает значение только общение с друзьями и связь с природой. Все другие перечисленные виды культуры имеют значение ниже среднего уровня, т. е. являются относительной ценностью, имеющей ситуационный характер.

Смысловое восприятие культуры выражается в терминальных и инструментальных её ценностях. Оно анализируется на основе ответа на вопрос «Что для вас означает культура?». Такие смыслы, как внутренняя потребность, национальная принадлежность и традиция отражают самоценное отношение к культуре, т. е. её терминальный смысл. Виды культуры, маркированные этими понятиями, содержательно осмысливаются молодым человеком с точки зрения их безусловного значения как способа самовыражения (внутренняя потребность), национальной и культурной идентичности (национальная принадлежность, традиция). В трёх других смыслах отражается сугубо инструментальное отношение к культуре, когда различные её виды рассматриваются как пространство жизнедеятельности, символизируют принадлежность к группе, или как средство достижения других целей, одной из которых является по-

вышение своего статуса в глазах окружающих и в своих собственных глазах (престиж).

В сознании молодёжи терминальное значение культуры выражено сильнее, чем инструментальное. Однако доля инструментальных ценностей культуры достаточно велика, причём, в малых городах выше, чем в целом по молодёжи. Соотношение терминальной и инструментальной ценностей в малых городах составляет 59,3% против 40%, а в целом по молодёжи – 69,6% против 30,4%.

Показательно распределение молодёжи малых городов по смысловому выражению культуры. В её сознании конкурируют два принципиально разных её смысловых значения: как всего лишь пространство жизнедеятельности (31,8%), т. е. инструментальный смысл культуры, и как внутренняя потребность, отражающая её терминальное значение (28,1%). Характерно, что среди молодёжи в целом в соотношении этих смыслов доминирует внутренняя потребность (40,1%) против понимания культуры как пространства жизнедеятельности (22,7%). Третья по значению позиция связана со смыслом культуры как традиции, причём в малых городах она выражена чуть сильнее, чем среди молодёжи в целом (22,4% против 18,7%).

Смысл культуры как выражения национальной принадлежности имеет значение лишь для 8,3% молодёжи в малых городах и 10,8% в общем распределении. Не является она и значимым основанием групповой принадлежности. Через призму формальной групповой идентичности культуру видят 4,7% молодёжи как в малом городе, так и в целом. Данные тенденции описаны в литературе как процесс размывания границ молодёжной субкультуры¹. Применительно к молодёжи малых городов, этот процесс носит более выраженный характер. В проявляющихся в её среде противоречиях смыслов отражается влияние архетипа «маргинальности» как следствие пограничного положения молодого человека

¹ Miles S. Youth lifestyles in a changing world. – McGraw-Hill Education (UK), 2000.; Bennett A. The post-subcultural turn: some reflections 10 years on // Journal of youth studies. 2011. Т. 14. №. 5. С. 493–506; Омельченко Е. Л. Начало молодёжной эры или смерть молодёжной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // ЖИСИП. 2006. № 2. С. 151–183.

между различными культурами, что связано с условиями образования малых городов.

Рассмотрим, как изменяется смысловое восприятие разных видов культуры (табл. 6.4).

Как видно из таблицы 6.4, значения связи анализируемых видов культуры и искусства с терминальной ценностью культуры превалирует над значениями связи с инструментальной ценностью, хотя и не в одинаковой степени. Подавляющее большинство молодёжи с терминальной ценностью связывает два, казалось бы, совершенно разных вида культуры – молитву и кино. Причём, в сознании молодёжи они оказываются равнозначными (75% и 76,1%). Данное распределение никак не отличает молодёжь малых городов от молодёжи в целом. Объяснить подобный феномен можно разве что силой эмоционального вовлечения, которое способны вызвать эти виды культуры. Погружение в молитву или в судьбу героя сопровождается переживанием и максимальным единением с объектом переживания. Будучи простыми формами культурной жизни, доступными молодёжи, они способствуют погружению в иную реальность. Как ни вспомнить в этой связи известный слоган про «опиум для народа» и определение кино «важнейшим из искусств».

Таблица 6.4

Связь наиболее значимых для молодёжи видов культуры и искусства с терминальной и инструментальной ценностью культуры, в %

Виды культуры и искусства	Связь с ценностью культуры			
	Молодёжь малых городов		Общее распределение	
	Терминал	Инструмент	Терминал	Инструмент
Киноискусство	76,1	23,9	75,1	24,9
Молитва, обращение к Богу	75,0	25,0	75,7	24,3
Эстрадная музыка	66,6	33,4	60,6	39,4
Связь с природой	65,7	34,3	74,8	25,2
Литература, поэзия	62,5	37,5	67,4	32,6
Интернет-культура	58,6	41,4	68,7	31,3
Общение с друзьями	52,6	47,4	66,2	33,8

В остальном жители малых городов иначе оценивают смысловое значение разных видов культуры по сравнению с молодёжью в целом. Так, если с терминальной ценностью они чаще связывают эстрадную музыку (66,6% против 60,6% в общем распределении), то с инструментальной – общение с друзьями (47,4% против 33,8%), связь с природой (34,3% против 25,2%), литературу и поэзию (37,5 против 32,6%), Интернет-культуру (41,4% против 31,3%). Таким образом, в культурной жизни молодёжи малых городов, при сохранении доминанты значений терминальных смыслов, инструментализация ценностного отношения к отдельным видам культуры прослеживается чаще.

Таким образом, проделанный анализ позволил выявить наиболее значимые характеристики культурной жизни молодёжи малых городов. Сравнение этих характеристик с культурной жизнью молодёжи в целом свидетельствует о том, что среди них общего значительно больше, чем особенного. Однако выявленные особенности служат основанием для выделения молодёжи малых городов в особую социальную группу. Как было показано, её культурная жизнь отличается по видам деятельности в свободное время, по интересам к различным видам культуры и искусства, по занятию художественным творчеством и искусством и по участию в разных сферах культурной жизни. Важными отличительными особенностями являются различные формы отражения культуры в сознании молодёжи.

Саморегуляция отношения молодёжи к культуре

Культура, являясь важнейшим регулятором жизнедеятельности молодёжи, в то же время сама становится объектом выбора и конструирования молодыми людьми. Благодаря культуре формируются смысложизненные ценности молодёжи, которые, в свою очередь, определяют содержание и направленность её культурной жизни. В связи с этим важную роль играет отношение молодёжи к культуре, отражающее понимание молодыми людьми её смысла. Рассмотрим, как изменяется смысловое восприятие культуры в зависимости от характера смысложизненных ценностей. В качестве таковых были отобраны ценности, оказавшиеся наиболее предпочтительными в молодёжной среде (табл. 6.5).

Таблица 6.5

**Связь смысложизненных ценностей
с терминальной и инструментальной ценностью культуры, в %**

Смысложизненные ценности	Связь с ценностью культуры			
	Молодёжь малых городов		Общее распределение	
	Терминал	Инструмент	Терминал	Инструмент
Политическая борьба	71,5	28,5	68,8	31,2
Спокойная безбедная жизнь	63,3	36,7	72,9	27,1
Борьба за справедливость	62,5	37,5	63,3	36,7
Стремление к истине	57,4	42,6	69,4	30,6
Любовь	57,7	42,3	70,2	29,8
Продолжение себя в будущих поколениях	55,5	44,5	69,2	30,8
Самореализация	54,2	45,8	67,8	32,2

Как видно в таблице 6.5, смысложизненные ценности играют существенную роль в культурном самоопределении молодёжи. Под их влиянием происходит дальнейшее уточнение позиций молодёжи в аспекте отношения к культуре и её роли в собственной жизни.

Распределение молодёжи по смысловому содержанию ценности культуры показывает сохраняющуюся доминанту её терминального значения как для молодого поколения в целом, так и для жителей малых городов. Наибольшее значение терминальной ценности культуры связано с политической борьбой как смысложизненной ценностью (71,5% в малом городе и 68,8% в общем распределении). Высокая связь между этими показателями объясняет включение различных аспектов культуры, в т. ч. политического, в повестку большинства молодых политиков и превращение её в объект политических дебатов, стремление самой политически активной части молодёжи направить свои усилия на сохранение культурных традиций, наделяемых молодёжью безусловной ценностью. При этом каждый третий молодой человек – 28,5% в малом городе и 31,2% в общем распределении – относится к культуре инструменталь-

но, рассматривая в ней средство достижения иных целей. Именно из этой группы могут рекрутироваться молодёжные активисты, зарабатывающие на культурных акциях свой политический капитал.

Самоценное значение культуры укрепляется и под влиянием таких смысложизненных ценностей, как спокойная, безбедная жизнь (63,3%) и борьба за справедливость (62,5%). Такое сочетание смысловых проекций характеризует представительную группу современных молодых людей в малых городах, сочетающих простые материальные стремления с чувствительностью к высоким идеалам, этих ориентированных на благополучие пассионариев. При этом достаточно высокая связь спокойной безбедной жизни и терминальной ценности культуры в пространстве малого города на 9,6% ниже, чем среди молодёжи в целом, где она достигает 72,9%. Это означает, что в отличие от циркулирующего в обывательском сознании представления о вытеснении культурных ориентаций материальными в сознании молодёжи не находит подтверждения. Переосмысление и переопределение смыслов культуры, если и происходит, то их место в жизни молодых людей продолжает оставаться значимым.

В меньшей степени терминальное значение культуры связано со смысложизненными ценностями стремления к истине (57,4% против 69,4% в общем распределении), любви (57,7% против 70,2%), продолжения себя в будущих поколениях (55,5% против 69,2%), самореализации (54,2% против 67,8%). Сравнение с общим распределением молодёжи показывает, что по этим индикаторам пространство малого города, хотя и воспроизводит самоценное отношение к культуре, но в значительно меньшей степени. А ценности инструментальные в связи с этими жизненными смыслами возрастают в сравнении с молодёжью в целом. В большей степени процессу инструментализации культуры содействует смысложизненная ценность самореализации и проявления своей индивидуальности – 45,8% в малых городах против 32,2% в целом по молодёжи; продолжения себя в будущих поколениях – 44,5% против 30,8%; стремления к истине – 42,6% против 30,6% и любви – 42,3% против 29,8%. Видимо, данная тенденция связана с актуализацией

перечисленных смысложизненных ценностей среди молодёжи в малых городах.

Формирование смысловых образов реальности восходит к более глубоким слоям культуры, отражающим прошлый опыт поколений и выраженным в таких свойствах национального характера, которые объединяются общим понятием менталитет. Понимая менталитет в широком плане как социокультурную систему, определяющую своеобразие коллективной жизни молодых людей, принадлежащих к конкретной культуре, как способ восприятия и оценки ими окружающего мира, мышления и чувствования, имеющими надситуативный характер и проявляющийся в их особой поведенческой активности¹, рассмотрим, как связаны ментальные черты с отношением к культуре. Идентификация молодых людей с конкретными проявлениями ментальности служила основанием для их выделения в качестве черт социального характера. Характеристическим антиподом ментальных черт являются современные черты, формирующиеся под влиянием актуального опыта межкультурного взаимодействия. Они активно интериоризируются молодёжью, расширяют её культурное пространство, становятся такими же значимыми регуляторами, как и те, что складывались исторически. С течением времени они начинают воспроизводиться в сознании людей и влиять на способы организации ими своей жизнедеятельности, на их отношение к окружающему миру. Анализ производился на основе связи ментальных и современных черт, разделяемых молодыми людьми с терминальным и инструментальным отношением к культуре (табл. 6.6).

Анализ данных таблицы 6.6 указывает на наличие устойчивой связи ментальных и современных черт национального характера большинства российской молодёжи с ценностным отношением к культуре. Как видно из показателей в общем распределении молодёжи, среднее значение связи ментальных черт с терминальными ценностями культуры составляют 65,6%, заметно превышая значение

¹ См. *Таршиц Е. Я.* Ментальность человека: подходы, концепции и постановка задач исследования. М., Институт социологии РАН, 1999. С. 12–15.

Таблица 6.6

Связь ментальных и современных черт национального характера с терминальной и инструментальной ценностью культуры, в %

Ментальные черты	Связь с ценностью культуры			
	Молодёжь малых городов		Общее распределение	
	Терминал	Инструмент	Терминал	Инструмент
Честь, достоинство	52,2	47,8	70,2	29,8
Любовь к своему отечеству	50,0	50,0	70,0	30,0
Милосердие	42,8	57,2	65,6	34,4
Любовь к ближнему	41,3	58,7	68,1	31,9
Подозрительность в отношении к иностранцам	38,6	61,4	54,3	45,7
Средние значения	45,0	55,0	65,6	34,4
Современные черты				
Стремление отстаивать права человека	47,9	52,1	69,6	30,4
Отношение к стране как к месту проживания	43,9	56,1	59,4	40,6
Жалостливость, стремление продемонстрировать сочувствие	37,4	62,6	64,4	35,6
Рационализм	32,4	67,6	55,0	45,0
Открытость ко всему иностранному	28,6	71,4	66,0	34,0
Средние значения	38,1	61,9	62,9	37,1

связи с инструментальной ценностью, составляющую 34,4%. Аналогично распределяются и средние значения связи современных черт: с терминальными ценностями культуры – 62,9% и с инструментальными – 37,1%. Однако среди молодёжи малых городов средние значения связи отражают противоположные тенденции – и ментальные черты, и современные в большей степени связаны с инструментальными ценностями культуры (соответственно 55% и 61,9%) и в меньшей степени – с терминальными (45% и 38,1%).

Это означает, что формализация смысла культуры как пространственно-групповой принадлежности, т. е. иденти-

фикация с регионом или с группой, а также как маркера престижа, в малых городах проявляется существенно сильнее. Причём, это тенденция отмечается и в связи с ментальностью, и под влиянием современности.

Социокультурная природа выявленной особенности связи ментальных и современных черт с отношением к культуре молодёжи малых городов раскрывается в процессе перехода бессознательных в осознанные формы отношения к культуре. Смыслы, заложенные в ментальных чертах, формирующихся в коллективном бессознательном, могут приобретать новое содержание под влиянием современных условий. Как было показано в предыдущем анализе, условия культурной жизни молодёжи в малых городах существенно отличаются от условий жизнедеятельности молодёжи в целом. В этих условиях происходит переосмысление молодыми людьми сущности явлений, содержащихся в бессознательном, что и проявляется в их отношении к культуре. Ментальные черты, которые выступают неосознанными регуляторами культурной жизни, приобретают в процессе осознанного поведения новые смыслы. Соответственно, те из них, которые были ориентированы, скажем, на терминальное отношение к культуре, связывая понимание её смысла, например, с национальной принадлежностью, в конкретных условиях могут ориентироваться на достижение посредством культуры других целей. При этом, оставаясь чертой национального характера, менталитет выполняет важную функцию в социокультурном механизме саморегуляции.

Проанализируем, как изменяются в молодёжной среде малых городов значения связи конкретных ментальных черт с отношением к культуре. Так, ментальная черта «честь и достоинство» чуть больше связана с терминальной ценностью культуры, т. е. с пониманием её смысла как традиции и внутренней потребности, чем со смыслом культуры как формальной характеристикой территориальной принадлежности и престижем (52,2% против 47,8%). Ментальная черта «любовь к Отечеству» не даёт преимущества ни одному из смысловых толкований культуры, уравнивая их в значимости (по 50%). Остальные ментальные черты больше связаны с инструментальным пониманием культуры, чем с терминальным: «подозрительность к иностранцам» (61,4% против

38,6%), «любовь к ближнему» (58,7% против 41,3%), «милосердие и сострадание» (57,2% против 42,8%).

Выявленное распределение прямо противоположно тем связям, которые преобладают среди молодёжи в целом, где все ментальные черты в 2 раза сильнее связаны с пониманием культуры как традиции и внутренней потребности. Исключение составляет лишь такая черта, как «подозрительность к иностранцам», под влиянием которой разрыв между доминирующей терминальной ценностью культуры и её инструментальным значением у молодёжи в целом сокращается до минимального уровня в 10%.

Противоречие, заложенное в понимании культуры молодыми жителями малых городов на уровне ментальности, как ни странно, разрешается под влиянием современных трендов. Об этом говорит увеличение разрыва между средними значениями терминальных и инструментальных смыслов культуры во взаимосвязи с современными чертами по сравнению с ментальными. Если в ментальных структурах этот разрыв составляет в среднем 10% (45% против 55%), то в современных он увеличивается в 2 раза (38,1% против 61,9%). За этим стоит влияние глобализации, которое проявляется в формализации отношения к культуре, в её детрадиционализации, в ослаблении национальной самобытности. Это происходит на фоне роста формально-статусных значений культуры в малых городах, определяя тем самым два важных смысла культуры. Это – много раз отмечаемые тенденции инструментализации и прагматизации отношения к объектам реальности, присущее современности, и знаково-символическое значение культуры, характерное для молодёжи. Иными словами, в саморегуляции отношения к культуре проявляется то значение, которое молодёжь придаёт не столько доминирующей культуре, сколько её собственной субкультуре. Поэтому в образе культуры сплетается множество разноуровневых её смыслов, в которых отражается и принадлежность молодёжи к культуре, доминирующей в обществе в целом, и к культуре пространственно-территориальной, и к глобальной молодёжной субкультуре.

Анализ связей современных черт со смыслами культуры среди молодёжи малых городов показывает, какие из них

в наибольшей степени связаны с тем или иным смысловым значением культуры. Их сравнение с ментальными чертами позволяет полнее раскрыть особенности процесса смыслообразования в культурной жизни молодёжи малых городов. По степени инструментализации культуры значения связи с современными чертами распределились следующим образом (в порядке убывания): «открытость всему иностранному» (71,4% с инструментальными ценностями против 28,6% с терминальными ценностями), «рационализм» (67,6% против 32,4% соответственно), «жалостливость, демонстративное сочувствие» (62,6% против 37,4%), «отношение к стране как месту проживания» (56,1% против 43,9%) и «стремление отстаивать права человека» (52,1% против 47,9%). При этом, распределение молодёжи малых городов по характеру смыслового восприятия культуры под влиянием современности составляет 61,9% в пользу инструментального её значения и 38,1% – терминального, что является прямо противоположным распределению, полученному по молодёжи в целом. Таким образом, проделанный анализ позволяет сделать вывод об особенностях менталитета молодёжи малых городов, в котором общие с молодёжью в целом ментальные черты отличаются более инструментальным содержанием культурных смыслов.

Итак, культура в сознании молодёжи представляет собой многоплановый и полифункциональный феномен, что отражается в смысловом восприятии её значения. Каждый из смыслов культуры отражает разные уровни её воспроизводства молодёжью и идентификации с ней молодых людей. Как показал анализ процесса саморегуляции культурной жизни молодёжи в малом городе, через понимание культуры как национальной традиции осуществляется принятие и воспроизводство национальной культуры во всей её уникальности и самобытности. А через её понимание как пространственно-территориального признака происходит осознание себя молодыми людьми частью регионального сообщества. Понимание смысла культуры как группового маркера лежит в основе важнейших для молодёжи субкультурных связей и воспроизводства поколенческих характеристик. Наконец, отношение к культуре как к статусной характеристике отражает её место в стратегиях социального

продвижения. Вместе эти разные смыслы символизируют целостность и неразрывность образа культуры, в котором сопряжены и терминальные, и инструментальные её значения.

Такое отношение к культуре формировалось исторически и отразилось в наслоении разных смысловых проекций в её образе. При этом очевидно, что общая равнодействующая воспроизводства смыслов культуры среди молодёжи в малых городах идёт по пути формализации и прагматизации. Эта тенденция отражает более общие процессы рационализации в молодёжной среде, связанные с постепенным ослаблением традиционных смыслов и значений и активным утверждением современных. Как показало исследование, рационализация в пространстве малых городов по многим показателям происходит более интенсивно. Поэтому ожидания сохранения традиционных оснований культуры и её самобытности, направленные в адрес российской провинции, кажутся не совсем обоснованными. И причиной тому устойчивая деградация культурных пространств многих малых городов, из которых уходит жизнь, а вместе с ней и молодёжь.

Вместе с тем, уровень терминального значения традиционной культуры в малых городах мог бы быть ещё ниже, если бы не механизмы воспроизводства смыслов, которые сохраняют свою устойчивость, в т. ч. в пространстве молодёжной субкультуры. Большинство форм молодёжной субкультуры, связанных со стремлением молодых людей к самореализации и самовыражению, вовсе не связаны напрямую с девальвацией традиционных смыслов. С ней связаны наиболее радикальные формы субкультуры – отчуждение и противостояние, уход в себя и конфронтация «своих» и «чужих» в пространстве малого города. Проявление этих тенденций активизируется в тех случаях, когда молодёжь лишена возможностей для самореализации и не находит своего места в региональных структурах. В этих условиях сущностные черты культуры выхолащиваются и заменяются формальными.

В рассмотренном процессе саморегуляции отношения к культуре молодёжи раскрываются основные особенности её взаимодействий в культурном пространстве малого города, что позволяет совершенствовать региональную молодёжную политику.

Социальная активность современной молодёжи в условиях малого города

Совершенствование молодёжной политики, вовлечённость молодого поколения в деятельность молодёжных организаций, дополнительное образование оказывает существенное влияние на формирование гражданской позиции, социальной активности молодёжи.

Социальную активность у молодёжи формируют не только школьное и студенческое самоуправление, проведение социальных акций, молодёжных форумов и фестивалей, добровольчество (волонтёрство). Поскольку термин «социальная активность» имеет широкое понятие и употребляется для обозначения разной степени вовлечённости граждан в общественный процесс¹, формирование социальной активности молодёжи (как системы ценностей) в определённой степени является задачей молодёжных организаций, системы дополнительного образования, а также молодёжной политики, обеспечивающей активное вхождение молодого человека в социум.

С целью изучения условий формирования социальной активности молодёжи, влияния молодёжной политики и системы дополнительного образования, деятельности молодёжных организаций были проведены экспертные опросы и фокус-группы с представителями региональной власти, НКО, ассоциаций и профсоюзов, молодёжных объединений, бизнеса.

Молодёжная политика

В настоящее время важное значение имеет развитие молодёжной политики непосредственно в малых городах, то есть на муниципальном уровне. Обусловлена данная актуальность тем, что современная молодёжь всё чаще покидает малые города, в связи с чем необходимо принимать определённые меры для развития таких городов и проведе-

¹ *Кряковцева О. А.* Управление развитием социальной активности молодёжи как ресурсе совершенствования системы социального воспитания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 5. С. 105.

ния в них молодёжной политики и её совершенствования¹. Региональный центр притягивает самую активную молодёжь не только наличием рабочих мест и более высокой зарплатой, но и возможностями проведения активного досуга и самореализации, отсутствующие в малом городе. Как отмечают эксперты, наиболее активно принимают участие в жизни малого города школьники и студенты, но когда они заканчивают училища или вуз, то работать в основном уезжают в центр, поэтому малый город теряет в первую очередь активную молодёжь.

В одних малых городах молодёжная политика стала частью общей политики их стратегического развития, в других – не получила должного развития. По мнению экспертов, человек, который занимается молодёжной политикой, должен уметь работать с молодёжью. При этом, как отмечает один из экспертов, *«инициатива снизу существует, пожалуйста, работай, – направлять некому, а почему некому – непрофессионалы и профессионал не по доверию и не по диплому, а по жизни»* (г. Балахна).

По мнению участников фокус-группы в г. Аксай, развитие молодёжной политики во многом зависит от главы администрации, его команды: *«...с приходом <...> представителя молодого поколения <...> все идеи о преобразовании Аксая именно подстроены больше под молодёжь, чтобы было чем заняться молодёжи, оно всё началось с него и продолжается сейчас...»*. То же отмечают и участники фокус-группы в г. Заволжье: *«в городе, например, с приходом главы администрации, она придумывает каждый раз какие-то фишки, которые называются “молодёжная движуха”. Молодёжь очень хорошо реагирует на такие мероприятия...»*.

Для реализации различных направлений молодёжной политики в муниципальном образовании выделяются средства бюджетов федерального, регионального и муниципального уровней и создаются целевые комплексные про-

¹ Калимуллина Э. Р. Государственная молодёжная политика в малых городах как механизм антимиграционного воздействия // Современные проблемы развития техники, экономики и общества Материалы I Межд. науч.-практ. заочной конференции 14 марта 2016 г. / Науч. ред. А. В. Гумеров. Казань, 2016. С. 180.

граммы, такие как «Патриотическое воспитание граждан», «Комплексная программа развития физической культуры и спорта», «Развитие системы образования муниципального образования / района» и др. Другой вопрос, насколько позволяет финансирование конкретного муниципального образования реализовать эти программы.

В малых городах администрация оказывает существенную поддержку в развитии волонтёрских движений, осуществлении патриотического воспитания молодёжи. К примеру, как отмечает представитель «Боевого братства» в г. Лихославле, *«мы в основном всю свою деятельность направили на патриотическое воспитание подрастающего поколения <...> участвовали в областных грантах, <...> занимаемся профориентацией, то есть ориентируем наших детей для того, чтобы они поступали в военные вузы, <...> проводим естественно мероприятия, через нас вот дети ездят в воинские части на экскурсии, в музеи силовых, так сказать, подразделений, а также МЧС <...> с администрацией мы работаем, как создались с 2005 года, то есть достаточно плотно <...> военно-спортивный лагерь, например, «Патриот», который организован был с 2006 года, это наш проект и он до сих пор жив, здоров. Вот практически все лагеря мы посещаем, то есть вот эта патриотическая направленность, это всё наше».*

Во многом, большую поддержку в развитии молодёжной политики оказывают отдельные инициативные лица, они участвуют в грантах и проектах, направленных на поддержку местной молодёжи, гражданских инициатив, в том числе и волонтёрских. *«Волонтёрский центр объединил сейчас в себя мелкие такие организации, у нас теперь сейчас один большой волонтёрский центр, который действует на территории города <...> сейчас больше мы как бы добровольчество – это самое главное в нас, что вот когда видим какие-то мероприятия, мы предлагаем свою помощь... У всех есть помещения, телефоны, компьютеры <...> когда депутат, когда администрация, когда предприниматель какой-то помогают»* (г. Аксай).

Активная деятельность ведётся по экологическому просвещению молодёжи сотрудниками местных особо охраняемых природных территорий. Зачастую это проводится

по общественной инициативе и при наличии спонсоров. Как отмечает председатель Совета рабочей молодёжи Городецкого района г. Заволжье, *«у нас есть замечательные проекты <...> экологический кружок. Там руководитель молодец, и сами ребяташки, которые сами организовали экологический патруль <...> спонсоры – немецкая компания, они два года спонсировали и в этом году тоже будут спонсировать летний отдых подростков, что очень важно»*. При этом, по мнению эксперта, воспитательной работой занимаются не учебные заведения, а муниципальные учреждения, занимающиеся проведением социально-воспитательной и досуговой работы с детьми, подростками, молодёжью, а также подростково-молодёжные клубы, центры, общественные объединения и т.п. Такие проекты, например, как уборка скверов, способствуют активному участию молодёжи в благоустройстве города, а создание трудовых бригад приобщает молодёжь к труду.

В малых городах есть инициативные проекты для молодёжи в сфере спорта, различные экологические и волонтёрские инициативы, однако активизация социальной, в том числе гражданской позиции молодёжи во много зависит от деятельности органов местного молодёжного самоуправления, молодёжных и других общественных организаций. Недостаточность прямого информирования об их работе, в том числе через средства массовой информации, говорит об отсутствии конкретных форм совместной деятельности власти и молодёжи на развитие региона, города или посёлка¹.

Молодёжные и другие общественные организации

В настоящее время в рамках реализации государственной молодёжной политики повсеместно на территории муниципальных образований создаются многофункциональные молодёжные центры. Но чем они должны заниматься, решает регион и муниципалитет. И, по мнению экспертов, *«порой бывает сложно состыковаться с другими молодёж-*

¹ *Коряковцева О. А. Управление развитием социальной активности молодёжи как ресурс совершенствования системы социального воспитания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 5. С. 105.*

ными центрами, потому что одни относятся к комитету по спорту, другие к комитету по культуре, третьи – муниципально автономные».

Молодёжь принимает участие в общественных объединениях. Однако проблема заключается в том, по мнению экспертов, что активным развитием молодёжи занимаются не молодёжные организации, не администрация в рамках молодёжной политики, а отдельные активисты.

Общественные организации, которые работают с молодёжью, активно включаются в проекты и гранты, связанные с федеральным финансированием. Положительно оцениваются способы социальной активизации молодёжи институтами гражданского общества: обучение, консультирование, досуговые, спортивные и познавательные мероприятия, программы и проекты, направленные на поддержку молодёжных инициатив. В малых городах существуют молодёжные союзы и другие молодёжные организации, есть интересные идеи, однако, как отмечают некоторые эксперты, *«не хватает потенциала защититься в каких-то глобальных больших проектах и заработать гранты»* (г. Зима Иркутской обл.).

Как отмечает представитель молодёжной организации г. Спасск-Дальний, *«...росмолодёжь, сейчас вот ещё Российский союз молодёжи свои мероприятия проводит, то есть участвовать стараемся везде, где только можно. ...Я работаю конкретно со школьниками и молодёжью до 1–2 курса... Молодёжные организации, то есть вот волонтерская (Общественное Молодёжное Движение «СИМ: Доброе Сердце» – прим. авт.) работает с 2012 года, сейчас вот ученическое самоуправление, у нас очередная школа сейчас пришла в российское движение школьников, большая президентская программа, у нас уже две школы и две официальные площадки, остальные семь сейчас стараются, набирают баллы. Наши ребята года два назад выигрывали краевые, всероссийские конкурсы по волонтерству, по добровольности России занимали 2-е место, т. е. достижения есть. Помимо волонтеров у нас есть молодёжный парламент, вот сейчас сделали преобразование, совет старшеклассников имеется. Последние два года активно работают на то, чтобы разделить, т. е. парламент занимается свои-*

ми, волонтеры – своими, а ученический совет конкретно со школами, чтобы не было у детей в голове никаких <...> и это помогает многим при поступлении... Подъём идёт большой, и т.к. выход идёт на всероссийские конкурсы, на площадки, ребята имеют возможность за счёт финансирования выехать в Москву, в Питер, в районы. Это уже не только потому, что путёвка, либо по учебной части, но плюс ещё и за активность ребята выезжают...».

Такие организации нацелены на развитие потенциала ребёнка будь то в спорте или при поступлении в вузы через участие в олимпиадах, форумах. Опять же выявляются сложности: в отсутствии помещений, участия в проектах и грантах, поскольку «...опыт показал, что выигрывает, легко выиграет уборка территории от мусора, который уже заезженный, но совершенно не прошла образовательная настольная игра, была очень достойная игра, дети делали; её не пропустили, и вот мы сделали её уже своим силами... Есть определённые позиции, которые не пропускают» (г. Спасск-Дальний).

Молодёжь в малых городах объединена и при школах, и при средних учебных заведениях. Единственное, что не хватает, особенно в локализованных малых городах, по мнению экспертов, это объединений для работающей молодёжи: «каких-то объединений для людей такого молодого возраста, но уже от 25 до 35... Но это сложность ещё немножко того, что у нас достаточно сложно в городе с объектами спорта. Потому что я считаю, что для таких людей было бы неплохо объединение вот в таком плане и направлении, но вот пока они сами не хотят, а мы не видим возможности как их объединить...; у нас достаточное количество объектов культуры, у нас очень хорошие дома культуры, но, к сожалению, молодёжь у нас, да, хотела бы и клубы, которых у нас в городе нет, но их нет и в соседних городах, но они есть в Иркутске...» (г. Зима).

Как отмечают эксперты, в повышении социальной активности молодёжи заинтересованы, прежде всего, общественные организации, отдельные активисты, спонсоры, в наименьшей степени – властные структуры.

Культурные центры в малых городах активно стараются привлечь молодёжь. Как отмечают участники фокус-груп-

пы г. Заволжье, работают молодёжные компании, «ребята молодые, которые всякие “движухи” устраивают, работают со школами, с детскими садиками... Сейчас запустили проект «Дворовый футбол», у нас заявляется порядка 200 человек в сезон. Обеспечиваем детям хоть какой-то досуг, чтобы они были чем-то заняты. Всё это на добровольном начале, то есть на свои какие-то средства. Ищем спонсоров, чтобы нам хотя бы мячики купить, призы организовать. Какие-то ещё проекты, как «Молодая гвардия» тоже запускаем, Совет молодёжи. Стараемся как-то завлечь».

В работе с молодёжью активное участие принимают и другие общественные организации. Как отмечает представитель казачьей организации, «мы участвуем во всех праздниках <...> в прошлом году мы провели порядка 50 открытых уроков по школам города, рассказывали об истории организации, об истории казачества, об истории Нижегородской области. Проводим соревнования по казачьим видам спорта. Сейчас на базе техникума с 1 сентября откроем секцию по рубке шашкой... Молодёжи сейчас привлекаем очень много» (г. Заволжье).

Помогают молодёжным организациям и предприятия, крупные организации: «...привлечены к тому, что это социальная, активная позиция, потому что это на благо города и естественно, что дети – это будущее и им необходимо развиваться, заниматься, потому что не у всех есть возможности на те же занятия с родителями, с физической нагрузкой» (г. Аксай).

Дополнительное образование

Социальная активность молодёжи в малых городах во многом зависит от наличия в самом городе высших или средних учебных заведений, при которых создаются различные секции, кружки дополнительного образования. Как отмечают эксперты, это является хорошим показателем инфраструктуры для развития активности молодого поколения.

Дополнительное образование как основа формирования социальной активности молодёжи предполагает организацию социально значимой деятельности, предоставление возможности молодёжи проявлять себя в разных социаль-

ных проектах. Несмотря на то, что государство является основным гарантом работоспособности системы дополнительного образования, оно не в полной мере реализует комплекс мероприятий, необходимый для полноценного функционирования данной системы. Руководители дополнительных кружков иной направленности, особенно в малых городах, зачастую на своём энтузиазме или с помощью спонсоров осуществляют свою деятельность. Как отмечает эксперт, *«...большинство кружков, которые организованы для детей, все – на самообеспечении находятся, то есть это либо ИП, либо ещё что-то <...> все платные, и ФОК (физкультурно-оздоровительный центр – прим. авт.) весь платный сейчас стал»* (г. Миллерово).

Как отмечают участники фокус-группы г. Зима и г. Кимры, для работы кружков и секций нет необходимой материально-технической базы, *«сейчас каждый выживает, как может. Даже брать какой-то ДК (дом культуры – прим. авт.), там тоже выживают своими силами, пытаются»* (г. Кимры); *«нет развлекательных форматов, а именно для молодёжи интересны все эти программы, это будущее, это всё должно быть, всё это цифровое, у нас это очень так тухло...»* (г. Зима).

Тем не менее современная молодёжь активно задействована в системе дополнительного образования, что способствует развитию не только интеллектуального потенциала¹, но и гражданской активности. Родители, в силу своего опыта, пытаются побудить молодое поколение к активности, используя, в первую очередь, дополнительное образование в качестве инструмента развития личности в современном мире.

Досуг молодёжи

Немаловажную роль играет досуговая деятельность города. В том случае, если молодёжь будет востребованной,

¹ Ананьина Э. Д., Осипов Т. А., Павлюк М. А., Сафонов С. А., Татура М. О., Шарафеева Д. С. Система дополнительного образования как определяющий фактор формирования и развития интеллектуального капитала современной молодёжи // Интеллектуальный капитал в XXI веке. Сборник науч. трудов. Иркутск, 2019. С. 139–142.

получит перспективы самореализации в сегодняшней сложной жизни, то будет дан дополнительный импульс социально-экономическому развитию малого города, молодёжь обретёт жизненные надежды, а это и есть основной способ преодоления негативных явлений в молодёжной среде.

Как показало исследование, в малых городах властные структуры успешно справляются с организацией досуга молодёжи в сфере спорта в связи с проведением федеральных, региональных программ, направленных на развитие физической культуры и спорта.

В городах-агломерациях с этим особых проблем нет. Как отмечают участники фокус-группы г. Балахна, *«именно в плане спорта площадок, стадионов достаточно, но это за счёт последних внесений», «на самом деле ФОК сейчас как-то толкнул эту ситуацию, и ребяташки – сейчас большое количество – занимаются спортом, но есть и территории, где этого совершенно нет»; «с культурой, со спортом у нас всё более-менее нормально, есть ФОК, кружки функционируют на бесплатной основе, всё хорошо <...>, но культурно-массовой не хватает, <...> развлечений не хватает, один кинотеатр небольшой...».*

Немного другая ситуация сложилась в малых городах и посёлках, находящихся далеко от центра, основной проблемой которых является отсутствие должного финансирования в сфере досуга. Как отмечают эксперты из г. Заволжье, *«спорт в Заволжье развит, однако многое рушится, но на энтузиазме там достаточно много держится... В Заволжье, например, нет ФОКа, стадион развален <...> и тренируются в таких руинных условиях...»; «у нас есть ледовый дворец, это замечательно. Большое спасибо определённым людям, которые это сделали, всё нам смогли построить и запустить. Но у нас тот же самый бассейн, те же самые развлекательные центры, не в плане развлечений, а именно спортивные, нет поддержки спортивных школ <...>, мало бесплатных секций...».*

Формирование культуры досуга молодёжи в рамках культурно-образовательного пространства имеет смысл при наличии активного взаимодействия всех участников процесса по принципу территориальных и функциональных связей: школа, сууз, вуз, городской Дом молодёжи,

Дом творчества детей и молодёжи и других молодёжных организаций. Создание культурно-досугового пространства в процессе взаимодействия среднего, высшего и дополнительного образования является объективной реальностью, в которой на основе общности интересов, удовлетворения совпадающих или сочетающихся запросов, потребностей формируется культура досуга молодёжи¹.

При этом уровень обеспечения культурного досуга сегодня противоречит потребностям и интересам молодого поколения. В отличие от крупных городов и областных центров, в малых городах, особенно локализованных, нет такого разнообразия культурной жизни для молодёжи в силу отсутствия должного финансирования. Конечно, в районных центрах сохранились дома культуры, библиотеки и учреждения дополнительного образования, но, как правило, все они держатся благодаря сотрудникам-энтузиастам.

Как отмечает эксперт из г. Шелехов Иркутской области, *«у нас очень много добровольцев, разного возраста, начиная от школьников, заканчивая рабочей молодёжью, то есть они также откликаются на городские мероприятия, субботники, культурные, досуговые мероприятия. ...Хоть и проводится у нас много мероприятий, <...> а проблема остаётся, что негде собираться, проводить время для занятий спортом, спортивных секций, не хватает площадок, хоть там и устанавливаются тренажёры уличные...»*.

Как отмечает представитель молодёжной организации г. Заволжье, не хватает досуга в сфере культуры: *«... у нас вообще ничего нет, абсолютно. <...> если говорим «досуг», есть платные кружки, но помимо этого для молодёжи, которые не ходят на кружки, то нечем заняться... В сравнении с Городцом, в котором все мероприятия районного масштаба, проходят фейерверки, хороводы, шикарно, у нас бюджета на это нет... У нас люди на праздники перестали ходить, потому что у нас скукота, наш Дворец культуры там отработывает <...> по большому счету, даже сходить некуда»*. Даже отсутствие кинотеатра в Аксае, по

¹ Еманова С.В., Хомутникова Е. А. Дополнительное образование детей и взрослых как фактор формирования досуговой культуры студенческой молодёжи // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 55.

мнению эксперта, *«это такая, если брать из общественно-го, – молодёжная проблема. Это действительно проблема, потому что некуда девать себя вечерами».*

Поэтому молодёжь малых городов агломераций проводит своё свободное время в центре, других крупных городах. Как отмечает эксперт г. Шелехов, *«у нас тоже были попытки в разное время организовать клубы для молодёжи, но молодёжь всё равно стремится в Иркутск, там, скажем так, вариантов куда пойти больше. Здесь как-то ну не востребованы клубы. Библиотеки у нас есть, вполне хватает, на мой взгляд. Тем более они сейчас не так пользуются популярностью, особенно у молодёжи».*

Поскольку у школьников и студентов действительно есть какая-то организация времени, то с рабочей молодёжью другая ситуация. Как отмечает участник фокус-группы г. Заволжье, *«...как только человек после учебного заведения получает диплом, идёт на работу и обретает семью, ему некуда практически пойти. Хорошо, если где-то открывается кинотеатр, сейчас, хотя бы люди ходят в кино. А остальная вся молодёжь на распутье каком-то».*

Другой проблемой невысокой социальной активности молодёжи, по мнению экспертов, является её неорганизованность и отсутствие инициативы. По мнению представителя бизнеса г. Балахна, не хватает приобщения молодёжи к труду: *«в моём детстве опять же было, мы брали лопаты, шли озеро чистить, а сейчас это всё “подай, принеси” <...> я считаю это уже проблема на уровне школ. Правительство сделало так, что ребёнку вообще ничего нельзя делать. Я считаю, что наоборот ребёнка надо к труду с детства приучать, чтобы он <...> общественные работы проводил обязательно...».* Как отмечает эксперт, *«общаясь с молодёжью, сталкиваясь с ней, у людей происходит такая каша в голове. Он сам не понимает, куда ему идти. Человек без цели, без движения, поэтому у него возникает апатия ко всему, инициатива пропадает. Человек сам себя погружает в рутину, он никуда не движется, и никуда не хочет. ...То есть, есть единицы людей, которые готовы взять на себя ответственность, их, в общем-то, и мало. Эти люди, когда сталкиваются с этим, или уезжают из города, или становятся такими же» (г. Миллерово).*

Молодое поколение исследуемых малых городов активно занимается спортом, посещает дополнительные кружки и спортивные секции, участвует в деятельности молодёжных объединений, волонтерских и других организациях, экологических и патриотических кружках, в индивидуальных и коллективных гражданских акциях, тем самым способствуя решению социально значимых проблем малого города. Поэтому для формирования условий социальной активности молодёжи в малых городах необходимо, в первую очередь, властным структурам уделить внимание развитию молодёжной политики, оказывать существенную поддержку молодёжным организациям в их участии в проектах и грантах, способствовать взаимодействию с другими общественными организациями в сфере проведения культурно-досуговых мероприятий. Также необходимо разработать меры, которые будут мотивировать молодое население города оставаться в нём, а не уезжать в более крупные города. Данная работа должна быть направлена и на развитие социальной инфраструктуры малого города, сферы культуры, что даст молодёжи возможность для самореализации.

Поскольку социальной активности молодёжи в малых городах способствует выстраивание востребованной системы дополнительного образования и досуга, то, по мнению экспертов, с одной стороны, необходимо в первую очередь усилить внимание на развитие культурного досуга (Дома культуры, концерты и т.д.), с другой стороны – обратить внимание на «общественные пространства» – парки, кафе. Как отмечает представитель властных структур г. Лихославль, *«...людям хочется в комфортном городе проживать. Когда они этого не получают, они уезжают. Поэтому должны быть созданы условия. Например, центр дополнительного образования. У нас будет такое многообразие площадок, которое позволяло бы непосредственно людям пользоваться всем этим и не уезжать в большие города»*.

Конечно, есть интересные мероприятия для молодёжи в малых городах, но, по мнению экспертов, *«надо раскачивать это направление»*, не хватает молодёжных организаций и объединений.

Поскольку молодёжные организации и система дополнительного образования способствуют социальной активности

молодого поколения, профилактике проявления девиаций среди молодёжи, необходимо уделить пристальное внимание досугу молодёжи, особенно в малых городах, находящихся далеко от центра (локализованных). Культурный досуг молодёжи должен формироваться на основе активного взаимодействия всех участников процесса – учебных заведений, системы дополнительного образования, молодёжных и других общественных организаций.

Поскольку, по мнению экспертов, в повышении социальной активности молодёжи заинтересованы, прежде всего, общественные организации, отдельные активисты и спонсоры, региональным властным структурам необходимо направить работу на развитие социальной инфраструктуры города, сферы культуры, досуговой деятельности, что предоставит молодёжи возможности для самореализации, и тем самым мотивирует молодое население оставаться в малом городе. Как отмечает эксперт, *«мы стараемся строить положительные моменты в нашей жизни. И такие люди нужны, которые по разным направлениям зарядят молодёжь, она останется здесь и создаст свой маятник положительный, который конечно в итоге даёт толчок к развитию самого малого города»* (г. Миллерово).

Сотрудники культурно-досуговых учреждений и учреждений дополнительного образования являются инициативными, выполняющими свою работу с большим энтузиазмом, активно привлекают на свои мероприятия молодое поколение, что влияет на формирование мировоззрения, гражданской позиции молодёжи.

Данное социологическое исследование показывает, что наличие инфраструктуры для развития потенциала молодёжи, в том числе средне-специальных и высших учебных заведений, молодёжных организаций, доступных кружков и секций, развитие досуга, способствует развитию гражданской и социальной активности молодёжи.

Межпоколенческая профессиональная мобильность в малом городе (воспроизводство профессионального статуса)

Профессиональная мобильность рассматривалась на самых ранних этапах становления современной социологии, и была, в частности, подвергнута анализу в книге П. А. Сорокина «Социальная и культурная мобильность». Сорокин рассматривал профессиональный статус как одну из важнейших характеристик социальной структуры¹. Он анализировал потоки профессиональной мобильности и с точки зрения горизонтальных флуктуаций, связанных с изменениями на рынке труда, появлением и исчезновением ряда профессиональных занятий, и с точки зрения вертикальных характеристик, описывающих становление профессиональных иерархий. В дальнейшем тематика профессиональной мобильности получила продолжение в межпоколенческих исследованиях в середине прошлого века, когда был впервые поставлен вопрос о взаимосвязи профессиональных статусов двух поколений – поколения «родителей» (условного) и поколения «детей». Анализ межпоколенческой профессиональной мобильности включал оценку её масштабов, силы взаимосвязи профессионального статуса, достигнутого поколением «детей», с «родительским» профессиональным статусом. На основе таких оценок делался вывод о преобладании воспроизводства или мобильности в обществе, его открытости, способности к изменениям профессиональной структуры, снижению уровня неравенства.

Пик интереса российских исследователей к теме межпоколенческой профессиональной мобильности приходится на 2000-е гг. К этому моменту накопился обширный эмпирический материал, предоставивший возможность оценить изменения, произошедшие в российском обществе за постсоветский период. В этих работах использовались разные базы социологической информации, разные кодировки профессионального статуса и разные аналитические стратегии.

¹ Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility. NY: The Free Press, L.: Collier-Macmillan Limited. 1964. P. 108–128.

П. М. Козырева¹ строит анализ межпоколенческой профессиональной мобильности на данных 20-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (RLMS-HSE), полученных осенью 2011 г. В качестве основы для измерения профессионального статуса был выбран классификатор Международной организации труда (ISCO-88), включающий 10 профессиональных групп. Исследователь делает вывод о значительном статусном превосходстве детей над обоими родителями². В подтверждение этого приводятся данные, свидетельствующие о том, что в поколении детей больше, чем в поколении родителей, доля специалистов высшего и среднего уровня квалификации, а также служащих. Долевое увеличение указанных профессиональных групп сопровождается уменьшением долевой представленности групп, занимающих нижний уровень социально-профессиональной иерархии, относящихся к рабочим разного уровня квалификации. Исследователь полагает, что упомянутые изменения вызваны сдвигами в экономической структуре и, прежде всего, расширением сектора торговли и услуг при сокращении доли населения, занятой в производственных отраслях.

Анализ межпоколенческой профессиональной мобильности, проведённый Т. М. Малевой и А. Я. Бурдяк в рамках общего изучения вектора социальной мобильности в России построен на основе данных «репрезентативного социодемографического обследования “Человек, семья, общество”» (ЧСО-2013), исполненного ИнСАП РАНХиГС в 2013 г., охватившего 9557 респондентов в 59 субъектах РФ»³. Выводы, к которым приходят исследователи, противоречивы. С одной стороны, наблюдается улучшение социально-экономических позиций молодого поколения россиян (35–44 года) в сравнении с положением их родителей по четырём компонентам совокупного статуса. С другой, – не уступая своим родите-

¹ *Козырева П. М.* Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 213–235.

² Там же. С. 216.

³ *Малева Т. М., Бурдяк А. Я.* Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России // Журнал НЭА. 2016. № 4 (32). С. 62–85.

лям по уровню образования и квалификации, поколение «35–44» оказалось неспособно достигнуть таких же статусных высот, как предшествующее поколение. По мнению исследователей, эти ограничения были связаны с трансформацией рынка труда.

Применяя логлинейный анализ к данным четырёх репрезентативных опросов, Г. А. Ястребов¹ пришёл к выводу о снижении интенсивности восходящих перемещений и увеличении нисходящих. При этом исследователь не обнаружил «сколько-нибудь значительных изменений в характере наследуемости социально-профессиональных позиций или обусловленности перемещений родительским социально-профессиональным статусом»². Иначе говоря, его основной вывод заключается в том, что межпоколенческая профессиональная мобильность в постсоветском обществе является продолжением тех тенденций, которые наметились в позднесоветском обществе. Снижение интенсивности восходящих перемещений и усиление нисходящих являются следствием исчерпанности потенциала мобильности, обозначившегося на излёте советского периода. В постсоветский период, несмотря на радикальность произошедших изменений, наблюдается усиление тенденций, которые были свойственны российскому обществу в позднесоветское время.

Одно из ключевых направлений исследований социальной мобильности заключается в поиске факторов, от которых могут зависеть её масштабы и паттерны. Как правило, факторы мобильности представлены на двух уровнях. На индивидуальном уровне ведётся поиск зависимости мобильности от условий, характеризующих социальное происхождение (уровень образования, семейный доход, состав семьи и др.). Помимо факторов, имеющих отношение к индивидуальному уровню, исследователей мобильности интересуют факторы, способные обуславливать мобильность на макроуровне. П. М. Блау и О. Д. Данкан, положившие начало

¹ Ястребов Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть II // Мир России. 2016. № 4. С. 6–36.

² Там же. С. 31.

второму поколению исследований мобильности¹, в книге «Профессиональная структура Америки» включили в число таких факторов тип населённого пункта². В дальнейшем зависимость профессиональной мобильности от ситуации в разных городах изучалась такими исследователями, как А. Лейн³, Ч. Мюэллер⁴, Р. М. Хаузер и Д. Л. Фезерман⁵.

Поселенческий аспект учитывается и современными российскими исследователями мобильности, в работах которых обозначились два подхода к профессиональной мобильности с точки зрения поселенческой дифференциации. В рамках первого из них мобильность рассматривается в контексте поселенческой структуры, относящейся к отдельному региону. Например, такой подход можно обнаружить в публикациях Ю. С. Панфиловой⁶, которая проанализировала зависимость характера и масштабов межпоколенческой профессиональной мобильности от типа поселения на эмпирических данных по Ростовской области. Вывод, который делает Панфилова, заключается в том, что «наибольшая интенсивность межпоколенной мобильности наблюдается в областном центре и большом городе, причём преобладают в данном случае восходящие траектории. <...> Нисходящий тип межпоколенных перемещений характерен в большей степени для малого города»⁷. По мнению исследователя, различия в направленности и интенсивности мобильности обусловлены социально-экономическим контекстом, формируемым в поселениях разного типа. К основным факторам

¹ *Canzeboom H. B. G., Treiman D. J., Ultee W. C. Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // Annual Review of Sociology. 1991. Vol. 17. P. 277–302.*

² *Blau P. M., Duncan O. D. The American Occupational Structure. NY., L., Sydney: John Wiley & Son, Inc., 1967. P. 243–275.*

³ *Lane A. Occupational Mobility in Six Cities // American Sociological Review. 1968. Vol. 33. № 5. P. 740–749.*

⁴ *Mueller C. W. City Effects on Socioeconomic Achievements: The Case of Large Cities // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 5. P. 652–667.*

⁵ *Hauser R. M., Featherman D. L. Socioeconomic Achievement and City Size // The Process of Stratification: Trends and Analyses. NY, SF, L.: A Subsidiary of Harcourt Brace Jovanovich, Publishers. 1977. P. 249–269.*

⁶ *Панфилова Ю. С. Межпоколенная социальная мобильность в Ростовской области в контексте дифференциации поселений // Философия права. 2018. № 4. С. 48–53.*

⁷ Там же. С. 50.

относятся рынок труда (расположение большинства предприятий в крупных городских поселениях) и образовательная инфраструктура (сосредоточение подавляющей доли образовательных учреждений также в крупных городах).

Регионального подхода придерживается и М. Н. Реутова, проанализировавшая данные по межпоколенческой профессиональной и образовательной мобильности молодежи на данных по Белгородской области¹. В отношении межпоколенческой профессиональной мобильности исследователь приходит к такому же выводу, что и П. М. Козырева, а именно – о статусном превосходстве детей над родителями: «Профессиональная мобильность молодежи в большей степени характеризуется восходящей направленностью»². Что касается территориального аспекта мобильности, то по данным, приводимым Реутовой, наиболее интенсивная вертикальная мобильность свойственна молодежи, проживающей в сельской местности; меньшей интенсивностью отличаются перемещения молодежи, проживающей в областном центре, а также в райцентрах и посёлках городского типа.

В рамках второго подхода анализ социальной мобильности в зависимости от типа поселения строится на общероссийском уровне. Результатом такого рассмотрения становится признание того, что интенсивность социальной мобильности является отличительной чертой, прежде всего, крупных городов. Например, в указанной выше работе П. М. Козырева отмечает, что «родившиеся и выросшие в городе, обладают гораздо более широкими возможностями для социально-профессионального роста, чем выходцы из сельских семей. <...> Причём в наиболее выгодном положении оказываются граждане, родившиеся и выросшие в самых крупных городах, – республиканских, краевых и областных центрах»³.

О. И. Шкаратан и Г. А. Ястребов⁴ на материале представительных опросов исследовали зависимость индивидуальных

¹ Реутова М. Н. Направление и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 139–142.

² Там же. С. 140.

³ Козырева П. М. Указ. соч. С. 223.

⁴ Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социокультурная преемственность в российской семье (Опыт эмпирического исследования) // Ответственные науки и современность. 2010. № 1. С. 5–27.

жизненных траекторий как от социальной микросреды, под которой понимается, прежде всего, семья, так и от мезосреды, т. е. поселений различного типа. Исследователи провели анализ межпоколенной профессиональной мобильности в зависимости от типа поселения. При этом они придерживались следующей типологии: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), провинциальные города и сельская местность. Шкаратан и Ястребов пришли к выводу, что «наименьшая преемственность социальных статусов наблюдается в провинциальных городах»¹. Это означает, что зависимость профессионального статуса, достигнутого следующим поколением, от родительского наиболее характерна для высоко урбанизированных мегаполисов и сельских населённых пунктов. По мнению исследователей, более развитая образовательная и производственная инфраструктура провинциальных городов способствует большей интенсивности социальных перемещений. В то же время в сельской местности условия для социального продвижения отсутствуют.

То, как различается межпоколенческая профессиональная мобильность в социально-экономическом контексте двух городов, проанализировано в работе М. Ф. Черныша², в которой на данных опроса, проведённого в двух мегаполисах – Санкт-Петербурге и Шанхае, сделан вывод о связи паттернов мобильности с динамикой экономического развития мегаполиса. В Шанхае, экономика которого развивается динамично, наблюдается преобладание мобильности над процессами воспроизводства, «так как в экономике и социальной сфере растёт число позиций, ориентированных на высокий квалификационный статус»³. Экономика Санкт-Петербурга, характеризуемая переходом от индустриального, высокотехнологичного производства к долевному преобладанию сервисного и торгового секторов, способствует социальному закрытию высококвалифицированных профессиональных групп, что в конечном итоге приводит к усилению воспроизводства и снижению масштабов мобильности.

¹ Козырева П. М. Указ. соч. С. 223.

² Черныш М. Ф. Социальная мобильность в российском и китайском мегаполисах // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2010. Выпуск 9. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 151–168.

³ Там же. С. 167.

Как показывает краткий обзор публикаций, посвящённых теме социальной мобильности, изучаемой в контексте поселенческой структуры, российские исследователи склоняются к выводу о том, что существует связь между интенсивностью и потоками межпоколенческой профессиональной мобильности и типом поселения. Именно города, за счёт созданной в них экономической, социальной и образовательной инфраструктуры, характеризуются интенсивной профессиональной мобильностью. Наряду с этим, данные исследований свидетельствуют о том, что не каждый город становится обеспечивающим широкие возможности восходящей мобильности. Так, малым городам может быть свойственна и нисходящая мобильность, а крупный мегаполис, в силу особенностей экономической ситуации, может способствовать не мобильности, а напротив, социальному закрытию и усилению социального воспроизводства.

Задача главы – восполнить пробел в понимании того, как взаимосвязаны воспроизводство и мобильность в малых городах применительно к профессиональной структуре. Исходя из теории социально-экономического контекста социальной мобильности, предложенной Фезерманом, а также из результатов анализа мобильности, полученных российскими исследователями, мы предполагаем, что в малых городах, в отличие от Москвы и Санкт-Петербурга и других городов, профессиональной структуре свойственно преобладание воспроизводства над мобильностью.

Последующий анализ построен на данных массового опроса, проведённого в рамках исследования «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI – четыре генерации российской истории» в 2015 г. Опрос был реализован на основе случайной стратифицированной выборки, общее число опрошенных составило 5097 респондентов. В связи с тем, что одна из задач исследования состояла в анализе профессиональной мобильности, нижняя граница возраста была поднята до 25 лет. Таким образом, была увеличена доля респондентов, уже получивших опыт постоянной работы, а также сведена к минимуму доля респондентов, на момент опроса получающих образование.

В общей совокупности опрошенных доля респондентов, проживающих на момент участия в опросе в малых горо-

дах, составила 10,6%. Информация о месте проживания респондентов (тип поселения) фиксировалась при помощи переменной, включающей 10 градаций и различающей как городские поселения, так и сельские населённые пункты. Для проведения анализа изначальная шкала, фиксирующая поселенческие различия, была редуцирована к трём значениям: «Столицы (Москва и Санкт-Петербург)»; «Город», где объединены все городские населённые пункты, за исключением малого города, и «Малый город». Оставшиеся три градации – «посёлок городского типа», «большая деревня» и «небольшая деревня» в дальнейшем анализе учитываться не будут.

Обычно мобильность фиксируется как результат сравнения профессионального статуса, достигнутого респондентом, с профессиональным статусом одного из родителей (как правило, отца; в некоторых случаях обоих родителей). Родительский профессиональный статус выступает как основная характеристика социального происхождения, так и стартовая точка в профессиональной траектории. В исследовании, на данные которого мы опираемся, социальное происхождение и характеристика родительской семьи измерялись при помощи вопроса о профессиональном занятии главного кормильца, который определялся как человек, приносящий в семью наибольший доход, когда респонденту было 16 лет. Преимущество такого подхода к измерению профессионального статуса предшествующего поколения заключается в том, что, с одной стороны, это помогает избежать отдельного рассмотрения мобильности по «отцовской» и «материнской» линиям. С другой – уравнивает значимость отцовского и материнского профессиональных статусов, особенно в ситуации нарастания одинокого родительства¹.

Как следует из полученных данных, независимо от типа городского поселения, главными кормильцами выступают отец и мать (см. табл. 8.1).

¹ По данным, приводимым С. В. Захаровым и Е. В. Чуриловой, доля детей, находящихся в возрасте до 18 лет и имеющих юридический статус «без отца», выросла 6,5% в 1989 г. до 14,5% в 2012 г. (см.: *Захаров С. В., Чурилова Е. В.* Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространённости и механизмов его формирования // Мир России. 2013. № 4. С. 90).

Таблица 8.1

**Кто выступал главным кормильцем семьи,
когда респонденту было 16 лет,
% от числа ответивших**

Член семьи	Тип городского поселения			Всего
	Столицы	Город	Малый город	
Отец	67,9	70,1	71,9	70,1
Мать	27,9	27,2	25,2	27,0
Другие родственники	4,1	2,7	2,9	2,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Профессиональный статус респондента измерялся при помощи вопроса о профессиональном занятии на момент проведения опроса. Вопросы о профессиональном занятии как главного кормильца, так и респондента задавались в открытой форме с последующим кодированием по классификатору профессий, разработанному Международной организацией труда (ISCO-08). В качестве дополнительного способа измерения профессионального статуса был применён международный социально-экономический индекс (ISEI), который высчитывался на основе кодов профессиональных занятий ISCO-08¹. По сути, ISEI может быть проинтерпретирован как метрический аналог номинальной шкалы профессионального статуса. Коэффициент корреляции, рассчитанный для ISEI главного кормильца и ISEI респондента применительно к трём типам населённых пунктов, показывает ослабление связи по мере снижения численности населения, проживающего в городе. Так, наиболее тесная межпоколенческая связь профессиональных статусов наблюдается в Москве и Санкт-Петербурге

¹ *Ganzeboom H. B. G., Treiman D. J. The International Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status // Hoffmeyer-Zlotnik J. H. P., Wolf C. (Eds.). Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables. NY: Kluwer Academic Press. 2003. Pp. 159-193. Алгоритм расчёта ISEI для ISCO-08 представлен на сайте Г. Ганзебума. URL: <http://www.harryganzeboom.nl/ISCO08/index.htm> (дата обращения: 01.07.2020).*

(0,411). В «городах» коэффициент корреляции составил 0,256, в малых городах – 0,221. Таким образом, изначально выдвинутая гипотеза о преобладании воспроизводства профессиональной структуры над мобильностью в малом городе не подтвердилась. В общероссийском масштабе малый город предстаёт как тип городского поселения, профессиональная структура которого в наибольшей степени подвижна, характеризуется слабой межпоколенческой связью профессиональных статусов.

Получен результат, который совпадает с теми выводами относительно межпоколенческой мобильности в Москве и Санкт-Петербурге, к которым пришли О. И. Шкартан и Г. А. Ястребов. Как отмечалось выше, согласно приведённым им данным, именно в этих мегаполисах наблюдается наибольшая теснота межпоколенческой связи профессиональных статусов. Полученный результат согласуется и с выводом, сделанным М. Ф. Чернышом на данных сравнительного исследования по Санкт-Петербургу: северной столице свойственно социальное закрытие высококвалифицированных позиций, что приводит к снижению мобильности. Наряду с этим, полученное значение коэффициента корреляции, характеризующее тесноту межпоколенческой связи профессиональных статусов, противоречит данным исследований, проведённых на региональных выборах.

Для того чтобы разобраться, чем обусловлена межпоколенческая связь профессиональных статусов в городах разного типа, рассмотрим таблицу мобильности (см. табл. 8.2). Чтобы преодолеть количественные ограничения выборки, девять укрупнённых профессиональных групп классификатора ISCO-08 были редуцированы до шести, а именно: третья и четвёртая группы были объединены в группу «Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники и офисные служащие»; шестая, седьмая и восьмая группы составили одну группу «Квалифицированные рабочие в сельском хозяйстве, производстве и строительстве».

Представленные в таблице 8.2 данные отражают тенденции межпоколенческой профессиональной мобильности, представленные в публикациях П. М. Козыревой, М. Ф. Черныша,

Таблица 8.2

**Межпоколенческая профессиональная мобильность
в городах разного типа, % от числа ответивших**

Профессиональный статус	Столицы		Город		Малый город	
	Главный кормилец	Респондент	Главный кормилец	Респондент	Главный кормилец	Респондент
Руководители всех уровней	11,0	13,1	7,4	6,5	6,0	4,0
Специалисты высшего уровня квалификации	17,5	19,5	12,0	17,7	7,4	21,2
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники и офисные служащие	19,2	27,1	15,8	24,7	13,7	22,5
Квалифицированные рабочие в сфере услуг и торговле	8,8	15,9	8,5	18,4	8,3	20,0
Квалифицированные рабочие в сельском хозяйстве, производстве и строительстве	38,1	20,3	49,8	28,9	55,9	27,7
Неквалифицированные рабочие во всех отраслях	5,5	4,0	6,4	3,8	8,7	4,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

а также М. Бурлуцкой¹. Речь идёт о существенном сокращении в поколении респондентов доли квалифицированных рабочих и долевого росте таких профессиональных групп, как квалифицированные рабочие в сфере торговли и услуг, а также специалистов высшего и среднего уровней квалификации. Причём, в «малом городе» доля квалифицированных рабочих сократилась по сравнению с поколением главных кормильцев почти в 2 раза (с 55,9% в поколении главных кормильцев до 27,7% в поколении респондентов). Полученные данные позволяют сделать вывод о структурном характере профессиональной мобильности, т. е. такой мобильности, которая обусловлена, в первую очередь, изменениями в экономической структуре. Кроме того, в «малом городе», в отличие от «столиц» и «города», наблюдается более существенное увеличение доли квалифицированных рабочих, занятых в сфере торговли и услуг (в сравнении с поколением главных кормильцев в поколении респондентов доля этой профессиональной группы выросла в 2,5 раза: с 8,3% до 20,0%; в «столицах» и «городе» эта группа увеличилась вдвое: с 8,8% до 15,9% и с 8,5% до 18,4% соответственно), а также специалистов высшей квалификации. Именно в малом городе наблюдается значимое увеличение профессиональной группы, включающей специалистов высшей квалификации. Полученные данные согласуются с теми выводами, к которым пришли на других данных О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов, а также М. Ф. Черныш: ситуация в крупном мегаполисе способствует не столько мобильности, сколько социальному закрытию высокоресурсных групп и их социальному воспроизводству. При этом независимо от типа городского поселения, при переходе от поколения к поколению долевая представленность профессиональной группы, включающей руководителей всех уровней, практически не меняется. Таким образом, можно сделать вывод о том, что тип городского поселения ограничивает «высоту» межпоколенческой профессиональной мобильности. В «столицах» и «городе» продвижение

¹ Бурлуцкая М. Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // URL: http://ecsosman.hse.ru/data/178/668/1219/016_Burlutskaya_M.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

по ступеням профессиональной структуры наталкивается на закрытие группы высококвалифицированных специалистов, в «малом городе» – ограничение наступает на уровне руководителей всех уровней.

Количественные параметры выборки не позволяют провести анализ потоков профессиональной мобильности в разрезе трёх типов городских поселений. Для того чтобы обойти это ограничение, в ходе анализа использовался проранжированный на три группы международный социально-экономический индекс (ISEI), характеризовавший профессиональный статус главного кормильца и респондента. Как следует из данных таблицы 8.3, полученные группы значительно различаются по среднему значению индекса и могут соответствовать трём стратам в профессиональной структуре: нижней, средней и верхней.

В таблице 8.4 представлено распределение респондентов по профессиональным стратам в зависимости от «стартовой» точки – профессиональной страты главного кормильца. В терминологии исследований мобильности подобное распределение принято называть «потоком на вход» (inflow), или «притоком». Такие данные позволяют понять, насколько гетерогенной является каждая из профессиональных страт. Как следует из данных, представленных в таблице 8.4, профессиональные страты в городских поселениях разного типа различаются характером пополнения и воспроизводства. В «столицах» верхняя страта более чем на половину состоит из тех, кто воспитывался в семьях, главные кормильцы которых относились к верхней профессиональной страте. Иначе говоря, в «столицах» основной способ пополнения верхней профессиональной страты связан с воспроизводством, с сохранением и передачей позиций в профессиональной структуре, достигнутых поколением главных кормильцев.

Таблица 8.3

Распределение средних значений ISEI по трём стратам

Поколение	Верхняя страта	Средняя страта	Нижняя страта
Главный кормилец	1486,6	881,2	302,5
Респондент	995,6	595,5	200,9

Таблица 8.4

**Поток на вход по трем типам городов,
% от числа ответивших**

Тип города	Профессиональная страта главного кормильца	Профессиональная страта респондента		
		Нижняя	Средняя	Верхняя
Столицы	Нижняя	48,7	36,1	13,6
	Средняя	37,2	37,3	32,1
	Верхняя	14,1	26,5	54,3
	Всего	100,0	100,0	100,0
Город	Нижняя	40,4	37,7	22,0
	Средняя	35,0	31,4	31,1
	Верхняя	24,6	31,0	46,9
	Всего	100,0	100,0	100,0
Малый город	Нижняя	35,9	19,8	19,4
	Средняя	38,8	42,5	35,9
	Верхняя	25,2	37,7	44,7
	Всего	100,0	100,0	100,0

Развитая инфраструктура «столиц», имеющиеся возможности способствуют не столько усилению вертикальной мобильности, сколько сохранению достигнутых позиций, о чём свидетельствует структура нижней профессиональной страты, воспроизводящей себя почти наполовину.

В отличие от «столиц», «город» и «малый город» отличаются большей интенсивностью вертикальной мобильности. Следует отметить, что нижняя профессиональная страта в «малом городе» только на 35,9% представляет собой воспроизводство и почти на две трети пополняется за счёт выходцев из средней и верхней профессиональных страт. При этом средняя и верхняя профессиональные страты в значительно меньшей степени, чем в «столицах» и «городах» пополняются за счёт выходцев из нижней профессиональной страты. Иначе говоря, полученные данные согласуются с выводом Ю. С. Панфиловой об интенсивности потоков нисходящей мобильности, свойственной межпоколенческой мобильности в «малом городе». В целом можно сделать вывод о трёх паттернах межпоколенческой профес-

сиональной мобильности, свойственных городам разного типа. Так, «столицам» свойственно социальное воспроизводство крайних позиций, представленных нижней и верхней профессиональными стратами. «Город» и «малый город» характеризуются интенсивностью потоков вертикальной мобильности. При этом в «городе» интенсивность мобильности способствует пополнению средней профессиональной страты, в «малом городе» мобильность характеризуется нисходящей направленностью.

Данные по «потоку на выход» (outflow, «отток») представлены в таблице 8.5 и характеризуют возможность попадания в определённую профессиональную страту в зависимости от того, к какой профессиональной страте относится главный кормилец. Представленные в таблице 8.5 данные подтверждают те тенденции, которые были выявлены на данных по потоку на вход.

В таблице 8.6 представлены значения индекса ассоциации, иначе называемого индексом отсутствия мобильности (index of immobility)¹. Индекс ассоциации основан на сопоставлении доли оттока из конкретной группы с долей принимающей группы в профессиональной структуре и помогает представить распределение профессиональных страт между двумя поколениями (поколением кормильцев и поколением респондентов). Иначе говоря, индекс ассоциации показывает, насколько воспроизводима профессиональная структура.

Значение индекса ассоциации, равное «1», означает, что доля оттока из группы, характеризующей профессиональную страту основного кормильца, совпадает с долей, занимаемой профессиональной стратой в профессиональной структуре. Значение индекса ассоциации меньше «1» означает сужение, ограничение возможностей мобильности; иначе говоря, в принимающую группу попала меньшая доля, нежели это предусмотрено особенностями профессиональной структуры. Соответственно, значение индекса больше «1» означает расширение возможностей мобильности.

¹ Miller S. M. Comparative social mobility // Current Sociology. 1960. № 9. P. 7.

Таблица 8.5

**Поток на выход по трем типам городов,
% от числа ответивших**

Тип города	Профессиональная страта главного кормильца	Профессиональная страта респондента			Всего
		Нижняя	Средняя	Верхняя	
Столицы	Нижняя	48,1	38,0	13,9	100,0
	Средняя	33,7	36,0	30,2	100,0
	Верхняя	14,3	28,6	57,1	100,0
Город	Нижняя	40,2	37,4	22,4	100,0
	Средняя	35,7	31,8	32,4	100,0
	Верхняя	23,8	29,8	46,4	100,0
Малый город	Нижняя	47,4	26,9	25,6	100,0
	Средняя	32,8	36,9	30,3	100,0
	Верхняя	23,2	35,7	41,1	100,0

Таблица 8.6

Индекс ассоциации по типам городских поселений

Тип города	Профессиональная страта главного кормильца	Профессиональная страта респондента		
		Нижняя	Средняя	Верхняя
Столицы	Нижняя	1,48	1,10	0,42
	Средняя	1,04	1,04	0,92
	Верхняя	0,44	0,83	1,74
Город	Нижняя	1,20	1,14	0,67
	Средняя	1,07	0,97	0,96
	Верхняя	0,71	0,91	1,38
Малый город	Нижняя	1,40	0,82	0,78
	Средняя	0,97	1,12	0,92
	Верхняя	0,68	1,08	1,25

Значения индекса ассоциации, представленные в таблице 8.6, позволяют сделать следующие выводы. В отличие от «столиц» и «города», в «малом городе» выходцы из верхней профессиональной страты сталкиваются с более высокими рисками нисходящей мобильности. При этом, выходцы из нижней профессиональной страты имеют меньше возможностей на продвижение и переход в среднюю и верхнюю профессиональные страты. Кроме того, средняя профес-

сиональная страта в «малом городе», в отличие от «столиц» и «города», характеризуется большей устойчивостью, меньшими шансами на нисходящую мобильность, при том, что шансы на перемещение в верхнюю профессиональную страту у неё находятся на уровне «столиц» и «города».

Таким образом, проведённый анализ данных по межпоколенческой профессиональной мобильности позволил подтвердить ряд выводов, к которым ранее пришли российские исследователи, а именно: межпоколенческая профессиональная мобильность имеет, прежде всего, структурный характер, т. е. вызвана изменениями в экономической структуре, переходом от индустриальной экономики к экономике сервиса. С этой точки зрения, меньшая сила межпоколенческой связи профессиональных статусов, наблюдаемая в малых городах, обусловлена сокращением производственного сектора, составляющего основу их экономической жизни. По сути, произошедшие экономические изменения привели к сокращению возможностей воспроизводства профессиональной структуры, вытеснению с позиций квалифицированных рабочих в производственном секторе на позиции квалифицированных рабочих в торговле и услугах либо на позиции специалистов среднего и высшего уровней квалификации. Анализ потоков на вход и на выход позволил конкретизировать направленность потоков мобильности и выявить различия в паттернах мобильности, характерные для городов разного типа. С этой точки зрения, «малый город» предстаёт как тип городского поселения, которому свойственен особый режим мобильности, отличный от того, который наблюдается в «столицах» или «городе». Для этого режима характерна слабая межпоколенческая связь профессиональных статусов, высокие шансы на воспроизводство нижней профессиональной страты и её пополнение за счёт выходцев из верхней и средней профессиональных страт. Основным ресурсом мобильности в «малом городе» является средняя профессиональная страта, которая достаточно весома и при определённых обстоятельствах способна принять в себя выходцев из нижней страты, стремящихся повысить уровень квалификации, добиться более высокого профессионального статуса.

Доступность высшего образования в малых городах России

Отток населения в большие города значительно уменьшает человеческий и социальный потенциал малого города, сужает перспективы развития, поэтому одной из основных задач в структуре приоритетов «социального блока» является ответственность управления в сфере образования. Однако сегодня внимание к проблемам получения разного типа и уровня образования отесняется на второй план. При этом состояние экономики, ограниченной возможностями рынка труда и ресурсной базой малых городов России, заставляет молодёжь уезжать в большие города с целью заработка, одновременно стремясь получить необходимое образование. Так миграция в крупные города и другие агломерации, ввиду недостатка или отсутствия учреждений средне-специального и высшего образования в малых городах, вынуждает молодых людей искать для себя лучшее будущее. Однако в зависимости от специфики культурного пространства для одних образование означает потребность в получении качественного знания для дальнейшего применения его на современном технологическом производстве, а для других – диплом, чтобы занять престижное место работы. В целом, как показывают различные исследования, для молодёжи малых городов образование – абсолютная ценность, способствующая её социально-культурному развитию. Но выезд молодых людей (в поисках работы или в надежде получить необходимое образование) с малой родины в большой город создаёт ряд серьёзных проблем и, как следствие, перемену места жительства.

Образование, как одна из основных сфер жизнедеятельности общества, играет не только важнейшую роль в воспроизводстве интеллектуальных ресурсов, но и в адаптации молодёжи к условиям нынешней социально-экономической неопределённости, способности находить решения в сложных ситуациях. В связи с этим важным является уровень образования молодёжи и возможность его повышения. И если среднее школьное образование пока ещё общедоступно и бесплатно, то доступ к средне-специальному и высшему

по ряду причин становится крайне ограничен. Возникает вопрос: если роль образования в развитии общества столь значима, то почему этой важнейшей сфере культуры уделяется недостаточное внимание в территориально-пространственном развитии малых городов, являющееся причиной регрессии этих территорий?

Если рассуждать о возможности выбора современной молодёжью высшего учебного заведения, то, с одной стороны, и этого нельзя отрицать, каждый может попробовать свои силы, т. к. выпускнику школы предоставляется право подачи заявления на поступление в пять вузов одновременно. С другой стороны, возникает вопрос: а какой есть выбор? Скажем, у выпускника школы в г. Большой Камень, где только один вуз – филиал Дальневосточного федерального университета, или моногорода Красавино, где нет ни одного вуза, а до ближайшей Вологды – 475 км.

Анализ доступности образования, с точки зрения совокупности различных факторов, затрудняющих его получение, подразумевает: социокультурный (социальный и культурный капитал семьи), территориальный (перемещение и ресурсы мобильности), экономический (в виде явного и скрытого неравенства), институциональный (отбор абитуриентов при поступлении), а также специфические факторы – информация и мотивация.

Примечательна точка зрения Дж. Коулмена, который рассматривает доступность образования как трансформацию семейного капитала¹. По его мнению, «образовательный уровень семьи» делится на три различных компонента: финансовый капитал, измеряемый доходом семьи, человеческий капитал, измеряемый уровнем образования родителей, и социальный капитал семьи. Первый способствует созданию в доме определённого места для учёбы, обеспечивает учебными материалами и пособиями, финансовыми ресурсами, сглаживающими проблемы семьи, второй помогает ребёнку познать окружающую среду, способствует процессу обучения, и, наконец, третий выстраивает отношения между детьми и родителями на основе человеческо-

¹ Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122–139.

го и социального капитала родителей, установок, которые дети получают в семье. Семья, как источник материальных и социальных ресурсов, может дать ребёнку возможность получить высшее образование.

Также немаловажную роль играет стоимость подготовительных курсов и обучения в государственном вузе. Говоря о критериях доступности высшего образования, нельзя сбрасывать со счетов и такой важный момент, как трудоустройство выпускников по окончании обучения.

Остановимся на рассмотрении территориального фактора доступности населения малых городов к высшим учебным заведениям в своём регионе и в городе проживания. Территориальный фактор близости учебного заведения к месту жительства существенен, поэтому в малых городах и сёлах снижает возможности получения высшего образования из-за сложившейся в прошлом практики сосредоточения высших учебных заведений в крупных городах и мегаполисах¹. Сказывается и качество среднего школьного и профессионального образования, с отсутствием в них профильного обучения в сельской местности и малых городах, которые обычно ниже, чем в учебных заведениях крупных городов. Кроме того, к этому можно добавить их низкую включённость в довузовскую подготовительную систему, а в ряде городов и сёл – полное её отсутствие.

Серьёзной проблемой при получении образования является транспортно-коммуникационная отдалённость малых городов от основных крупных центров, где сосредоточены различные образовательные учреждения: вузы, средне-профессиональные учреждения, курсы повышения квалификации, творческие центры и т. д. Особые проблемы испытывают малые моногорода. Р. Г. Браславский справедливо отмечает, что «современное состояние российских моногородов сочетает в себе большую по сравнению с другими территориями зависимость, с одной стороны, от советского организационно-технического индустриального наследия,

¹ *Омельченко Е. Л., Лукьянова Е. Л.* Образовательные сети нижегородских вузов в фокусе доступности высшего образования // Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С. В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М., 2004. С. 241.

а с другой – от мировой экономической системы»¹. Система высшей школы в малых городах, сформированная ещё в советский период, не претерпела сколь-либо значительных изменений. Вузы, открытые в этих городах несколько десятилетий назад, продолжают выпускать тех же специалистов. Исключение, пожалуй, составляют новомодные направления подготовки юристов, экономистов и менеджеров, включённые в качестве платных в государственный сектор высшего образования, а также филиалы частных вузов, пришедшие в глубинку за потенциальными потребителями дешёвых платных образовательных услуг, к тому же не избалованных выбором направлений подготовки.

Современная экономика предъявляет новые требования к рынку труда, а система образования продолжает предлагать то, что было отработано десятилетиями. Разрыв между теоретическими знаниями и их практическим применением усиливается, и в результате сегодня высшее образование – это либо доступное высшее образование невысокого качества, где результатом его окончания становится получение диплома, либо элитное образование для немногих. Заметные межрегиональные различия в доступности высшего образования могут привести к недооценке процессов миграции, урбанизации и социальной мобильности.

Довольно интересные результаты доступности высшего образования были получены экспертами Высшей школы экономики². Ими были рассмотрены возможности получения образования в Российской Федерации в трёх аспектах: обеспеченности местами в вузах, финансовой и территориальной доступности. Также была проанализирована вероятность попасть в сильный вуз, где средний балл по ЕГЭ (единый государственный экзамен) – выше 70 баллов. В целом, по статистике, приблизительно 33% молодёжи может получить диплом. В тройке лидеров оказались Московская область, Курская и Томская области, где 46-49% молодёжи может получить диплом о высшем образовании. В Ленинградской области, Тюмени, Омской области этот

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 33.

² Дидковская А. Н. Кому доступно высшее образование в России // IQ.HSE RU: [научно-образовательный портал]. URL: <https://iq.hse.ru/news/190611819.html> (дата обращения: 15.04.2020).

показатель выше 40%. В половине регионов этот процент составляет 27–29%, а в некоторых регионах вузы вообще отсутствуют. На ЯНАО и Чукотке количество мест в вузе хватит только на 10% молодёжи. К аутсайдерам экспертами ВШЭ были отнесены Ингушетия, Чечня, Дагестан, Тыва, Алтай, Кабардино-Балкария, Хакасия и Сахалин, где этот показатель составил 15-18%. Конечно, сам факт наличия мест в вузах не является абсолютно объективным показателем доступности высшего образования. Следует учитывать и финансовую доступность, определяемую тремя составляющими: платёжеспособностью, объёмами государственной поддержки и стоимостью образования (включая не только плату за обучение, но и за жильё). Говоря о платёжеспособности людей, следует понимать, что это не просто возможность оплачивать по семестрам внебюджетное обучение, но и оплата за подготовку абитуриента для поступления в вуз (курсы, либо репетиторы), а также возможность оплачивать проживание (питание, предметы первой необходимости) и жильё (если обучаемый покидает место своего проживания в связи с обучением).

По состоянию на 2002 / 2003 учебный год в РФ насчитывалось более 1000 вузов, из которых около 655 были государственными и 387 негосударственными с общей численностью студентов 5,9 млн человек¹. На 2020 /2021 учебный год общее количество вузов в России уменьшилось по сравнению с 2003 г. и составило 724, из них 229 – государственные с общей численностью студентов 4 млн чел². Из всего числа студентов лишь 45,9%, т. е. 1911,7 тыс. обучается за счёт бюджетных ассигнований³. Очевидное сокращение вузов, закрытие филиалов, снижение государственного финансирования высшего образования подрывает основы

¹ Рассчитано по: Образование в России, 2003. Стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России); Ред. кол.: М. Н. Сидоров и др. Москва : Госкомстат России, 2003. С. 150.

² Слободян Е. Численность студентов и количество мест в вузах в России. Инфографика. Аргументы и факты. 2020. 24 апреля. URL: https://aif.ru/society/education/chislennost_studentov_i_kolichestvo_mest_v_vuzah_v_rossii_infografika (дата обращения: 11.05.2020).

³ Индикаторы образования: 2020: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Д.Р. Бородина, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2020. 496 с.

образовательного воспроизводства, снижает культурный потенциал российского общества. В связи с рассматриваемой проблемой, следует подчеркнуть ещё один важный момент – «сохранение и развитие малых городов <...> способствует воспроизводству общероссийских ценностей и норм жизни»¹, а роль вуза малого города, как одного из важнейших институтов, заключается в определении «вектора социально-экономического развития муниципального образования, способствующего формированию “точек роста” территории на основе использования интеллектуального и творческого потенциала населения»².

Проанализируем нынешнюю ситуацию с вузами в 16-ти исследуемых малых городах, а также с доступностью высшего образования как фактора социального воспроизводства части российского социума³.

Как уже упоминалось, доступность высшего образования оценивается по разным факторам, в числе которых территориальный и финансовый показатели доступности, а также количество мест в вузах. Для оценки территориального показателя доступности ближайших высших учебных заведений для жителей малых городов в пределах области необходимо оценить, во-первых, наличие вузов в самом малом городе – месте проживания потенциальных студентов, во-вторых, соотнести возможности жителей малых городов для получения высшего образования в вузах, расположенных в городе – центре агломерации, в-третьих, определить временные и финансовые затраты для преодоления расстояния от места проживания до места учёбы.

В *Центральном Федеральном Округе* (Тверская область) г. Лихославль (население 11,8 тыс. чел.) территориально удалён от Твери на 41 км, а г. Кимры (население 46 тыс. чел.) и г. Тверь разделяют 128 км по трассе

¹ Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 53.

² Козлова О. А., Суханова Н. С. Роль вуза в социокультурном развитии малых и средних городов России // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. № 1(6). С. 78-84, С. 78.

³ Подробнее об исследовании см. гл. 3 настоящей монографии, а также см.: Малые города в социальном пространстве России. С. 12–13.

и 87 км – по прямой. Здесь и далее будет указываться расстояние по прямой и по трассе, поскольку эти показатели в ряде случаев значительно различаются. В Лихославле и Кимрах имеются по два вуза. В первом с заочной формой обучения действует Московский международный университет и Московский университет им. Витте, во втором – филиал Московского государственного университета приборостроения и информатики и, на базе Центра дистанционного обучения, Московский финансово-юридический университет. Высшее образование доступно в ряде вузов Твери, общая численность которых, согласно данных для поступающих, семь. Это Тверской госуниверситет, Тверской государственный медицинский университет, Тверской государственный технический университет, Тверская сельскохозяйственная академия, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), филиал Московского гуманитарно-экономического университета, Высшая школа предпринимателей.

Транспортная доступность между городами Тверь и Лихославль осуществляется железнодорожным, автомобильным и автобусным сообщением. Время в пути по железной дороге, в зависимости от типа электропоезда, составляет от 26 минут (на экспрессе) до 49 минут (обычной электричкой). Стоимость билетов варьируется в зависимости от типа поезда от 110 до 165 рублей. Автобусное сообщение позволяет преодолевать расстояние между городами за 1 час 10 минут, а стоимость проезда начинается от 150 рублей¹. Из Твери в Кимры поездка значительно дольше и на автобусе составит примерно 2 часа, а стоимость её начинается от 250 рублей.

Федеральным законодательством для студентов предусмотрены льготы при проезде на железнодорожном транспорте. Согласно Постановлению правительства РФ от 27.12.2010 г. № 1163, учащиеся очной формы обучения имеют 50% скидку на проезд в период с 1 сентября по

¹ Расписание автобусов Лихославль – Тверь. URL: https://t.rasp.yandex.ru/search/bus/?from=wrasppp&fromName=Лихославль&fromId=c10814&toName=Тверь&told=c14&when=2020-04-15®_id=1586954995965142-1354627505690916090400288-production-app-host-sas-web-yp-195 (дата обращения: 15.04.2020).

15 июня. Однако следует заметить, что в Тверской, Новгородской, Вологодской и в ряде других регионов льгота на абонемент по территории этих образований не предусмотрена бюджетом¹. Пока же «компенсируются затраты на проезд к месту обучения для иногородних студентов в возрасте до 23 лет из семей, где среднедушевой доход не превышает величину полуторакратного размера прожиточного минимума»².

Таким образом, если сравнивать стоимость проезда по железной дороге для студентов Тверской области со стоимостью проезда в Москве и пригороде, очевидным становится неравенство в доступе к транспортным услугам. Заметим, что студенту, проживающему в Лихославле, для поездок на учёбу в Тверь придётся ежедневно тратить от 220 до 300 рублей. В неделю это составит около 1,5 тыс. рублей, в месяц – более 6 тыс. рублей. За учебный год (с сентября по июнь) расходы на проезд составят более 60 тыс. рублей. Для сравнения, в Москве стоимость проезда для студентов на наземном транспорте и метро составляет 260 и 395 соответственно, а в общем 655 рублей в месяц и около 7 тыс. за учебный год. То есть в самом дорогом городе нашей страны проезд в течение учебного года для студентов в 10 раз дешевле, чем проезд из Лихославля до Твери! А если молодой житель Кимры настроен получить образование в Твери, то транспортные затраты на проезд от места жительства до места обучения будут составлять ежедневно от 249 рублей в одну сторону, что за неделю составит на дорогу в оба конца $249 \cdot 2 \cdot 5 = 2500$ рублей, за месяц же более 10 тыс. рублей. При такой арифметике за учебный год придётся заплатить порядка 100 тыс. рублей только на проезд от дома до университета и обратно. При этом, в пути студент вынужден будет проводить не менее четырёх часов ежедневно. Тернист и нелёгок путь к знаниям! С такой транспортной логистикой жителю Кимры удобнее рассматривать подмосковный

¹ Руденя: тверским школьникам могут дать льготы на проезд в электричках. 11 декабря 2019. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191211/1562245749.html> (дата обращения: 15.04.2020).

² Школьникам и студентам Тверской области компенсируют проезд на электричках. ТИА. 6 марта 2019. URL: <https://tvernews.ru/news/240169/> (дата обращения: 15.04.2020).

наукоград Дубну, из числа лидеров по количеству высокоинтеллектуальных кадров среди университетов России, до которого всего 23 километра.

Предварительная оценка транспортной доступности для жителей малых городов Тверской области образовательных организаций позволяет сделать вывод, что проживающие в сельской местности и малых городах в Тверской агломерации затрачивают меньше времени и средств на проезд от места жительства до места учёбы по сравнению с жителями локализовано удалённых городов. Возможность получения высшего образования потенциально выше для жителей тех малых городов, в которых имеются вузы, а также где расстояние от места жительства до места учёбы незначительно.

Рассмотрим ситуацию с транспортной доступностью к вузам в *Северо-Западном Федеральном Округе* в Вологодской области. Взятый как модельный г. Сокол с населением 37 тыс. чел., расположен в агломерации Вологды на удалении 37 км по трассе и 29 км по прямой. Возможность получения высшего образования непосредственно в Соколе существует лишь на материально-технической базе Сокольского лесопромышленного политехнического техникума – филиале Московского государственного университета леса¹.

В моногороде Красавино, удалённого от Вологды на 475 км и некогда славившегося на весь мир льнопрядильной фабрикой, а ныне численностью всего 6 тыс. чел., функционирует Красавинская ГТ ТЭЦ, «Вологдаоблкоммунэнерго», кирпичный завод и предприятие по деревообработке. Высших учебных заведений в городе нет. Сфера образования представлена там лишь четырьмя детскими садами и одной школой².

В Вологде существует несколько вузов разной направленности: Вологодский государственный университет, Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия им. Н.В. Верещагина, Северо-Западный филиал Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, филиал РАНХиГС, Вологодский институт

¹ Город Сокол. Официальный сайт города Сокол. URL: <https://www.sokolinfo.ru/obrazovanie> (дата обращения: 08.04.2020).

² Город Красавино. URL: <https://adm-krasavino.ru/> (дата обращения: 08.04.2020).

права и экономики ФСИН РФ¹, Вологодский институт бизнеса, филиал Столичной финансово-гуманитарной академии.

Транспортная доступность городов Сокол и Красавино по отношению к Вологде как ближайшему крупному городу, где можно получить высшее образование, не одинакова. Между Вологдой и Соколом имеется железнодорожное и автомобильное сообщение. По железной дороге время в пути между городами составляет примерно 40 минут и стоимость проезда около 100 рублей. За неделю расходы туда и обратно составят 1 тыс. рублей, за месяц 4 тыс. рублей, а за учебный год порядка 40 тыс. рублей. Надо сказать, что в Вологодской области, как и в Тверской, льгота на абонемент при проезде по железной дороге не предусмотрена.

Поездка на автобусе от Вологды до Сокола займёт около часа и потребует 145–180 рублей в одну сторону² за полную стоимость. Для студентов при поездках по городу предусмотрены проездные билеты, составляющие в месяц 900 рублей. При поездках на автобусах пригородного и междугородного сообщения для студентов предусмотрены некоторые скидки. Так, Постановление Правительства Вологодской области «О проезде пассажиров автобусами в пригородном и междугородном сообщении по межмуниципальным маршрутам» от 11 марта 2013 года № 252 (в ред. от 05.09.2016 г. № 808)³ устанавливает скидки при приобретении месячных именных документов на проезд автобусами пригородного сообщения по межмуниципальным маршрутам к месту учёбы и обратно для студентов очной формы обучения, а также междугородного сообщения по межмуниципальным маршрутам.

Моногород Красавино находится на удалении 475 км от Вологды, поездка на автобусе – около 6,5 часов. Такая территориальная удалённость не позволит студенту ежедневно

¹ Список вузов России – навигатор абитуриента 2020. URL: <https://vuz.edunetwork.ru/35/9/> (дата обращения: 08.04.2020).

² Расписание автобусов Вологда-Сокол. URL: https://bus.tutu.ru/расписание_автобусов/Вологда/Сокол/ (дата обращения: 17.04.2020).

³ Постановление Правительства Вологодской области «О проезде пассажиров автобусами в пригородном и междугородном сообщении по межмуниципальным маршрутам» от 11 марта 2013 года № 252. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453372571> (дата обращения: 17.04.2020).

ездить из малого города до вуза и возвращаться обратно – слишком непосильные временные и финансовые затраты. В этой ситуации очевидно, что при принятии решения о получении высшего образования жители Красавино будут вынуждены, прежде всего, решать вопрос с жильём.

Оценивая территориальную доступность до вуза жителей малых городов Вологодской области, следует отметить, что ситуация складывается также, как и в малых городах Тверской области. Для проживающих в агломерации Вологды территориальная доступность до вуза значительно выше, чем для жителей городов, более отдалённых от города-центра.

В Южном Федеральном Округе (Ростовская область) в агломерации г. Ростов-на-Дону всего в 16 км находится г. Аксай численностью 44,8 тыс. чел. В Аксае находятся два филиала высших учебных заведений: Ростовского государственного экономического университета РИНХ и Института инфраструктуры предпринимательства¹. В самом Ростове-на-Дону функционирует более десятка высших учебных заведений, в том числе: Ростовский государственный аграрный университет, Ростовский государственный медицинский университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Донской государственный технический университет, Южный федеральный университет, Ростовский филиал Всероссийского государственного университета юстиции, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М. И. Платова, Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова, Ростовский государственный экономический университет, Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростовский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации, Южно-Российский институт управления (филиал РАНХиГС), Северо-Кавказский филиал МТУСИ, Ростовский филиал РТА, Ростовский филиал РГУП².

¹ Справочник абитуриента 2020 / BPAGES.RU – Предприятия России URL: <http://student.bpages.ru/info/14.html> (дата обращения: 17.04.2020).

² Вузы Ростова-на-Дону. URL: <https://vuzopedia.ru/region/city/78> (дата обращения: 18.04.2020).

Для жителей города Аксай возможно получение высшего образования в Ростове-на-Дону, причём без изменения места жительства. Развитая структура общественного транспорта и небольшая территориальная удалённость городов друг от друга позволяют совершать ежедневные поездки на учёбу в большой город и обратно как на автобусе, так и на электричке за относительно небольшое время – меньше часа. Что касается стоимости проезда, то она составит около 70 рублей на электричке и 38 рублей на автобусе. Льготы для студентов вузов действуют только в пригородных поездках (в т. ч. в черте Ростова-на-Дону) и в автобусных маршрутах муниципального перевозчика (в черте города)¹, где льготный билет на месяц составляет 1184 рубля². Таким образом, льготный проезд на пригородных электричках и полная стоимость проезда на междугороднем автобусе приблизительно равны. Небольшая, с первого взгляда, стоимость проезда в месяц составит более 1500 рублей при повышенной стипендии в 3606 рублей.

Вне агломерации Ростова-на-Дону на удалении 195 км по прямой и 216 км по трассе находится г. Миллерово численностью 35,5 тыс. чел. В малом городе действует лишь филиал Ростовского государственного экономического университета. Для получения высшего образования студентам необходимо будет либо преодолевать расстояние в две сотни километров, либо искать жильё в Ростове-на-Дону или ближайшем пригороде. Ежедневные поездки из г. Миллерово в г. Ростов-на-Дону видятся нам неоправданными как по временным затратам, так и по финансовым. По железной дороге путь займёт более четырёх часов и потребует не менее 470 рублей в зависимости от типа поезда. Примерно столько же времени займёт проезд в автобусе, а цена составит около 600 рублей, и это только в одну сторону. В связи с этим, есть основание полагать, что для жителей Миллерово получение высшего образования весьма затруднено ввиду территори-

¹ РостовТранспорт. URL: <https://rostov-transport.info/u-rostovskih-studentov-mogut-poyavitsya-lgoty-na-proezd-v-gorodskom-transporte/> (дата обращения: 18.04.2020).

² Муниципальное унитарное предприятие «МТК Ростовпассажиртранс». URL: <https://rostovпассажиртранс.рф/passazhiram/proezdnye-bilety/> (дата обращения: 20.04.2020).

альной удалённости и потребует решения ряда вопросов, в том числе, поиска жилья на время учёбы.

В целом необходимо отметить и тот факт, что льготным проездом в городском общественном транспорте Ростова-на-Дону студенты пока не обеспечены, хотя этот вопрос неоднократно поднимался. Ректор Донского государственного технического университета аргументировал такую необходимость удалённостью общежитий на 10-15 км от вуза, а также расположением нескольких факультетов Южного федерального университета в других районах, что требует дополнительных затрат для студентов¹.

В Северо-Кавказском Федеральном Округе (Ставропольский край) были рассмотрены г. Изобильный в агломерации Ставрополя и г. Новоалександровск, расположенный вне агломерации. Оба малых города – агропромышленные районы по экономической направленности, также они относятся к регионообразующим городам и сельским поселениям.

Первый, численностью 40,5 тыс. чел., удалён от Ставрополя на 41 км по прямой и 55 км по трассе, в городе действует два филиала вузов: Институт Дружбы народов Кавказа и Ставропольского государственного университета (на стадии ликвидации)². Из Изобильного в Ставрополь можно добраться на автобусе приблизительно за час. Стоимость поездки составляет примерно 127–143 рубля³.

Второй – г. Новоалександровск находится вне агломерации на расстоянии от города-центра на 77 км по прямой и 99 км по трассе. Численность населения по состоянию на 2019 г. составила 26,9 тыс. чел., где вузов нет. В ближайший вуз придётся добираться до Ставрополя, тратить время и деньги на проезд, который на автобусе составляет около 1,5 часов, стоимость билета – 210 рублей. По желез-

¹ Дон 24. URL: <https://don24.ru/rubric/transport/obespechit-studentov-igotnym-proezdom-v-obschestvennom-transporte-predlozhili-v-rostove.html> (дата обращения: 20.04.2020).

² Информационно-аналитический справочник «izobilnyj.spravka-region». URL: <https://izobilnyj.spravka-region.ru/vuzi> (дата обращения: 18.04.2020).

³ Расписание автобусов Ставрополь – Изобильный. URL: <https://bus.tutu.ru/%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%> (дата обращения: 18.04.2020).

ной дороге ехать дольше – от 2 часов и почти на 50 рублей дороже¹.

В Ставрополе, как обычно в столицах субъектов Федерации, – несколько вузов разной направленности, что следует даже из их названий: Северо-Кавказский социальный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, филиал Московского педагогического государственного университета, Институт дружбы народов Кавказа, Ставропольский государственный медицинский университет, Ставропольский государственный аграрный университет, филиал РАНХиГС, Северо-Кавказский гуманитарный институт, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал Белгородского университета кооперации, экономики и права, филиал Краснодарского университета МВД РФ, филиал Донского государственного технического университета.

В Приволжском Федеральном Округе (Нижегородская область) г. Балахна (население 14,9 тыс. чел.) удалён от Нижнего Новгорода на 30 км по прямой и на 39 км по трассе. В малом городе имеется Балахнинский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, а для поездок в университет в Нижний Новгород возможно использование автобусного или железнодорожного сообщения. Проезд на автобусе – около 40 минут и стоимость не менее 100 рублей, на пригородных электричках поездка – около 50 минут за 101 рубль. Для студентов при проезде на пригородных поездах действует скидка 50%², а на внутриобластных автобусах скидка в 50% действует только в субботу, воскресенье и предпраздничные дни³.

Моногород Заволжье находится вне агломерации Нижнего Новгорода на удалении в 50 км по прямой и 62 км по трассе. В малом городе численностью около 14,9 тыс. чел.

¹ Расписание электричек Яндекс.Электрички URL: https://t.rasp.yandex.ru/search/suburban/?from=wrasppp&fromName=Ставрополь&told=s9613524&when=2020-04-22®_id=1587480671387760-426035399181560096700194-production-app-host-man-web-yp-143 (дата обращения: 21.04.2020).

² Правила проезда в пригородных поездах Нижегородской области. URL: <https://passazhiram/pravila-i-traty-dlya-proezda-v-prigorodnom-poezde/l-goty> (дата обращения: 23.04.2020).

³ Правительство Нижегородской области. Госуслуги. URL: https://gu.nnov.ru/situation/transort/lgot_m.html (дата обращения: 23.04.2020).

действуют два филиала вузов: Заволжский филиал Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева и Заволжский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского¹. Для проезда в Нижний Новгород из Заволжья потребуется немного больше времени и средств. На автобусе поездка займёт около часа и её стоимость составит около 128 рублей, на пригородных электропоездах – от 1 часа 10 минут в пути при стоимости билета от 138 рублей.

Географическая расположенность городов Балахна и Заволжье, а также развитая транспортная инфраструктура способствуют получению образования в вузах Нижнего Новгорода, где действуют: филиал Высшей школы экономики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, филиал Российского государственного университета правосудия, Волжский государственный университет водного транспорта, Нижегородская государственная медицинская академия, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, филиал Московского гуманитарно-экономического университета, Нижегородская академия МВД РФ, филиал Московского университета им. С. Ю. Витте, Институт ФСБ РФ, Нижегородский филиал Московского технического университета связи и информатики.

В *Уральском Федеральном Округе* (Свердловская область) г. Среднеуральск, численностью 23,3 тыс. чел., расположен в агломерации г. Екатеринбург, на удалении от него – 26,6 км. В городе действует филиал Уральского университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина. Транспортная доступность позволяет жителям Среднеуральска добраться до

¹ Справочник абитуриента 2020 – Student.Bpages.Ru URL: <http://student.bpages.ru/city/254/> (дата обращения: 22.04.2020).

Екатеринбурга приблизительно за 40 минут на автобусе от Северного автовокзала при стоимости поездки от 62 рублей¹. При проезде на междугородном сообщении студентам предоставляются скидки в размере 50% стоимости билета².

Вне агломерации Екатеринбурга на удалении 173 км по прямой и 198 км по трассе расположен г. Ирбит. Население Ирбита составляет порядка 37,2 тыс. чел., в городе имеется негосударственное образовательное учреждение – Уральский институт коммерции и права, представительство Российского государственного профессионально-педагогического университета, Уральский государственный экономический университет, филиал Уральского университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина³. В самом Екатеринбурге действует более двух десятков вузов⁴. Необходимо отметить, что территориальная удалённость Ирбита от Екатеринбурга позволяет преодолевать расстояние между городами не менее, чем за 3,5 часа как автобусным, так и железнодорожным сообщением. Таким образом, ежедневные поездки во время учёбы между городами невозможны, а вопрос получения высшего образования жителями г. Ирбит сопряжён и с поиском жилья на время учёбы.

В *Сибирском Федеральном Округе* (Иркутская область) в качестве модельного города-спутника был взят г. Шелехов (население 47,6 тыс. чел.), где нет ни одного высшего учебного заведения, что, видимо, объясняется близостью к центру (расстояние между Шелеховым и Иркутском составляет 19 км). Небольшая территориальная удалённость малого города по отношению к центру агломерации позволяет преодолевать расстояние за полчаса автобусным или железнодорожным сообщением. Затраты на проезд в пригородных поездах составят 39 рублей, на автобусе – от 62 ру-

¹ Расписание автобусов Екатеринбург – Среднеуральск. URL: [https://bus.tutu.ru/%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%\(дата обращения:22.04.2020\).](https://bus.tutu.ru/%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%(дата обращения:22.04.2020).)

² ГУП СО «Свердловское областное объединение пассажирского автотранспорта». URL: <https://www.autovokzal.org/spravochnaya-informatsiya-av/poleznoe/lgoty-i-skidki> (дата обращения:22.04.2020).

³ Городской он-лайн справочник г. Ирбит. URL: <https://irbit.spravker.ru/vuzu> (дата обращения:12.04.2020).

⁴ Вузы Екатеринбурга. EduNetwork.ru. URL: <https://vuz/edunetwork.ru/66/11/>(дата обращения:12.04.2020).

блей¹. Для студентов предусмотрены скидки на проезд автобусом от 30% до 50% в зависимости от типов используемых транспортных карт².

Город Зима расположен вне агломерации, его население насчитывает порядка 31 тыс. чел., а расстояние до Иркутска составляет по прямой – 235 км и 263 км – по трассе. При этом муниципальная система образования представлена лишь учреждениями общего, дошкольного, среднего профессионального и дополнительного образования. Высшие учебные заведения или филиалы вузов в городе также, как и в Шелехове, отсутствуют. Этому, по-видимому, есть своё объяснение. Ведь в Иркутске, пятом по величине городе Сибири, крупном научно-образовательном центре, в котором обучается свыше ста тысяч студентов, действуют шесть университетов. Это Иркутский государственный университет, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутский государственный медицинский университет, Байкальский государственный университет, Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского, институты и многочисленные филиалы различных вузов. Обучение ведётся по 260 специальностям. В то же время расстояние между городами Зима и Иркутск почти в 300 км не позволит учащемуся совершать ежедневные поездки из дома до университета. Это потребует значительных временных (более четырёх часов в один конец) и финансовых затрат (стоимость билета по полному тарифу на электричке в одну сторону 409 рублей)³.

В *Дальневосточном Федеральном Округе* (Приморский край) в качестве одного из малых городов был взят г. Большой Камень (в агломерации Владивостока), удалённый от города-центра на 38 км по прямой и 116 км по трассе

¹ Расписание автобусов Иркутск – Шелехов. URL: https://busfor.ru/автобусы/Иркутск/Шелехов?from_id=7271&to_id=71303&on=2020-04-22&passengers=1&search=true (дата обращения: 14.04.2020).

² Сэкономить на проезде в автобусе могут шелеховчане с электронным проездным билетом // BezFormata.Com. URL: <https://irkutsk.bezformata.com/listnews/mogut-shelehovchane-s-elektronnim-proezdnom/30745129/> (дата обращения: 14.04.2020).

³ Расписание электричек по маршруту Иркутск – Зима. URL: <https://t:rams.yandex.ru/suburban/irkutsk--zima> (дата обращения: 14.04.2020).

вдоль берега Уссурийского залива. Малый город, численностью 38 тыс. чел., имевший до 2015 г. статус закрытого административно-территориального округа (ЗАТО), насчитывает только один вуз – филиал Дальневосточного федерального университета. Для обучения в вузе жителям г. Большой Камень необходимо ехать во Владивосток либо в Находку. Путь до Владивостока на автобусе составляет примерно 3 часа, а стоимость поездки начинается от 423 рублей⁴. Находку и Большой Камень разделяет 79 км по трассе и позволяет доехать автобусом за 1,5 часа. При этом в Находке действуют филиалы Владивостокского государственного университета экономики и сервиса и Дальневосточного государственного университета, Находкинский рыбопромышленный институт – филиал Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, Институт технологии и бизнеса.

Вне агломерации на удалении от Владивостока в 181 км по прямой и на 232 км по трассе был рассмотрен г. Спасск-Дальний (население 40,7 тыс. чел.). Расстояние между городами может быть преодолено за 4 часа по железной дороге и почти за 5 часов по трассе на автобусе. С точки зрения финансовых затрат дешевле оказался проезд по железной дороге (от 451 руб.), тогда как на автобусе цена начинается от 938 рублей⁵. В Спасск-Дальнем несколько филиалов высших учебных заведений: Дальневосточного федерального университета, Дальневосточного государственного технического университета и представительство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Жители малого города могут рассматривать возможность получения образования в своём городе, либо искать альтернативу в ближайших городах с действующими вузами с учётом решения жилищного вопроса.

В целом, если говорить о территориальной доступности для населения малых городов возможности получения выс-

⁴ Расписание автобусов Владивосток – Большой Камень. URL: <https://BuyBusTicket.ru/avtobus-vladivostok-ru-bolshoy-kamen.ru> (дата обращения: 14.04.2020).

⁵ Расписание автобусов Владивосток – Спасск-Дальний. URL: https://bus.tutu.ru/расписание_автобусов/Владивосток/Спасск_Дальний (дата обращения: 14.04.2020).

шего образования, то здесь наблюдается следующая тенденция. В рассмотренных малых городах, расположенных как в агломерации, так и вне её, как правило, один-два вуза (Аксай, Балахна, Большой Камень, Кимры, Лихославль, Миллерово, Сокол, Спасск-Дальний, Среднеуральск) или филиала (Изобильный, Заволжье, Ирбит), либо их вовсе нет (Зима, Красавино, Новоалександровск, Шелехов). При этом, необходимо отметить важную деталь: наличие высших учебных заведений / филиалов не коррелирует напрямую с типом города («более развитые», «менее развитые», «депрессивные» по значениям индекса городского развития). Например, Шелехов относится к моделям типа 1А («более развитые»), но в городе нет ни одного вуза или филиала, тогда как в «депрессивном» Спасск-Дальнем три филиала вуза.

Итак, территориальная удалённость малого города в агломерации позволяет преодолевать эти расстояния от места проживания до места учёбы и возвращаться обратно в ежедневном режиме, если мы говорим об очной форме обучения, предполагающей ежедневные занятия. Что же касается малых городов, значительно удалённых от центра агломерации, то здесь территориальный фактор отрицательно сказывается на доступе к высшему образованию, поскольку преодолевать в ежедневном режиме большие расстояния затруднительно, а зачастую невозможно. Это обстоятельство потребует смены места жительства хотя бы на время учёбы.

Финансовый показатель доступности высшего образования, как уже упоминалось, включает не только стоимость обучения, но и сопутствующие расходы (жильё, питание и пр.). Некоторые исследователи относят к финансовому показателю доступности и затраты на подготовку абитуриентов для поступления в вуз (стоимость подготовительных курсов, затраты на репетиторов и т.д.). Но даже если не учитывать все составляющие финансовой доступности, а остановиться только лишь на стоимости обучения с учётом средней заработной платы по модельным регионам, то даже эти усреднённые результаты позволяют понять, можно ли рассуждать о широком доступе к высшему образованию и тем более платному, или нет. Существующая тенденция сокращения бюджетных мест на фоне роста платных влечёт

к исключению значительной части населения из знаниевого капитала и общественного воспроизводства. По состоянию на 2020 г., по разным оценкам, количество бюджетных мест в вузах составило 247 559, а платных 601 077¹. Введение ЕГЭ для одних упростило, а для других усложнило поступление в университет, особенно это касается «глубинки», где у родителей нет материальных возможностей оплатить репетиторов и подготовительные курсы. Если остановиться только на цифрах средней зарплаты и прожиточного минимума в регионе и оценить разницу между минимумом и средней оплатой труда, получится любопытный результат. Показатели средней заработной платы и прожиточного минимума в исследуемых регионах приведены в таблице 9.1².

Таблица 9.1

**Средняя заработная плата и размер прожиточного минимума
в модельных регионах**

Регион	Средняя зарплата, руб.	Величина медианного показателя к средней зарплате, руб.	Средняя зарплата с учётом медианного показателя 27,9%, руб.	Прожиточный минимум, (он же МРОТ) руб.
Тверская область	31322	8739	22583	10676
Вологодская область	39229	10945	28284	11091
Ростовская область	32107	8958	23149	10351
Ставропольский край	30019	8375	21644	9879
Нижегородская область	34735	9691	25044	10168
Свердловская область	39128	10917	28211	10811
Иркутская область	45086	12579	32507	12130
Приморский край	44284	12355	31929	13276

¹ Вузы России // Vuzopedia.ru. URL: <https://vuzopedia.ru/vuz> (дата обращения: 15.04.2020).

² Данные Росстата на 2020 год // Журнал «Упрощёнка». URL: <https://www.26-2.ru/art/355010-srednyaya-zarplata-po-regionam-2020> (дата обращения: 15.04.2020).

Показатели средней заработной платы по регионам, по мнению аналитиков, являются «средней температурой по больнице», поскольку сюда входит и зарплата работников, и высокая зарплата руководителей. Для отражения более реальной заработной платы в таблице был использован медианный показатель, который различается по регионам и в среднем по России составляет 27,9%¹. Соотношение между средней заработной платой с учётом медианного показателя и величиной прожиточного минимума по регионам составило от 2,1 до 2,9. Таким образом, средняя заработная плата по указанным регионам в среднем больше прожиточного минимума в 2 раза. Далее во внимание необходимо принять тот факт, что заработную плату получают работающие члены семьи, тогда как дети и студенты-очники находятся на иждивении в период обучения. Если считать, что среднестатистическая российская семья имеет в среднем 1–2 детей, а доходы обоих родителей в сумме составляют более четырёх прожиточных минимума, то на каждого члена семьи эта величина составляет 1–1,5 МРОТ (минимальный размер оплаты труда, он же – прожиточный минимум). В условиях, когда большая часть населения живёт на пороге прожиточного минимума, в который экономистами заложен минимальный набор продуктов, обязательных платежей и налоговых отчислений, затраты на другие расходы, в том числе на высшее образование, становятся непосильной роскошью.

Следует отметить, что ситуация усугубляется очевидным сокращением объёмов государственной поддержки, снижением числа бюджетных мест. На этом фоне проблема возможности получения высшего образования в малых городах тем более не разрешима, поскольку финансирование вузов осуществляется из федерального бюджета, а местная власть не хочет, а подчас и не имеет возможности поддерживать государственные вузы. Что касается коммерческих вузов, то многие из них по разным причинам были вынуждены закрыть ряд своих филиалов в регионах.

¹ Половина россиян зарабатывают менее 35 тыс. в месяц // Подробнее на РБК: URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/07/2019/5d3039e39a79476266abb143> (дата обращения: 15.04.2020).

Таким образом, только при условии заинтересованности государства в развитии малых городов с научно-образовательными и культурными центрами, транспортной доступностью и обеспеченностью населения системой здравоохранения, созданием рабочих мест и не в угоду корпоративным предприятиям, а для развития территорий страны, можно говорить о благоприятных перспективах образовательного воспроизводства. В России, где территориально преобладают агломерации с городом-центром и прилегающими к нему населёнными пунктами, необходимо не декларативное исполнение обязательств по экономическому и социокультурному развитию входящих в неё территорий, а конкретные решения и финансовая помощь на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Раздел III
Малые города
в пространственном
развитии российских регионов

Малые города – опорный каркас расселения российского Севера: постановка проблемы

Арктика – «огромная область земного шара, на карте представляющая собой правильный круг, чья площадь варьируется от 21 до 27 млн км². В целом в неё принято включать районы, простирающиеся от Северного полюса Земли до Северного полярного круга или северной границы тундры. В Арктику входят окраины Северной Америки и Евразии и прилегающие к ним океанические просторы – северные районы Тихого и Атлантического океанов плюс Северный Ледовитый океан полностью¹. На рис. 10.1 представлена карта-схема Арктики.

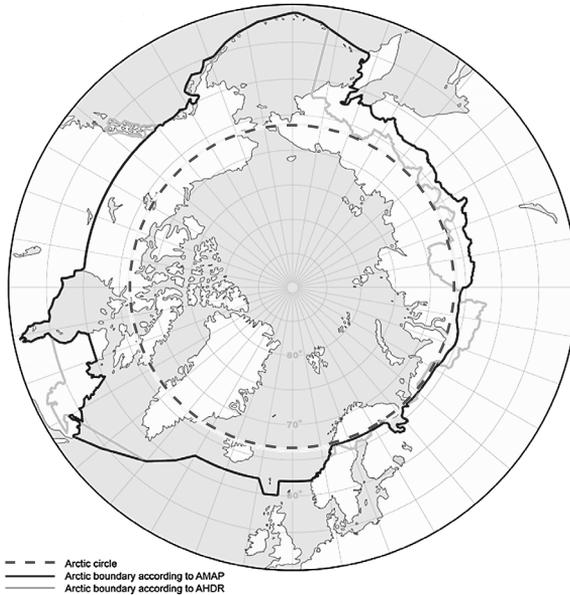

Рис. 10.1. Арктическая зона циркумполярных государств²

¹ Арктика. URL: <https://tonkosti.ru/Арктика> (дата обращения: 02.05.2020).

² Arctic-boundaries. URL: https://www.researchgate.net/figure/Arctic-boundaries-including-the-Arctic-Circle-blue-and-the-definitions-used-by-the_fig1_292976799 (дата обращения: 03.05.2020).

На карте хорошо видны как океаническая, так и сухопутная части Арктики. Понятно, что в плане размещения населения и формирования населённых пунктов в Арктике речь идет о её сухопутной части (Арктической зоне). Арктическая зона делится между циркумполярными государствами: Гренландией (Дания), Исландией, Канадой, Норвегией, Россией, США, Финляндией и Швецией, которые являются постоянными членами специально созданного Арктического Совета (Arctic Council)¹.

«Дипломатически Арктика оказалась в фокусе внимания Российской Федерации после создания в 1996 г. Арктического совета, призванного путём переговоров и учёта взаимных интересов регулировать всё возрастающие масштабы присутствия человечества на постоянной основе в Арктике»². Арктический Совет – межправительственный форум циркумполярных государств. Это основная организация сотрудничества в Арктике в сфере охраны окружающей среды и устойчивого развития региона. Совет образован странами «Арктической восьмёрки». В связи с этим уместно отметить, что в Арктической зоне нашей страны реализуются не только российские проекты, но и проекты, подготовленные по линии Арктического Совета и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации³.

Арктическая зона мира формируется вокруг Северного полярного круга (внутренняя окружность на карте), который находится на $66^{\circ}33'44''$ ($66,5622^{\circ}$) к северу от экватора. А так как государства, формируя свою Арктическую зону, ориентируются на уже сложившееся административно-территориальное деление в их стране, то в неё попадают

¹ Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/ru/> (дата обращения: 01.05.2020).

² *Ткаченко С. Л.* Арктический регион: проблемы международного судоходства и разведки углеводородных ресурсов // Россия и Канада: арктические гиганты. Материалы Седьмых Канадских чтений. СПб., 5–6 апреля 2019 г. / Под ред. Ю. Г. Акимова, К.В. Минковой. Часть I. СПб.: СКИФИЯ, 2019. С. 49.

³ Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ). URL: <https://arctic-council.org/ru/about/permanent-participants/raipon/> (дата обращения: 20.04.2020).

и места, достаточно удалённые от Северного полярного круга (две частично совпадающие ломаные линии). На карте это обстоятельство хорошо просматривается для нашей страны на территориях ЯНАО и Чукотского АО, а для Канады – на территории провинций Квебек, Ньюфаундленд и Лабрадор. Вместе с тем, такая практика выделения Арктической зоны характерна для многих циркумполярных государств. «Канадскую Арктику также можно условно разделить на две части: восточную (самоуправляемая территория Нунавут, большая часть которой лежит за полярным кругом, Нунавик – север провинции Квебек, Нунатсиавут – северная часть провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, некоторые области побережья Гудзонова залива в провинциях Онтарио и Манитоба) и западную (самая северная часть Северо-Западных территорий – регион Инувик и небольшая часть Юкона – район поселения Инувиадлуит)»¹. В США к Арктической зоне отнесена не только вся Аляска, но и примыкающие к ней острова, которые уходят далеко на юг в сторону Тихого океана.

Обе кривые линии на карте, которые фиксируют несколько различающуюся площадь Арктической зоны мира, определены двумя исследовательскими программами Арктического Совета. При этом проходящая по территории нашей страны внутренняя линия совпадает с официально установленной у нас границей Арктической зоны.

На карте это линия отражает установки Программы «Человеческое развитие Арктики» (Arctic Human Development Report – АНДР)². Вторая – внешняя линия – конкретно для нашей страны, предлагает расширение Арктической зоны за счёт включения в неё дополнительно ряда восточных районов Якутии, всей Магаданской области и северной части Камчатского края (Корякский АО). Эта линия отражает исследовательские представления Программы «Арктиче-

¹ Кузьмина Т. Р. Эволюция взглядов канадских политических элит на арктический вопрос // Россия и Канада: арктические гиганты. Материалы Седьмых Канадских чтений. СПб., 5–6.04.2019 г. Под ред. Ю. Г. Акимова, К. В. Минковой. Часть I. СПб.: СКИФИЯ-принт, 2019. С. 123.

² Arctic Human Development Report Regional Processes and Global Linkages. – Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. P. 44. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:788965/FULLTEXT03.pdf> (дата обращения: 07.05.2020).

ского мониторинга и оценки загрязнённости и изменения климата» (Arctic Monitoring and Assessment Programme – АМАР)¹. И это далеко не праздный вопрос. Достаточно сказать, что Полюс холода Северного полушария, который находится в посёлке Оймякон на северо-востоке Сибири, в Якутии, сегодня официально не относится к Арктической зоне нашей страны. Сходные оценки запрашиваются и в отношении Магаданской области и Корякского АО.

Предмет рассмотрения предлагаемой главы – малые города и их роль в размещении населения в Арктической зоне каждого циркумполярного государства в целом и, главным образом, в Российской Федерации. Базовая гипотеза исследования – малые города – опорный каркас системы расселения в Арктической зоне всех циркумполярных государств. Акцент на сохранении постоянного населения, которое ведёт в Арктической зоне самые разнообразные виды хозяйственной и общественно-политической деятельности, а значит и малых городов, – характерная особенность демографической и градостроительной политики всех циркумполярных государств. Речь, при этом, идёт в первую очередь о пришлом, а не о местном населении. Оно, как правило, живёт в сельской местности, занимаясь оленеводством, охотой и морским промыслом моржей, рыбы, тюленей и прочей живности. Для таких занятий города, даже и малые, – не лучшее место обитания.

Малые города в Арктической зоне циркумполярных государств

В таблице 10.1 представлены данные по городским населённым пунктам в Арктической зоне циркумполярных государств. Любой населённый пункт, попавший в предлагаемые ниже расчёты, обязан соответствовать трём критериям: в нём должно быть постоянное население, местное самоуправление и отметка в государственном реестре наименований географических объектов.

¹ Arctic Monitoring and Assessment Programme. URL: <https://arctic-council.org/en/about/working-groups/amar/> (дата обращения: 07.05.2020).

Таблица 10.1

**Малые города в Арктической зоне
циркумполярных государств**

Страны и города	Число больших, средних городов	Число малых городов	Численность населения, тыс. чел.
Исландия (2018 г.)	1	14	350
Рейкьявик (столица страны)	1	–	124,8
Коупавогюр	–	1	35,9
Акранес	–	1	7,2
Гренландия (2018 г.)	–	8	76,2
Нуук (столица страны)	–	1	16,9
Кангаатсиак	–	–	0,7
Канада (2015 г.)	–	5	137,2
Йёллоунайф – центр С–3 территорий	–	1	19,2
Икалуит – центр территории Нунавут	–	1	7,7
Уайтхорс – центр территории Юкон	–	1	23,3
Норвегия (2012 г.)	–	20	476,6
Тромсё – центр Северной Норвегии	1	–	63,6
Будё – центр провинции Нурланн	–	1	44,9
Лонгйир (Шпицберген)	–	1	2,0
Россия (2018 г.)	9	34	2434,4
Архангельск – областной центр	1	–	356,8
Надым – районный центр в ЯНАО	–	1	44,6
Верхоянск – районный центр в Якутии	–	1	1,1
США – Аляска (2018 г.)	1	147	737,4
Анкоридж	1	–	291,5
Ситка – до 1867 г. – Ново-Архангельск	–	1	8,8
Уткиагвик – самый северный город США	–	1	4,2

Окончание табл. 10.1

Страны и города	Число больших, средних городов	Число малых городов	Численность населения, тыс. чел.
Финляндия – Лаппи (2017 г.)	1	32	179,2
Рованиemi – центр Лаппи	1	–	59,8
Кеми	–	1	22,6
Торнио	–	1	22,4
Швеция (2017 г.) – Норрботен	1	15	249,4
Лулео	1	–	57,7
Паяла	–	1	6,3

Источники: Исландия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Исландия> (дата обращения: 03.05.2020); Гренландия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гренландия> (дата обращения: 03.05.2020); Канада: Северо-западные территории, Нунавут и Юкон; URL: <https://www.tursvodka.ru/countries/canada/cities/> (дата обращения: 03.05.2020); Северная Норвегия. URL: https://ru.wikivoyage.org/wiki/Северная_Норвегия (дата обращения: 03.05.2020); Россия. База данных «Муниципальная Россия». США (Аляска). Список городов Аляски. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_городов_Аляски (дата обращения: 03.05.2020); Финляндия. (Лапландия): Лаппи. URL: <https://ru.db-city.com/Финляндия-Лаппи> (дата обращения: 03.05.2020); Швеция (Лапландия). URL: [https://ru.qwe.wiki/wiki/Lapland_\(Sweden\)](https://ru.qwe.wiki/wiki/Lapland_(Sweden)) (дата обращения: 03.05.2020).

При этом все города делятся на пять категорий: малые города имеют численность населения до 50 тыс. чел., средние – от 50 до 100 тыс. чел., большие – от 100 до 500 тыс. чел., крупные – от 500 до 1 млн и крупнейшие – свыше 1 млн жителей. Как видно из приведённых в таблице 10.1 данных, в Арктической зоне нет крупных городов и тем более городов-миллионников.

В связи с этим соображения о том, что «общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI в. являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации¹, в принци-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Раздел II. С. 3. Правительство России [веб-сайт]. 14.02.2019. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 03.05.2020).

пе представляются весьма уязвимыми и отторгаются основной частью экспертного сообщества¹.

Подобные соображения как бы выводят Арктическую зону за рамки общемировых тенденций пространственного развития, что вряд ли соответствует реальному положению вещей. Между тем, тот факт, что на гигантской территории Арктической зоны всех циркумполярных государств (около 27 млн км²) насчитывается всего 14 больших и средних городов и 268 малых городов, свидетельствует далеко не в пользу концентрации населения в этом очень важном и перспективном в плане развития регионе. Несопоставимо более важной перспективой здесь представляется сочетание хозяйственной деятельности постоянно живущего населения и вахтового метода работы в этих суровых условиях.

Причём, в последнем случае по условию речь не идёт о городах и размещении населения. В этом случае речь идёт о размещении и организации производства и его транспортной доступности. Другими словами, при таком развитии событий фиксируется заметный разрыв между экономическим ростом и системой расселения. Указанное обстоятельство подтверждается и тем фактом, что в последние годы во многих местах Арктической зоны показатели хозяйственной деятельности растут, система расселения укрепляется, а численность населения сокращается. Это свидетельствует не только о распространении вахтового метода, обеспечивающего минимальный прирост постоянного населения и затрудняющего появление новых населённых мест. Оно позволяет предположить, что производство там, где это возможно, развивается в направлении использования малолюдных и безлюдных технологий. Для освоения богатств приполярного Севера и Заполярья подобное развитие событий, идущее синхронно с формированием нового технологического уклада, имеет огромное значение.

Кстати сказать, оно позволяет менять и градообразующую базу многих городов Арктической зоны. К примеру, один из наиболее успешных городов на Аляске – Фэрбанк – своим успехам во многом обязан Аляскинскому

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 32.

университету, кампус которого находится в его пригороде. Сходное положение дел характерно и для г. Рованиеми (Лапландия, Финляндия), на территории которого находится Лапландский университет. В его состав входит и Арктический центр, который является одним из ведущих научно-исследовательских учреждений по изучению Арктики. Более того, у этого города есть и другие довольно привлекательные моменты. Он считается родиной Санта-Клауса и центром притяжения любителей созерцания и коллекционирования северного сияния.

В Канаде – г. Йеллоунайф, который когда-то возник как центр искателей золотого тельца, сегодня «является коммерческим, образовательным, транспортным и административным центром Северо-Западных территорий. Около $1/2$ экономически активного населения работает в органах власти различных уровней и в принадлежащих им учреждениях образования и здравоохранения»¹. Благие пожелания распространения вахтового метода в Арктической зоне находят широкий отклик у инвесторов и в корпоративном секторе. Между тем, сами государства демонстрируют повсеместную заинтересованность в наличии на Крайнем Севере постоянного населения, живущего, как было показано выше, по большей части в малых городах. Возможно, наиболее радикально этот вопрос решили в Канаде, где в начале 30-х гг. прошлого века «обеспокоенное стратегическим положением малообжитой территории федеральное правительство насильно переселило инуитов из района Нунавик в северном Квебеке в Резольют и Грис-Фьорд, находящиеся за полярным кругом. В незнакомых и враждебных условиях они голодали, но их заставили остаться. Сорок лет спустя Королевская комиссия по делам индейцев выпустила доклад, озаглавленный *The High Arctic Relocation: A Report on the 1953-55 Relocation*, в котором назвала переселение «одним из самых вопиющих случаев нарушения прав человека за всю историю Канады» (англ. *one of the worst human rights violations in the history of Canada*). В 1996 г. правительство выплатило 10 млн канадских долларов компенсации

¹ Йеллоунайф. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Йеллоунайф> (дата обращения: 07.05.2020).

пострадавшим и их потомкам, однако официальные извинения были принесены министром по делам индейцев и севера Канады Джоном Данканом только в августе 2010 г.»¹. Всё это не мешает канадскому правительству и его американским союзникам быть спокойными и уверенными в том, что теперь эта территория находится под их постоянным контролем.

Более практичные американцы пошли по пути хозяйственного развития Аляски. И надо отдать им должное, достигли в этом деле заметных успехов. Сегодня на этой территории живёт почти в 2 раза больше населения, чем в Камчатском крае, Магаданской области и Чукотском АО вместе взятых. В районе Берингова пролива на нашей стороне в Чукотском АО находится три посёлка (Бухта Проведения, Уэлен и Мыс Шмидта). А на противоположном аляскинском берегу их приветствуют более 10 малых городов. Практичные и более изысканные скандинавы идут по пути развития туризма, привлекательности первозданной природы, предложения различных экологически чистых видов услуг и производства экопродукции. И всё это делается, в том числе, с целью удержания в Арктической зоне постоянного населения.

Малые города Арктической зоны РФ

В соответствии со «Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия)², которая была утверждена Правительством России в феврале 2019 г., в нашей стране Арктическая зона отнесена к приоритетным геостратегическим территориям. Территории, которые входят в Арктическую зону, определены Указом Президента России «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»³.

¹ История Нунавута. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Нунавута (дата обращения: 07.05.2020).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 30.04.2020).

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Президент России: [веб-сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).

В соответствии с этим указом к рассматриваемой категории территорий отнесены: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, территория муниципального образования (МО) городского округа (ГО) «Воркута» в Республике Коми, семь МО Архангельской области, ГО Норильск, муниципальные районы (далее – МР) Таймырский и Туруханский Красноярского края, пять улусов (МР) Республики Саха (Якутия) (рис. 10.2).

Между упомянутым Указом и непосредственно Стратегией имеются некоторые расхождения. В Стратегии в состав Арктической зоны дополнительно включены три приморских МР Республики Карелия, а именно Беломорский, Кемский и Лоухский. Более того, в мае 2019 г. был подписан новый Указ Президента Российской Федерации¹, в соответствии с которым в состав Арктической зоны дополнительно включены ещё восемь улусов Республики Саха (Якутия). «Глава государства включил в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации восемь районов Якутии – Абыйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оленёкский, Среднеколымский и Эвено-Бытантайский улусы, которые полностью или частично находятся за Полярным кругом. Ранее в состав Арктической зоны Российской Федерации входили только пять из тринадцати арктических районов республики – Аллаховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский. Включение этих территорий в состав Арктической зоны позволит распространить на них действие программ по развитию Арктики»².

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Президент России: [веб-сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905130027?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 06.05.2020).

² Все арктические улусы Якутии включены в состав Арктической зоны РФ. Минвостокразвития РФ [веб-сайт]. URL: https://minvr.ru/press-center/news/22000/?sphrase_id=1098719 (дата обращения: 06.05.2020).

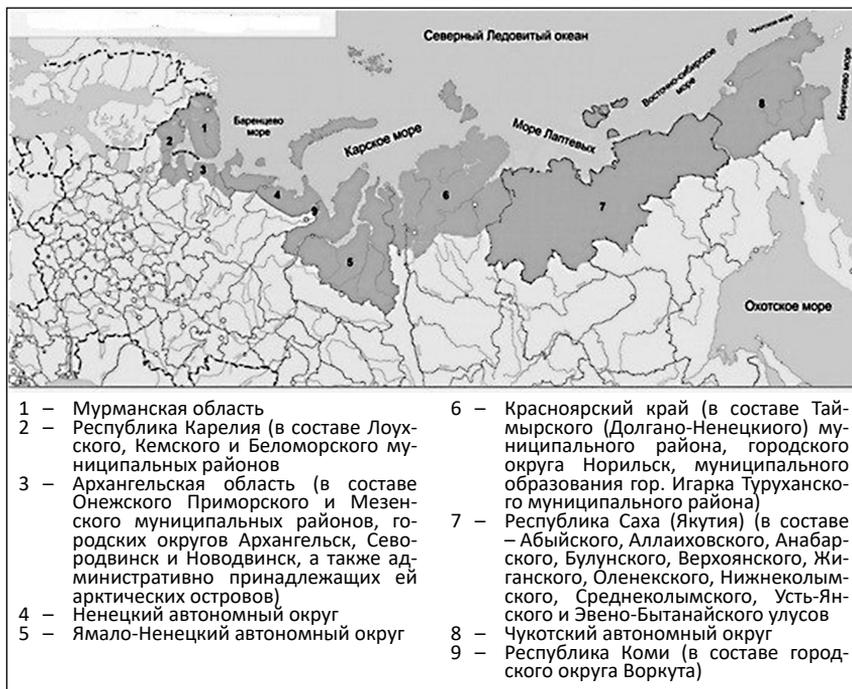

Рис 10.2. Арктическая зона Российской Федерации¹

Рис. 10.2 позволяет хорошо увидеть, что, выделяя геостратегическую Арктическую зону, органы управления страной ставят вопрос о взятии под контроль и обустройство всей сухопутной береговой зоны России, прилегающей к Северному морскому пути. И это совершенно правильное решение. Открывая очередное «окно» в большой мир, необходимо думать о том, как мы будем его контролировать в новых местах входа и выхода (Архангельск, Бованенково, Бухта Проведения, Певек, а в перспективе – Амдерма, Диксон, Индига, Тикси и Усть-Кара). В настоящее время Арктическая зона включает в себя четыре субъекта Федерации полностью и ряд муниципальных образований, входящих в пять других регионов. В результате в Арктической

¹ Лукин Ю. Ф., Ерёмин А. Э. Карта «Арктическая зона Российской Федерации». URL: <http://lawinrussia.ru/content/arkticheskaya-zona-rossiyskoy-federacii-azrf> (дата обращения: 06.05.2020).

зоне оказалось 66 МО верхнего уровня (ГО и МР) в девяти субъектах Российской Федерации. В 2018 г. в них проживало 2,4 млн человек или 1,6% населения страны, а доля городского населения составляла 87,9%.

В период 2010-2018 гг. в Арктической зоне наблюдались естественный прирост населения и сходная с Дальним Востоком (но в 2 раза значительнее) отрицательная динамика численности населения (-3,1%) за счёт интенсивного миграционного оттока жителей (см. табл. 10.2)¹.

Таблица 10.2

Регионы и города Арктической зоны России (2018 г.)

Регионы и города	Число больших, средних городов	Число малых городов	Число ПГТ	Год основания	Численность населения, тыс. чел.
Мурманская область	3	13	11	1938	741,4
Мурманск	1	–	–	1916	287,8
Апатиты	1	–	–	1916	55,2
Североморск	1	–	–	1896	52,6
Кандалакша	–	1	–	1526	30,6
Кола	–	1	–	1517	9,9
Островной	–	1	–	1611	1,8
ПГТ	–	–	11	–	60,4
Республика Карелия	–	2	1	1920	24,2
Беломорск	–	1	–	1419	9,5
Кемь	–	1	–	XIV век	10,9

¹ Более полное описание номенклатуры малых городов и формируемых на их основе МО Арктической зоны дано в монографии «Малые города в социальном пространстве России». М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 209–224 и 363–376 и других публикациях. См., например: *Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д.* Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 36–49; *Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.* Муниципальные образования России со стабильной численностью населения // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 47–65; *Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.* Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–2018 гг. // Вестник Института социологии. Выпуск 3. Том 10, 2019. С. 59–77.

Окончание табл. 10.2

Регионы и города	Число больших, средних городов	Число малых городов	Число ПГТ	Год основания	Численность населения, тыс. чел.
ПГТ	–	–	1	–	3,8
Архангельская область	–	3	3	1937	621,4
Архангельск	1	–	–	1584	346,0
Северодвинск	1	–	–	1936	182,3
Новодвинск	–	1	–	1977	38,7
Мезень	–	1	–	XVI век	3,3
Онега	–	1	–	1566	19,4
ПГТ	–	–	3	–	7,0
Ненецкий АО	–	1	1	1929	44,1
Нарьян–Мар	–	1	–	1929	25,2
ПГТ	–	–	1	–	7,2
Республика Коми	1	–	–	1936	54,2
Воркута	1	–	–	1943	54,2
ЯНАО	3	5	–	1930	544,4
Новый Уренгой	1	1	–	1975	118,0
Салехард	1	–	–	1595	51,0
ПГТ	–	–	–	–	11,9
Красноярский край	1	4	2	1934	207,7
Норильск	1	–	–	1953	181,7
Дудинка	–	1	–	1667	21,0
ПГТ	–	–	1	–	0,548
Саха (Якутия)	–	3	11	1922	68,2
Верхоянск	–	1	–	1638	1,1
ПГТ	–	–	11	1930	27,3
Чукотский АО	–	3	3	1930	47,9
Анадырь	–	1	–	1889	15,8
ПГТ	–	–	3	–	9,0
Всего по АЗ	9	34	32	–	2434,4

Источник: рассчитано автором по Базе данных «Муниципальная Россия».

Из таблицы 10.2 видно, что в Арктической зоне нашей страны, как и в Арктической зоне всего мира (см. табл. 10.1), реализуются сходные тенденции концентрации населения в малых, а не в больших городах (столбцы 2-4). При этом, в Арктической зоне Республики Карелия, НАО, Якутии и Чукотском АО большие города вообще отсутствуют. Трудно себе представить, что они там могут появиться даже в отдалённой перспективе. В то же время, многие малые города в ближайшем будущем должны получить развитие. Среди них в первую очередь надо отметить Нарьян-Мар, Игарку, Певек. Более того, при благоприятном развитии событий, связанном с освоением Северного морского пути, некоторые ПГТ (посёлки городского типа – *прим. авт.*) имеют все шансы вырасти до малых городов. В первую очередь это относится к Амдерме, Бухте Проведения, Диксону и Тикси.

В таблице 10.2 представлена ограниченная номенклатура городов. При её формировании в расчёт в первую очередь принимался год основания города (столбец 5). Для обсуждаемой проблематики указанное обстоятельство чрезвычайно важно и информативно. Северная идентичность – одна из характерных черт нашего народа. Если учесть, что в Архангельске, Верхоянске, Дудинке, Кандалакше, Кеми, Коле, Мезене и Салехарде есть прямые потомки первых переселенцев, то можно смело говорить об их огромном вкладе в освоение Севера, Сибири и Арктики. К сожалению, такая статистика пока ещё не ведётся и совершенно напрасно. И как это не звучит парадоксально, такие люди все ещё относятся к пришлому, а не к коренному населению.

Конечно, ресурсная составляющая общего движения людей на Север важна в плане «приращения богатства». «Значительная часть территории России расположена за Полярным кругом. Арктика представляет собой ресурсную базу России, в этом регионе формируется весомая часть экспортного потенциала. Можно говорить о том, что данный регион представляет собой зону стратегических интересов России»¹.

Однако, как показывает трудный опыт Апатит, Воркуты, Груманта, Магадана, Певека и других отдалённых мест, в этом вопросе огромную роль играют складывающаяся эко-

¹ Вяхирева Н. С. Российский и канадский подход к внерегиональным акторам в Арктике // Россия и Канада: арктические гиганты. С. 145.

номическая конъюнктура и социальная политика государства. В своё время именно они способствовали появлению в далёком заполярье нашей страны трёх больших городов: Мурманска, Воркуты и Норильска.

В других циркумполярных государствах таких городов нет и не было. Между тем сегодня Мурманск и Воркута уже потеряли около половины своей бывшей максимальной численности населения, а Норильск, в связи с ограничениями на въезд и реализацией программы переселения жителей на территории с более благоприятными климатическими условиями¹, всё больше проявляет тенденцию к сокращению численности населения. С дальнейшей судьбой этих городов и их развитием во многом связаны наши риски в освоении Арктики.

В отличие от бонусов, приходящих с «приращением богатств», адаптация человека к крайне неблагоприятным условиям жизни в Арктике имеет непреходящее, действительно стратегическое значение. В этом плане «Русский Север можно понимать не столько как географическую, природно-экологическую территорию, а как этнографическую, сложившуюся исторически главным образом под воздействием русского населения нашей страны. Если вообще принято считать, что продвижение русских на восток, за пределы Уральских гор, началось в конце XVI в. ещё при правлении Ивана Грозного и, может быть, даже без его ведома, то северные районы осваивались русичами с XI–XII вв. И главная заслуга в этом принадлежала Великому Новгороду, а вернее сформировавшейся к тому времени Новгородской феодальной республике»². С учётом сказанного, наш народ уже почти 1000 лет, отражая нападения с Запада и Юга, идёт на Север и Восток.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2006 N 153 (ред. от 15.11.2019) «Об утверждении Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильём и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59164/ (дата обращения: 05.05.2020).

² Алимов А. А. Российская Арктика: влияние климатических изменений и обеспечение экологической безопасности // Россия и Канада: арктические гиганты. С. 256.

Более того, в порядке дискуссии можно заметить: если люди планируют когда-то жить на Луне и Марсе, то возвращение человека, способного не только выжить в Арктической зоне, но и проявить в ней хозяйственную активность, равно как создание для него благоприятных условий среды обитания в любой точке земного шара, – неременная предпосылка реализации такого замысла. Возможно, в том числе и поэтому мы так устремлены в Арктику.

Демографические проблемы Арктической зоны России

Арктическая зона нашей страны, как указывалось выше, представлена не только субъектами Федерации, но и отдельными МО, основу которых составляют городские и сельские населённые пункты (см. табл. 10.3). С учётом быстрого сокращения численности населения (фактически за семь лет с момента проведения переписи населения в конце 2010 г. до начала 2018 г. почти на 0,5% в среднем за год) именно Арктическую зону России уместно рассматривать как территорию для принятия безотлагательных мер по ускорению социально-экономического развития. Частично это обстоятельство нашло отражение в Стратегии. Среди геостратегических территорий в ближайшей перспективе значительный импульс развития получают приоритетные территории Арктической зоны. Связано это, прежде всего, с ростом перевозок по Северному морскому пути и освоением месторождений энергоресурсов Российской Арктики, в том числе шельфовых.

В Стратегии указанные задачи сформулированы следующим образом: «За счёт обеспечения функционирования и роста грузопотока Северного морского пути как полноценного международного транспортного коридора, включая развитие ледокольного флота...»; «Сдвиг производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов ...». Относительно МО это в первую очередь относится к МР Таймырскому (Дудинка, Диксон) в Красноярском крае и Булунскому (Тикси) в Республике Саха (Якутия), Чукотским ГО (Певек и Анадырь). В рамках реализации этих намерений,

Таблица 10.3

Приоритетные геостратегические территории АЗ России в 2018 г.

Территории, составляющие Арктическую зону	Число		Население, тыс. чел.	Доля городского населения в %	Естественный прирост в 2016 г., ‰	Динамика населения в 2010–2018 гг., %
	Полных субъектов РФ	МО				
Мурманская область	1	17	753,4	92,3	-0,3	-5,3
Республика Карелия (Беломорский, Кемский и Лоухский МР)	-	3	41,6	63,7	-6,7	-14,0
Архангельская область (МР Мезенский, Онежский, Приморский, ГО Архангельск, Новодвинск, Северодвинск, Новая Земля)	-	7	646,8	92,9	-0,5	-2,3
Ненецкий АО	1	2	44,0	72,8	9,6	4,5
Республика Коми (ГО Воркута)	-	1	77,3	99,4	0,9	-19,3
Ямало–Ненецкий АО	1	13	538,6	83,8	10,1	2,5
Красноярский край (МР Таймырский, ГО Норильск и Игарка)	-	3	216,6	90,0	7,7	-0,2
Республика Саха (Якутия) (МР Абытайский, Аллаховский, Анабарский, Булуҥский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленёкский, Среднеколымский, Усть-Янский и Эвено–Бытантайский)	-	13	68,2	38,6	6,2	-7,8
Чукотский АО	1	7	47,9	72,7	3,6	-2,3
Арктическая зона России	4	66	2434,4	87,9	2,5	-3,1

Источник: рассчитано автором по Базе данных «Муниципальная Россия».

в Певеке уже начала работать первая плавучая атомная электростанция, которая призвана обеспечить потребности не только существующей, но и перспективной портовой инфраструктуры.

При этом, в соответствии со Стратегией, основными направлениями социально-экономического развития приоритетных геостратегических территорий Российской Федерации, расположенных в пределах Арктической зоны Российской Федерации, являются: 1) инфраструктурное обеспечение развития минерально-сырьевых центров в НАО, ЯНАО, Красноярском крае и Чукотском АО; 2) модернизация и развитие морских портов, обеспечивающих функционирование Северного морского пути в Архангельской, Мурманской областях, НАО, ЯНАО, Красноярском крае, Якутии и Чукотском АО; 3) содействие социально-экономическому развитию населённых пунктов, стратегически важных для развития Северного морского пути и хозяйственного освоения Арктики (в части малых городов это относится в первую очередь к Нарьян-Мару, Дудинке и Певеку, а в отношении ПГТ – к Бухте Проведения, Тикси и Диксону.

В целом, отнесение Арктической зоны к приоритетным геостратегическим территориям следует признать одним из немногих действительно важных достоинств Стратегии. Практически все геостратегические территории имеют растущее значение для безопасности и целостности страны. Это справедливо и для Арктической зоны, которую пока ещё оберегает тяжёлая ледовая обстановка. Там не менее «Вашингтон считает, что Северный морской путь должен находиться под международным контролем»¹, в скандинавских странах рассматривают Мурманскую область как часть исторической Лапландии² и т.п.

В этом же направлении работают и разного рода рестрикции, препятствующие устранению разногласий и решению противоречий, существующих между циркумполярными государствами. «В числе таких разногласий – статус проливов

¹ Широкопад А. Зачем Трамп рвётся в Русскую Арктику // Независимая газета. 08.02.2019. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2019-02-08/13_1033_arctic.html (дата обращения: 20.04.2020).

² Лапландия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лапландия> (дата обращения: 20.04.2020).

на маршрутах Северного морского пути (СМП) и Северо-Западного прохода (СЗП), расширение до 350 морских миль арктических шельфов России, Дании и Канады, ратификация Россией «Соглашения Бейкер – Шеварднадзе», норвежская охранный рыболовная зона у Шпицбергена, канадско-американская делимитация шельфа в море Буфорта, канадско-датский спор о принадлежности острова Ханса в проливе Нэрса, американо-канадские противоречия, касающиеся морской границы между двумя странами в Мейнском проливе»¹.

Демографическое и социально-экономическое развитие территорий Арктической зоны требует долгосрочного государственного планирования и контроля происходящих перемен². Нельзя допускать обезлюдения геостратегических территорий, равно как нельзя допускать формирование в них моногородов, а тем более больших моногородов. Положение дел в Воркуте, Магадане, Норильске, Певеке и других «горячих точках» северных территорий, в которых реализуется программа переселения из районов Крайнего Севера, сегодня оказывает довольно заметное влияние на демографическое поведение населения Арктической зоны.

Появление моногородов представляет собой рецидив отраслевого управления в экономике, который обусловлен стремлением к максимуму эффекта при минимуме затрат в данный момент времени. Решая подобные задачи, управленцы одновременно делают свою карьеру и ею же отвечают. При этом долговременные последствия таких решений, как правило, волнуют только тех, кто отстранён от их принятия. Самый общий вывод из этого исторического опыта, в том числе и для Стратегии пространственного развития, – нельзя отраслям и компаниям доверять бесконтрольно формировать

¹ Воронков Л. С. Особенности взаимодействия арктических государств в современной международной среде // Россия и Канада: арктические гиганты. С. 27.

² Видение Арктики». г. Кируна, Швеция, 15 мая 2013 г. МИД РФ [веб-сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/ecology/-/asset_publisher/9jm0ASADm3qm/content/id/110278 (дата обращения: 07.05.2020); *Desmet K., Rossi-Hansberg E.* Spatial Development. *American Economic Review*, 2014. № 4. P. 211–1243; *Fajgelbaum P. D., Gaubert C.* Optimal Spatial Policies. *Geography and Sorting. The Quarterly Journal of Economics*. 2020. № 2. P. 959–1036.

города¹. Отвечать за это всегда приходится государству, а все негативные последствия такой политики ложатся на плечи простых людей, которые попадают в подобные ловушки в поисках самореализации и лучшей жизни.

Указанное обстоятельство обусловлено тем, что градообразующая база, создаваемая производственным предприятием, в действительности является не чем иным, как крышей над головой работников, обеспечивающей им доступность мест труда. Между градообразующей базой и запуском механизма, позволяющего городу развиваться на далёкую перспективу, лежит дистанция огромного размера. И запустить этот механизм могут только сами горожане, объединяющиеся в городские сообщества, которые опираются на местную и центральную власть. В этом плане хорошим ориентиром может служить ESDP – Европейская перспектива пространственного развития², направленная на сбалансированное устойчивое развитие территории ЕС.

В современных условиях и на перспективу в оппозиции моногороду – вахтовый посёлок, и, скорее всего, предпочтение будет отдаваться вахтовому методу организации производства. На данный момент хорошим примером здесь может служить вахтовый посёлок Бованенково (ЯНАО), который расположен в 563 километрах от города Надым, являющийся базовым для освоения газового месторождения на полуострове Ямал³. Следующим шагом в указанном направлении, видимо, станет вахтовый посёлок Ванкор (Красноярский край) – ближайший населённый пункт и база которого – Игарка (140 км)⁴.

¹ *Spaliviero M., Boerboom L., Gibert M., Spaliviero G. & Bajaj M. 2019. The Spatial Development Framework to facilitate urban management in countries with weak planning systems. International Planning Studies. Vol. 24(3–4). P. 235–254.*

² ESDP. European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the EU. European Communities. Luxembourg. Office for Official Publications of the European Communities. 1999. 83 p.

³ Бованенково. [веб-сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бованенково> (дата обращения: 07.05.2020).

⁴ Ванкорское нефтегазовое месторождение. [веб-сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ванкорское_нефтегазовое_месторождение (дата обращения: 07.05.2020).

При этом, в оппозиции малый город – вахтовый посёлок в случае выбора в пользу создания нового города решение и ответственность за его будущее должно нести государство. В этом случае сам город может формироваться на правах частно-государственного партнёрства с обоюдно признанными паритетными капитальными вложениями той и другой стороны. В то же время градообразующей базой города должен выступать предмет интереса государства (безопасность, развитие территории, размещение населения, создание транспортного узла или научно-образовательного центра и т. п.), а не формируемое корпоративным сектором производственное предприятие. Возможно, спонтанно, но именно сходным путём появлялись в Арктической зоне все те малые города, которые (в отличие от моногородов) в полном смысле слова пережили своё время (см. табл. 10.3) и сегодня продолжают смотреть в будущее.

Социокультурное пространство
малых городов Дальнего Востока:
мнения, суждения, оценки представителей
местных сообществ
(на примере городов Большой Камень
и Спасск-Дальний Приморского края)

Культурное и социальное – это два разных аспекта видения одного и того же феномена. Социокультура представляет своеобразную призму, через которую можно понять суть процессов, происходящих в той или иной социальной системе, выявить их латентное содержание и направленность.

Концепт «социокультурное пространство» рассматривается в научном дискурсе под разными углами зрения, в различной взаимосвязи с другими явлениями. Имеющиеся в науке теоретические подходы с определённой долей условности можно разделить на: макросоциологические, микросоциологические и интегративные.

В русле макросоциологического подхода социокультурное пространство концептуализирует П. Сорокин, подразумеваемая под ним совокупность отношений, в которые вступает любой индивид с другими индивидами, группами и обществом в целом¹. Другими словами, отмечается многомерность и множественность социокультурных пространств, в каждом из которых человек обладает разным статусом.

В работах Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и Т. Парсонса также представлен макросоциологический (структурно-функциональный) подход к определению социокультурного пространства. Дюркгейм рассматривает его как «социальный факт». Социальные факты в его понимании представляют собой систему общих ценностей и чувств, «коллективное сознание», которое несводимо к отдельным индивидам². По его мнению, социокультурное пространство является самоочевидным для членов общества и представления о нем формируются социумом (социальной группой). Для Зиммеля социокультурное пространство наполняется взаимодействием

¹ Сорокин П. А. Структурная социология // Человек. Цивилизация. Общество: сборник под общ. ред. А. Ю. Согомонова. М., Политиздат, 1992. С. 185–186.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 67.

ем между людьми; оно включает сосуществующие группы или перемещающиеся сообщества. При этом каждый индивид находится в системе координат различных групп, включающих статусно-ролевые характеристики акторов¹.

Парсонс отмечает, что индивид располагается в пространстве наряду с другими действующими индивидами; его перемещения ограничены возможностями исполнения социальных ролей и контролируются обществом посредством силы. Члены сообщества, в основном, размещены в одной и той же области, и на этой территории поддерживается определённый нормативный порядок. Такое размещение Парсонс называет резидентным². Социокультурное пространство рассматривается как часть конкретной территории.

Наряду с макросоциологическими подходами к исследованию социокультурного пространства необходимо применять и микросоциологические. А. Шюц анализирует социокультурное пространство через жизнь человека с помощью ключевого понятия «ситуация»³, при этом разделяя пространство физическое, социальное и ментальное. Всё это позволяет говорить о «внутреннем» или индивидуальном, темпоральном измерении социокультурного пространства.

П. Бергер и Т. Лукман подчёркивают, что люди воспринимают «повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной приближённости или удалённости»⁴. При этом отмечается интерсубъективность жизненного пространства индивидов, сложность, принудительный характер и историчность темпоральной структуры повседневной жизни.

В целом, с позиций микросоциологических подходов социокультурное пространство – это социально, темпорально и ментально организованное пространство интеракции и деятельности людей.

¹ Зиммель Г. Проблема социологии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. / Сост. и отв. ред. В. И. Добренко, Л. П. Беленкова. М.: Наука, 1994. С. 330.

² Цит. по: Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. С. 58.

³ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 130.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 42, 50–51, 212.

В рамках обозначенного выше интегративного подхода П. Бурдые реализует конструктивистско-структуралистский подход к пониманию пространства. В его трактовке социокультурное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций»¹. Социокультурное пространство предстаёт как социальная топология, оно обозримо и структурировано как со стороны социальных отношений, объективированных в распределении разнообразных ресурсов, так и со стороны представлений людей о данных отношениях и об окружающем мире, оказывающих непрерывное обратное воздействие на него.

Интегративный подход применительно к изучению социокультурного пространства также представлен в рамках экоантропоцентрической теории Т. М. Дридзе, в которой особое внимание уделяется темпоральности социокультурного пространства, т. е. его временным особенностям. Исходя из этого, автор использует категорию «социокультурное пространство-время» для анализа социально-практического бытия человека². Социокультурное пространство-время многомерно: оно может быть широким, глобальным и выступать в качестве конституирующего контекста, а также – локальным. В последнем случае оно охватывает все направления взаимодействия местного населения с окружающей природой, социальной и культурно-информационной средой, опосредованные социальной структурой локального сообщества и социальной инфраструктурой места обитания.

В целом, анализ интегративных подходов показывает, что социокультурное пространство включает в себя объективный и субъективный компоненты. На наш взгляд, трактовка социокультурного пространства как единства субъективного и объективного является вполне правомерной. Объективный момент заключается в том, что социокультурное пространство конкретного общества предстаёт как фон, контекст, отражающийся на жизнедеятельности индивидуальных и групповых акторов. Субъективная сторона – это структурные, ценностно-нормативные, тем-

¹ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 9.

² Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 26.

поральные, ментальные и т.п. характеристики деятелей, влияющие на формирование и определяющие изменения социокультурного пространства.

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем определить социокультурное пространство как совокупность социальных связей или социальную структуру; социальные институты, регулируемые на основе принятых ценностей, норм взаимодействия и поведения людей; символические способы оценочного освоения действительности и ориентации в ней.

Таким образом, социокультурное пространство является многомерным: оно включает социальное пространство, объективируется в пространстве физическом; действует также как ментальная структура, влияя на восприятие, оценки, поведение людей. Пространство рассматривается как территория, как место жизни человека (соответственно, локальное и жизненное пространство), как необозримое пространство взаимодействий людей в глобальном мире, когда географические ограничения в культурном и социальном устройстве отсутствуют.

Развитие социокультурного пространства современного российского общества происходит на фоне трансформационных процессов. С одной стороны, это усиление дифференциации населения и негативные изменения уровня и качества жизни. С другой стороны, формирование новых проблем, связанных с изменением структуры занятости населения, распространением вторичной занятости, свободной занятости (фриланса), дауншифтинга, снижением уровня социальной защиты большей части индивидуальных предпринимателей, представителей малого и среднего бизнеса, неравномерным развитием социальной инфраструктуры и механизмов социальной поддержки населения.

Следовательно, основными характеристиками, влияющими на социокультурное пространство современного российского общества, являются уровень и качество жизни людей, состояние социальной инфраструктуры, а также уровень занятости и степень дифференциации населения Российской Федерации с учётом региональных особенностей.

В современных российских условиях всё более очевидной становится необходимость определения приоритетов социокультурного развития регионов. Это связано с тем, что ре-

гиональные ситуации в нашей стране глубоко специфичны, а в ряде случаев просто уникальны. Особенности географического положения, социального, экономического развития региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры могут рассматриваться в контексте основных факторов, влияющих на динамику социокультурного пространства в целом.

Дальний Восток сегодня – это территория опережающего развития и один из главных приоритетов России на ближайшие десятилетия. В состав Дальневосточного федерального округа (ДФО) входят 11 субъектов. Приморский край занимает среди них особое место, считается очень благоприятным по сравнению с другими субъектами ДФО в плане природно-климатических, социально-экономических и транспортно-инфраструктурных составляющих. Поэтому вполне закономерно, что Приморье – это самый заселённый дальневосточный регион, где сосредоточены наибольшие демографические ресурсы и трудовой потенциал (см. табл. 11.1).

Сведения таблицы 11.1, показывают, что в Приморье, несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов ДФО, сохраняется негативная демографическая ситуация. За последние пять лет потери постоянного населения составили более 25 тыс. человек.

В связи с этим, одним из основных предложений для национальной программы развития Дальнего Востока может стать принятие мер, направленных на увеличение численности постоянного населения, которая, как предполагается, лежит в основе всех составляющих социально-экономического благополучия региона. В настоящее время на это нацелен ряд федеральных инициатив¹.

¹ См. подробнее: Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 14.04.2020).

Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 14.04.2020).

Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01 мая 2016 года № 119-ФЗ // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 14.04.2020).

Таблица 11.1

**Динамика численности постоянного населения субъектов
Дальневосточного федерального округа в 2015-2019 гг. (чел.)¹**

Субъект ДФО	Численность населения (чел.)				
	2015	2016	2017	2018	2019
Амурская область	807 781	803 720	800 088	795 809	793 200
Еврейская автономная область	167 244	165 169	163 116	160 964	159 900
Забайкальский край	1 085 232	1 080 998	1 075 894	1 069 296	1 065 800
Камчатский край	316 693	315 422	315 143	315 140	314 700
Магаданская область	147 208	145 958	144 831	142 663	141 200
Приморский край	1 931 158	1 926 062	1 918 076	1 907 877	1 902 700
Республика Бурятия	980 390	983 209	984 323	983 892	983 300
Республика Саха (Якутия)	958 292	961 252	963 582	965 669	967 000
Сахалинская область	487 842	487 318	488 763	489 910	489 600
Хабаровский край	1 336 428	1 333 923	1 330 798	1 324 887	1 321 500
Чукотский автономный округ	50 349	49 990	49 585	49 505	49 700

¹ Составлено авторами на основе: Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2019 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm (дата обращения: 10.05.2020).

Регионы России. Социально-экономические показатели 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 10.05.2020).

При этом не стоит забывать, что значительная часть регионального социокультурного потенциала в виде высококвалифицированных специалистов и рабочих, научной и творческой интеллигенции, а также определённых духовных, исторических и других ценностей концентрируется в городах. Основные численные показатели городов Приморского края можно представить следующим образом (см. табл. 11.2).

Таблица 11.2

Численность городского населения Приморского края (чел.)¹

Город	Численность населения на начало 2019 г.
Владивосток	633 144
Уссурийск	198 983
Находка	148 280
Артем	115 991
Арсеньев	52 251
Партизанск	44 639
Лесозаводск	42 589
Дальнегорск	42 308
Спасск-Дальний	40 200
Большой Камень	39 161
Фокино	31 514
Дальнереченск	28 175

Представленные в таблице 11.2 сведения показывают, что в Приморье имеется 12 городов с общей численностью населения порядка 1 млн 389 тыс. человек.

В зависимости от численности населения в официальных статистических источниках и градостроительной практике выделяются следующие группы городов:

- малые города, где численность населения колеблется в пределах до 50 тыс. человек;
- средние города, в которых насчитывается от 50 до 100 тыс. жителей;

¹ Сост. авторами на основе: Численность населения в разрезе городских округов и муниципальных районов. 10.04.2019 // Федеральная служба государственной статистики по Приморскому краю. URL: [https://primstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C\(1\).htm](https://primstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C(1).htm) (дата обращения: 10.05.2020).

- большие города с численностью населения 100–250 тыс. человек;
- крупные города, имеющие численность населения от 250 до 500 тыс. человек;
- крупнейшие города, в которых численность населения составляет 500 тыс. жителей и более;
- города-миллионники с численностью населения 1 млн человек и более.¹

В соответствии с представленной классификацией наши исследовательские кейсы – городские округа Большой Камень и Спасск-Дальний – относятся к малым городам. Добавим к этому, что Спасск-Дальний имеет статус монопрофильного населённого пункта. При этом он определяется как монопрофильный населённый пункт, где имеется риск ухудшения социально-экономического положения. Также есть ряд населённых пунктов, с которых снят статус ЗАТО – закрытого административно-территориального образования. В частности, с 1 января 2015 г. статус ЗАТО упразднён в отношении населённого пункта Большой Камень. Сейчас это муниципальное образование, имеющее статус городского округа. Поэтому основная цель предпринятого нами исследования состояла в выявлении актуальных проблем, основных тенденций и перспектив развития социокультурного пространства малых городов юга Дальнего Востока.

Анализ изучаемой проблемы мы осуществляли с опорой на данные официальной статистики и качественные социологические методы. В рамках реализации проекта «Малые города в государственной политике пространственного развития России: социальное моделирование региональных стратегий и практик» на территории городских округов Большой Камень и Спасск-Дальний при нашем непосредственном участии в период с 1 по 15 июля 2019 г. был проведён экспертный опрос (экспертами выступили представители администраций указанных городов, депутаты городских Дум, местные журналисты, предприниматели, общественники) и фокус-группы с представителями бизнес-сообщества и местными активистами.

¹ См. подробнее: Система муниципального управления / Под ред. В. Б. Зотова. М.: КНОРУС, 2018.

Состояние и тренды развития социокультурного пространства Большого Камня и Спасска-Дальнего рассмотрены в контексте специфики географического положения, демографических, экономических и бытовых аспектов жизнедеятельности постоянно проживающих там людей.

Социально-экономическое положение любого малого города тесно связано с его географическим расположением. Советское прошлое оставило неизгладимый отпечаток в судьбе многих городов. Плановая экономика позволяла содержать на отдалённой территории завод или хозяйство, которые обеспечивают продукцией всю страну, отсутствие же конкуренции делало территорию жизнеспособной и востребованной населением. Географическая разрозненность и отдалённость территорий страны рассматривались, скорее, как стратегическое преимущество, нежели препятствие для развития государства. Условия же рыночной экономики сделали многие города зависимыми от федерального центра и нежизнеспособными. Рассматриваемые нами малые города – Большой Камень и Спасск-Дальний – не являются исключением.

Если говорить о Большом Камне, то, будучи городом у моря, он, в свою очередь, нуждается сегодня в иных, в том числе и морских пассажирских перевозках. Информанты отмечают транспортную недоступность города, что сказывается на развитии бизнеса и туризма: *«...мы стоим далеко от федеральной трассы, то есть наш город нужно не проезжать, а заезжать, не все заезжают <...> это большой минус, что действительно нужно делать определённый заезд в город...»*. Обосновывая данную удалённость, большекаменцы говорят о том, что, являясь исторически моногородом, строившимся для стратегических целей и задач (обслуживание ремонтной базы боевых кораблей Тихоокеанского флота – прим. авт.), их город нуждался в контроле и обособленности. Отдалённость Большого Камня от общего транспортного потока позволяла обеспечить въездной контроль и поддерживать определённый уровень безопасности внутри города: *«...город, он не просто так построен, для определённых стратегических целей. Удаление на пять километров – это сделано просто для того, чтобы контролировать те или иные процессы, которые происходят внутри города...»*.

Особую роль в развитии города играет, по мнению его жителей, именно морской транспорт. В описании расположения города Большой Камень часто можно встретить такие характеристики: «находится на юге Приморского края, на восточном берегу Уссурийского залива, в 30 километрах к востоку от Владивостока»¹. Но следует отметить, что это морской путь, по суше расстояние от Владивостока до Большого Камня составляет более 100 км, и традиционно дороги в этом направлении, как и в самом городе, оставляют желать лучшего. Этот факт отмечают жители города в своих высказываниях: «...какой бы транспорт вы сюда не поставили, он придёт в негодность по техническому обслуживанию, для любого транспортного предприятия будет губельно, так как нет дорог...». При этом информанты отмечают, что морской транспорт был во времена Советского Союза, дорога до Владивостока составляла 40 минут.

Если в Большом Камне указывают на отсутствие морского сообщения, то в Спасске-Дальнем говорят о необходимости малой авиации, которая, по мнению жителей города, сократила бы путь до краевого центра с трёх часов до 40 минут. Отсутствие таковой связывают с оттоком населения из города: «...в прошлом был маленький аэропорт, местные авиалинии принимали в Спасске, и Спасск отправлял. А сейчас почему нет? Так людей нет, 40 тысяч населения всего осталось...».

Географическая история Спасска-Дальнего связана с озером Ханкай, китайским приграничьем. Приханкайская низменность иногда грозит городу подтоплениями, однако здесь очень благоприятный для сельского хозяйства климат: участники дискуссии упоминают помидоры, клубнику, арбузы, мед и пр. Город вполне мог бы обеспечивать себя и близлежащие районы, но вот с развитием регулярных поставок возникают проблемы: «...трудности вот с логистикой, реализацией, вырастить это можно, вот просто сейчас нет централизованных, так скажем, государственных закупок, раньше привози хоть что <...> например, ты вырастил в ого-

¹ См., например: Территория: Приморский край // Приморская краевая библиотека имени А. М. Горького. URL: <http://old.pgpb.ru/cd/terra/menu/geogr.htm> (дата обращения: 17.03.2020).

роде, репу там, лук, что лишнее, поехал там, заготконтора выкупала всё, абсолютно, что бы мы не привезли. Сейчас нет, и вот люди, частники, на самом деле испытывают трудности в этом плане, много не продашь на рынке...».

Таким образом, географически пригодные для стратегических целей города не готовы выживать в современных условиях рынка, явные географические преимущества становятся препятствиями, требующими дополнительных вложений: дороги, морской и наземный транспорт, очистные сооружения, инфраструктурные и рекреационные объекты.

Выполняя стратегическую функцию на Дальнем Востоке России, многие города имели достойный уровень жизни именно благодаря военному населению. В Большом Камне это были подводники, в Спасске-Дальнем – пограничники. Для них строилось жильё и развивалась инфраструктура, сейчас города переживают острую нехватку данной категории населения.

Жители Большого Камня воспринимают свой город изначально как военный, это – не город-порт как, например, Находка или Владивосток, в которых отмечается большая мобильность людей и высокий товарооборот. Скорее, это – город-верфь, который живёт за счёт постоянного обслуживания морских судов, в том числе и военных. Как отмечают информанты, есть принципиальные отличия города от других прибрежных поселений: *«...отличия есть, тут более тесное поселение, и, в своё время, был более интеллигентный город...»*. Интеллигентность связывают именно с военными, которые имели высокий уровень образования, жили с семьями. Жёны военных работали преимущественно в социальной сфере (в большинстве своём врачами и учителями), соответственно, город имел развитую инфраструктуру детства, которая в настоящее время претерпевает изменения в худшую сторону. Детские сады и школы сегодня стали временным пристанищем для детей: *«...в основном сегодняшние военные – временные. Военные приехали-уехали, дети ходили, и они их забрали <...> это у нас ощущается в детских садах, отток детей ощущается очень сильно. У нас идёт стройка нового детского сада, ещё хотят заложить один, ещё одну школу, а они нам и не нужны будут...»*.

Отрицательные последствия отсутствия военных отмечают и жители Спасска-Дальнего: *«Вернуть военных, вот одной строкой!»* Комментируя такую позицию, участники дискуссии говорили о военных как о потенциальных потребителях товаров и услуг, необходимых для развития экономики. Военная служба гарантирует их привязку к территории, а под них развивается и инфраструктура. Приведём наиболее показательные высказывания: *«...а военные – это значит семьи, это значит – зарплаты <...> эти военные ходили в рестораны, ездили в автобусах, ездили в магазины, снимали номера в гостиницах, на всякий случай, покупали всё в магазинах...»* или *«...потому что военные уже получают хорошую зарплату, они будут платить НДС в бюджет, их жены будут эту зарплату тратить здесь, понимаете, поэтому давайте возвращайте!...»*.

Но при этом отмечается и проблема «военных» земель. И в Большом Камне, и в Спасске-Дальнем часть земли по-прежнему закреплена за военными ведомствами и частями, за счёт чего на эту территорию нет возможностей привлечь инвестиции или развивать инфраструктуру. Руины и разруха в малых городах сосуществуют с развитыми инфраструктурными объектами именно потому, что часть из них принадлежала и принадлежит военным, но активности никакой на этой территории нет. *«У нас земли много было военной, военные ушли, и всё – настала разруха <...> у нас можно снимать фильмы военных лет, все сойдёт за правду здесь...»* – говорят жители Спасска-Дальнего, отмечая частичное разрушение города и образование *«огромных проплешин»* внутри него.

Говоря о развитии социальной инфраструктуры, в частности, о развитии мест детского летнего отдыха, спортивной инфраструктуры и даже кладбищ, информанты из Большого Камня также отмечают несогласованность в земельном вопросе: *«...не могут поделить военные ведомства свою землю, не передают ни муниципалитету, ни федералам, никому абсолютно...»*.

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с некоторым противоречием. С одной стороны, жители сетуют на уход военных из городов, воспринимая их как часть платёжеспособного населения. С другой стороны, «земельное» при-

сутствие военных вызывает негативную реакцию жителей. Учитывая тот факт, что в риторике информантов присутствуют такие категории, как «разруха», «руины», «развалины», «пустота», «проплевшины», жителей малых городов, прежде всего, волнует заброшенность территории.

Если говорить о группах населения, которые могли бы прийти на смену военным, то в общественном дискурсе на федеральном, региональном и муниципальном уровнях часто возникает образ мигранта. Однако жители малых городов воспринимают миграционные процессы, скорее, как негативный фактор и угрозу, нежели как способ развития территории.

Жители Большого Камня, находясь в режиме круглогодичной стройки, так комментируют миграционный вопрос: «...приток, приток идёт рабочей силы, вообще, из других городов <...> они там живут где-то в своих каморках, общежитиях и зарплату увозят домой, а наши каменцы туда не могут попасть, где нормально платят...». Следует отметить, что в Большом Камне очень остро ощущается проблема трудоустройства на судовой верфь. В ходе проведения дискуссии сложилось ощущение, что жители города стали не участниками, а заложниками процесса. О мигрантах говорят как о «засланцах», «оккупантах», которые «маршируют» на работу как армия: «...а статистику сейчас подадут и скажут, что в Большом Камне все зарплаты сто тысяч рублей, понимаешь? Сто тысяч-то получает кто? Чеченцы да китайцы...». При этом, имея ведомственное жильё и другие привилегии, мигранты везут заработные деньги домой, а местные жители остаются ни с чем. Также в нарративах упоминается «отмывание», «освоение» денег, «бесправность» и «зависимость» от происходящего местных жителей: «...рабочие никогда не будут так говорить, потому что это мы можем так говорить (местное бизнес-сообщество – прим. авт.), а рабочие – никогда... они уже об этом не думают, с кредитами бы рассчитаться...».

Учитывая сельскохозяйственную ориентацию Спасска-Дальнего и близость границы с Китаем, город сталкивается с так называемой проблемой «китайского предпринимателя». По мнению представителей бизнеса, к китайским овощным базам предъявляется гораздо меньше требований,

чем к местным: «...если у меня, например, там касса онлайн должна быть, там чеки, то эти шуруют направо и налево без всяких касс, совершенно разный подход...», «...мы должны-обязаны всё выполнять, все трудовые, СанПиНы, пожарные все эти нормы, нести социальную ответственность, а этим вопросов вообще никто никогда не задаёт...».

Наиболее интегрированным показателем оценки уровня жизни местных сообществ является заработная плата. В городском округе Спасск-Дальний среднемесячная заработная плата работников крупных и средних организаций по основным видам экономической деятельности в расчёте на одного работника за 2019 г. составила 38 811 рублей. В то же время показатель уровня заработной платы ниже среднерегионального на 27,6%, темпы роста среднемесячной заработной платы ниже среднерегионального на 1,5%¹.

В Большом Камне в 2019 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в организациях городского округа сложилась в размере 64 168 рублей, показатель уровня заработной платы выше среднерегионального на 9,1%. При этом среднемесячная заработная плата работников бюджетной сферы существенно ниже: в организациях образования – 35 047 рублей; в здравоохранении и организациях предоставления социальных услуг – 45 984 рублей; в учреждениях культуры – 38 386 рублей; физической культуры и спорта – 27 918 рублей².

Но, несмотря на рост заработной платы, сокращается оборот по крупным и средним предприятиям промышленного сектора производства, снижается объём отгруженной продукции, что выступает одним из индикаторов социального неблагополучия. Анализ динамики количества хозяй-

¹ Итоги социально-экономического развития городского округа Спасск-Дальний за 2019 год // Официальный сайт городского округа Спасск-Дальний URL: <http://spasskd.ru/index.php/ekonomikamenu1/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/20392-itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-gorodskogo-okruga-spask-dal-nij-za-2019-g> (дата обращения: 11.05.2020).

² Итоги социально-экономического развития городского округа Большой Камень за 2019 год // Официальный сайт органов местного самоуправления городского округа Большой Камень/ URL: <http://www.bk.pk.ru/life-town/economy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiie-gorodskogo-okruga/economygoal/> (дата обращения: 11.05.2020).

ствующих субъектов показывает, что предпринимательская активность в Спасске-Дальнем также уменьшается. В 2019 г. число малых предприятий снизилось к уровню 2018 г. на 2,3%¹.

Данные официальной статистики также подтверждаются сведениями, полученными нами в ходе экспедиции.

Результаты исследования показали, что все наши информанты самой главной проблемой считают крайнюю бедность населения. Вот показательная цитата от респондентов из Спасска-Дальнего: *«...у меня предприятие обслуживания, гостиница и общепит, ко мне приходят на работу устраиваться горничные, уборщицы, посудомойки, повара. Вот приходят на собеседование, я первый вопрос задаю: какую зарплату хотели бы получить? Отвечают: девять-десять тысяч мне хватит... Ребята, это реальность, потому что в Спасске вообще нет работы...»*. Представители местного сообщества в своих нарративах указывали на отсутствие возможностей для удовлетворения базовых жизненных потребностей. Говорили о том, что у многих жителей не хватает денежных средств на покупку самых необходимых вещей (продуктов питания, одежды и т.п.). Предприниматели отметили, что нет возможностей для развития бизнеса, основная стратегия состоит в том, чтобы удержать имеющиеся ресурсы: *«...улучшений нет, всё очень плачевно <...> значит, что касается там категории малого бизнеса торгового, то сети очень сильно навредили <...> пришли сети торговые, они долго не живут у нас, они через год-два вымирают или меняются, другие заходят, но придомовые магазинчики, которые вот в шаговой доступности, они начали умирать...»*.

Жители Большого Камня также отмечают, что материальное положение горожан ухудшилось с приходом больших федеральных проектов, и связывают это, прежде всего, с тем, что налоги с доходов крупных предприятий, работающих на территории города, не платятся в местный бюджет: *«...строят-то, конечно, хорошо строят, но налоги, хотя бы часть какая-то оставалась бы в казне города, естествен-*

¹ Итоги социально-экономического развития городского округа Спасск-Дальний за 2019 год.

но, у нас были бы лучше дороги, и лучше жизнь, ну, все, что мы хотим...».

Описывая положение дел в сфере малого бизнеса, информанты говорят о снижении покупательской способности, уменьшении среднего чека, росте незаконной торговли со стороны мигрантов, на вопрос «Как вы оцениваете социально-экономическое положение вашего города?» уверенно отвечают: *«Еле-еле выживаем...».*

Среди проблем социальной сферы остро стоит вопрос об организации и возможностях доступа к бесплатной качественной медицинской помощи. Об этом говорят представители общественных организаций и Спасска-Дальнего, и Большого Камня. Так, спассчане отмечают отсутствие врачей узких специальностей: гинекологов, онкологов, кардиологов. Меры, предпринимаемые со стороны власти, по мнению информантов, не оказывают должного эффекта: *«...даже квартиры предоставляют им – не задерживаются...».* Сфера же негосударственных медицинских услуг не развита, так как уровень платёжеспособности населения низкий.

Жители Большого Камня испытывают большие неудобства, связанные с отсутствием городской больницы: *«...у нас тут даже, элементарно, возьмём больницу, все больницы по Приморскому краю принадлежат к райздраву, наша больница принадлежит Москве <...> управы нет никакой, скорая помощь работает, как хочет, врачи работают как хотят, то есть мы с ними никаким образом дружить не можем...».* Отмечают большекаменцы и отсутствие необходимого оборудования и транспорта: *«...у нас остро стоит вопрос по МРТ, люди с инсультами, где идёт счёт на часы, не получают нужного <...> пока вы не определите, какой это тип инсульта, это бесполезно. МРТ – это просто необходимо, то есть именно медицинское обеспечение <...> у нас сейчас вплоть до того, что скорая сразу везёт в Артем (город в 69 километрах от Большого Камня – прим. авт.), где есть МРТ, но опять же, везут работающих, если ты на пенсии – не везут <...> одна рабочая скорая на город Большой Камень, вы можете представить?».*

В целом, характеризуя статистические данные, информанты часто говорят о несоответствии фактов и цифр, используют такие обороты, как: *«...статистика работает на*

пользу москвичей...», «...статистика – это хорошее дело, но она должна быть тоже честной...». В нарративах упоминается также несоответствие между реальным уровнем заработной платы и декларируемым: «...у нас средний заработок-то подогнали они под хорошую цифру, но по факту средняя зарплата, я не знаю, ну, может, тридцать тысяч – это хорошо <...> а статистику показывают – пятьдесят-шестьдесят тысяч».

При этом, как в любом другом территориальном образовании Дальневосточного федерального округа, цены достаточно высокие. В этом отношении показательна цитата молодой девушки-информантки из Большого Камня: *«...я хочу сказать, что я получила два месяца назад диплом о высшем образовании – хореограф-балетмейстер, пошла устраиваться во Дворец культуры, мне сказали, что, ну хорошо, вот семнадцать тысяч и возьмём на полставки, все. Семнадцать тысяч! Что мне с ними делать? Семь тысяч за коммунальные услуги я должна отдать, остаётся десять тысяч <...> Естественно, я планирую отсюда уезжать...».* Данное высказывание характеризует позицию молодого поколения, которое не планирует задерживаться в рассматриваемых нами малых городах и находит в этом поддержку у своих родителей.

Дискутируя на тему «Кто виноват и что делать?», жители малых городов уверены в том, что сами они с текущими проблемами не справятся, помощь и поддержку ждут преимущественно от федеральной власти. Данное мнение объясняет как историю создания городов, так и текущую ситуацию в них. Многие годы государство создавало, питало экономику городов, регулировало потоки населения (командировало военных, распределяло специалистов, создавало рабочие места). Сегодня государство также оказывает поддержку, но одной поддержки недостаточно, важно, чтобы крупные корпорации, инвесторы, местная власть, бизнес-сообщество и общественность были заинтересованы в том, чтобы поддержка нашла своего адресата.

Так, ситуация в Большом Камне характеризуется неоднозначностью процесса политического управления. Принимаемые меры по созданию территорий опережающего развития (ТОР) на примере строительства ССК «Звезда»

ориентированы, по мнению наших информантов, на «освоение денег» и постройку «потёмкинских деревень». При этом взаимодействие с местной властью руководство судостроительного комплекса, по мнению информантов, сознательно ограничивает: «...раньше (советский период – прим. авт.) на планёрку директор завода как штык каждый понедельник приходил и отчитывался о состоянии дел на заводе <...> сейчас мало того, что они сюда не приходят, когда наша власть пытается сделать всё для того, чтобы их хотя бы пригласили к ним туда, на завод, чтобы послушать, узнать, какое положение дел, им отказывают <...> когда они сделали самостоятельную попытку прийти к ним на совещание, их не пустили...».

Местная власть не обладает рычагами давления, соответственно не пользуется авторитетом у местных жителей. Претензии общественности и жителей города руководство ССК не слышит, а местная власть повлиять на это не может: «...потому что, когда мы разговаривали с главным инженером, который отвечает за состояние дороги, и когда я пригрозила, что мы выйдем на губернатора, мне откровенно сказали: «Да на здоровье, пожалуйста, что нам губернатор, мы ему не подчиняемся...». Многие говорят именно о «ручном» управлении процессами в стране и городе. Приведём этому наиболее показательное высказывание, демонстрирующее процесс реализации политических решений: «...у нас ручное управление страной, надо это понимать, проблемы такого масштаба решаются только наверху. И какого вы сюда мэра не ставьте, давайте мы вас завтра поставим, вы не решите ни одной проблемы, это гарантия практически стопроцентная...».

В Спасске-Дальнем у местного сообщества складываются благоприятные отношения с местной властью, осуществляется тесное взаимодействие в реализации государственных региональных и муниципальных программ. Но существенных изменений, по мнению спассчан, добиться невозможно без поддержки города на федеральном уровне: «...здесь нужно уменьшать долю федерального (налога – прим. авт.) и краевого большинства от местного <...> не знаю как, почему, но очень много уходит из города»; «...надо создавать рабочие места, открыть заводы и фабрики...»;

«...это сверху должно быть, разработана программа нашего развития...».

Если говорить о перспективах развития малых городов Приморского края, то сами горожане в качестве таковых отмечают следующие. Во-первых, это реальные возможности для местных предпринимателей участвовать в специальных региональных и муниципальных программах для представителей малого и среднего бизнеса. Наши информанты отмечают, что *«...мы, конечно, не можем запланировать, город поднять и развиваться ...но мы сможем другим способом, если нам дадут возможность в федеральных, региональных, муниципальных программах участвовать, зарабатывать деньги, тогда останутся и рабочие места, и подряды и т.д.»*. Во-вторых, это действенная государственная политика в отношении малых городов. В качестве иллюстрации можно привести следующее высказывание: *«...вообще, вот вопрос, к нашему, допустим, правительству: скажите, мы вам нужны, малые города? Если не нужны, загоняйте бульдозера, нас разгоните, расселите и забудьте ...Если мы нужны стране, вдохните в нас жизнь...»*.

Социокультурное пространство малых городов тесно связано с социально-экономическим развитием территории. Озабоченность местных сообществ существующими проблемами социокультурного пространства демонстрирует определённый потенциал развития поселенческих общностей. В то же время несоответствие глобальных государственных целей социокультурному и ресурсному потенциалу местного сообщества и отсутствие реально действующих механизмов по привлечению таких ресурсов провоцирует закрепление в оценках и суждениях, взглядах и мнениях людей определённой степени неудовлетворённости, обостряющегося «ощущением ненужности», которое отражается в репликах информантов. Стратегия и цели социокультурного развития малых городов, на наш взгляд, должны лежать в основе интересов его жителей и решать насущные проблемы, среди которых первоочередными являются проблемы здравоохранения, образования и досуга.

Состояние и перспективы развития
малых городов Среднего Урала
(регион – Свердловская область)

Общая характеристика малых городов региона
(Свердловская область)

Россия является высоко урбанизированной страной: более 74,59% населения проживают в 1117 городах, среди которых 85% составляют города с численностью населения до 100 тыс. жителей (2020)¹. В 2020 г. в России насчитывалось 794 малых города с населением до 50 тыс. человек² и общей численностью жителей почти 15 млн человек³.

Эти данные наглядно демонстрируют проблему пространственно-территориального расселения жителей нашей страны: малых городов очень много, а населения в них – мало. В подавляющем большинстве малых городов России происходит сокращение населения в целом примерно на 3% в год, при этом, у 48 малых городов демографическая проблема встаёт очень остро: темпы сокращения населения составляют более 3% (по некоторым городам – до 11% в год), что ведёт к угрозе их исчезновения⁴.

Тенденции развития урбанизационных процессов показывают, что нарастают поляризация и диспропорции в развитии малых и крупных городов, т. е. фактически речь идёт о выживании малых городов. Как показывает статистика, численность населения малых городов сокращается, экономический потенциал ослаблен, инфраструктура находится в плачевном состоянии, молодёжь покидает малые города

¹ Список городов России по населению. URL: <https://all-populations.com/> (дата обращения: 02.05.2020).

² Города России. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 02.05.2020).

³ Российский статистический ежегодник / Росстат. 2018. М.: Росстат, 2018. С. 95.

⁴ Концепция Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие малых городов Российской Федерации на период 2015–2020 гг.». URL: <http://mert.tatarstan.ru/file/КОНЦЕПЦИЯ%20ЦП%20МГР.pdf> (дата обращения: 02.10.2019).

по причине отсутствия работы и мест проведения досуга. В то же время, малые города являются теми огоньками жизни, которые освещают и оживляют обширную территорию нашей страны, и многие из них представляют собой исторические центры, сохраняющие память о прошлом. Малые города – это более развитые поселения относительно сельско-деревенской поселенческой среды, что превращает их в центры социально-культурной жизни территории. Тишина и близость к природе – наиболее ценные качества малых городов.

Эти общероссийские тренды подтверждаются примером Свердловской области.

Свердловская область считается одним из самых высокоурбанизированных регионов, так как по численности городов (47) опережает многие другие регионы, уступая только Ленинградской и Московской областям. Область отличается разнообразием типов городов по критерию людности: от малых до крупнейших. Основная доля – малые города, с численностью жителей менее 50 тыс. человек. Таких городов в регионе 35. Восемь из них – это средние города, с численностью населения от 51 до 100 тыс. жителей, а три города можно отнести к крупным и большим. В них насчитывается от 101 до 500 жителей. Один город принадлежит к категории «крупнейший». Это Екатеринбург – столица Урала с населением 1 493 749 чел. (2020 г.).

Как показывает статистика (табл. 12.1), многие малые города области сократили свою численность, при этом темпы сокращения продолжают нарастать: если в 2017 г. таких городов было 15, то в 2019 г. – 27. Определённую стабильность демографических показателей демонстрируют два малых города (Артёмовский, Дегтярск), где сокращение численности есть, но незначительное. В то же время наблюдается рост численности населения пяти малых городов (в Берёзовском, Заречном, Сысерти, Среднеуральске, Арамиле).

На основе анализа данных представленной таблицы возникает два важных вопроса: во-первых, можно ли отнести к городу поселения, численность которых не достигает и 10 тыс.? И почему пять городов региона наращивают свою численность вопреки общей тенденции её сокращения?

Таблица 12.1

**Численность малых городов Свердловской области
в 2010, 2017, 2019 гг., тыс. чел**

Город	2010	2017	2019	Город	2010	2017	2019	Город	2010	2017	2019
Верхняя Салда	47,4	46,2	41,5	Богданович	31,8	31,8	29,1	Талица	16,2	15,9	15,9
Березовский	43,5	51,7	58,7	Северо-уральск	31,1	29,3	25,8	Нижняя Салда	18,0	17,9	17,4
Качканар	42,6	42,6	38,4	Карпинск	28,5	26,6	29,1	Туринск	18,0	17,9	17,1
Алапаевск	41,8	38,2	37,2	Камышлов	28,4	26,9	26,3	Ивдель	17,1	17,8	15,7
Ирбит	41,3	38,4	36,8	Заречный	27,2	26,8	27,8	Дегтярск	15,5	16,1	15,8
Красноуфимск	40,5	38,7	38,0	Красноуральск	27,1	24,9	22,7	Арамилы	15,0	14,2	15,2
Реж	38,7	38,7	36,8	Невьянск	25,1	25,1	22,9	Новая Ляля	13,0	12,4	11,8
Тавда	37,8	35,4	32,9	Нижняя Тура	22,3	21,6	19,5	Верхний Тагил	12,1	11,8	10,7
Сухой Лог	34,8	34,8	33,5	Кировград	22,0	21,9	18,9	Нижние Серги	11,2	11,2	9,1
Кушва	33,0	33,0	27,6	Сысерть	20,6	20,6	21,0	Верхняя ура	10,6	9,5	8,9
Артемовский	32,9	32,9	32,9	Среднеуральск	20,4	20,4	23,6	Волчанск	9,9	10,0	8,7
Верхогурье	7,4	8,8	8,6	Михайловск	9,2	9,2	8,8				

Общепринято считать, что малый город – это поселение с населением до 50 тыс. чел.¹ Однако какова минимальная численность малого города? Где заканчивается малый город и начинается посёлок городского типа? Если обратиться к интернет-источникам, то можно обнаружить такое определение: «Малый город (городок) – это поселение, которое больше, чем сельский населённый пункт, но меньше, чем крупный город. Размер и определение того, что представляет собой малый город, существенно варьирует в разных частях мира»². Действительно, в мировой практике и науке урбанистике нет единого мнения о числе жителей, позволяющем отнести то или иное поселение к типу «город»³. В каждой стране существует некоторая устоявшаяся традиция, позволяющая формализовать типы поселений, выделить города по критерию людности. Численность жителей города является фундаментальным количественным фактором, обуславливающим все остальные его характеристики – экономику, политическую и социальную структуру, его культуру.

В бывшем СССР городом было принято считать поселение с численностью 12 тыс. человек. В настоящее время субъекты РФ самостоятельно устанавливают критерии отнесения поселения к числу городских или сельских (например, в Пермской, Нижегородской области, Башкортостане это – 10 тыс. жителей, в Тюменской – 20 тыс.). Однако большинство субъектов всё же придерживается традиционного подхода, считая, что город начинается с 12 тыс. жителей.

Нечёткость количественных критериев привела к тому, что они порой просто игнорируются. Так, согласно областному закону «Об административно-территориальном устройстве Свердловской области» от 20 мая 1997 г. № 30-ОЗ и его редакций 2001 и 2004 гг., городами считались населённые пункты с численностью населения свыше 12 тыс. чел.,

¹ Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. СП 42.13330.2011. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084712> (дата обращения: 12.02.2019).

² Малый город. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Малый_город (дата обращения: 02.07.2019).

³ Заборова Е. Н. Городское управление: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 296 с.

отнесённые в установленном законодательством порядке к категории города и имеющие свою территорию, ограниченную городской чертой; городские поселения с численностью от 3 до 12 тыс. относились к категории посёлков городского типа. Однако новый Закон¹ полностью заменил количественный подход на качественный: «Под городским населённым пунктом в настоящем Законе понимается населённый пункт, большинство жителей которого занято в промышленности, науке, торговле и (или) связанных с ними отраслях, обладающий индустриальным потенциалом» (попутно заметим, что в мировой практике существуют так называемые аграрные города, что не учитывает вышеназванный закон). Такое достаточно «расплывчатое» определение города позволяет не исключать из списка городов Свердловской области такие поселения, как Верхотурье, Михайловск, Волчанск, Верхняя Тура, Нижние Серги, численность жителей которых не достигает и 10 тыс. чел.

Несомненно, при отнесении поселения к малому городу не следует ограничиваться исключительно количественными критериями. Об этом ещё в 1938 г. писал Л. Вирт, предложивший критерии, позволяющие отличить один город от другого. Он использовал такие понятия, как «размер», «плотность» и «гетерогенность». Размер – это величина социальной и материальной массы (в том числе численность населения); гетерогенность – степень разнородности, инородности элементов; плотность «есть пространственно-структурная форма уплотнения», число жителей, приходящееся на 1 км² территории². Можно сказать, что малый город отличается от крупного пропорциями социальной и людской массы, плотностью и гетерогенностью.

В настоящее время спектр количественных критериев, которыми оперируют отечественные учёные, расширен и включает в себя такие показатели, как протяжённость,

¹ Закон Свердловской области от 13 апреля 2017 г. № 34-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Свердловской области (с изм. на 2 августа 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/446449432> (дата обращения: 02.10.2019).

² Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике: коллективная монография / Отв. ред. Х. Беркинга, М. Лев. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 15.

компактность заселения, наличие общественного транспорта, этажность застройки, степень развития социокультурной сферы и коммунального хозяйства, функции городов.

Другой вопрос – за счёт каких факторов в пяти поселениях региона увеличивается численность населения, в то время как в других сокращается? Ответ таков: все они фактически вошли в состав Свердловской агломерации и стали частью крупнейшего города.

С пространственно-географической точки зрения агломерация – это слияние, сращивание в единое целое не менее двух поселений, расположенных на расстоянии в 1,5 часовой транспортной доступности друг к другу, отличающееся непрерывностью застройки, наличием главного города с общей численностью населения более 100 тыс. человек, интенсивностью ежедневной маятниковой миграции, затрагивающей 10–15% населения. Агломерация – это магистральное направление развития крупных и крупнейших городов как в нашей стране, так и за рубежом. В настоящее время на планете, по некоторым данным, насчитывается более 2600 агломераций. Согласно Стратегии пространственного развития, в России сформировалось около 40 крупных городских агломераций¹. Из стихийно развивающегося, саморазвивающегося, объективного процесс развития агломераций всё более приобретает управляемый характер, его течение берётся под контроль органов власти, воплощается в стратегические проекты, планы, приобретает силу закона.

В этих условиях вопрос о перспективах существования малых городов ещё более обостряется².

Несмотря на некоторую теоретическую нечёткость, малые города исследуются учёными. Среди отечественных ав-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/> (дата обращения: 05.02.2020).

² В качестве эмпирической базы в данной публикации используется материал, собранный в ходе исследования, проведенного в июне-июле 2019 г. кафедрой прикладной социологии УрГЭУ по заказу Центра региональной социологии и конфликтологии ФНИСЦ РАН. Также использованы материалы исследований 2017-2018 гг., выполненные кафедрой по заказу Свердловского фонда поддержки предпринимательства ($n = 256$) и Областного Дома молодежи ($n = 555$).

торов, которые обратились к исследованию малых городов, следует назвать Е. Г. Анимицу, В. Г. Ледяева, В. В. Маркина, И. А. Медведеву, О. Подвинцева, П. Панова, Д. Г. Сельцер, В. А. Сухих, М. Ф. Черныша, А. Е. Чирикову и др.

Экономическая ситуация в малых городах региона

Экономическую ситуацию в малых городах Урала можно понять, если учесть фактор их исторического развития. Градообразование в регионе началось в конце XVI века, когда возник первый и самый старый город Свердловской области Верхотурье, затем в XVII веке возникает семь городов, в XVIII – 23, в XIX – 5, в XX – 11. В отличие от южных городов, расположенных на границах страны, уральские города в своём большинстве (за исключением трёх поселений) на этапе формирования не были городами-крепостями, поскольку регион расположен в центре страны и занимает срединное пространственно-географическое положение. Главной причиной возникновения уральских городов выступало строительство металлургических заводов и добыча полезных ископаемых. Этот фактор действовал в 34 из 47 современных городов региона. Не случайно для описания городов Урала используется термин «горнозаводские города».

И сегодня металлургический кластер играет заметную роль в экономике малых городов региона. Заводы чёрной и цветной металлургии занимают главное место в таких городах, как Богданович, Верхняя Салда, Качканар, Кушва, Североуральск, Красноуральск, Невьянск, Кировград, Нижняя Салда. Со временем в металлургический кластер стало внедряться машиностроение (так, угольная промышленность в городах Карпинск, Артемовский и Волчанск постепенно преобразовывалась в машиностроительную). И в настоящий момент большинство малых городов региона остаются центрами с доминированием в экономике градообразующих предприятий¹, они являются городами моноспециализации (к моногородам относятся населённые пункты, где более 25% экономически активного населе-

¹ Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию Екатеринбург. 2010. С. 476–483.

ния работает на одном градообразующем предприятии либо в едином производственном комплексе, на долю которого приходится более половины объёма промышленного производства). К сказанному следует добавить, что многие города Урала входили в систему оборонной промышленности, а удалённость территории позволяла сосредотачивать в регионе пенитенциарные заведения как общего, так и строгого режима (всего в Свердловской области насчитывается 53 таких учреждений)¹.

Истощение запасов полезных ископаемых и перестроечные процессы резко подорвали деятельность многих градообразующих предприятий, привели к их банкротству и к настоящему моменту многие из них так и не восстановились (Алапаевск, Красноуфимск, Реж, Тавда, Карпинск, Камышлов, Дегтярск, Верхотурье и др.).

Города-заводы традиционно концентрировали вокруг себя все виды социальных отношений и социальных структур (при заводе создавались собственные поликлиники и больницы, детские учреждения, пожарные команды, завод строил и содержал собственный жилой фонд и др.). Умирал завод, умирал и город. Исчезновение, прекращение работы градообразующих предприятий или сокращение темпов их развития сказалось на развитии всех прочих городских процессов, завод оказывал как прямое, так и опосредованное влияние на жизнь города.

Небольшие масштабы поселений, минимальная людская масса в малых городах означает, что в них нет разнообразия промышленных предприятий и большого количества социально-культурных учреждений. Это нередко – моногород, в котором расположено одно градообразующее предприятие, но оно, как правило, не рентабельно в силу своей маломощности и не может конкурировать с более крупными предприятиями, что не позволяет малым городам накапливать большие ресурсы и привлекать инвестиции, у них низкий инвестиционный потенциал. В Свердловской области насчитывается самое большое количество моногородов (33), большинство из которых – малые².

¹ Тургель И. Д. Указ. соч. С. 485.

² Более подробно см. Тургель И. Д. Указ. соч.

В настоящее время экономика малых городов находится под влиянием трёх внешних факторов – агломерационных процессов, территориальной экспансии сетевого бизнеса и глобализационных процессов.

Активное проникновение на территории малых городов федеральных и региональных сетевых структур началось в 2006–2007 гг. и в настоящее время они функционируют во всех сферах городской жизни. В уральских малых городах особенно много таких фирм в сфере торговли и обслуживания («Пятёрочка», «Магнит», Сбербанк и т.п.). Они, будучи зарегистрированными в других городах, не платят налогов в местную казну, тем самым слабо влияют на развитие муниципальной инфраструктуры, хотя, конечно, их присутствие благоприятно для удовлетворения потребностей местного населения. Не всегда эти предприятия привлекают и местную рабочую силу, предпочитая принимать работников (особенно «топовых») из других поселений.

О влиянии глобализационных процессов красноречиво говорит пример Среднеуральска. Среднеуральская ГРЭС (гидроэлектростанция – прим. авт.) – российская энергетическая компания, созданная в результате реформы РАО ЕЭС России. Её полное наименование – публичное акционерное общество «Энел Россия». Компания зарегистрирована в Екатеринбурге, центральный офис находится в Москве, а 56% компании принадлежит итальянской группе Enel. Из интервью эксперта из Среднеуральска: *«Бренд был Среднеуральская ГРЭС. Орден Ленина во время Великой Отечественной войны. Орден в мирное время. Сейчас купили станцию итальянцы. Бренда нет... у нас весь город там работал. Сейчас там итальянцы. Оптимизируют с каждым годом, всё меньше людей работает».*

Говоря о передаче бывшей социалистической собственности в руки иностранного капитала, информанты вспоминают также социальную ответственность предприятий того времени перед своими работниками: *«Умирает СУЗМК (бывший Среднеуральский завод металлоконструкций, на базе которого создано АО «СУЗМКЭНЕРГО» – прим. авт.), его разобрали по частям и закрыли. У каждого предприятия были свои детсады, были летние и зимние лагеря, сейчас же дети на улице»* (представитель малого бизнеса г. Среднеуральск).

Как показали наши исследования, большинство экспертов оценивают на «удовлетворительно» социально-экономическую жизнь в малом городе, хотя есть и отдельные оценки типа «неудовлетворительно». Никто не оценил этот фактор на «высоко» и «отлично». Глава городского округа Среднеуральск отмечает: *«Отсутствие серьёзных крупных предприятий... Производства никакого нет. Кто сейчас придёт – непонятно. Без инвестиций со стороны областной власти, федеральной власти ничего не будет»*. Малые города России находятся в зависимости от политической воли центральных (федеральных) и региональных властей, чаще всего это касается вопросов масштабного финансирования строительства производственных и иных объектов.

Занятость жителей обследованных малых городов по сравнению с другими малыми городами региона и с соседними субъектами РФ оценена как средняя, в то же время, более тяжёлая, если сравнивать с аналогичными городами России. *«У нас не совсем плохо, но все хотят лучше. Жизнь спокойная, это как спальный район, зелёный цветущий город. Для людей здесь хорошо жить. Только работы здесь нет. Едут в другие города. Для молодёжи нет техникумов, вузов, только школы, но и их не хватает»* (эксперт из бизнеса, г. Среднеуральск).

Среди основных проблем, которые требуют решения, в качестве наиболее важной была отмечена *«занятость трудоспособных профессиональных групп с достойной оплатой труда»*. Доходы населения оценены как низкие. Особо остро стоит проблема занятости молодёжи.

В финансовом плане в малых городах преобладает трансфертная политика, инвестиционная, направленная на их развитие, однако развитие городов идёт слабо.

Политическая сфера малых городов

Следует сказать, что традиционно в центре внимания отечественных учёных находятся властно-управленческие отношения на уровне регионов, вопрос о власти в малых городах изучается значительно реже¹.

¹ Чирикова А. Е., Ледаев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105.

А. Е. Чирикова и В. Г. Ледяев в своей работе¹ дают обзор методологических подходов зарубежных авторов к исследованию власти в городских сообществах и обобщают результаты их исследований. Авторы анализируют труды таких учёных, как Ф. Хантер, Р. и Х. Линд, Р. Даль, Р. Престус, Д. Миллер, Х. Молотч и др. Отмечается, что зарубежные авторы подходят к исследованию власти в городских сообществах с точки зрения позиций основных социальных акторов – власти (политические лидеры, мэр и его ближайшее окружение), бизнеса (бизнесэлит), населения. Авторы отмечают, что типичным можно считать не только набор действующих акторов, но и ситуацию, когда «...непосредственное влияние на процесс принятия решений оказывает небольшая группа людей. Некоторая часть городского сообщества оказывает косвенное влияние, поскольку при выборе политического курса и его реализации учитываются её интересы. Однако большинство жителей города непосредственно не влияют на политический процесс»². Экономическая дифференциация способствует формированию плюралистической модели власти, тогда как в монопрофильном городе более вероятно движение в сторону господства отдельных элит (как политических, так и экономических), образуются различные коалиции акторов.

Учитывая эти теоретические положения, представляется интересным сравнить их с процессами, которые протекают в наши дни в городах Урала.

Муниципальная власть малого города представляет собой комбинацию разных элементов: мэр, его команда, администрация, городская Дума. Реальная власть в малом городе может принадлежать не муниципалитету (или не только муниципалитету), но и другим силам (бизнесу, в том числе иностранному бизнесу, общественности, средствам массовой информации). Как правило, это не весь бизнес и не вся общественность, а его наиболее активная часть.

На развитие малых городов влияет множество факторов, среди которых вопрос о власти принадлежит к числу фунда-

¹ Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

² Там же. С. 17.

ментальных, определяющих все другие вопросы. Качество власти, в свою очередь, во многом определяется системой выборов главы города и его стилем управления.

До недавнего времени во многих малых городах Урала существовала модель, при которой глава города³ выбирался населением. В настоящее время, согласно принятой практике, выборы главы проводит специальная экспертная комиссия, в которую входят как представители думы, так и администрации. Насколько эффективна данная модель?

Большинство экспертов утверждают, что модель местного самоуправления, при которой глава города выбирается по конкурсу, не подходит для малых городов Урала. Причина в том, что жители малых городов, как правило, хорошо знают своих активных граждан и хотели бы видеть во главе города человека, которому они доверяют. Можно сказать, что *«город маленький, скорее даже, это большая деревня, где все-все друг о друге знают – кто когда родился, на ком женился, кто чем занимается... Практически все жители заявляют сегодня о том, что хотели бы видеть во главе города своего, местного – родившегося и прожившего здесь человека, известного, пользующегося поддержкой и авторитетом среди населения. Того, кто знает и понимает проблемы жителей муниципалитета, знаком со спецификой руководства в сфере местного самоуправления и говорит с людьми на их языке»*⁴.

Эксперты считают, что *«народ должен принимать участие в выборе местной власти», «Механизм выборов по конкурсу представительным органом не эффективен, не отражает интересы населения». «Глава города у нас выбирается по конкурсу представительным органом. Я считаю, что это только вредно. Как пример, конкурсная комиссия может быть подобрана под определённого кандидата. Ощущается партийное давление (Единой России). Конечно, создаётся видимость выборов – у нас было восемь*

³ По закону Свердловской области выбранный руководитель муниципального органа называется главой муниципального образования, а не мэром.

⁴ В Среднеуральске «пахнет дымом»... После досрочной отставки мэра жители всерьез опасаются, что власть в городе перейдет... к местной «управляшке»: Вести Урал: [веб-сайт]. 25.01.2019. URL: <http://vedomosti-ural.ru/notes/71170/> (дата обращения: 06.08.2019).

кандидатур» (председатель общественной организации ветеранов (пенсионеров) г. Среднеуральск).

Избранный народом глава города более тесно связан с населением, в какой-то мере ответственен перед ним (хотя бы формально), в то время как избранный комиссией более склонен к изоляции от населения и обычно разделяет ценности бизнеса¹.

В то же время ряд экспертов считают, что в модели выборов главы города через комиссию есть свои плюсы. Во-первых, эта модель уже широко распространена по всей области и тем самым в некоторой степени оправдана практикой. Во-вторых, выбранный глава подотчётен Думе, тем самым Дума берёт на себя часть ответственности за него. Взаимодействие между главой и членами Думы в этом случае строится на более доверительной основе, что в целом способствует повышению эффективности работы Думы.

Следует сказать, что в случае всенародных выборов городских депутатов или главы города всё упирается скорее в социально-психологическое состояние населения, в его эмоциональные реакции, формирование атмосферы доверия к власти (что, несомненно, очень важно), чем в гарантию правильности выбранного мэра. Нередко выбранный народом мэр оказывается далеко не самым лучшим руководителем, а порой, мошенником. Так, в г. Среднеуральск решение о переходе от прямых выборов главы городского округа к его назначению членами экспертной комиссии было принято депутатами городской Думы в конце 2015 г. До этого периода глава выбирался всем населением. При этом правление трёх всенародно выбранных мэров заканчивалось уголовными делами и их «посадками». Так, экс-мэр, руководивший городом в 2004–2008 гг., был дважды судим за злоупотребления служебным положением; громким уголовным делом завершилась чиновничья карьера вице-мэра 2008–2012 гг. Аналогичная ситуация произошла с мэром 2012–2016 гг., приговорённым к 7,5 годам заключения и крупному штрафу за злоупотребление служебным положением (ущерб бюджету города и области составил почти на 62 млн руб.).² Повторим, что все они были избраны

¹ Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Указ. соч. С. 37.

² В Среднеуральске «пахнет дымом»...

населением. Обладая возможностью активно вмешиваться в рыночные отношения, городская власть сама фактически превращается в местный бизнес или содействуют подконтрольному им бизнесу.

Почему же так происходит? Почему население ошибается даже в хорошо известном человеке? На наш взгляд, можно назвать несколько причин такой ситуации. Внутренний мир человека – тайна для людей сторонних, его внешнее поведение может быть только маской, ролью. Кроме того, человек меняется, и иногда, под воздействием обстоятельств, меняется существенно. Особенно явно это происходит, когда человек подвергается испытанию «медными трубами» и властью. Попадая во власть, он оказывается в жёстко заданных условиях существования, которые нередко направляют его в сторону нарушения законов, к противоправным действиям. Вновь выбранный управленец встаёт перед нелёгким выбором: «Брать или не брать? Давать или не давать?». Человек нередко социально «мутирует» и ведёт себя совсем не так, как он вёл себя ранее. Вот почему только реальная практика управления показывает, верным или неверным был выбор избирателей.

При всём при этом, полное отстранение населения от участия в выборах ещё более опасно, и его последствия могут быть весьма негативными: в результате население не признает нового главу и отвергнет его инициативы, не сможет доверять его решениям и может оказать как скрытое, так и открытое сопротивление. Кроме того, когда население отстраняется от участия в выборах, то бразды правления подхватывают иные силы: бизнес или региональная власть.

В многочисленных публикациях, касающихся малых городов, в качестве аксиомы говорится о слабости местного бизнеса и отсутствии внутренних стимулов для развития экономики. По оценке экспертов региона, в исследованных нами городах местное бизнес-сообщество организовано и достаточно активно, хотя оценки экспертов отличаются в отношении крупного и малого бизнеса. Выше среднего оценено влияние крупного частного иностранного и отечественного бизнеса (торгового, производственного, финансового) на инвестиции в реальный сектор экономики, обеспечение занятости на местном рынке труда, поддержку социальной сферы (образование, медицина, культура, спорт,

социальная защита). Однако его влияние на приоритеты городского развития оценено скорее как слабое («*крупный бизнес скорее отстраняется от участия в развитии города*»).

С другой стороны, роль малого и среднего бизнеса в малых городах расценивается иначе: его вклад в инвестиции и влияние на приоритеты городского развития оценены как «слабая», в поддержке социальной сферы – как «средняя», а влияние на занятость на местном рынке – как «высокая» («*малый бизнес предоставляет рабочие места*»). Респонденты ответили, что особых преград для развития малого и среднего бизнеса нет, однако проблем и трудностей много, условия его существования достаточно сложные. Информант из бизнес-сообщества Среднеуральска отмечает наличие большой дистанции между крупным и малым бизнесом: «*Мы не взаимосвязаны, как на Западе. Торговые сети не принимают участия нигде. Крупный бизнес задавливает мелкий. Малый бизнес скоро будет закрыт*».

Крупный бизнес, представленный филиалами или фирмами с участием иностранных владельцев, нередко отстраняется от участия в жизни города или помогает ему по минимуму. В то же время, есть и другой сценарий развития событий, при котором крупный бизнес стремится занять лидирующие позиции во власти, поскольку последняя диктует правила игры, столь важные для выживания бизнеса. Он делает это двумя путями – либо своим непосредственным участием в работе местной власти (бизнесмен становится депутатом или мэром города), либо лоббируя свои интересы через других депутатов, которых они поддерживали во время выборов.

В Среднеуральске бизнесмены градообразующего предприятия ООО УК «РЭМП-Среднеуральск» заявили свои права не только на управление жилыми домами среднеуральцев, но и попытались монополизировать власть в городском округе. Закон позволяет представителям бизнеса становиться и депутатами, и руководителями представительных органов, и главами города (мэрами). Однако слияние в одно целое РЭМП, Думы и Администрации – это сращивание бизнеса и власти, что является залогом коррупции. «*...Мотив достижения собственного благополучия является едва ли не наиболее распространённым в пространстве локальной политики, где имеется широкий диа-*

пазон возможностей использования служебного положения и (или) связей с носителями публичной власти для личного обогащения»¹. Возникает так называемый «государственный хищник» – чиновник, чьи личные интересы доминируют над общественными.

На муниципальную власть в малых городах оказывают влияние региональные и федеральные власти, при этом именно региональная власть оказывает наиболее сильное воздействие. Особо ярко давление проявляется в таком вопросе, как формирование органов власти местного самоуправления, включая главу города, бюджет и инвестиции. Большая часть бюджета малых городов наполняется из регионального бюджета.

Какими способами местная власть малых городов взаимодействует с региональной властью? В первую очередь, с помощью каналов получения денег – это попадание в областные или федеральные программы, в которые нужно успеть «заявиться». *«Однако, если вы попали в программу, то затем возникает вопрос софинансирования. В этом случае нужен союз местной администрации и региона, или региона, местной власти и частного бизнеса. При этом региональная составляющая все же преобладает»* (представитель администрации г. Среднеуральск).

Другой канал решения проблем малого города – это лоббирование интересов через своих депутатов, избранных в областное законодательное собрание.

Внимание к малому городу со стороны региональной власти также обусловлено тем, какие предприятия и объекты расположены на территории малого города с точки зрения их роли в областной политике, развитии региона. Так, например, г. Ирбит – город с определённой историей. *«В нём проходила знаменитая Ирбитская ярмарка, в настоящий момент расположены предприятия, эвакуированные (во время войны – прим. авт.) из Москвы и Ленинграда. Это позволяет создать некий ореол славного исторического прошлого. На этом акценте местные власти пытаются привлечь инвестиции для реконструкции зданий, ремонта объектов коммунального хозяйства, дорог»* (эксперт, представитель бизнеса, г. Ирбит).

¹ Чирикова А. Е., Ледаев В. Г., Сельцер Д. Г. Указ. соч. С. 103–104.

Что касается власти федеральной, то большинство респондентов считает, что она слабо учитывает особенности и возможности малого города в бюджетных вопросах, в инвестиционной политике, в организации территориальной производственно-экономической деятельности, в развитии социальной сферы, и только на кадровую политику оказывает среднее или даже сильное влияние (своим примером, вертикалью власти, ручным управлением). Федеральная власть принимает решения, касающиеся малых городов, однако их реализация нередко до самих городов не доходит. Так, на федеральном уровне принято решение о ликвидации ветхого жилья, однако расселить людей должны местные власти, а у них бюджет ограничен. Деньги на решение этой проблемы может выделить областной бюджет, у которого в подчинении таких городов много, так что в результате решения проблемы так и не происходит.

Невозможность реализации принимаемых федеральной властью решений приводит к ощущению непродуманности, неправильности этих решений, вызывает раздражение населения малых городов, снижает доверие к государственной власти.

С одной стороны, местные власти хотели бы быть независимыми и самостоятельными, с другой – при отсутствии сил и средств, увязнув в многочисленных проблемах, они вынуждены обращаться в вышестоящие инстанции за помощью и поддержкой, при этом идут они в вышестоящую власть как просители. В целом, респонденты отметили, что распределение властных полномочий по вертикали город–регион–федеральный центр ещё далеко от идеала, но в то же время не является особым препятствием для развития города.

По мнению экспертов, уровень организованности и активности местного гражданского общества оценивается как средний, в то же время как потенциал социальной активности – высокий и проявляет себя в экстренных ситуациях. Мнение Председателя Общественной палаты г. Среднеуральск: «Активность горожан меня поразила во время конфликта Думы и главы города. Активность горожан высокая. И притом, нет никаких шкурных интересов, они выступают перед людьми, говоря о проблемах всего города».

Возможные перспективы развития малых городов Урала

Существует две интерпретации факта сокращения (или даже исчезновения) малых городов. Высказывается мнение, что исчезновение малых городов – это естественный процесс создания глобального города. Более высокий жизненный уровень в крупных городах и агломерациях, постоянное наличие работы, лучшее качество жизни, благоприятные условия для образования, отдыха и пр. – всё это с неизбежностью приведёт к усилению миграционных оттоков в сторону крупных городов, в результате ожидается «обезлюдивание» прилегающих территорий. Люди покидают депрессивные территории, поскольку в них невозможно построить объекты такого же качества, создать комфортную среду проживания аналогичную крупным городам-центрам. Ещё в 2011 г. министр экономического развития РФ Э. Набиуллина заявила, что в России вряд ли удастся сохранить жизнеспособность всех малых и средних городов, в ближайшие годы из них переселится в крупные города примерно 15–20 млн чел., а поэтому необходимо планировать городскую политику с учётом именно этого фактора¹.

Представители противоположной точки зрения настаивают на необходимости сохранения малых городов и упрекают правительство в нежелании взять на себя ответственность за их будущее².

Исходя из приведённого выше анализа и выявленных трендов по региону Свердловская область (нарастают агломерационные системы, малые города сокращают свою численность), можно было бы сделать следующий вывод: в будущем все малые города исчезнут, возникнет единый мировой город. Эту идею нельзя назвать новой. Греческий теоретик градостроительства К. Доксиадис (1914–1975) высказал идею экуменополиса – единого города для всего человечества, который покрывает все пригодные для проживания континенты. Сторонником этой идеи также был

¹ Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной // Независимая газета. 2011. 9 декабря.

² Воробьева Л. А., Карпенко Е. В. Особенности развития малых городов // Региональное управление и местное самоуправление. 2017. № 2. С. 3–8.

А. Тойнби, считавший, что ускоренный рост агломераций приведёт к формированию мирового города.

Однако для более точной оценки стратегических перспектив развития урбанизационных процессов мы должны учесть ещё два фактора: противоречивость современных крупных городов и развитие информационно-цифровых процессов.

Город – это единство противоположностей, «одновременность неоднородного». Хорошо известны положительные стороны крупных городов – это центры концентрации власти, финансов, образования, науки, культуры, промышленности, населения, центры транспортных потоков. Город предоставляет человеку разнообразие возможностей – океан информации, товаров, мест приложения труда и развлечений. Города – это застывшая, материализованная форма прошлой и настоящей активности человека. Но при этом у него есть и отрицательная сторона – множество проблем (экологических, транспортных, жилищных, информационных и многих других). Отрицательные стороны города приводят к тому, что уже сегодня мы наблюдаем явление дезурбанизации – стремление людей покинуть крупные города и проживать в его близости (в этом заключается одна из причин роста агломераций).

Ещё одной тенденцией, оказывающей своё влияние на урбанизацию, следует назвать стремительное разворачивание информационно-цифровых процессов, которые существенно модифицируют и даже нивелируют классические преимущества крупных городов.

Так, важной функцией города является его финансовая функция. Однако сегодня подавляющее число банковских операций можно произвести, не выходя из дома, когда широко распространены интернет-банки. Некоторые эксперты заявляют, что банки превращаются в IT-компании с банковской лицензией.

Аналогичные процессы происходят во всех сферах города, затрагивают все его функции. Так, города – это центры торговли. Сегодня огромную популярность получила Интернет-торговля. В 2018 г. рынок Интернет-торговли увеличился почти на 60%, показав лучший прирост почти за 10 лет.

Интернет-технологии затрагивают и сферу труда. Всё более очевиден тренд на внедрение робототехники, появляется всё больше профессий, содержание деятельности которых позволяет выполнять работу дистанционно. По прогнозам, в 2020 г. пятая часть россиян будет работать удалённо¹. К сказанному можно добавить бурные процессы в сфере образования (нарастание онлайн форм обучения, которые не требуют непосредственного присутствия человека в аудитории), онлайн консультации в медицинской практике, возможность онлайн голосования и оформления документов в сфере политики. Огромные изменения произошли и в сфере культуры: Интернет позволяет людям приобщаться к театрам, концертам, выставкам, читать книги, общаться, не выходя из дома, минуя пространственное нахождение в рамках города. Конечно, не все эти процессы являются однозначно положительными; как это всегда бывает, у каждой медали есть обратная сторона. Но нас в данном случае интересует только один аспект: это то, как информационно-цифровые процессы скажутся на урбанизации.

Наш вывод таков: крупные города теряют свои исторические преимущества и постепенно уйдут со сцены, малые и средние города получают шанс к реновации.

Т. А. Верещагина, П. Я. Дегтярев, А. И. Тюнин выделили четыре сценария качественного стратегического развития малых городов Челябинской области: 1) малые города – центры прилегающих к ним сельскохозяйственных территорий (развитие перерабатывающих отраслей, сферы обслуживания); 2) малые города как центры размещения цехов и филиалов головных предприятий больших городов; 3) малые города как центры науки и высоких технологий; 4) малые города – центры туризма и рекреации². Предложенная авторами схема, на наш взгляд, применима и к другим регионам Урала. Но, как представляется, её необходимо дополнить ещё одним, пятым вариантом – малые города как элементы агломерации.

¹ Технология и медиа. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/06/2015/ (дата обращения: 03.02.2020).

² Верещагина Т. А., Дегтярев П. Я., Тюнин А. И. Кризис традиционной модели развития малых городов // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3(413). Экономические науки. Вып. 60. С. 58.

Особо следует обратить внимание на потенциал малых городов с точки зрения неоиндустриализации. Мы согласны с выводом авторов, что районные центры (а это в основном малые и средние города) – «это в массе своей индустриальные города, трудовой потенциал которых гипотетически может быть использован при реиндустриализации России»¹. Особенно активно могли бы в этом случае развиваться города, имеющие статус ЗАТО, которые могли бы стать наукоградами. В настоящий момент насчитывает более 70 точек локализации², которые можно отнести к наукоградам, и их распределение, по нашим подсчётам, выглядит следующим образом: 36,6% – малые города и районы городов; 26,8% – средние города; 15,5% – большие; 2,8% – крупные.

Оценивая перспективы развития малых городов, наши респонденты в своём подавляющем большинстве высказались за сохранение и развитие малых городов. *«Москва – большой город, но он – не резиновый. Малые и средние города тоже нужны, как опорные пункты».* *«Малые города нужны. Куда сельское население поедет? Та же больница в городе, сюда все едут с округа...»* (эксперт из бизнеса, г. Ирбит). Председатель Общественной палаты г. Среднеуральска: *«Все малые города в обязательном порядке надо сохранить. В малых городах особая психология людей. Мы теснее, ближе к власти. Здесь сохраняются истинные человеческие отношения. Мы близко друг друга знаем. У нас общечеловеческие ценности сохраняются».*

Однако вопрос о том, как это сделать, остаётся дискуссионным. Так, Председатель Общественной палаты г. Среднеуральск считает, что для того, чтобы *«малые города могли развивать производства, рыночная экономика не подходит. Все эти банкротства, та же птицефабрика который раз банкротится».* Эксперт из бизнеса, Ирбит: *«Но конкретно по каждому городу нужно принимать отдельные решения. Конечно, историческое и культурное наследие нужно принимать во внимание. Но в любом случае, любой город нужно оценивать – стоит ли его содержать, или лучше его*

¹ Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцатъ лет спустя. М.: Изд-во «Весь мир», 2018. С. 37.

² Обзор крупнейших наукоградов России: URL: <https://viafuture.ru/privlechenie-investitsij/naukogrady-rossii> (дата обращения: 10.02.2019).

перенести». *«Сейчас нужна тема, которая бы удерживала людей. В советское время Ирбит был самодостаточный город. Были разные заводы: мотозавод, пивзавод, водзавод, мебельная фабрика».* Мнение эксперта-общественника из Среднеуральска: *«Поднимался вопрос присоединения Среднеуральска и Верхней Пышмы к Екатеринбург. Жители выступили против. Но я думаю, этот вопрос будет снова подниматься, силой затолкают».* *«Было предложение от главы Атомстройкомплекса, чтобы перенести из центра Екатеринбурга в северные части города многие предприятия, что было бы неплохо».*

У жителей малых городов наблюдается определённого рода ностальгия по тому времени, когда было мощное предприятие в их населённом пункте. Поэтому жители говорят о реставрации старого производства: *«Было бы здорово, если бы восстановили мотозавод. Сегодня там работает небольшое количество человек: около сотни, а ранее десять тысяч. И они сейчас работают на заказ. Сейчас это разрозненная структура. В России нет мотозаводов. Ирбит был городом мотоциклов, были даже соревнования. Сейчас осталось очень мало мотоциклов»* (представитель бизнес-сообщества г. Ирбит).

На наш взгляд, у малого города много достоинств: это более тесная связь с природой, более спокойный ритм жизни, у многих малых городов богатая история. Именно поэтому малые города следует сохранять. Главное в этом процессе – политическая воля, поиск идеи (актуальной специализации, создающий приток инвестиций, точку экономического роста) и наличие хороших коммуникаций с другими поселениями. Объективно к возрождению малых городов подталкивают современные информационно-цифровые процессы.

Малые города Урала, как и многие другие города страны, переживают тяжёлые времена. Перспективы их развития во многом будут зависеть от того, какие решения будут приняты на федеральном уровне и как реализует эти решения власть региональная и власть муниципальная. На территории региона Свердловской области есть социальный потенциал для того, чтобы малые города продолжили своё существование и вносили свой вклад в развитие России.

Миграционные потоки в малых городах Нижегородской области: факторы, направленность, динамика

Социально-экономическое развитие региона во многом определяется составом, структурой и движением населения, от которого, в свою очередь, зависят объём трудовых ресурсов, потребление товаров и услуг. Эффективная корректировка направленности и динамики социально-экономических процессов предполагает адекватное понимание демографической ситуации, позволяющее принимать обоснованные решения по её изменению. Необходимо учитывать, что демографические процессы протекают медленно, подчас незаметно, вместе с тем, длительное накопление изменений в ходе этих процессов может вести и нередко приводит к необратимым последствиям. Представляется вполне обоснованным предположение, что социально-демографическая ситуация в малых городах современной России чревата именно такими последствиями.

В выступлении на форуме «Развитие малых городов и исторических поселений» важное заявление сделал губернатор Нижегородской области Г. Никитин: «Мы должны сделать так, чтобы уезжать из малых городов не хотелось»¹. Однако подобные заявления представителей власти, к сожалению, не могут восприниматься иначе, как благие пожелания на фоне реальных процессов, протекающих в малых городах.

Следует подчеркнуть, что эксперты давно делают весьма тревожные выводы о направленности, динамике, последствиях миграционных процессов в современной России: миграция в стране носит выраженный центростремительный характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москву, Санкт-Петербург, в пределах каждого региона население стремится в региональные столицы, представленные крупными городами, концентрирующими многие виды ресурсов. Глу-

¹ *Спицин А.* Всероссийский форум «Развитие малых городов и исторических поселений» стартовал в Нижегородской области. Знамя труда. Шахунья. 24.10.2019. URL: <http://moyaokruga.ru/znamiatruda-niz/Articles.aspx?articleId=298566> (дата обращения: 21.02.2020).

бинка, к которой относятся малые, средние города и сельская местность, теряет население, прежде всего – молодёжь (наиболее активно мигрируют люди в возрасте 17–19 лет по окончании средней школы)¹. Больше всего молодёжи теряют города и муниципальные районы², расположенные на большом удалении от региональных центров, для которых характерна самая негативная динамика численности населения³.

Многие эксперты фиксируют закономерность и необратимость этих процессов: слишком плотная цепь критических исторических событий не позволила населению малых городов и их институций адаптироваться к быстротекущим и, в своей основе, радикальным переменам⁴. Р. Ткаченко констатирует: мы видим последствия внутренней миграции, когда люди уезжают из малых городов, у которых нет перспектив развития, где нет экономических стимулов оставаться⁵. В. Елизаров отмечает, что сокращение населения в малых городах было, есть и, скорее всего, будет продолжаться⁶. Поставщиками населения в крупные города были отчасти сельская местность и, в большей степени, малые города, где царит депрессия, где сокращаются рабочие места и возможность получать достойные доходы. И. Белобородов делает попытку объяснить логику этих процессов: сначала донорами рабочей силы были села и деревни, а затем к это-

¹ Мкртчян Н. В. Миграция молодёжи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.

² Мкртчян Н. В., Кашницкий И. С. Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север // Потенциал ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта: коллективная научная монография / сост. Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова; науч. ред.: Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова. М.: Логос, 2014. Гл. 3. С. 123–139.

³ Karachurina L., Mkrтчyan N. Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990-2000s. Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2015. № 28. P. 91–111. DOI: 10.1515/bog-2015-0018

⁴ Яницкий О. Н. Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 57–58.

⁵ Как вымирает Россия. РОСБАЛТ. 10 июля 2019 г. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2019/07/10/1791243.html> (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ Там же.

му процессу подключились малые города. Сейчас мы видим тенденцию к концентрации населения в мегаполисах, городах-миллионниках. Это было закономерно, и, судя по всему, этот процесс будет продолжаться¹.

Существует и другая точка зрения на эти процессы, которая весьма слабо представлена в СМИ и в ходе дискуссий в экспертном сообществе. В частности, Ю. В. Павлов утверждает, что не существует модели управления городской агломерацией, которая всегда является более эффективной для всех объектов². Институт демографии, миграции и регионального развития, занимающийся разработкой Доктрины развития малых городов³, игнорируя позицию подавляющего большинства экспертов, недавно объявил о начале реализации программы развития малых городов и районов России, в рамках которой, в частности, ведётся работа с инициативными группами малого города Чкаловск и села Новинки Нижегородской области⁴.

Таким образом, существующие подходы к проблеме малых городов весьма противоречивы: на уровне официальных выступлений руководителей разного уровня декларируется позиция, которая слабо отражается в ходе дискуссий в экспертной среде и не подтверждается практическими шагами, направленными на изменение реальной ситуации в малых городах. Это противоречие проявляется в социально-демографической ситуации, направленности и динамике миграционных потоков в малых городах Нижегородской области. Следует подчеркнуть, что проблемы сохранения и развития малых городов имеют свои особенности, без глубокого исследования которых нельзя повысить эффективность управленческих решений.

¹ Как вымирает Россия. РОСБАЛТ. 10 июля 2019 г.

² Павлов Ю. В. Влияние численности населения на экономическую эффективность модели управления городской агломерацией // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 3. С. 92–104.

³ К разработке Доктрины развития малых городов. Институт демографии, миграции и регионального развития. 6 января 2012 г. URL: <http://www.idmrr.ru/news/00545.html> (дата обращения: 15.02.2020).

⁴ Программа развития малых городов и районов России. Институт демографии, миграции и регионального развития. 12 марта 2020 г. URL: <http://www.idmrr.ru/programms/00746.html> (дата обращения: 15.02.2020).

Численность постоянного населения Нижегородской области на 1 января 2019 г. составила 3214,6 тыс. человек, а на 1 октября 2019 г. – 3206,7 тыс. человек (снижение – 0,2%). В целом по области уровень смертности превышает уровень рождаемости в 1,6 раза. По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в январе-сентябре 2019 г. на 3,8% уменьшилось число умерших, и на 9,4% уменьшилось число родившихся, естественная убыль увеличилась на 7,0%. Коэффициент миграционной убыли населения Нижегородской области за январь–сентябрь 2018 г. составил 7,5 на 10 000 населения¹.

В Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года среди ключевых проблем и ограничений развития названы: относительно высокий уровень смертности, высокая демографическая нагрузка, значительная миграция образованного населения из муниципальных районов в Нижний Новгород, а из Нижнего Новгорода в Москву².

Для создания качественно новой демографической политики, позволяющей осуществить переход к естественному росту численности населения региона, предполагается, в частности, совершенствование механизма сохранения и привлечения «качественного человеческого капитала» и развитие эффективной миграционной политики³:

- развитие эффективных инструментов обеспечения трудовой иммиграции квалифицированных специалистов;
- развитие рынка труда, улучшение трудовых условий и содействие развитию перспектив карьерного роста в приоритетных для экономики региона направлениях;
- содействие добровольному возвращению квалифицированных кадров из числа соотечественников;
- реализация мер по социально-экономической интеграции мигрантов;

¹ Демографическая обстановка в Нижегородской области за январь-сентябрь 2019 года. URL: <https://government-nnov.ru/?id=246461> (дата обращения: 20.12.2019).

² Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. Утверждена постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889. С. 18. URL: <https://strategy.government-nnov.ru/> (дата обращения: 23.03.2020).

³ Там же.

- развитие образовательной иммиграции посредством формирования передовой высокоэффективной образовательной системы.

Закономерность и обоснованность предлагаемых мер в Стратегии-2035 не вызывает сомнения. Вместе с тем, не вполне очевидны перспективы её реализации, тем более, что не обнародованы итоги аналогичной Программы-2020, которую сегодня никто практически не вспоминает. Остаётся надеяться, что Стратегию-2035 не постигнет та же участь. Тем более, что для таких надежд есть все основания: Нижегородская область обладает высокоразвитой промышленностью, является крупным научным и культурным центром, имеет выгодное географическое и транспортное положение, есть международный аэропорт. Социально-экономическая стабильность региона даёт возможность для трудоустройства, важным моментом является высокая лояльность местного населения по отношению к мигрантам, особенно славянских национальностей¹. Эти обстоятельства способствуют привлекательности региона для мигрантов.

Социально-экономическая и демографическая ситуация в малых городах предполагает анализ эффективности указанных мер на локально-территориальном уровне и, прежде всего, оценку эффективности процесса выравнивания территорий и уровня их локально-территориальной связанности. Необходимо отметить, что власть Нижегородской области понимает необходимость поддержания связанности регионального социально-экономического пространства и предпринимает определённые усилия в этом направлении. В частности, среди приоритетов пространственного развития Нижегородской области зафиксированы²:

- Сбалансированное развитие отраслевой специализации территорий.
- Территориальная кластеризация производственных мощностей.

¹ Аракчеева О. В., Кривдина И. Ю. Миграции населения Нижегородской области. Успехи современного естествознания. 2018. № 12. С. 339–344.

² Отчет Губернатора Нижегородской области о результатах деятельности Правительства области за 2017 год на заседании Законодательного Собрания Нижегородской области. 31 мая 2018 г. URL: <https://government-nnov.ru/?id=214458> (дата обращения: 18.02.2020).

- Управляемое развитие Нижегородской агломерации.
- Выравнивание территориальной дифференциации условий жизнедеятельности центральных и периферийных районов области.
- Развитие транспортно-логистической инфраструктуры.

Для решения этих задач администрация Нижегородской области стремится использовать возможности как федерального, так и регионального бюджета. В 2017 г. основными направлениями совместного финансирования на сумму 6,6 млрд рублей (из федерального бюджета – 44%) стали такие программы, как «Безопасные и качественные дороги», «Создание современной образовательной среды для школьников», «Формирование комфортной городской среды»¹.

В 2018 г. для повышения доступности медицинской помощи были приобретены передвижные медицинские комплексы на сумму 65,8 млн руб., модульные конструкции врачебных амбулаторий, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов (11,6 млн рублей). С целью развития общественных пространств Нижегородской области в рамках программы «Формирование комфортной городской среды» в 2017 г. было потрачено более 1,1 млрд рублей и 1 млрд рублей в 2018 г. Доля автодорог Нижегородской агломерации, отвечающих нормативным требованиям, увеличилась за 2017 г. с 45 до 59%².

Вместе с тем, в последние годы в Нижегородской области наметился миграционный отток населения, в первую очередь, в столичный регион, увеличилась доля выезжающих за пределы страны. Эксперты отмечают, что эти процессы отрицательно влияют на демографическую ситуацию в регионе, поскольку уезжают молодые люди в репродуктивном возрасте, часто – с высшим образованием в трудоспособном возрасте³. Существует и другой подход к оценке этих процессов, в рамках которого Приволжский

¹ Отчет Губернатора Нижегородской области о результатах деятельности Правительства области за 2017 год на заседании Законодательного Собрания Нижегородской области. 31 мая 2018 г. URL: <https://government-nnov.ru/?id=214458> (дата обращения: 18.02.2020).

² Там же.

³ Аракчеева О. В., Кривдина И. Ю. Указ. соч. С. 339–344.

Федеральный округ и Нижегородская область рассматриваются как транзитная территория, расположенная на пути устойчивого внутрироссийского западного миграционного дрейфа, направленного в Центральный округ¹.

Достаточно очевидно, что ситуация в малых городах Нижегородской области существенно различается: одни из них действительно становятся придатками мегаполисов, другие превращаются в туристические центры, третьи стремительно маргинализируются. Необходимо учитывать, что жизненное пространство современного человека не так замкнуто, как раньше, поскольку развитие транспортного сообщения «стирает» многие границы. В связи с этим, «не работает» традиционная типизация населённых пунктов исключительно по численности населения, разрабатываются новые типологии, учитывающие не только размер города и численность населения, но и удалённость от региональных центров, экономические и социокультурные особенности.²

В центре нашего исследования находится ситуация в малых городах Нижегородской области, которая в первом приближении может быть описана следующим образом: в области имеют место одновременные, разноскоростные процессы воспроизводства и утраты внутренних и внешних социальных взаимосвязей, ориентированные, в основном, на самовыживание. Анализ этих процессов, выявление актуальных социальных проблем и определение перспектив социального развития этих городов предполагает применение социологических методов (количественных и качественных), анализ региональной и муниципальной статистики, а также материалов СМИ, описывающих изменение демографической ситуации в малых городах Нижегородской области.

¹ *Мкртчян Н. В.* Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период. Современные исследования миграции населения. Вып. 2 / Под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. М.: МГУ, 2015. С. 94–111.

² *Кодина И. Н.* Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты : на материалах Ивановской области : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Кодина Инна Николаевна. Нижний Новгород, 2012. 248 с.

Малые города отбирались для анализа по двум критериям. Первый критерий – зонирование – выделенные постановлением правительства Нижегородской области четыре основные зоны, объединяющие районы со схожей структурой экономики и характеризующиеся благоприятными условиями для развития определённых секторов экономики¹. Исходя из целей и задач исследования, было сфокусировано внимание на малых городах, репрезентирующих указанные зоны²:

1. Лесопромышленная зона (Ветлуга, Городец).
2. Промышленная и научно-образовательная зона (Богородск, Ворсма, Лысково).
3. Инновационная зона³.
4. Агропромышленная зона (Сергач и Лукоянов).

Второй критерий – расположенность малых городов в непосредственной близости от Волги, что, на наш взгляд, позволяет зафиксировать последствия утраты миграционного потенциала, связанного с использованием водных путей. В результате отбора в фокусе исследовательского внимания оказались девять малых городов Нижегородской области: Балахна, Богородск, Ветлуга, Ворсма, Городец, Заволжье, Лысково, Лукоянов, Сергач.

Миграционные потоки во многом определяются уровнем пространственной концентрации населения, показателем которой является плотность населения. Этот показатель в малых городах существенно ниже, чем в среднем по Нижегородской области⁴. В связи с этим, важным направлением

¹ Правительство Нижегородской области. Постановление от 20 марта 2009 года № 130 «О внесении изменений в постановление Правительства Нижегородской области от 17 апреля 2006 года № 127». URL: <http://docs.cntd.ru/document/944938515> (дата обращения: 20.12.2019).

² В Городецком районе созданы также условия для развития судостроения, а в Сергачском районе – условия для развития радиоэлектронной промышленности. В состав инновационной зоны входит лишь Первомайск, в котором отсутствуют необходимые статистические данные для сравнительного анализа.

³ В состав инновационной зоны входит лишь один малый город (Первомайск), в котором отсутствуют необходимые статистические данные для сравнительного анализа.

⁴ База данных «Показатели муниципальных образований» (ВД ПМО) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=226051012018 (дата обращения: 20.03.2020).

исследования выступают факторы изменения этого показателя и, прежде всего, миграции, которую мы понимаем как процесс «естественного движения населения». Анализ статистики свидетельствует о том, что в малых городах Нижегородской области последние годы наблюдается стабильная убыль населения (табл. 13.1).

Наиболее заметная убыль населения наблюдалась в Сергаче и Лысково, сравнительно меньшие темпы убыли населения зафиксированы в самых отдалённых от Нижнего Новгорода городах – Ветлуге и Лукоянове. Анализ данных, представленных в таблице 13.2, свидетельствует о том, что темпы естественного прироста (убыли) населения малых городов напрямую не связаны с принадлежностью к той или иной зоне и с близостью к Волге. Этот вывод, в целом, подтверждает коэффициент естественного прироста (убыли) населения (табл. 13.2).

Таблица 13.1

**Естественный прирост (убыль)¹ населения малых городов
Нижегородского области, 2016–2018 гг.**

Город	2016	2017	2018	Прирост (убыль) %
Балахна	-291	-183	-340	-34
Богородск	-145	-162	-192	-32
Ветлуга	-28	-46	-33	-18
Ворсма	-86	-88	-107	-24
Городец	-80	-127	-157	-96
Заволжье	-221	-189	-348	-58
Лысково	-52	-81	-134	-152
Лукоянов	-105	-72	-94	+11
Сергач	-52	-64	-146	-181

¹ База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО).

Таблица 13.2

Общий коэффициент естественного прироста (убыли) населения малых городов Нижегородского Поволжья, 2016–2018 гг.¹

Город	2016	2017	2018
Балахна	-5,9	-3,7	-6,9
Богородск	-4,2	-4,7	-5,7
Ветлуга	-3,3	-5,4	-3,9
Ворсма	-8,1	-8,4	-10,3
Городец	-2,6	-4,1	-5,3
Заволжье	-5,7	-4,9	-9,2
Лысково	-2,5	-3,8	-6,2
Лукоянов	-6,9	-4,8	-6,2
Сергач	-2,6	-3,1	-7,2

Анализ структуры миграционных потоков в Нижегородской области показывает, что на протяжении последних лет преобладает внутрорегиональная миграция, величина которой в зависимости от года колеблется в пределах от 56% до 61%. В основном население переезжает в областной центр – Нижний Новгород и крупные города – Арзамас, Выксу, Кстово – из малых городов или сельских населённых пунктов².

Наименьшую долю среди прибывших в Нижегородскую область имеет миграция населения из других государств. Наиболее высокий миграционный прирост наблюдался из стран СНГ (1760 человек): Украины – 1343 человека, Таджикистана – 324, Казахстана – 195, наиболее значительный миграционный отток – в другие зарубежные страны – 1065 человек³. Вместе с тем, наметилась тенденция к увеличению миграционного потока за пределы Российской

¹ База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/Main.htm (дата обращения: 10.11.2018).

³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. URL: https://nizhstat.gks.ru/main_indicators (дата обращения: 16.01.2020).

ской Федерации. За десять лет доля выехавших в другие страны возросла в 4 раза¹.

Одним из основных показателей, характеризующих направленность и динамику миграционных потоков в малых городах Нижегородской области, выступает сальдо миграции, значение которого в малых городах Нижегородской области существенно различается (табл. 13.3).

Таблица 13.3

Сальдо миграции в малых городах Нижегородской области, 2014-2018 гг., (чел.)²

Город	2014	2015	2016	2017	2018	Сальдо миграции
Балахна	30	-48	29	-55	-76	-120
Богородск	-100	89	-64	14	-117	-178
Ветлуга	10	-16	59	2	37	92
Ворсма	-96	-51	45	-10	-53	-165
Городец	142	13	43	-178	-177	-157
Заволжье	56	-188	-158	-108	-124	-522
Лысково	19	33	41	103	-19	177
Лукоянов	14	103	-9	36	-118	26
Сергач	-122	-106	97	-85	-129	-345

В 2014–2018 гг. темпы миграционный убыли усилились в большинстве малых городов Нижегородской области, особенно заметен этот процесс в Заволжье и Сергаче. Меньше эти процессы затронули малые города, расположенные на значительном расстоянии от Нижнего Новгорода (Ветлуга, Лысково, Лукоянов).

В ходе нашего исследования подтвердился вывод о том, что из малых городов наиболее активно мигрируют люди

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011.

² База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО).

в возрасте 17–19 лет¹. На наш взгляд, всплеск миграции в самых молодых возрастных группах (до 15 лет и 20–34 года) свидетельствует также о том, что города покидают молодые семьи с детьми, причём, миграционные потоки заметно ослабевают в старших возрастных группах². Анализ возрастной структуры миграционных потоков в малых городах позволяет уточнить характер и направленность этих процессов (табл. 13.4).

Таблица 13.4

**Возрастная структура миграции в малых городах
в 2018 г. (чел.)³**

Город	В том числе в возрасте		
	0–19 лет	Трудоспособный возраст	Старше трудоспособного
Балахна	–60	–26	–15
Богородск	+ 7	–108	–12
Ветлуга	–10	+ 9	+ 19
Ворсма	–35	–36	–4
Городец	–73	–158	–3
Заволжье	–54	–114	+ 7
Лысково	+ 12	–35	–8
Лукоянов	–104	–133	+ 7
Сергач	–64	–65	–21

Интенсивность миграционных потоков лиц трудоспособного возраста, зафиксированная в Богородске, Городце, Заволжье, скорее всего, связана с низкой оплатой труда, а также близостью и транспортной доступностью такого крупного промышленного центра, как Нижний Новгород, тогда как подобные процессы, наблюдаемые в Лукоянове и Сергаче, удалённых от Нижнего Новгорода, во многом обусловлены недостатком рабочих мест (табл. 13.5).

¹ Мкртчян Н. В. Указ. соч. С. 225–242.

² Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Росстат. 2018. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

³ База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО). Указ. источник.

Таблица 13.5

Миграция в пределах России, 2014–2018 гг., (чел.)¹

Город	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост (убыль) за 2014–2018 гг.
Балахна	–5	–83	–4	–54	–184	–330
Богородск	–150	51	–123	–33	–67	–322
Ветлуга	9	–19	51	0	44	+85
Ворсма	–96	–54	40	–18	–55	–183
Городец	133	–6	44	–164	–151	–144
Заволжье	47	–212	–173	–85	–108	–454
Лысково	19	–7	26	77	10	+125
Лукоянов	14	96	–20	29	–112	–3
Сергач	–140	–132	77	–61	–124	–380

Внутрироссийская миграция наиболее распространена в таких городах, как Заволжье, Сергач, Балахна, Богородск и гораздо слабее – в Лукоянове и Ветлуге. На наш взгляд, этот факт во многом объясняется отдалённостью от Нижнего Новгорода и обусловлен ограниченностью информации, а также связей и контактов населения, необходимых для принятия решения о миграции. Обращает на себя внимание сравнительно более высокий объём внутрирегиональной миграции в малых городах, расположенных на Волге (Заволжье, Лысково, Балахна), что, отчасти, обусловлено снижением транспортного потенциала водного пути, ранее способствовавшего межрегиональной миграции (табл. 13.6).

В настоящее время масштабы межрегиональной миграции связаны с развитостью автомобильных и, особенно, железнодорожных путей, существенно облегчающих межрегиональные связи. На наш взгляд, именно об этом свидетельствует сравнительно более высокий объём межрегиональной миграции в таких городах, как Сергач, Заволжье, Богородск, Балахна (табл. 13.7).

¹ База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО).

Таблица 13.6

Внутрирегиональная миграция, 2014–2018 гг., (чел.)¹

Город	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост (убыль) за 2014–2018 гг.
Балахна	2	-44	59	-16	-115	-114
Богородск	-73	63	-81	9	10	-72
Ветлуга	42	-3	24	-2	32	93
Ворсма	-82	-28	44	7	-40	-99
Городец	138	-1	54	-92	-81	18
Заволжье	38	-174	-63	-20	-54	-273
Лысково	17	-11	14	93	46	159
Лукоянов	13	79	5	31	-128	0
Сергач	-133	-61	91	28	-36	-111

Таблица 13.7

Межрегиональная миграция, 2014–2018 гг., (чел.)²

Город	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост (убыль) за 2014–2018 гг.
Балахна	-7	-39	-63	-38	-69	-216
Богородск	-77	-12	-42	-42	-77	-250
Ветлуга	-33	-16	27	2	12	-6
Ворсма	-14	-26	-4	-25	-15	-84
Городец	-5	-5	-10	-72	-70	-162
Заволжье	9	-38	-110	-65	-54	-258
Лысково	2	4	12	-16	-36	-34
Лукоянов	-18	17	-25	-2	16	-22
Сергач	-7	-71	-14	-89	-88	-269

Сравнительно более высокий объём международной миграции, зафиксированный в таких городах, как Балахна и Богородск, во многом связан также с особенностями производств, расположенных в этих городах. Причём, в Балахне рост международной миграции в страны СНГ наблюдается с 2014 г. За последние годы она увеличилась более чем в 3 раза (табл. 13.8).

¹ База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО).

² Там же.

Международная миграция, 2014–2018 гг. (чел.)¹

Город	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост (убыль) за 2014–2018 гг.
Балахна	35	35	33	–1	108	210
Богородск	50	38	59	47	–50	144
Ветлуга	1	3	8	2	–7	7
Ворсма	3	5	8	2	3	21
Городец	9	19	–1	–14	–26	–13
Заволжье	9	24	15	–23	–16	9
Лысково	–3	40	15	26	–29	49
Лукоянов	–3	7	11	7	–6	16
Сергач	18	26	20	–24	–5	35

ЦБК «Волга», расположенный в Балахне, – один из ведущих производителей газетной бумаги в России, входит в «Топ-200 крупнейших российских компаний-экспортеров»². Балахнинская продукция пользуется спросом как в различных регионах России, так и за рубежом. Расположенный в Богородске ООО «Караван-СК» является одним из ведущих предприятий по выработке натуральной кожи, используя материалы производства Италии, Германии. В практику введена стажировка специалистов предприятия за рубежом. ЗАО «Богородский швейно-галантерейный комбинат» обеспечивает товарами собственного производства Нижегородскую область, многие регионы России и страны СНГ. налаженные в ходе совместного производства связи существенно облегчают процесс международной миграции людей, в той или иной мере связанные с этими производствами.

Факторы миграции в малых городах Нижегородской области отчетливо проявляются в Балахне и Заволжье,

¹ База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО).

² Бумкомбинат «Волга» вошел в топ-200 крупнейших экспортеров России. РБК. URL: <https://nn.rbc.ru/nn/freenews/580617259a794748b3df4e5b> (дата обращения: 28.03.2020).

в которых значительная часть трудоспособного населения выживает посредством маятниковой миграции в Нижний Новгород и обратно. Возникает закономерный вопрос: как особенности социально-экономической ситуации в малом городе способствуют включению, а точнее «выталкиванию» трудоспособного населения в этот процесс.

Эксперты отмечают, что социально-демографическая ситуация в таких городах существенно отличается от катастрофической ситуации в малых городах, не входящих в орбиту мегаполисов и далеко расположенных от большой трассы и железной дороги, и сходятся во мнении, что фундаментальная причина оттока населения из малых городов – невысокие доходы, узость рынка труда, экономические проблемы, специфические для отдельных районов области.

Следует отметить, что связь между экономическими проблемами и миграцией населения далеко не так однозначна. В ходе исследований удалось выявить связь миграционного прироста / убыли населения на уровне муниципальных образований с заработной платой, причём связь эта отрицательная¹, что достаточно убедительно объясняется действием «ловушек бедности»² – население теряют те города и поселения, где зарплаты выше, именно бедность домохозяйств тормозит отток населения, «всё так плохо, что надо уезжать, но ехать не на что»³.

Мы разделяем подход, в соответствии с которым растущее в малых городах неравенство оказывает разнонаправленное воздействие на характер миграционных процессов. Опрошеные в ходе нашего исследования в Нижегородской области описывают распространённость различных видов неравенств в городах и поселениях следующим образом⁴ (табл. 13.9).

¹ Вакуленко Е. С., Мкртчян Н. В., Фурманов К. К. Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А. Г. Коровкин. М., 2011. С. 431–450.

² Andrienko Y., Guriev S. Determinants of Interregional Mobility in Russia. Evidence from Panel Data. *Economics of Transition*. 2004. Vol. 12(1). P. 1–27.

³ Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е издание, переработанное. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. С. 245.

⁴ Результаты социологического исследования в Нижегородской области, которое проводилось в 2017–2018 гг. сотрудниками Приволжского фи-

Таблица 13.9

**Оценка нижегородцами
распространённости различных видов неравенств, %¹**

Какие из видов социального неравенства, по Вашему мнению, являются наиболее распространёнными?	Н. Новгород (крупные города)	Средние и малые города	Сельская местность
Неравенство в обладании собственностью	31,2	22,3	30,5
Неравенство в распределении доходов	58,7	70,7	71,2
Неравенство жилищных условий	34,1	37,7	40,7
Неравенство между мужчинами и женщинами	15,8	12,7	11,0
Неравенство по национальному (этническому) признаку	35,5	27,0	22,0
Неравный доступ к здравоохранению, образованию	42,6	42,0	50,9
Другое	0,5	0,7	1,7

Анализ данных, представленных в таблице 13.9, свидетельствует о том, что в фокусе внимания большинства нижегородцев находятся неравенства в распределении доходов, которые фиксирует более двух третей населения средних, малых городов и сельской местности. На втором месте по степени распространённости, по мнению нижегородцев, находится неравный доступ к здравоохранению, образованию, на третьем – неравенство жилищных условий.

Необходимо отметить, что присутствие мигрантов не только повышает спрос на жильё, но и неизбежно повышает цены, особенно на качественное, удобное жильё. В школах крупных городов нередко вынуждены создавать особые классы для детей приезжих, в которых обучение одного школьника стоит казне в среднем 120 тыс. руб.²,

лиала ФНИСЦ РАН. Выборочная совокупность – 970 ед.н. Выборка репрезентативная по основным социально-демографическим характеристикам. См.: Отчёт о научно-исследовательской работе «Приволжский федеральный округ в контексте современных социально-экономических вызовов». Руководитель НИР д-р ист. наук, профессор С. В. Устинкин. М., 2018.

¹ Там же.

² Катина Д. Сколько стоят мигранты. Образование и лечение приезжих оплачивают россияне. Еженедельник «Аргументы и Факты». 07.05.2014. № 19.

«...трудовые мигранты из стран СНГ специально привозят с собой семьи, потому что здесь они могут получить более качественное лечение и образование. Но нет никаких данных, сколько тратит на это госбюджет»¹. Мигранты слабо участвуют в создании и развитии инфраструктуры даже такого крупного города, как Нижний Новгород, активно используя её в своих интересах.

Следует подчеркнуть, что последствия миграции сравнительно меньше затрагивают малые города, прежде всего, в силу их непривлекательности для мигрантов. Так, влияние мигрантов на повседневную жизнь отмечает треть населения (34%) средних и малых городов (табл. 13.10).

Мы предполагаем, что заметные флуктуации миграционных потоков, выступая важным показателем благополучия социальной ситуации, оказывают дестабилизирующее

Таблица 13.10

Оценка населением Нижегородской области влияния мигрантов на повседневную жизнь города, поселения, %²

Насколько сильно влияет присутствие мигрантов в Вашем городе (поселении) на Вашу жизнь?	Н. Новгород (крупные города)	Средние и малые города	Сельская местность
Сильно влияет	11,1	5,7	5,1
Влияет незначительно	31,0	28,3	21,2
Практически не влияет	44,4	53,3	53,4
Затрудняюсь ответить	13,6	12,7	20,3

¹ Катина Д. Сколько стоят мигранты...; Ростовская Т. К., Саралиева З. Х. Особенности и жизненные стратегии молодых мигрантов из национальных республик Российской Федерации, проживающих в Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 1. С.74–80.

² Приводятся результаты социологического исследования населения Нижегородской обл. в октябре 2017 – феврале 2018 гг. сотрудниками Приволжского филиала ФНИСЦ РАН. Выборочная совокупность исследования – 970 респондентов. Выборка случайная, репрезентативная по основным социально-демографическим характеристикам. Допустимая погрешность измерения $\pm 3,0\%$.

влияние на социально-демографическую ситуацию в малых городах, а слабо контролируемая миграция усложняет решение указанных проблем. Видимо, не случайно сравнительно большая доля населения средних и малых городов (26%) отрицательно относится к мигрантам (табл. 13.11).

Мы предполагаем, что распространённость отрицательного отношения к мигрантам в средних и малых городах связана с комплексом социальных проблем, накопившихся, прежде всего, в сфере труда этих городов, с нехваткой рабочих мест, отсутствием работы с достойной оплатой. В связи с этим, значительное большинство их населения оценивает социально-экономическую целесообразность труда мигрантов как низкую или скорее низкую (табл. 13.12).

Таблица 13.11

Отношение к мигрантам населения Нижегородской области, %¹

Как Вы относитесь к мигрантам из других стран в нашей стране?	Н. Новгород (крупные города)	Средние и малые города	Сельская местность
Положительно	18,5	12,0	11,9
Нейтрально	62,9	62,0	68,6
Отрицательно	18,7	26,0	19,5

Таблица 13.12

Оценка населением социально-экономической целесообразности труда мигрантов в экономике города, поселения, %²

Попробуйте оценить социально-экономическую целесообразность труда мигрантов в Вашем городе, поселении:	Н. Новгород (крупные города)	Средние и малые города	Сельская местность
Низкая	12,9	23,0	28,8
Скорее низкая	26,8	35,3	29,7
Средняя	37,3	28,3	30,5
Скорее высокая	20,3	10,0	9,3
Высокая	2,7	3,3	1,7

¹ См.: Указ. исслед.

² См.: Указ. исслед.

Конкуренцию с мигрантами за рабочие места ощущают 22,1% россиян, чаще всего – рядовые наёмные работники (31,7%), имеющие дополнительную занятость (31,8%); самозанятые (35,5%); люди со средним образованием (40%); занятые в сфере строительства, общественного питания, торговли, сельского хозяйства (от 41,4 до 27%)¹. По оценке Ю. Ф. Флоринской, в малых городах более 20% домохозяйств вовлечены во временную трудовую миграцию: 29,3% членов домохозяйств занимались поисками работы в другом населённом пункте, 21,7% – участвовали в трудовой миграции, начиная с 2010 г., 6,0% – работающие на выезде в общей численности населения в возрасте 18–55 лет, 8,7% – указавшие работу на выезде в качестве источника средств к существованию².

Застарелые проблемы в сфере труда малых городов усугубляются структурой доходов и расходов в их бюджетах. Так, значительную часть бюджета Балахны, как районного центра, составляют межбюджетные трансферты и дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований. Такая же ситуация в других малых городах, являющихся районными центрами (Богородск, Ветлуга, Городец, Лысково, Лукоянов, Сергач). Вместе с тем, Ворсма и Заволжье, не являющиеся районными центрами, вынуждены обходиться исключительно собственными доходами (табл. 13.13).

В 2019 г. по уровню среднемесячной заработной платы работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, районы заметно отставали от среднего показателя по Нижегородской области (41 532,1 руб.), Балахнинский район (30 289,8 руб.), Городецкий район (31 223,2 руб.). Для сравнения, в Нижнем Новгороде – 47 941,3 руб.³ Причём, эти районы находились в верхней части иерархии, сформированной на этом основании. Тем

¹ Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. О тенденциях занятости работающего населения // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 54–59.

² Флоринская Ю. Ф. Миграция и демографическая ситуация в России. РАНХиГС. Институт социального анализа и прогнозирования. М., 2018. URL: http://www.spbredcross.org/images/pr_grant/_2018.pdf (дата обращения: 26.09.2019).

³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. URL: https://nizhstat.gks.ru/main_indicators. (дата обращения: 16.01.2020).

Таблица 13.13

Доходы и расходы местного бюджета малых городов в 2018 г.
(тыс. руб.)¹

Город	Доходы, всего	Собственные доходы	Расходы, всего
Балахна	2 048 771,5	1 269 013,2	2 032 270,9
Богородск	2 394 581,3	1 592 149,9	239 7567
Ветлуга	526 407,8	323 389,9	530 079,8
Ворсма	50 136,2	49 770,2	48 473,8
Городец	2 239 408,7	1 198 629,2	2 233 003,8
Заволжье	180 766,1	179 096,7	178 103,1
Лысково	1 156 025	631 918	1 165 518
Лукоянов	741 696,3	436 253,3	749 209,3
Сергач	996 798,3	571 391,2	1 039 664,6

не менее значительная часть их населения испытывала трудности при решении бытовых проблем, в частности, практически половина жителей Балахны (22 170 человек) пользовались социальной поддержкой (льготами) по оплате жилого помещения и коммунальных услуг.

Представляется весьма показательным то, что два малых города Нижегородской области (Городец и Шахунья), являющиеся районными центрами, стали победителями Всероссийского конкурса «Малые города и исторические поселения», которым будут выделены федеральные субсидии на благоустройство². Таким образом, федеральные субсидии направляются именно в те города, которые пользуются систематической поддержкой власти, представляя другим городам самостоятельно решать свои проблемы и, по существу, обрекая их на дальнейшее угасание. На наш взгляд, в этом факте отразились не только слабая осведомлённость власти о растущих диспропорциях на муниципальном уровне российских регионов, но и нежелание

¹ База данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО).

² Лазарева Е. Четыре города Нижегородской области стали победителями Всероссийского конкурса «Малые города и исторические поселения». Комсомольская правда. 28 февраля 2020 г. URL: <https://www.nnov.kp.ru/online/news/3781266/> (дата обращения: 15.03.2020).

заниматься повседневной, кропотливой работой по выравниванию этих диспропорций.

Привлечение мигрантов не решает этой проблемы, поскольку они не ориентированы на развитие территории проживания, используя социальную инфраструктуру (дороги, транспорт, детские и медицинские учреждения), в создании и развитии которой они не принимали участия и впредь не намерены это делать. Рост нагрузки на социальную сферу, широкая распространённость напряжений внутри неё при определённых условиях может повлечь и уже влечёт существенное ухудшение функционирования основных подсистем принимающего сообщества¹.

Значительные масштабы во многом неконтролируемых миграционных потоков в сочетании с нерешённостью проблем жизнеобеспечения значительной части принимающего населения негативно сказываются на социально-экономической ситуации в Нижегородской области и, в частности, на ситуации в сфере труда. Результаты социологических исследований и данные статистики фиксируют разнонаправленные процессы в этой сфере, способные существенно ослабить имеющийся трудовой потенциал региона. Политика государства и бизнеса, ориентированная на индивидуализацию и атомизацию работника, усугубляется «миграционным навесом», поскольку присутствие мигрантов не только блокирует притязания местного населения на определённую часть «общественного пирога», но и формирует слой, аккумулирующий социальное напряжение и усиливающий его своим агрессивным поведением.

На наш взгляд, в условиях кризиса российского общества роль малых городов должна объективно возрастать вследствие упадка крупного производства в промышленных и административных центрах. Создание малых частных производств, связанных с удовлетворением непосредственных запросов населения, возможно именно в малых городах, объединяющих городскую территорию и сельскую перифе-

¹ Отчёт о научно-исследовательской работе Приволжского филиала ИС РАН в 2014–2016 гг. «Изучение динамики изменений социально-политической ситуации в различных регионах Приволжского федерального округа». ФНИСЦ РАН. 2017 [Текст] : отчет о НИР / Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; рук. Устинкин С. В. Нижний Новгород, 2014. 74 с.

рию. Убедительным примером является развитие сети предприятий торговли и бытового обслуживания на территории малых городов¹.

Население малых городов в целом не ставит под сомнение необходимость их сохранения и развития, подчёркивая, что «...на малых городах живёт Россия, малые города – это основа культуры и гражданского общества, крупные города – ничто без малых, одной Москвой не выживем»². Высказывая мнение о нецелесообразности укрупнения малых городов, люди весьма рационально и объективно относятся к вопросу о необходимости их сохранения потому, что кому-то некомфортно жить в большом городе, а кому-то комфортно жить в малом. В вопросе о том, как сохранить малые города, мнения экспертов расходятся: одни говорят о необходимости революционных перемен, а другие ограничиваются советами, адресованными власти, прислушиваться к людям и хотя бы не мешать местной власти исполнять свои полномочия.

Некоторые проблемы малых городов могут стать их конкурентными преимуществами. В частности, при отсутствии убедительного ответа на вопрос, надо ли удерживать в малых городах молодёжь, которой здесь неинтересно, может быть, нужно создавать условия для людей, готовых уехать из большого, дорогого, суетного города, которых привлекает спокойствие, социальная однородность, относительно невысокая стоимость жизни, лучшая экология. В каждом малом городе можно найти свой уникальный стержень, который может стать основанием его сохранения и развития: историческое наследие, народная культура, ремесла, рекреационные ресурсы. В связи с этим открывается широкое поле деятельности для малого бизнеса, в который могут включиться люди разных возрастов, в том числе, и молодёжь, и мигранты.

В ряде малых городов имеются возможности, которые могли бы стать основой социально-экономических стратегий их развития. В частности, некоторые малые города Нижегородской области (Балахна, Заволжье, Первомайск, Ворсма) могут конкурировать и уже конкурируют с больши-

¹ Малые города в социальном пространстве России: [монография] / отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 256.

² Там же. С. 262.

ми городами в качестве площадок для размещения высокотехнологичных производств. Эти города в определённой мере сохранили значение центров обширной сельской периферии и концентрации производства, локальные рынки, экономический, технический, рекреационный, демографический потенциалы. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что сегодня это города с малым «запасом прочности», в которых отсутствует эффективная система занятости, а некогда довольно развитая социальная инфраструктура в основном устарела.

Социально-демографические проблемы малых городов с низким качеством управления настоятельно требуют соблюдения баланса между интересами местных элит и стремлением областной власти поставить на руководство районом «удобного» человека. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что социально-демографическая ситуация, направленность, динамика и последствия миграционных потоков в малых городах Нижегородской области настоятельно требуют их превращения в устойчивые саморазвивающиеся системы.

Разделяя вывод О. Н. Яницкого о том, что одной из траекторий динамики малых городов России будет вовлечение большинства их в орбиту быстро развивающихся агломераций¹, мы считаем, что последствия массового включения малых городов в агломерации весьма трудно прогнозируемы. Необходимость сохранения и развития малых городов базируется на вековой истории России, тем более, что у нас имеется крайне негативный опыт разрушения российской деревни.

На наш взгляд, малые города должны сохранять то, что у них есть и думать о других направлениях развития. Они могут выступить в качестве модели организации экономических связей, обеспечивающей жителям большой комфорт путём нахождения точек роста для конкретного города и основанной на использовании возможностей локальных сообществ².

Представляется принципиально важным вывод о том, что малые города в перспективе могут выступить в качестве

¹ Яницкий О. Н. Указ. соч. С. 52, 56.

² Малые города в социальном пространстве России. С. 265.

механизмов сглаживания острых социальных противоречий, вызванных глобальной социальной трансформацией современного российского общества¹. На наш взгляд, формирование «буферных зон или полей опосредования» в лице средних и особенно малых городов Нижегородской области² позволит решить многие проблемы этих территорий и региона в целом.

Представляется бесспорным, что в интересах развития России необходимо более равномерное распределение населения, с меньшей экологической нагрузкой в тех местах, где оно сверх концентрировано. В связи с этим, малым городам нужны точки роста, вокруг которых будут формироваться инфраструктура, занятость, доходы и налоги в местный бюджет. Для этого нужна реализация планов, стратегий, деклараций в ходе повседневной, кропотливой работы и жёсткая ответственность за их выполнение на всех уровнях власти.

Следует подчеркнуть, что какого-то одного «рецепта» сохранения и развития малых городов нет. В этой ситуации представляется опасным неявно навязываемый обществу выбор между развитием мегаполисов и деградацией малых городов. На наш взгляд, образование на месте малых городов «пустынных зон», разрезанных трассами в пространстве между агломерациями, в перспективе может превратиться в малообжитое пространство, что, по существу, уже происходит с нижегородской деревней³.

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 265.

² Горнаева Л. А. Малый провинциальный город в социальной структуре современного российского общества. Дисс. канд. социол. наук. Саратов, 2002. 363 с.

³ Малые города в социальном пространстве России. С. 265.

Раздел IV

Стратегии и практики развития
малых городов: субъекты
и факторы изменений

Участие населения в практиках местного самоуправления как ресурс развития малых городов

Социально-экономическое и социокультурное развитие регионов современной России неразрывно связано с функционированием городов, которые представляют собой исторически и культурно обусловленную социально-экономическую форму территориальной организации общества. Города являются руководящими и организующими центрами территорий, концентрируют промышленное производство и разнообразные экономические связи. По словам российского географа-урбаниста Г. М. Лаппо, город – это «фокус территории»¹. Он организует окружающее его пространство, но также постоянно меняет и свою собственную организацию. С одной стороны, город является источником противоречий и проблем, с другой – предстаёт как средство их решения в силу того, что располагает законодательными органами, структурами исполнительной власти, экспертными сообществами, научно-исследовательскими институтами, банками информации и т.д. Помимо этого, город является своеобразным «зеркалом», в котором наиболее концентрированно и отчётливо отражаются проблемы окружающего района, региона, страны и общества в целом².

Поселения, для обозначения которых используется понятие «город», чрезвычайно различаются по своей численности, экономическому потенциалу, своему функционалу и другим характеристикам. С учётом этой разнородности в современной науке разрабатываются различные классификации городских поселений³.

¹ *Лаппо Г. М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. С. 15.

² Там же. С. 15–19.

³ *Белова А. В.* Роль полусредних городов в развитии эксклавного региона России – Калининградской области: Дис. ... канд. географ. наук: 25.00.24. Калининград: ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», 2017. 198 с.; *Вагин В.В.* Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53–88; *Зубаревич Н.В.* Социальная диф-

Одним из значимых типов поселений, предлагаемых в современных классификациях, являются малые города, критерии выделения которых до сих пор остаются предметом научных дискуссий. Однако в географии городов и градостроительстве под малыми городами принято понимать городские поселения, численность которых не превышает 50 тыс. жителей¹.

В научной литературе многократно подчёркивалась роль малых городов в развитии российских территорий. Как отмечают исследователи, малые города представляют собой необходимый элемент в системах расселения, а их значение обусловлено теми функциями, которые они выполняют. На обширной территории России малые города часто оказываются единственными городскими поселениями на десятки километров вокруг, являя собой олицетворение города вообще. Эти города представляют центры муниципалитетов (муниципальных районов, городских и муниципальных округов). Они находятся в тесном контакте с окружающей сельской территорией, в них сосредоточены предприятия по

ференциация российского пространства. Выступление на семинаре Школы в Голицыно 26 июля 2012 г. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zubarevich_Tetr_59.pdf (дата обращения: 19.03.2020); Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М., Крашенинникова Ю. А., Тукаева А. Р., Моргунова О. М., Ахунов Д. Э., Бойков Д. В. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России. 2011. № 1. С. 3–33; Ланно Г. М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 480 с.; Малые города в социальном пространстве России: [монография] / А.Ю. Ардальянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский [и др.]; отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. ак. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. Текст электрон. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751; Манаева И. В. Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1235–1249; Секушина И. А. Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2. С. 84–93.

¹ СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (утв. Приказом Минрегиона РФ от 28.12.2010 № 820). С. 4. // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской информационно-методический центр «Доступная среда»: [веб-сайт]. URL: <https://www.dostupnigorod.ru/wp-content/uploads/2015/11/sp-42.13330.2011.pdf> (дата обращения: 17.03.2020); Ланно Г.М. География городов... С. 39–44.

переработке разнообразного местного сырья, ими осуществляется административное, торгово-распределительное, транспортное, строительное, образовательное, культурное, бытовое, медицинское обслуживание населения прилегающих к ним территорий. Малые города, являющиеся районными центрами, ориентированы на решение многих проблем социально-экономического развития, их рассредоточенность позволяет осуществлять управление обширной территорией, решать социально-экономические задачи развития региона и страны в целом. Городские поселения данного типа, выступая посредниками между сельскими территориями и крупными городами, способствуют интеграции городских и сельских пространств. Кроме того, малые города могут быть узкоотраслевыми центрами (горнодобывающими, рекреационными, транспортными и т.д.). Многочисленные малые города являются также активными участниками урбанизационных процессов – центростремительных и линейно-стремительных. Они участвуют в формировании агломераций – ключевых форм современного расселения. Малые города-спутники играют роль разнообразных дополнений и партнёров крупных городских центров, выступают регуляторами их роста и средством решения их обостряющихся проблем¹.

Следует отметить еще один важный момент: по мнению самих представителей малых городов (как указывают, основываясь на результатах своих исследований, В. В. Маркин, М. Л. Малышев, Д. Ю. Землянский), города этого типа позволяют обеспечивать социально-экономическую и наци-

¹ Кузьмина Л. Р. Сущность и роль малых и средних городов в системе территориально-отраслевой организации страны // Научные ведомости. Серия: Экономика. Информатика. 2016. № 16 (237). Выпуск 39. С. 17–19; Лаппо Г.М. Города России... С. 172–175; Ланно Г.М. География городов... С. 39–44; Маркин В.В., Малышев М.Л., Землянский Д.Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 53; Секушина И. А. Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2. С. 85; Чернышова Е. А. Тенденции развития системы расселения России и место малых городов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 1 (79). С. 133.

ональную безопасность России, а их «сохранение и развитие ...способствует воспроизводству общероссийских ценностей и норм жизни»¹.

Однако в настоящее время российские малые города характеризуются наличием целого комплекса проблем, которые в той или иной степени фиксируются для каждого малого города: сужение рынка труда без прямой возможности перепрофилирования; дефицит рабочих мест и рост безработицы; социально-трудовая маргинализация населения; технологическая отсталость большинства промышленных и сельскохозяйственных предприятий; ухудшение городской инфраструктуры; снижение уровня и качества жизни; неблагоприятная демографическая ситуация, обусловленная естественной и миграционной убылью населения; кризис социальной идентификации горожан и др.² Как отмечают российские социологи В. В. Маркин, М. Л. Малышев, Д. Ю. Землянский, статистика и данные социологических исследований показывают, что лишь треть малых городов являются относительно благополучными, треть – проблемными, а треть – откровенно депрессивными³. По мнению ученых, существует тесная «...взаимосвязь социально-экономического благополучия малого города с множеством факторов, например, с численностью населения, ...отметка в 500 тыс. жителей является границей «социальной безопасности» города: резко падает безработица, расширяется рынок труда, активизируется малый бизнес, городской бюджет может позволить тратить большие суммы на благоустройство и т.д. Однако города с меньшей численностью населения, задействовав свой потенциал, также способны сформировать условия для устойчивого роста и развития»⁴.

¹ Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Указ. соч. С. 53.

² Зубаревич Н. В. Социальная дифференциация российского пространства. С. 46–54.; Малые города в социальном пространстве России... С. 6, 348.; Подсвинова А. В. Малые города России: специфика и факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 53; Секушина И. А. Указ. соч. С. 85; Чернышова Е. А. Указ. соч. С. 132 и др.

³ Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Указ. соч. С. 53.

⁴ Там же. С. 27.

В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема поиска дополнительных ресурсов (экономических, социально-культурных и др.) развития малых российских городов. Поэтому, помимо оптимизации системы муниципального управления, укрепления материальной, бюджетно-налоговой, финансовой базы местного самоуправления (МСУ), создания эффективного механизма привлечения внешних ресурсов для развития малых городов, необходимо уделять внимание поиску и мобилизации внутренних ресурсов их развития. В качестве такого ресурса может рассматриваться самоуправляющееся местное сообщество. Активность представителей местного сообщества чрезвычайно важна для функционирования городского муниципалитета. Считается, что даже доходы МСУ зависят от настроений жителей. Там, где жители настроены на работу и взаимодействие, собираемость налогов выше, а значит, местные бюджеты испытывают меньше проблем.

Местное сообщество (городскую или сельскую общину) как субъект МСУ исследовали ещё классики социологии (Ф. Теннис, М. Вебер, Т. Парсонс и др.)¹. Много внимания проблематике местных сообществ уделяют западные учёные, разрабатывающие современную концепцию community building (М. О. Weil, А. G. Blackwell, R. A. Colmenar, J. P. Kretzmann, J. L. McKnight, M. R. Warren и др.). Они рассматривают местные сообщества в качестве реального или потенциального субъекта управления. По мнению данной группы исследователей, ресурсы для решения различных социальных проблем могут быть мобилизованы благодаря использованию того самоуправленческого потенциала, который заложен «внутри» самих местных сообществ². Современные российские исследователи также, как правило,

¹ Вебер М. Избранные произведения / Перевод с немецкого, сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.; Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Пер. с англ. Н.Л. Поляковой // THESIS. 1993. Выпуск 2. С. 94–122; Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2002. 391 с.

² Лыска А. Г. Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 99–103.

отмечают исключительную роль граждан, жителей муниципалитетов, их социальной активности в решении локальных проблем и в развитии МСУ¹.

В. В. Маркин, М. Л. Малышев, Д. Ю. Землянский предлагают использовать социопространственный подход к анализу городских муниципалитетов, который связан, прежде всего, с выделением особой субъектности социально-территориальных групп (общностей и сообществ). Исследователи отмечают, что социально-территориальные общности, сформировавшиеся в малых городах, отличаются от подобных сообществ больших городов особенностями образа жизни, который характеризуется большой интенсивностью и непосредственностью коммуникаций между горожанами и их группами по различным вопросам повседневной жизни (в сфере занятости, местах проживания, дорожно-транспортной сети, сфере торгово-бытовых услуг, отдыха, любительских занятий и т.д.). Такие социально-территориальные общности характеризуются наличием особой ментальности. Здесь формируются солидарные группы со своими лидерами и авторитетами, у которых складываются формальные и неформальные отношения с официальной властью (из которых она, собственно, и рекрутируется)².

В силу того, что самоуправляющееся местное сообщество может выступать в качестве значимого ресурса развития городских муниципалитетов, представляется важным исследовать потенциал участия представителей городских сообществ в местном самоуправлении и в решении локальных проблем с применением эмпирических процедур.

Для подготовки данной главы были использованы эмпирические данные, полученные из следующих источников. Во-первых, был осуществлён анализ нормативно-правовых актов различных уровней, статистических данных,

¹ Кокарев И. Соседские сообщества: путь к будущему России. М.: Прометей, 2001. 248 с.; Макогон Т. И. Местные сообщества и гражданские инициативы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11. С. 192–198; Мерсиянова И. В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 52–66; Пясецкая Е. Н. Местное сообщество и муниципальное управление: трансформация взаимодействия // Концепт. 2015. № 9. С. 1–7. и др.

² Малые города в социальном пространстве России... С. 349.

отчётной документации органов государственной власти и местного самоуправления. Во-вторых, проанализированы данные социологического исследования, проводившегося научным коллективом кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета в 2018–2019 гг.

Под самоуправленческим потенциалом населения авторы данной главы понимают совокупность представлений и поведенческих установок жителей муниципальных образований, соответствующих характеристикам субъектности. Анализ самоуправленческого потенциала граждан осуществлялся с применением ряда индикаторов: общий уровень информированности о системе МСУ; характер представлений о природе МСУ и оценок деятельности его органов; уровень доверия к органам МСУ; степень и характер участия граждан в МСУ, а также их готовность к участию в деятельности по решению местных проблем; опыт взаимодействия с органами МСУ; представления граждан о собственных возможностях влиять на деятельность данного социального института.

Объектом исследования выступали жители муниципальных образований различного типа Тверского региона в возрасте от 18 лет (городских округов, городских поселений (малых городов и посёлков городского типа), сельских поселений). Метод сбора эмпирических данных – социологический опрос (формализованное интервьюирование населения). Объём выборочной совокупности составил в 2018 г. – 1083 человека, в 2019 г. – 682 человека (статистическая погрешность – 4%). Репрезентативная выборка формировалась по квотам (пол, возраст, тип поселения). Сбор информации происходил в течение июля-ноября. Обработка результатов исследования осуществлялась на основе создания электронной базы данных и использования основных описательных статистик в пакете SPSS 16.0.

В данной работе проанализированы представления о МСУ населения малых городов Тверской области, доля которого составила в 2018 г. – 30,4% от общего объёма выборочной совокупности, в 2019 г. – 39,7%. В ходе исследования были опрошены жители следующих городов: 1) 2018 г. – Бологое, Вышний Волочёк, Весьегонск, Калязин, Конаково,

Осташков, Торжок, Торопец, Удомля; 2) 2019 г. – Бежецк, Бологое, Весьегонск, Вышний Волочёк, Зубцов, Кимры, Нелидово, Осташков, Старица, Торжок, Торопец.

В связи с тем, что эмпирическое исследование проводилось в Тверской области, дадим краткую характеристику системы местного самоуправления, существующую в регионе.

В настоящее время¹ Тверской регион включает 262 муниципальных образования, в том числе: 27 муниципальных районов, 11 городских округов (из них: 5 преобразованных городских округов (укрупнённых муниципальных образований), имеющих в своём составе сельские населённые пункты; 2 закрытых административно-территориальных образования (ЗАТО)), 4 муниципальных округа, 36 городских поселений и 184 сельских. Преобладающей в Тверской области является двухуровневая система местного самоуправления, однако с 2015 г. достаточно интенсивно осуществляются преобразования муниципальных районов в городские и муниципальные округа. За весь период с 2015 по 2019 гг. 5 муниципальных районов были преобразованы в городские округа, 4 муниципальных района – в муниципальные округа. Малые города (Удомля, Осташков, Кашин, Нелидово, Вышний Волочёк, Весьегонск и Андреаполь), посёлок городского типа Оленино и сельский населённый пункт Лесное стали административными центрами этих МО. В 2020 г. процессы укрупнения муниципальных образований продолжаются. В этом случае городские и сельские поселения как автономные типы муниципалитетов ликвидируются, что означает ликвидацию поселенческого уровня МСУ в целом. Малые города и ПГТ становятся центрами городских и муниципальных округов, объединяющих значительное число населённых пунктов, утрачивают управленческую самостоятельность. Очевидно, что процессы укрупнения муниципалитетов демонстрируют тенденцию к централизации власти и укреплению управленческой вертикали, так как формируют механизмы влияния государственной власти на местный уровень управления. Большими возможностями для осуществления автономного городского самоуправления обладают лишь 4 города Тверской области, представляющие

¹ Представленные данные актуальны на 01.01.2020 г.

собой городские округа, в состав которых не включаются сельские населённые пункты, а сами они не являются частью муниципальных районов (Тверь, Ржев, Торжок и Кимры).

Ещё один процесс, характерный для Тверского региона и свидетельствующий о наличии тенденции к централизации власти, – ликвидация администраций городских поселений – центров муниципальных районов и передача всех (или значительной части) административных функций по управлению городом или ПГТ районной администрации (начиная с 2014 г.). Подобная модель МСУ регламентирована уставами восьми муниципальных районов (Жарковского, Калязинского, Кесовогорского, Краснохолмского, Максатихинского, Пеновского, Рамешковского, Торопецкого). В ряде муниципальных районов (например, в Лихославльском) передача районной администрации значительной части полномочий городского поселения по решению вопросов местного значения осуществляется посредством ежегодных соглашений.

Порядок формирования муниципальных органов власти, принятый в муниципалитетах региона, также указывает на преобладание тенденции к централизации власти в развитии систем управления и самоуправления. Если формирование представительного органа МСУ во всех муниципальных образованиях осуществляется посредством прямых муниципальных выборов, то замещение должностной позиции главы МО предполагает использование конкурсных процедур. В итоге к настоящему времени во всех муниципалитетах Тверской области, основой которых являются малые города, утвердилась конкурсная модель избрания главы МО.

Анализ существующих в регионе моделей МСУ показал, что в настоящее время весьма наглядно проявляются такие тенденции, как централизация управления МО, усиление влияния государственных властных структур на местное самоуправление, отказ от двухуровневой модели территориальной организации МСУ, ограничение участия населения в формировании механизмов местной власти в МО (в том числе и в малых городах). Особенно отчётливо данные тенденции заметны на примере муниципальных образований, удалённых от регионального центра, в определённой степени изолированных, зачастую обладающих слабым ресурсным потенциалом.

Результаты интервьюирования населения региона показывают, что институциональный дизайн системы МСУ, реализованный в Тверской области, не учитывает самоуправленческого потенциала местных сообществ и не в полной мере соответствует установкам простых граждан. Так, что касается представлений населения малых городов о территориальной организации местного самоуправления, то здесь совершенно очевидной является поддержка большинством граждан двухуровневой модели МСУ, ориентированной на децентрализацию властных полномочий (см. табл. 14.1)¹. Горожане считают, что такая управленческая модель характеризуется достаточно высоким уровнем эффективности, так как основана на разделении полномочий и рекрутировании на муниципальные должности всех уровней представителей местного сообщества, которые лучше информированы о проблемах на местах.

Таблица 14.1

**Представления населения о форме территориальной организации местного самоуправления, 2018 г.,
% от числа опрошенных**

Какова, на Ваш взгляд, должна быть территориальная организация местного самоуправления?	Жители малых городов	Население Тверской области
Местное самоуправление должно осуществляться только на уровне поселения (городского, сельского). А на уровне района должно осуществляться государственное (областное) управление	20,1	24,9
Местное самоуправление должно осуществляться только на уровне районов и городских округов, а в поселениях должны управлять специалисты, назначенные властью более высокого уровня	20,5	22,6
Местное самоуправление должно осуществляться на двух уровнях – и в районах (городских округах), и в поселениях (городских и сельских)	59,4	52,5

¹ Несмотря на наличие, в целом, у граждан патерналистских установок и ориентации на поддержку формирования властной вертикали.

Уход от двухуровневой модели территориальной организации МСУ реализуется через процедуры укрупнения МО, формирования городских и муниципальных округов на основе муниципальных районов. Однако последствия этих процедур (ликвидация двухуровневой системы) не совсем понятны простым гражданам. Они демонстрируют высокую степень неосведомлённости о процессах укрупнения муниципальных образований (в 2019 г. около $\frac{2}{3}$ населения малых городов либо ничего об этом не слышали, либо затруднились дать ответ на поставленный вопрос). А поддерживает такие решения лишь четверть тех категорий граждан, которые в той или иной степени осведомлены о преобразованиях муниципалитетов (2019 г. – от 40% информированных респондентов). Объясняют они свою позицию тем, что объединение поселений в один муниципалитет позволит оптимизировать управленческий процесс и повысить эффективность решения локальных проблем («вместе легче решать вопросы»), расширит ресурсную, бюджетную и финансовую базу МО («больше ресурсов, больше бюджет, больше возможностей финансирования»), а также сократит численность муниципальных служащих («меньше чиновников, работников администрации»).

Ещё один индикатор, косвенно указывающий на поддержку населением малых городов автономного городского самоуправления, – характер территориальной самоидентификации граждан. Так, подавляющее большинство жителей муниципалитетов этого типа соотносит себя с городским территориальным сообществом, а не с муниципальным районом (в 2019 г. 78,4% – «житель города»).

Что касается модели избрания глав МО, то результаты опросов жителей малых городов также указывают на несоответствие преобладающей в регионе реальной социально-политической практики, предполагающей выборы главы муниципалитета депутатами представительного органа МСУ по рекомендации областной (районной) комиссии, представлениям и ожиданиям граждан, которые заинтересованы в возвращении прямых выборов глав районов, городских и муниципальных округов и городских поселений (табл. 14.2).

Таблица 14.2

**Предпочтения жителей малых городов в отношении варианта
замещения должности главы местного самоуправления,
2018-2019 гг., % от числа опрошенных**

Какой вариант замещения должности главы местного самоуправления (мэра города, главы района и т. д.) является, на Ваш взгляд, наиболее эффективным?	2018	2019
Избрание главы из состава депутатов местного представительного органа (Городской Думы, Поселкового Совета и т.д.)	16,8	7,1
Избрание главы депутатами местного представительного органа по рекомендации областной (районной) комиссии	6,0	9,4
Назначение «сверху» (вышестоящими органами государственной власти (Губернатор области, Законодательное Собрание области)	16,1	10,1
Выборы главы жителями муниципального образования	50,0	62,9
Затрудняюсь ответить	11,1	10,5

Более того, поддержка населением малых городов модели прямых выборов главы МО существенно возрастает к 2019 г. Этот рост коррелирует с направлением динамики представлений всего населения Тверского региона о методах замещения должностной позиции главы МО. Позитивное отношение к выборным процедурам свидетельствует о наличии активистских установок у жителей малых городов.

Активистская позиция граждан проявляется и в ответах на ряд других вопросов. Так, немногим менее половины жителей малых городов Тверской области воспринимают местное самоуправление как сочетание деятельности местных жителей и работы избранной гражданами муниципальной власти (2018 г. – 43,5%), а около 1/10 респондентов понимает под МСУ деятельность самих местных жителей по решению локальных проблем (2018 г. – 11,6%). Определяя факторы, оказывающие позитивное влияние на развитие муниципалитета, более 1/5 жителей малых городов (2019 г. – 21,6%) указали на наличие активного гражданского сообщества (активных граждан, общественных объединений и т.д.). И, наоборот, с их точки зрения, низкая

активность населения малого города затрудняет работу муниципальной власти и мешает эффективному решению проблем муниципалитета (2019 г. – 22,5%).

В ходе исследования также выявлялась *общая установка жителей малых городов на принятие и одобрение норм активистской политической культуры*. Анализ результатов опроса 2019 г. показал, что лишь около 1/8 респондентов отмечает, что *активность жителей бесполезна и только снижает ответственность местной власти и муниципальных служб за обстановку в городе*. Большинство горожан согласилось с утверждением, что *активная жизненная позиция людей, их энтузиазм способствует улучшению ситуации в городе* (2019 г. – 72,3%).

Активистские установки у жителей малых городов проявляются в их ориентации на участие в практиках местного самоуправления. Так, около половины горожан в той или иной степени ориентированы на участие в МСУ, категорический отказ от данного вида деятельности демонстрируют менее четверти населения малых городов Тверского региона (табл. 14.3).

Среди конкретных форм и видов деятельности, в которых граждане ориентированы принимать участие, следует выделить, прежде всего, работы по благоустройству городских территорий, своего района и двора (2019 г. – 53,1% от числа респондентов, давших положительные ответы на

Таблица 14.3

**Готовность принимать участие в жизни города,
в решении общих для жителей проблем
2018-2019 гг., % от числа опрошенных**

Хотели бы Вы принимать участие в жизни своего населённого пункта, в решении общих для жителей проблем?	2018	2019
Да	22,9	20,9
Скорее да	20,8	27,0
Скорее нет	28,7	15,2
Нет	14,7	22,8
Затрудняюсь ответить	12,8	14,1

вопрос об участии в МСУ). Кроме того, опрошенные жители малых городов Тверской области продемонстрировали свою готовность участвовать в муниципальных выборах, сходах и собраниях граждан, в проведении опросов, в различных программах развития муниципалитета (например, в деятельности по Программе поддержки местных инициатив), в организации праздников и культурных мероприятий. Некоторые респонденты ориентированы на решение вопросов экологии, ЖКХ, освещения территории города, обеспечения безопасности и охраны порядка. Горожане также выразили готовность участвовать в строительных и ремонтных работах, помогать пожилым людям и склонны вовлекаться в любые общественные дела, направленные на решение различных проблем и позволяющие улучшить жизнь в городе.

Что касается конкретного индивидуального вклада в деятельность местного самоуправления, который готов внести гражданин, тех личных ресурсов, которые он готов затрачивать «на общее благо», то около трети жителей малых городов продемонстрировали готовность затрачивать на это своё личное время, а ещё около трети респондентов выразили согласие применять свои знания, умения и навыки. Помимо этого, часть городского населения готова тратить на решение местных проблем и другие личные ресурсы: использовать свои организаторские и творческие способности, а также вкладывать личные финансовые средства на общественные нужды, на помощь кому-либо из жителей. Однако около трети жителей малых городов либо вообще не готовы участвовать в местном самоуправлении, либо затрудняются определить свой возможный личный вклад в решение местных проблем (табл. 14.4).

Важным показателем уровня развития самоуправленческого потенциала населения и проявлением гражданского активизма является *степень готовности рядовых граждан к реализации своего пассивного избирательного права*. Так, в ходе интервьюирования жителей малых городов была получена информация о *нежелании подавляющей части опрошенных избираться в органы местного самоуправления в качестве депутата* (2018 г. – 76,7%; 2019 г. – 83,9%). Основными причинами подобной поведенческой модели, как отмечают сами респонденты, являются: отсутствие интереса

Таблица 14.4

**Личный вклад граждан в решение вопросов жизни
своего населённого пункта (города, села, района, улицы, двора,
дома и т. д.), 2018-2019 гг., % от числа опрошенных**

Какой свой личный вклад Вы готовы внести в решение вопросов жизни своего населённого пункта (города, села, района, улицы, двора, дома и т.д.)?	2018	2019
Тратить своё личное время на общие дела	32,5	30,3
Вносить денежные средства, осуществлять сборы на общественные нужды, решение общих проблем, на помощь кому-либо из жителей	10,2	8,0
Применять свои организаторские способности	19,7	16,3
Использовать свои творческие способности	16,6	17,8
Использовать свои знания, учения и навыки	27,1	33,0
Не готов внести вклад	22,3	28,8
Затрудняюсь ответить	12,4	10,2

Примечание. Вопрос с множественным выбором вариантов ответа. Относительные значения подсчитаны, исходя из общей численности респондентов, поэтому сумма ответов может быть не равна 100%.

как к такого рода деятельности (2018 г. – 27,6%), так и вообще к политической жизни (2018 г. – 11,2%), ограничения, связанные с *возрастом* (2018 г. – 26,0%), отсутствие достаточных способностей, знаний и квалификации для осуществления данной работы (2018 г. – 24,8%), невозможность на что-либо повлиять (2018 г. – 14,8%), низкая результативность и эффективность данной работы, тратить время и силы на которую, соответственно, не имеет смысла (2018 г. – 6,8%), нежелание брать на себя ответственность за решение насущных проблем города (2018 г. – 11,6%). Данная тенденция объясняется тем, что российские граждане слабо информированы о зоне ответственности и полномочиях муниципальных депутатов, поэтому считают их работу малоэффективной и не стремятся отстаивать свои интересы через участие в депутатской работе. Кроме того, значительная часть муниципального сообщества недостаточно дифференцирует систему местного самоуправления и государственного управления, рассматривая органы МСУ

как низовое звено исполнительной власти, и не видит возможности собственного влияния на решение насущных проблем. Так, жители малых городов дают негативную оценку степени влияния рядового гражданина на деятельность органов муниципального управления, отмечая, что простой человек либо имеет низкую степень собственного влияния на местную власть (2019 г. – 37,5%), либо вообще не имеет никакого влияния (2019 г. – 37,5%).

Однако наше исследование показало, что существует категория граждан, представители которой *готовы избираться в органы местного самоуправления в качестве депутатов*. В количественном отношении доля этих респондентов составляет около 1/10 населения малых городов (2018 г. – 12,6%; 2019 г. – 10,7%). Среди основных мотивов реализации пассивного избирательного права гражданами следует отметить: желание приносить пользу обществу и государству (2018 г. – 82,1%), стремление реализовать свои профессиональные качества и способности (2018 г. – 33,3%), ориентация на улучшение собственного материального положения (2018 г. – 10,3%), желание занять престижное место в обществе (2018 г. – 7,7%), завязать связи с полезными людьми (2018 г. – 7,7%). Некоторые респонденты отмечали, что депутатская деятельность даёт гарантии получения постоянной работы и стабильного положения (2018 г. – 7,7%) и позволяет сделать карьеру (2018 г. – 2,6%).

Ряд вопросов в проведённых нами исследованиях был направлен на выявление уровня и форм участия жителей малых городов Тверского региона в реальных социальных практиках местного самоуправления. Сразу следует оговориться, что в отличие от потенциальной готовности принимать участие в жизни города, уровень реального участия горожан в решении различных вопросов местного значения оказывается более низким, *что подтверждает выводы многих современных российских исследователей относительно невысокой степени участия граждан в местном самоуправлении*¹.

¹ Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Том 22. № 9. С. 15.

Так, одной из форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления является их участие в муниципальных выборах. Однако жители малых городов демонстрируют довольно низкий уровень электоральной активности на выборах муниципального уровня по сравнению с выборами в органы государственной власти федерального уровня (табл. 14.5). В течение последних пяти лет в выборах в органы местного самоуправления (городской Думы, Совета депутатов и т.д.) принимали участие лишь около четверти респондентов.

Мотивация участия горожан в муниципальных выборах связана, прежде всего, с их стремлением улучшить жизнь в своём городе через правильный выбор депутата (2019 г. – 57,1% от числа респондентов, участвовавших в местных выборах). 44,6% (2019 г.) жителей малых городов не хотят, чтобы решения принимались другими людьми без их участия, а ещё 44,6% (2019 г.) респондентов апеллируют к своему гражданскому долгу. Также участники исследования говорили о своей ответственности за город и его благополучие.

Таблица 14.5

Показатели электоральной активности населения малых городов Тверского региона 2018–2019 гг., % от числа опрошенных

В каких выборах Вы принимали участие за последние пять лет?	2018	2019
Президента РФ	79,4	76,8
Государственной Думы РФ	23,1	20,3
Законодательного Собрания Тверской области	17,4	12,5
Губернатора Тверской области	–	23,2
Органов местного самоуправления (городской Думы, Поселкового Совета и т. д.)	27,8	24,0
Не принимал(а) участия	13,0	15,9
Затрудняюсь ответить	3,2	2,6

Примечание. Вопрос с множественным выбором вариантов ответа. Относительные значения подсчитаны, исходя из общей численности выборочной совокупности. Поэтому сумма ответов может быть не равна 100%.

Жители малых городов, которые отказываются от участия в выборах органов местного самоуправления, часто аргументируют свою гражданскую позицию тем, что на выборах – все предсказуемо, избиратели ничего не решают (2019 г. – 40,8%), голос отдельного человека не может повлиять на ситуацию в муниципальном образовании (2019 г. – 16,3%), и вообще местное самоуправление в России реальной власти не имеет (2019 г. – 10,2%). Около четверти граждан отмечают, что у них нет желания (2019 г. – 26,5%) и времени (2019 г. – 10,2%) ходить на выборы, и какой-либо интерес к политической жизни отсутствует (2019 г. – 20,4%).

Помимо участия в местных выборах жители малых городов реализуют, в основном, следующие формы участия в МСУ: сходы, собрания граждан (2019 г. – 29,3%); деятельность домовых и уличных комитетов, территориальное общественное самоуправление (2019 г. – 16,9%), обращения граждан в органы местного самоуправления (с предложениями, жалобами, ходатайствами по различным вопросам местного значения) (2019 г. – 16,1%). Небольшая доля от общего числа опрошенных горожан оказывала добровольную помощь местной администрации, главе муниципального образования в их работе (2019 г. – 4,8%), принимала участие в публичных слушаниях (2019 г. – 4,0%). Некоторые респонденты отмечали, что участвовали в митингах, критиковали власть в сети Интернет. Следует отметить, что большинство этих форм предполагает эпизодический характер участия в самоуправленческих практиках, рядовые горожане практически не интегрированы в структуры, предполагающие регулярное участие в местном самоуправлении, в решении важных проблем города. Так, свою работу в качестве муниципального депутата отметили лишь 2,4% граждан (2019 г.). В общественных организациях состоят 3,4% (2019 г.) жителей малых городов (в основном, в молодёжных, волонтерских и ветеранских структурах). Около 1/5 респондентов вообще не участвовали в каких-либо видах деятельности (2019 г. – 19,7%).

В качестве основных вопросов, в решении которых жители малых городов принимают участие, можно отметить: благоустройство территории города, улицы, двора

(2019 г. – 53,5%), ремонтные работы в жилых домах и подъездах (2019 г. – 14,6%), помощь в организации праздников, культурных и спортивных мероприятий по месту жительства (2019 г. – 11,0%), строительство детских площадок (2019 г. – 8,3%), организация досуга молодёжи (2019 г. – 5,5%).

В органы местного самоуправления в течение 2018–2019 гг. горожане обращались, в основном, по вопросам жилья и коммунального обслуживания (2019 г. – 44,7%), работы транспорта, качества дорог, благоустройства (2019 г. – 21,3%), социальной защиты, выплаты пенсий и пособий (2019 г. – 19,1%), работы поликлиник и больниц (2019 г. – 19,1%), безопасности жизни, охраны порядка (2019 г. – 8,5%), работы дошкольных и общеобразовательных учебных заведений (2019 г. – 6,4%). Указывалась жителями малых городов и необходимость решать такие проблемы, как аварийность жилья, газификация. Основными мотивами более активного участия граждан в общественной жизни своего города, по мнению респондентов, являются: возможность улучшить качество жизни населения; гарантии того, что эта деятельность принесёт результаты; возможность заработать; стремление помочь людям; возможность публично выразить протест властям и своё недовольство обстановкой в городе и др. (табл. 14.6).

Исследование показывает, что от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ граждан руководствуется мотивами улучшения качества жизни населения, стремления помочь людям и ориентацией на результат. Около $\frac{1}{5}$ жителей малых городов считают, что через участие в различных общественных делах и практиках МСУ можно публично выразить протест властям, продемонстрировать своё недовольство обстановкой в городе и повлиять на политику местных властей. Часть граждан рассматривают эту деятельность как инструмент решения собственных проблем. Менее значимыми для жителей малых городов являются такие мотивы, как осознание того, что гражданское участие в общественной жизни – важный элемент демократии, желание осуществить идею или проект, требующие коллективной поддержки. Силовые методы и методы группового давления в настоящее время не являются действенными в вопросах активизации участия жителей малых городов в общественной жизни (давление,

Таблица 14.6

**Мотивы участия в общественной жизни населённого пункта,
2018 г., % от числа опрошенных**

Как Вы считаете, что может подтолкнуть людей на участие в общественной жизни населённого пункта?	Жители малых городов	Население Тверской области
Возможность улучшить качество жизни населения	58,4	53,3
Гарантии того, что эта деятельность принесёт результаты	37,8	41,2
Возможность заработать	22,2	25,4
Возможность решить волнующую лично Вас проблему	15,9	23,5
Стремление помочь людям	28,6	25,2
Нарушение ваших прав и стремление отстоять эти права	14,0	15,2
Осознание того, что это дело – полезное и одобряемое большинством жителей	18,7	17,3
Возможность повлиять на политику местных властей	18,4	16,2
Возможность публично выразить протест властям и своё недовольство обстановкой в населённом пункте	20,6	21,4
Осознание того, что участие в общественной жизни – это важный элемент демократии	11,1	11,7
Желание осуществить идею или проект, требующие коллективной поддержки	10,5	11,2
Давление, указание со стороны руководства	2,2	4,2
Угроза общественного порицания со стороны коллег по работе, соседей	1,6	2,6
Иное (связано, в основном, с информированием, просвещением граждан, с необходимостью поддержки инициатив со стороны власти)	1,9	1,4
Затрудняюсь ответить	4,4	4,0

Примечание. Вопрос с множественным выбором вариантов ответа. Относительные значения подсчитаны, исходя из общей численности выборочной совокупности. Поэтому сумма ответов может быть не равна 100%.

указание со стороны руководства – 2,2% (2018 г.), угроза общественного порицания со стороны коллег по работе, соседей – 1,6% (2018 г.).

Причины низкого уровня гражданской активности жителей малых городов можно разбить на две группы. Первая группа причин связана с наличием внутренних барьеров

участия в общественной жизни и практиках местного самоуправления: отсутствие интереса к общественной жизни, отсутствие желания брать на себя ответственность за решение проблем, представление о том, что решением проблем города должна заниматься муниципальная власть. Другая группа причин низкого уровня активности горожан в деятельности МСУ связана не с особенностями внутренних личностных представлений и установок, а с негативным воздействием внешних факторов, таких, как невозможность повлиять на что-либо и отсутствие реальных результатов деятельности, дефицит информации о возможностях участия граждан в МСУ, незаинтересованность городской муниципальной власти в активности граждан и отсутствие у людей финансовых возможностей (табл. 14.7).

Таблица 14.7

**Оценка участия граждан в деятельности
местного самоуправления, 2018 г., % от числа опрошенных**

Как Вы считаете, почему люди не принимают активного участия в деятельности местного самоуправления?	Жители малых городов	Население Тверской области
Нет интереса к общественной деятельности	35,7	35,8
Нет желания брать на себя ответственность за решение проблем	29,5	29,0
Считают, что решением всех проблем должна заниматься муниципальная власть	27,0	27,0
Невозможность на что-либо повлиять, реальных результатов от их усилий не будет	44,2	46,2
Дефицит информации о возможностях участия в местном самоуправлении	20,7	20,5
Незаинтересованность органов местного самоуправления в активности граждан	23,2	25,1
Отсутствие финансовых возможностей	20,1	18,0
Иное (связано, в основном, с указанием на лень, на страх и недоверие, а также на отсутствие лидера, организатора)	2,5	1,8
Затрудняюсь ответить	4,7	4,4

Примечание. Вопрос с множественным выбором вариантов ответа. Относительные значения подсчитаны, исходя из общей численности выборочной совокупности. Поэтому сумма ответов может быть не равна 100%.

Таким образом, в настоящее время в малых российских городах происходит усиление тенденций к централизации власти и к встраиванию городских муниципальных систем во властно-управленческую вертикаль. Реальные муниципальные практики связаны с постепенным отказом от двухуровневой модели территориальной организации МСУ, а также с ростом ограничений участия населения в формировании структур муниципального управления в городах. Особенно отчётливо данные тенденции заметны на примере малых городов, удалённых от регионального центра, в определённой степени изолированных, зачастую обладающих слабым ресурсным потенциалом.

Опросы населения малых городов свидетельствуют, с одной стороны, о наличии социокультурных предпосылок к формированию единой властной вертикали, включающей местные органы власти как своё низовое звено. С другой стороны, в среде рядовых жителей малых российских городов выделяются социальные группы, демонстрирующие наиболее высокий самоуправленческий потенциал и являющиеся социальной базой для развития местного самоуправления в его классическом понимании. Они высказываются за возвращение более децентрализованных и демократичных моделей организации МСУ в малых городах. Характеризуются наличием активистских установок, достаточно высоким уровнем готовности принимать участие в различных практиках местного самоуправления, обладают не только инструментальной, но и альтруистической мотивацией к участию в МСУ. Представители данной группы населения малых городов могут быть субъектом гражданских инициатив и способствовать вовлечению в самоуправленческие практики других категорий горожан, что позволит более эффективно решать различные вопросы городской жизни.

Проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства российского малого города

В настоящее время около 12% населения Российской Федерации проживает в малых городах (численностью до 50 тыс. человек). Ситуация в них характеризуется чрезвычайно ограниченными возможностями занятости населения, неблагоприятными, особенно на среднероссийском фоне, показателями социально-экономической и социально-демографической сферы. Ещё более остро данная проблема стоит в малых моногородах, положение которых в значительной мере зависит от градообразующих предприятий. Важность данной проблемы для развития страны нашла отражение в государственных документах, например, в посланиях и указах президента Российской Федерации¹, в специальных государственных программах и проектах², а также в создании некоммерческих организаций по поддержке малых и моногородов³.

Согласно этим документам, одно из основных направлений решения проблемы не просто развития, но и сохранения малых городов власть и эксперты видят в активной предпринимательской деятельности населения. В условиях малых городов речь идёт в первую очередь о развитии малого / среднего и индивидуального предпринимательства (далее – МСП и ИП), важных и для развития страны в целом, что демонстрируется разработкой специального национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (с 2019 по 2024 гг.). В соответствии с

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. и 20 февраля 2019 г., Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.».

² Например, приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов», Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях в рамках реализации национального проекта «Жильё и городская среда»; Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (2019-2024 гг.).

³ Например, Союз малых городов РФ, Фонд развития моногородов.

паспортом проекта, доля малого и среднего предпринимательства в ВВП страны должна вырасти с 22,3% в конце 2017 г. до 32,5% в 2024 г., а численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, – с 19,2 млн в 2018 г. до 25 млн человек в 2024 г.¹ Реализация Национального проекта началась в 2019 г. и к этому времени, по данным Росстата, доля МСП в ВВП даже немного снизилась и составила 20,2%. Кроме того, ухудшение социально-экономической ситуации вследствие принятых ограничительных мер против распространения коронавирусной инфекции на территории России в 2020 г., самым прямым образом сказывается и на этом секторе экономики. Можно уверенно сказать, что достижение запланированных в национальном проекте целевых показателей в подобных условиях маловероятно. В то же время, при выходе из кризиса малое и среднее предпринимательство, включая индивидуальных предпринимателей, может стать одной из ресурсных сил по восстановлению и дальнейшему устойчивому развитию экономики российских регионов, более чем десятая часть которых, как уже говорилось, проживает в малых городах.

В связи с этим возникает вопрос, как представители малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей малых городов, оценивают состояние этого сектора в своих городах, условия для его развития, особенности взаимодействия между заинтересованными сторонами, основные проблемы и перспективы. Анализ отношения МСП и ИП сообщества к этим вопросам проводился в рамках исследования малых городов в государственной политике пространственного развития России ФНИСЦ РАН в 2019 г.

Полевая часть исследования проходила в 16-ти малых типичных для российских макрорегионов городах (шесть из которых моногорода). Причём в каждом макрорегионе отбор проводился таким образом, чтобы один малый город

¹ Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: [http:// government.ru/info/35563/](http://government.ru/info/35563/) (дата обращения: 15.04.2020).

входил в состав агломерации, а другой – нет¹. В каждом городе проведены фокус-группы (всего 16 фокус-групп), а также экспертные интервью с представителями местного малого/среднего бизнеса (всего 32 интервью). Кроме этого, при анализе задействованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики, Единого реестра малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы РФ, а также открытые данные городских администраций о реализации различных государственных программ.

Одним из серьёзных ограничений изучения МСП и ИП в России является отсутствие единой базы сравнительных статистических данных по всем видам предпринимательства, что объясняется, во-первых, тем, что ею занимаются разные ведомства и методика сбора указанной статистической информации отличается от общемировой, и, во-вторых, тем, что часть предпринимателей не регистрируют свою деятельность. Причём их численность может составлять как минимум несколько миллионов человек².

Согласно данным Росстата, на конец 2018 г. в России насчитывалось около 2,7 млн микропредприятий, что составляет 90% всех малых предприятий страны (в среднем в одном микропредприятии занято 2 человека), около 13,7 тыс. средних предприятий и немногим более 2,6 млн индивидуальных предпринимателей. Лидерами по количеству МСП и ИП, вполне ожидаемо, являются Центральный ФО, Приволжский и Северо-Западный ФО. Замыкает список Северо-Кавказский ФО (см. табл. 15.1, для сравнения приведено количество предприятий, в том числе, и в изучаемых нами регионах). Согласно такому показателю роли МСП в экономике федеральных округов, как численность работников сектора, между лидером – Северо-Западным ФО – и находящемся на последнем месте Северо-Кавказским ФО разница составляет почти 4 раза.

¹ Более подробно о городах, вошедших в исследование, см. главу 3 настоящей монографии.

² *Чепуренко А. Ю.* Гибкость организационной структуры и типология неформального малого предпринимательства в России. По данным лонгитюдного исследования (2013–2015 гг.) // *Экономическая социология*. Т. 20. № 4. Сентябрь 2019. С. 40.

Таблица 15.1

Число малых и средних предприятий и индивидуальных предпринимателей по субъектам РФ
по данным Росстат, 2017-2018 гг.

Регион	Малые предприятия (включая микро)		Средние предприятия		Число индив. пред-й (тыс. чел.)	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Российская Федерация	2 754 577	2 659 943	13 309	13 682	2568,829	2630,784
Центральный ФО	974 172	937 312	3829	4118	630,387	690,578
Тверская область	20 617	20 056	112	113	22,763	23,52
Северо-Западный ФО	379 055	368 884	1583	1758	239,001	258,327
Вологодская область	26 394	25 764	103	106	24,491	23,241
Южный ФО	209 659	203 367	1265	1255	418,28	399,928
Ростовская область	54 185	52 569	81	368	109,266	107,47
Северо-Кавказский ФО	48 104	46 926	357	376	148,97	130,791
Ставропольский край	25 953	24 553	246	244	68,794	62,167
Приволжский ФО	472 291	459 505	2868	2820	478,789	482,206
Нижегородская область	61 619	62 008	392	395	38,665	33,52
Уральский ФО	242 209	229 069	1173	1214	212,632	216,098
Свердловская область	104 285	97 318	431	463	76,345	86,7
Сибирский ФО	300 166	289 201	1630	1540	290,91	297,185
Иркутская область	38 397	38 375	214	177	44,981	44,3
Дальневосточный ФО	128 921	125 679	604	601	149,86	155,671
Приморский край	42 400	41 565	197	187	36,137	38,436

Источники: Малое и среднее предпринимательство в России. Стат. сб. Приложение. М. Росстат. М., 2019. 87 с.

Однако, как считает исследовательский коллектив Института им. П. А. Столыпина, в сравнении округов большую роль играет не в целом количество МСП, а соотношение микро- и малых предприятий, поскольку последние могут создавать больше рабочих мест и добавленной стоимости¹.

Кроме Росстата, с августа 2016 г. статистика предпринимательства также ведётся Налоговой службой РФ в специально созданном Едином реестре субъектов МСП. Он формируется на основании отчётности субъектов малого бизнеса и отличается от данных Росстата. На начало апреля 2020 г. в реестр внесено около 6 млн субъектов МСП и ИП. Около 2,5 млн субъектов имеют статус юридических лиц, из которых более 2,3 млн составляют микропредприятия (92%), почти 200 тыс. малые (7,6%) и почти 17 тыс. (0,4%) средние предприятия. Подобное соотношение типов предприятий можно наблюдать и среди индивидуальных предпринимателей, за исключением того, что среди них ещё выше, чем среди юридических лиц, доля микропредприятий: 3,4 млн или 99,2% (табл. 15.2). В структуре МСП и ИП в среднем почти одинаковое число юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Аутсайдерами выглядят только Южный и Северо-Кавказский ФО, где доля МСП и ИП в статусе юридического лица составляет менее 30%.

Единый реестр также даёт уникальную возможность рассмотреть актуальную статистику не только по округам, но и по регионам и городам. В таблице 15.2 для сравнения сведены данные по всем административным уровням: от федерального округа до исследуемого города (первым указан город, находящийся в рамках агломерации, вторым – вне агломерации). Хотя на первый взгляд в городах, находящихся в агломерации, число МСП и ИП выше, чем в городах вне агломерации. При более внимательном анализе видно, что в одних случаях эта разница очень существенна (например, в г. Сокол – 1074 и в г. Красавино – 113 единиц), в других – менее заметна (например, в г. Изобильный – 1369, а в г. Новоалександровск – 1187 единиц). В городах же,

¹ Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир. Отчёт. Июль, 2018 / Институт экономики роста им. П. А. Столыпина. URL: <http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/07/issledovanie-ier-msp-27.07.18.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

Таблица 15.2

Число малых и средних предприятий и индивидуальных предпринимателей по субъектам РФ по данным Единого реестра субъектов МСП и ИП, 10.04.2020 г.

Название региона	Всего	Из них					Из них				
		Юридических лиц					Индивидуальных предпринимателей				
		Всего	Микро	МП	СП	СП	Всего	Микро	МП	СП	
Российская федерация	5 979 899	2 558 155	2 345 230	1 962 45	16 680	3 421 744	3 395 547	25 899	298		
Центральный ФО	1 848 889	878 866	802 740	69 688	6 438	970 023	963 973	5 972	78		
Тверская область	47 802	20 119	18 200	1 792	127	27 683	27 408	274	1		
Лихославль	287	64	52	11	1	223	219	4	0		
Кимрский район	392	143	127	15	1	249	248	1	0		
Северо-Западный ФО	700 096	349 363	321 887	25 505	1 971	350 733	348 411	2 294	28		
Вологодская область	52 012	25 189	23 546	1 530	113	26 823	26 492	328	3		
Сокол	1 074	395	363	28	4	679	672	7	0		
Красавино	1 113	24	21	3	0	89	89	0	0		
Южный ФО	697 770	198 624	181 790	15 536	1 298	499 146	495 725	3 393	28		
Ростовская область	174 784	52 503	47 564	4 570	369	122 281	121 254	1 016	11		
Аксай	2894	1 208	1 091	107	10	1 812	1 803	0	0		
Миллерово	1 467	187	162	24	1	1 280	1 261	19	0		
Северо-Кавказский ФО	202 205	49 278	44 960	3 926	392	152 927	152 157	760	10		
Ставропольский край	100 672	23 793	21 314	2 232	247	76 879	76 273	599	7		
Изобильный	1 369	232	199	32	1	1 137	1 125	12			
Новоалександровск	1 187	200	165	32	3	987	978	9	0		
Приволжский ФО	1 068 897	457 040	417 397	36 591	3 052	611 857	605 849	5 948	60		

Окончание табл. 15.2

Название региона	Всего	Из них				Из них			
		Юридических лиц				Индивидуальных предпринимателей			
		Всего	Микро	МП	СП	Всего	Микро	МП	СП
<i>Нижегород. область</i>	128 867	60 634	55 123	5066	445	68 233	67 480	742	11
Балахна	1376	460	423	35	1	916	908	8	0
Заволжье	1032	454	406	45	3	578	576	2	0
Уральский ФО	514 122	221 805	204 448	16 019	1338	292 317	289 800	2486	31
<i>Свердловская область</i>	203 920	94 720	87 546	6618	556	109 200	108 174	1016	10
Среднеуральск	1149	421	396	23	2	728	721	7	0
Ирбит	1262	348	306	42	0	914	900	14	0
Сибирский ФО	634 054	278 309	256 804	19 919	1586	355 745	352 594	3116	35
<i>Иркутская область</i>	89 814	37 727	34 757	2770	200	52 087	51 641	443	3
Шелеховский район	667	163	156	6	1	504	502	2	1
Зима	675	149	133	15	1	526	522	4	0
Дальневосточ. ФО	313 866	124 870	115 204	9061	605	188 996	187 038	1930	28
<i>Приморский край</i>	88 867	40 492	37 382	2925	185	48 375	47 862	509	4
Большой Камень	1295	471	435	33	3	824	819	5	0
Спасск-Дальний	1168	272	242	27	3	896	887	9	0

Источник. Составлено по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства РФ. Прим. Кимрский и Шелеховский район, нет данных по городу.

расположенных в Иркутской и Свердловской областях, доля МСП и ИП сектора в городах вне агломерации сопоставима с такой же в городах в агломерации. В связи с этим не следует выводить прямую закономерность между числом МСП и ИП и пространственным расположением. Очевидно, что необходимо учитывать и другие факторы.

По видам экономической деятельности в целом структура МСП и ИП малого города соответствует общероссийской: торговля розничная и оптовая, строительство, обрабатывающая промышленность, охота, рыболовство и рыбоводство и др. Однако во многих малых городах в отраслевой структуре число МСП в сфере потребительского рынка часто является непропорционально высоким, достигая показателя 70-80%. Избыточность предприятий, занятых в потребительском секторе (в первую очередь в розничной торговле), подтверждают и участвующие в фокус-группах предприниматели. С их точки зрения, количество фирм в сфере торговли на душу населения в 4 раза выше необходимого (ФГ, г. Сокол), что создаёт излишнюю конкуренцию. Кроме того, подобные предприятия скорее обслуживают население, но не вносят заметный вклад в развитие экономики города как таковой.

Анализ открытых отчётных документов муниципальной власти свидетельствует о постепенном уменьшении числа МСП и ИП в малых городах, причём в некоторых случаях оно отмечается уже с начала 2010-х гг. Например, число субъектов МСП в г. Сокол в конце 2018 г. было 1339, в апреле 2020 г. – 1074 единиц; в г. Зима в 2017–2018 гг. – 797, в апреле 2020 г. – 675 единиц; в г. Большой Камень в 2018 г. – 1411, весной 2020 г. – 1295 единиц, в г. Спасск-Дальний в 2019 г. – 1351 единиц, в апреле 2020 г. – 1168 единиц. Также надо иметь в виду, что число зарегистрированных, имеющих статус юридического лица, субъектов не всегда соответствует числу функционирующих. Следовательно, в реальности число предприятий может быть ещё меньше, в то время как часть предпринимателей продолжает работать без регистрации. Согласно муниципальным отчётам и по мнению участников фокус-групп, более оптимистичной является ситуация в Ростовской области (в Аксайском районе), в Ставропольском крае (г. Мил-

лерово), в Свердловской области (г. Среднеуральск), где число субъектов МСП в последние годы увеличивается, особенно число компаний, задействованных в производстве и строительстве, в туризме.

По показателям, характеризующим долю сектора МСП в экономике, Россия уступает многим странам. В частности, показатель численности субъектов МСП на 100 человек в России равен 2,0, что в 4,7 раза меньше, чем в Чехии, в 3,4 раза – чем в Швеции, в 2,7 раз – чем в Испании, в 2,1 раза – чем в Польше¹. В то же время, в некоторых исследуемых нами городах количество субъектов МСП в расчёте на 100 человек населения выше среднероссийского показателя, например, в г. Ирбит он равен 3,3 (в 2016 г.), в г. Новоалександровск – 3,7, в г. Кимры – 4,6.

Какие условия для развития МСП и ИП существуют в настоящее время в исследуемых нами малых городах? Поскольку государственная политика в отношении малых городов формируется и реализуется на стыке таких взаимосвязанных направлений, как политика социально-экономического и социокультурного развития территориальных единиц и политика пространственного развития, следует начать с того, какая оценка даётся пространственному и географическому расположению и, часто связанной с ним, транспортной доступности малого города.

Важными условиями с точки зрения пространственного влияния на развитие малого города в целом и на развитие в нём предпринимательства называются природно-климатические, исторические, географические и транспортные аспекты. По мнению участников исследования, огромную роль в судьбе города играет его расположение по отношению к региональному центру / крупному городу. В то же время близость расположения относительно федерального и областного центров, а также других крупных городов оценивается двойственно. С одной стороны, как преимущество, поскольку означает хорошую дорожную и транспортную межгородскую инфраструктуру, что облегчает, в том числе, предпринимательскую деятельность, например, закуп-

¹ Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир. Июль, 2018.

ку товаров в региональном центре. Но это может создавать и ограничения. Более развитая образовательная, медицинская, предпринимательская инфраструктура в агломерации препятствуют развитию такой инфраструктуры в малом городе. Подобная ситуация, но в ещё более острой форме, свойственна таким городам центральной России, как, например, г. Лихославль и г. Кимры Тверской области.

Несмотря на значимость географического расположения, более важным фактором пространственного развития российских малых городов является транспортная доступность и инфраструктура. Например, наличие в городе или рядом с ним автомобильных дорог федерального значения, которые являются государственной собственностью и финансируются из бюджета РФ или за счёт других предусмотренных российским законодательством источников, гарантирует финансирование не только их ремонта и поддержания, но и способствует развитию города, в частности производства, а также МСП сферы услуг (кафе, магазины, заправки и т. п.), которые, как правило, активно строятся вдоль федеральных трасс.

Помимо географического расположения и транспортной доступности, условия для МСП и ИП определяются конкретной социально-экономической ситуацией. По мнению опрошенных предпринимателей, социально-экономическое состояние большинства малых городов характеризуется множеством проблем. Предпринимательство не следует рассматривать отдельно от остальных требующих внимания сфер жизни города, таких как:

- социальные проблемы (состояние здравоохранения, уровень и качество медицинских и образовательных услуг, социальное обеспечение и льготы);
- жильё и ЖКХ (ветхое жильё, малодоступное жильё, высокие тарифы ЖКХ);
- занятость населения (отъезд квалифицированных специалистов, отъезд молодёжи, низкие заработные платы, нехватка крупных предприятий; низкий уровень заработной платы);
- состояние городской среды (соотношение цена-качество при реализации государственных программ, внешние операторы; отсутствие реальной конкуренции между заинтересованными сторонами);

- современная федеральная бюджетная политика в отношении малых городов (перераспределение налогов через региональные бюджеты, собственники крупных предприятий не платят налоги в местный бюджет, недофинансирование);
- не решённые последствия диверсификации экономики моногородов;
- взаимоотношения регионального центра и малого города (прежде всего финансирование по остаточному принципу).

Большая часть этих проблем, по мнению предпринимателей, с одной стороны, создаётся, с другой – решается встроенностью малого города в законодательную, административную и экономическую вертикаль федерации и структурируется на трёх уровнях: федеральном, региональном и местном, городском.

К федеральному уровню предприниматели относят направление и темпы социально-экономического развития страны в целом. Ситуацию в этой сфере характеризуют как нестабильную, в первую очередь, из-за законодательных нововведений, особенно болезненных для мелкого бизнеса, и из-за постоянного роста инфляции и цен на составляющие производства. Ситуацию в малом городе катастрофически усугубляет, по выражению наших экспертов, низкий уровень и качество жизни, низкая покупательская способность населения из-за низкого уровня заработной платы. По словам участников фокус-групп, *«...пенсионеры, которые зарабатывают, говорят: “у меня сын вкалывает, но я получаю больше” <...> причём люди работают на нескольких работах...»*, поэтому *«в первую очередь тратят деньги на оплату коммунальных услуг и питание, ипотеку с кредитом..., экономят на всём и соответственно покупают мало»* (ФГ, г. Заволжье).

Одним из основных федеральных механизмов финансовой поддержки МСП и ИП являются субсидии. Несмотря на декларирование значимости для российской экономики развития сектора МСП и ИП, за последние годы размер государственных субсидий значительно уменьшился: если на начало 2017 г. на поддержку МСП, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, выделено субсидий почти 7,5 млрд

руб., то в начале 2018 г. – немногим более 5,8 млрд руб. Причём на уровне рассматриваемых нами областей снижение объёма субсидий выглядит ещё более заметным. Например, в Ставропольском крае, Тверской и Вологодской областях снижение отмечается почти в 2 раза (табл. 15.3).

К общероссийскому уровню, на который не могут повлиять ни местные, ни региональные власти, ни даже сильные сообщества предпринимателей, местные предприниматели относят российскую налоговую политику. Это мощнейший фактор, определяющий состояние предпринимательства

Таблица 15.3

Объём субсидий, выделенный из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские хозяйства), 2017–2018 гг., тыс. руб.

Регион	2017	2018
Российская Федерация	7 510 720	5 845 007
<i>Центральный федеральный округ</i>	<i>1 639 733</i>	<i>1 329 438</i>
Тверская область	63 581,61	31 938
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	<i>440 337,9</i>	<i>354 378,5</i>
Вологодская область	77 539,68	41 680,5
<i>Южный федеральный округ</i>	<i>1 148 414</i>	<i>1 324 905</i>
Ростовская область	264 345,9	80 027,6
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>	<i>218 569,5</i>	<i>98 653,5</i>
Ставропольский край	218 569,5	98 653,5
<i>Приволжский федеральный округ</i>	<i>159 821,3</i>	<i>94 514,5</i>
Нижегородская область	159 821,3	94 514,5
<i>Уральский федеральный округ</i>	<i>498 193</i>	<i>279 421</i>
Свердловская область	164 123,5	105 999,9
<i>Сибирский федеральный округ</i>	<i>144 690,9</i>	<i>63 482,8</i>
Иркутская область	144 690,9	63 482,8
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	<i>428 724</i>	<i>82 916,6</i>
Приморский край	92 006	82 916,6

Источник: Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: Стат.сб./М 19 Росстат. М., 2019. С. 80.

страны в целом, но особо остро воспринимаемый МСП в малых городах. Во-первых, современная перераспределительная система формирования бюджетов малых городов является одной из причин недофинансирования городов и, следовательно, не поощряет их финансовую самостоятельность и ответственность и, в итоге, не способствует их развитию. Во-вторых, уровень налоговой нагрузки, не соответствующий уровню производительности труда, не позволяет малым и средним предприятиям развиваться. Кроме того, предприниматели находят несправедливым и экономически малоэффективным применять к малым городам те же налоги, что и к крупным городам, где выше заработная плата, уровень жизни и покупательская способность населения. *«...Нам сделали все “блага”, мало того, что подняли НДС на 2%, все, кто работал, зарабатывал деньги в бизнесе, занимался производством, хотя бы по страховым взносам имели какую-то льготу, пусть не большую, но имели 10%, а в этом году всё сняли и опять же добавили, увеличишь фонд заработной платы, будешь больше платить страховые взносы, а чем их платить?»* (ФГ, г. Заволжье).

Тарифы на услуги инфраструктурных монополий, особенно в сфере электроснабжения, – ещё один болезненный для субъектов МСП вопрос, решение которого, по мнению городских предпринимателей, возможно только на федеральном уровне. При этом, инфраструктура водо- и электроснабжения зачастую находится не в самом лучшем состоянии и требует обновления, а стоимость пользования является настолько завышенной, что, в условиях разных климатических зон России, для части предпринимателей оказывается решающим при сохранении бизнеса, не говоря уже о его развитии.

Принципиальными вопросами для развития МСП в малом городе, согласно нашим экспертам, являются ограничения применения федерального законодательства на местном уровне. Так происходит потому, что многие федеральные законодательные инициативы вводятся без учёта региональной и городской специфики. В частности, для большинства предпринимателей исследуемых нами городов стало драматичным требование установки онлайн касс, прежде всего, из-за дополнительной неоправданно высокой

финансовой нагрузки на бизнес, приводящей к ещё большей нагрузке на федеральный бюджет: *«...кассу поставить новую – семьдесят тысяч..., а потянет ли мой магазин такие расходы? Я закрою магазин. Двое продавцов пойдут на биржу и эти же федеральные деньги пойдут им на зарплату, там на что-то, на пособие. Так, зачем?»* (ФГ, г. Балахна). Несогласованность федерального законодательства и городских ресурсов и практик иногда может приводить к серьёзным последствиям. Например, существующее законодательство не позволяет местным властям и предпринимателям г. Кимры самостоятельно заниматься сохранением и реставрацией зданий, относящихся к памятникам деревянного зодчества («деревянный модерн»).

Часть упомянутых проблем усугубляется на региональном уровне. По мнению местных предпринимателей, назрела необходимость пересмотра законодательства относительно формирования и распределения городского бюджета, в первую очередь, механизма налогообложения и распределения денег из федерального бюджета через региональные власти, поскольку деньги *«не доходят до малых городов»*, а *«оставляются в региональном центре»* (Эксперт, г. Кимры). Другой вопрос в том, что, хотя субъекты федерации имеют право и должны оказывать дополнительную финансовую помощь МСП в находящихся на их территории малых городах, не у всех регионов есть на это достаточные средства.

На муниципальном уровне, соответственно, огромную роль играют действия местной администрации по созданию привлекательной для предпринимательства атмосферы, в частности, устранению излишних административных препятствий (упрощать отчётность, содействовать уменьшению проверок со стороны контролирующих органов и т.п.); по обеспечению доступности для МСП и ИП к средствам и городским ресурсам на создание и развитие бизнеса; по налаживанию связей между местными производителями и сбытом; по участию в урегулировании споров в случае конкуренции.

Так, буквально криком о помощи выглядит обсуждение ситуации, которая складывается в малых городах из-за экспансии местного рынка федеральными и региональными сетями («Пятёрочка», «Магнит», «Монетка» и т.п.). Мел-

кие предприниматели, которые, как уже подчёркивалось, в основном заняты в потребительском секторе, не выдерживают конкуренции с торговыми сетями: «...*Пятёрка открывається и спокійно выбиваєт 10-15 маленьких магазинчиков, павильонов*» (ФГ, г. Аксай). Косвенным образом это также влияет и на местных производителей, особенно в регионах с сельским хозяйством. Во-вторых, вытеснение малого бизнеса торговыми сетями снижает местную налоговую базу, поскольку сетевые магазины чаще всего зарегистрированы не по месту нахождения. Наконец, как подчёркивают местные предприниматели, монополия федеральных и региональных торговых сетей создаёт проблему не только собственно предпринимателям, но и в целом всему малому городу, потому что подрывает энтузиазм наиболее активной части города, «...*уничтожает его как класс...*» (ФГ, г. Кимры). Решение данного вопроса местные предприниматели возлагают только на федеральную государственную власть, которой следует предусмотреть специальные условия для малых городов в части распространения сетей на законодательном уровне, поскольку в некоторых городах именно местная и региональная власть, как минимум, не препятствует этому. В качестве примера приводятся США и страны Европы: «*Велосипед не надо придумывать, он давно придуман, в Европе, в Америке, на которых мы ориентируемся, давно закон принят, в населённых пунктах, города с населением менее 20 000, сетевым магазинам категорически запрещено работать. Сколько предпринимателей работали для людей, они везли то, что нужно людям на местах, а сетевые магазины работают по другой системе, на сбыт, что у них есть на складах*» (ФГ, г. Лихославль).

Система мероприятий и инструментов государственной политики в сфере МСП и ИП прописывается в различных целевых государственных программах. Помимо общероссийских, в каждом российском малом городе действуют свои либо специальные муниципальные целевые программы, либо подпрограммы по развитию малого и среднего предпринимательства в рамках программ экономического развития города и / или региона. Программы, как правило, определяют действия органов исполнительной власти и местного самоуправления, а также предпринимателей и

их общественных объединений. Они также включают такие виды активности местного самоуправления в сфере МСП, как предоставление, либо помощь в получении субсидий, льготных кредитов и лизинга, микрозаймов; предоставление информационной и консультационной помощи; организация обучающих семинаров, круглых столов, дней предпринимателя и т.п.); передача муниципального имущества во владение и (или) пользование субъектам МСП, предоставление в аренду помещений; оказание содействия в продвижении производимых товаров (работ, услуг); развитие форм и методов взаимодействия органов местного самоуправления и бизнес-сообщества.

Вопрос механизмов, объёмов и контроля финансирования целевых программ на МСП, по мнению экспертов, является одним из ключевых при реализации программ и оценке их эффективности. В качестве главного препятствия реализации, в первую очередь муниципальных программ, называется несамостоятельность, часто дотационность бюджетов малых городов. Во многих городах объём финансирования муниципальной целевой программы по поддержке МСП в последние годы заметно снизился. Например, по программе г. Лихославль на 2018-2022 гг. всего запланировано финансирование в размере 240 911,2 тыс. руб., но если на 2018 г. было выделено 86 075,6 тыс. руб., то в 2020 г. – уже 31 983,16 тыс. руб.

Необходимость специальных муниципальных программ, направленных на помощь развитию местного предпринимательства, не подвергается сомнению, в то же время критикуется бизнес-сообществом за их маленький масштаб как с точки зрения объёмов финансирования, так и количества поддерживаемых предприятий. В целом, опрошенные нами местные предприниматели пессимистичны в оценке эффективности различных целевых государственных программ. Примечательно, что некоторая часть из них даже мало информирована об их существовании, несмотря на то, что информационное направление является одним из основных в городских целевых программах по поддержке МСП.

Те, кто знакомы с программами, направленными на развитие МСП, среди основных видов поддержки называют финансовую помощь в форме субсидии. В то же время, эта

форма помощи, с их точки зрения, имеет ряд ограничений. Во-первых, размер субсидий во многих случаях оказывается недостаточным (в среднем от 50 до 150 тыс. рублей), *«хотелось бы не 100 000, а, например, 500. Вот это уже было бы интересно»* (ФГ, г. Новоалександровск). Во-вторых, иногда субсидия предоставляется при условии, например, создания новых рабочих мест, стоимость которых оказывается выше, чем размер субсидии.

Одной из востребованных мер поддержки и развития малого бизнеса является получение в специальных банках льготных кредитов и микрозаймов. Например, в г. Зима на развитие бизнеса в 2018 г. предоставлен 91 микрозайм на сумму 63,5 млн рублей. В рамках программы микрокредитования АНО «Заволжский центр поддержки предпринимательства» г. Заволжье в 2015 г. предоставил 25 микрозаймов на общую сумму 7,3 млн руб. По данным «Фонда микрофинансирования» г. Изобильный на октябрь 2019 г. получили поддержку 115 субъектов МСП, в результате на развитие бизнеса ими получено 96 160 рублей.

Общими для всех видов финансовой помощи являются сложности при оформлении документов для получения кредита или участия в конкурсе на субсидию. Они объясняются нашими экспертами как недостаточной юридической и предпринимательской грамотностью участников взаимодействия, так и избыточными административными и бюрократическими требованиями к оформлению документов. Помимо этого, зачастую от подачи документов и прохождения экспертизы до получения денег проходит так много времени, что в результате стоимость оборудования, на покупку которого составлялся бизнес-план заявки, как правило, успевает вырасти *«...ценовая политика выросла, и тратишься <...> и, по факту, должен отчитываться за пятьсот потраченных денег, а в итоге тратишь соответственно больше»* (ФГ, г. Шелехов). Этих препятствий становится ещё больше, когда предприниматель пытается получить финансовую помощь через участие в районных, региональных и особенно федеральных целевых программах. Поэтому на практике возникают ситуации, когда *«вроде нате – деньги получить, но их очень тяжело получить...»* (ФГ, г. Балахна).

Признавая ограниченные возможности местных властей в сфере поддержки МСП и ИП, в частности, недостаточность уже упомянутых полномочий в сфере формирования налогообложения и, главное, его распределения, тем не менее местное малое и среднее предпринимательское сообщество полагает, что от городских властей всё же многое зависит как с точки зрения продуманной целевой бюджетной поддержки, так и административной и информационной помощи особенно социально значимым предпринимательским инициативам. При анализе МСП и ИП в малом городе следует иметь в виду, что большинство индивидуальных и мелких предпринимателей являются коренными жителями города, где *«все родственники, все знакомы, все соседи»* (ФГ, г. Сокол). Это значит, что при взаимодействии заинтересованных сторон огромную роль играет личностный фактор, личные связи, что, с одной стороны облегчает, с другой – усложняет взаимодействие при решении вопросов МСП. Для предпринимателей, как и для остального населения, большое значение имеют персональные качества главы города и членов администрации. Помимо этого, поскольку часть договорённостей, по свидетельству предпринимателей, строится на личных связях, смена руководства городом создаёт нестабильную ситуацию, когда *«предприниматель договаривается сегодня с одним главой города, через пятнадцать лет может совершенно другой человек сидеть, с которым договорённостей и не было никаких»* (ФГ, г. Шелехов). Ещё одно проявление персонализированного взаимодействия – *«финансовая помощь идёт одним и тем же предпринимателям»* (ФГ, г. Балахна).

По мнению участников исследования, есть три основные формы взаимодействия городской власти и местных предпринимателей. Первая, когда власти *«мешают»* предпринимателям, вторая – *«не мешают»*, в целом нейтрально, третья – *«сотрудничество»*, взаимовыгодный обмен услугами и поддержкой. При первом типе взаимодействия препятствия могут быть связаны как с факторами, не совсем зависящими от местной власти, например, с ограничениями при реализации федерального и регионального законодательства на местном уровне, недофинансированием, так и с действиями самой городской власти, зачастую не

соблюдающей баланс между частными и государственными интересами. Вторая форма – «не мешают» – частью предпринимателей признана самой оптимальной. Третья форма подразумевает, что все ключевые для города вопросы, любые решения, связанные с расходованием бюджетных средств на благоустройство, обсуждаются не только с общественными организациями, но и с предпринимательским сообществом.

Проявлением сотрудничества можно назвать частно-государственное партнёрство. Но большей части опрошенных нами предпринимателей подобная форма взаимодействия неизвестна, либо они затрудняются ответить, какие конкретно виды деятельности можно к нему отнести. Незначительная доля местных предпринимателей считает понятие частно-государственного партнёрства синонимом социального предпринимательства, когда государство делегирует бизнесу ответственность за некоторые социальные услуги населению. Однако и они не смогли назвать яркие примеры регулярного проявления подобного партнёрства. Ещё сложнее представителям предпринимателей малых городов оказалось определить, что такое социальное предпринимательство и есть ли оно в их городе. Социальное предпринимательство понимается и как благотворительность, и как помощь нуждающимся. Некоторые предприниматели всю свою активность в условиях малого города называют социальным предпринимательством, поскольку создание рабочих мест в малом городе, с их точки зрения, – уже социально ориентированный бизнес. В целом, поддерживая идею полезности и частно-государственного партнёрства и социального предпринимательства, большинство полагает, что их сложно реализовать из-за того, что «*социально ориентированное – антипод бизнесу*» (ФГ, г. Миллерово), но особенно сложно в малом городе, поскольку у местного бюджета, у самих предпринимателей мало финансовых возможностей для участия в таком партнёрстве. В то же время местные предприниматели охотно принимают идею социальной ответственности бизнеса, потому что, «*когда бизнес начинает зарабатывать на территории, он должен и жить проблемами этой территории*» (ФГ, г. Миллерово).

Помимо муниципальных властей и собственно субъектов предпринимательства, определённую роль в инфраструкту-

ре МСП и ИП малого города играют различные организации, представляющие интересы малого предпринимательства. Можно выделить несколько типов организаций. Первый – организации, созданные по инициативе и при поддержке государства, при поддержке региональных или городских администраций, и, как правило, предполагающие бюджетное финансирование. К ним можно отнести: советы, чаще всего при администрациях, по развитию малого и среднего предпринимательства, бизнес-инкубаторы, различные некоммерческие организации в виде фондов и ассоциаций. И второй тип – независимые некоммерческие организации по поддержке предпринимательских и общественных инициатив, отраслевые ассоциации, региональные отделения общероссийской организации «Опора России», также оказывающие информационную и консультативную помощь.

Во многих малых городах при администрациях созданы отделы в виде советов по развитию малого и среднего предпринимательства, задачей которых является привлечение самих предпринимателей к выработке и реализации мероприятий по поддержке МСП на территории города. Но в последние годы отмечается тенденция, когда местные администрации и, соответственно, создаваемые при них советы предпринимателей, все больше утрачивают самостоятельность в качестве институтов координации и развития в сфере малого и среднего предпринимательства. Так, Указом Президента Российской Федерации от 05.06.2015 № 287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства» создана Корпорация малого и среднего предпринимательства, которая, в частности, совместно с Министерством экономического развития РФ и Банком России разработала Программу стимулирования кредитования субъектов МСП. Кредитование происходит в специально созданном при Корпорации Банке МСП. Хотя банк предлагает кредитование начинающих предпринимателей, с которыми, как правило, банки и микрофинансовые организации не работают, с пониженной процентной ставкой, большинству мелких предпринимателей малых городов подобные кредиты всё равно малодоступны. Многие администрации малых городов разместили в Интернете официальную информацию о продуктах Корпорации, кото-

рая, по сути, играет роль посредника между банками и субъектами МСП, предоставляя Банку или Организации-партнёру гарантии по кредитному договору / договору займа / лизинга. Однако не вполне понятно, зачем нужен подобный посредник, когда очевидно проще предусмотреть комплекс мер, по которым малый бизнес смог бы кредитоваться под доступный процент либо в уже существующих банках, либо в микрофинансовых организациях.

Дело в том, что в инфраструктуре поддержки МСП и ИП, иницируемой государственными органами, уже существуют муниципальные и региональные некоммерческие организации в основном в виде фондов и ассоциаций, по сути микрофинансовые компании, выдающие микрокредиты под меньший процент, чем в среднем в банке. Например, «Фонд поддержки малого и среднего предпринимательства г. Зима и Зиминского района» за 2012- 2015 гг. предоставил субъектам малого бизнеса 699 микрозаймов на общую сумму 224 млн рублей.

В соответствии с Приказом Минэкономразвития РФ от 25.04.2008 № 119 на всех административных уровнях также созданы бизнес-инкубаторы – бюджетные учреждения для поддержки, прежде всего начинающих предпринимателей. Наиболее активные направления работы бизнес-инкубаторов – предоставление в аренду офисных помещений субъектам МСП, а также информационно-комплексных и образовательных услуг. По данным Росстата в 2018 г., в России действовал 131 бизнес-инкубатор, более трети из них (48 единиц) были в Приволжском ФО, 25 бизнес-инкубаторов – в Северо-Кавказском ФО, на третьем и четвертом месте с примерно равным количеством находятся Сибирский ФО (17) и Северо-Западный ФО (15). На последнем месте по количеству бизнес-инкубаторов – Уральский ФО (3)¹. Статистическая информация хорошо иллюстрируется данными экспертных интервью и фокус-групп. Чаще всего бизнес-инкубаторы как заметный институт предпринимательской инфраструктуры упоминается представителями Нижегородской и Вологодской областей. Например,

¹ Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: Стат. сб. М 19 Росстат. М., 2019. С. 80.

в Вологодской области более 2000 субъектов МСП ежегодно обращаются за услугами в бизнес-инкубатор. Свои бизнес-инкубаторы созданы и в некоторых малых городах (например, в бизнес-инкубаторе г. Сокол размещено 11 резидентов МСП).

Согласно оценкам предпринимателей, деятельность некоммерческих организаций, представляющих интересы МСП и ИП в малом городе, нельзя назвать эффективной, прежде всего, потому, что она мало способствует формированию городского сообщества предпринимателей, работающих во благо города. Чаще всего, по их мнению, при взаимодействии заинтересованных сторон по решению вопросов МСП продуктивным оказывается инициатива из администрации. Хотя предприниматели не снимают с себя ответственность за взаимодействие с администрацией, последняя обладает большими ресурсами, чем рядовой предприниматель: *«власть любого уровня имеет достаточно много механизмов для надавливания на бизнес, например, «...внеплановая проверка Роспотребнадзора»* (ФГ, г. Шелехов). В целом, связь власти и предпринимателей оценивается как очень слабая. Относительно эффективным направлением работы местной власти, по их мнению, можно считать только консультационное и информационное направление, поддержку участия в ярмарках. В то же время, предприниматели признают, что часть созданных ими общественных организаций существуют формально либо малоактивны.

Мелкий и средний бизнес является одним из существенных источников наполнения потребительского рынка малого города товарами и услугами, наполнения местного бюджета, роста эффективности производства, создания инвестиционно-привлекательной атмосферы, обеспечения занятости населения и повышения качества жизни горожан. Однако вклад МСП и ИП в малом городе, по мнению предпринимателей, измеряется не только экономическими показателями. Именно в малом городе, где *«все друг друга знают»*, предприниматели, которые составляют большинство МСП и ИП, являются местными жителями, горожанами и частью городского сообщества. На фокус-группах неоднократно подчёркивалось, что предпринимателями, как правило, являются наиболее активные граждане, они

составляют не только одну из опор городской экономики, но и костяк горожан, который интегрирует городское пространство, служит сохранению и развитию малого города: *«...потеряв именно этот активный слой в районе, в деревне, ещё где-то, просто потеряешь всю экономику»* (ФГ, г. Лихославль).

Так как же местные предприниматели видят перспективы развития малого и среднего предпринимательства в своём малом городе, с чем связывают эти перспективы? Прежде всего, они зависят от перспектив не только города, но и, как в случае с Приморским краем, региона в целом. По мнению представителей местных предпринимателей, сохранение и развитие малых городов возможно в том случае, если российская государственная политика сможет создать для этого определённые условия.

Федеральной власти предлагается принципиально поменять экономическую модель: создать условия, чтобы местные органы власти могли внедрить такую систему, которая будет сама обеспечивать малую территорию. Крупные предприятия и федеральные торговые сети следует призвать оставлять больше налогов в малом городе, например, обязав их регистрироваться и в малом городе тоже. Назрела необходимость пересмотра законодательства относительно формирования и распределения местного бюджета, в первую очередь, механизма налогообложения и перераспределения денег из федерального бюджета через региональные власти. Следующее условие состоит в том, что уровень и качество жизни жителей малого города не должны в разы отличаться от таковых в крупных городах. Самое главное, что малый город должен быть городом комфортным для жизни. Поэтому малые города по некоторым льготам следует приравнивать к сельским населённым пунктам, например, в отношении молодых специалистов, в отношении тарифов ЖКХ. Основой для сохранения и развития некоторых малых городов может стать создание крупного промышленного производства или перерабатывающей промышленности, учитывающей природно-климатические и исторические особенности города. Например, в южных регионах России это может быть создание сельскохозяйственных перерабатывающих производств полного цикла, либо строительство

логистического центра (например, использовать преимущества географического расположения г. Миллерово). Наконец, важно критически пересмотреть административное подчинение между разными государственными уровнями, поскольку в настоящее время существует функциональный разрыв между федеральным, региональным и муниципальными уровнями управления и неэффективность муниципальной власти.

Наиболее перспективные экономические направления: создание условий для конкурентоспособной экономической деятельности, экологичное производство, развитие туризма. Эти общие пожелания должны быть индивидуализированы в каждом конкретном городе с учётом его исторических, климатических, географических, культурных и экономических особенностей. Иными словами, туристический бизнес может стать ведущим направлением развития для одного города, но окажется провальным – для другого. В то же время, не все преимущества и уже имеющийся производственный и человеческий потенциал малых городов учтён в полной мере. Например, жители г. Заволжье связывают перспективы своего города с использованием ресурсов, заложенных ещё в советское время, например, человеческого потенциала, оставшегося от градообразующего предприятия, в строительстве технопарка или предприятия, которое стало бы связующим звеном между г. Нижний Новгород и московской трассой. Но эти перспективы могут оказаться утопическими, если в отношении малых городов не будет системного решения, специальной федеральной политики, предусматривающей в первую очередь государственное финансирование и создающей условия для привлечения инвестиций в развитие малых городов.

Помимо отмеченных условий, важных для перспектив развития города в целом, опрошенные нами предприниматели уверены, что в малых городах должны существовать специальные условия для мелких, включая индивидуальных, предпринимателей. В заключение коротко рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, следует ещё раз пересмотреть в сторону упрощения и прозрачности уже существующие условия в сфере работы контролирующих органов, оформления от-

чётной документации и прохождения сертификации в области доступности финансирования. Отдельно необходимо предусмотреть тарифы и налоговые льготы, особенно для начинающих предпринимателей или предпринимателей, чья коммерческая деятельность может нести социальную направленность, например, предоставлять услуги малоимущим слоям населения и т.п. *«У нас есть программа по моногородам. Составляются займы под 3,5%. А почему для малых таких городов, как у нас, займы под 7,5%? Снижение ставки необходимо. Снижение по финансовой поддержке, по микрозаймам»* (ФГ, г. Ирбит).

Во-вторых, дальнейшее развитие местного предпринимательства не может быть без специального решения федерального центра, ограничивающего деятельность крупных торговых сетей в малых городах, что в итоге должно стимулировать рост производства и внутреннего потребления производимых на местах товаров.

В-третьих, именно в малых городах уже есть условия для развития малого предпринимательства в традиционном понимании, когда навыки и технологии переходят из поколения в поколение, создавая имидж не только своей фирме, но и всему городу. Яркий пример этого – история одной пекарни в г. Балахна. По рассказам предпринимателей города, *«был замечательный вкусный хлеб..., который уже не возродится. Люди ушли <...> да, есть определённые технологии, но <...> на таких предприятиях работали семьями, и это всё <...> сейчас уже рассыпалось...»* (ФГ, г. Балахна). Из-за того, что стоимость муки выросла, но, по распоряжению администрации, цены на готовую продукцию остались прежними, предприятие было вынуждено изменить технологию, что привело к снижению качества хлеба и потере известного на местном рынке бренда. Речь о том, что сохранение и развитие подобных предприятий чаще всего требует индивидуального подхода.

Помимо этого, существует потребность как среди обычных жителей, так и бизнес-сообщества малого города в развитии перерабатывающих малых предприятий, принадлежащих местным жителям, продукцию которых также будут поставлять местные фирмы. Поэтому следует продумать механизмы поддержки предпринимателей, жела-

ющих перейти от купли-продажи к полному циклу – от производства сырья, его переработки – до сбыта, причём не только в городе или регионе. Например, в южных регионах согласовать деятельность по выращиванию сельхозпродукции с созданием на местах небольших предприятий по их хранению и переработке. В целом, продвижение продукции местных производителей требует специального внимания, поскольку у мелких предпринимателей мало ресурсов для маркетинга. Достижение указанных перспектив требует ещё более плотного взаимодействия между предпринимателями и различными уровнями власти, но особенно местным самоуправлением.

Современное состояние и стратегии развития малых городов Российской Арктики

Арктическая зона Российской Федерации (АЗ РФ) значительно отличается от других регионов экстремальными природно-климатическими условиями, низкой плотностью населения, удалённостью от крупных промышленных центров страны, очаговым характером хозяйственного освоения северной территории, высокой ресурсоёмкостью и зависимостью экономики и социальной сферы от поставок из других регионов всех видов ресурсов (включая трудовые), уязвимостью природы от антропогенных воздействий, необходимостью учёта интересов и условий традиционной жизнедеятельности коренных аборигенных этносов и др.

Основную часть сухопутной территории АЗ РФ, определённой Указом Президента РФ от 02.05.2014 № 296¹, составляют территории 9 субъектов РФ, где проживают 1,95 млн человек – около 1,4% населения всей страны². Основная часть населения АЗ РФ находится в 91 городе, из которых 32 города относятся к малым городам, численность жителей которых не превышает 50 тыс. человек.

Следует предварительно отметить, что в настоящее время ни в науке (в том числе в социологической), ни на практике и в регламентирующих её нормативных правовых документах не утвердилось представление о критериях выделения группы малых городов в совокупности городов России. Например, Минстроем и ЖКХ РФ³ в интересах эффективной организации градостроительной деятельности была выде-

¹ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296 (ред. от 13.05.2019). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2020).

² РСПП Социально-ответственное предпринимательство в Арктической зоне РФ: официальный сайт. Москва, 2020. URL: <http://www.arctic-social.biz> (дата обращения: 15.04.2020).

³ Об утверждении СП 42.13330 «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». Приказ Минстроя и ЖКХ Российской Федерации от 30.12.2016 № 1034. Официальное издание, актуализированная редакция. М.: 2016. 98 с.

лена «в зависимости от проектной численности населения на расчётный срок» группа малых городов с численностью населения не выше 50 тыс. человек; в свою очередь, малые города разбиты на три подгруппы: в первую вошли малые города с численностью населения от 20 до 50 тыс. человек; во вторую – от 10 до 20 тыс. человек; в третью – менее 10 тыс. человек (пункт 4.4 СП 42.13330).

Чуть позднее к участию во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды «Малые города и исторические поселения»¹, проведённом Минстроем РФ в 2018 г. в интересах «поддержки проектов по созданию привлекательных городских пространств, способствующих повышению качества жизни, привлечению в город посетителей, развитию индустрии услуг», были привлечены малые города с численностью до 100 тыс. человек, результаты конкурса в этой категории подводились среди городов с населением от 50 до 100 тыс. человек, от 20 до 50 тыс. человек, от 10 до 20 тыс. человек и среди городов с населением до 10 тыс. человек.

Одновременно Союз малых городов Российской Федерации – достаточно авторитетная сегодня «негосударственная, неполитическая, некоммерческая организация, созданная в 1991 году небольшими городами России в целях совместного и последовательного проведения, прежде всего, на федеральном уровне своих особых интересов», – декларирует на официальном сайте (<http://smgrf.ru/>), что «объединяет малые и средние города, районы, посёлки городского типа, районные центры с численностью населения, как правило, до 200 тысяч жителей» (членами Союза числятся 197 муниципальных районов, городских округов, городских поселений; полагаем, однако, данную верхнюю границу численности населения малого города следует считать всё же слишком большой, она задаёт слишком большой диапазон; её принятие позволяет считать в составе данного Союза поселения со значительно разными, «особыми интересами»).

¹ Конкурс «Исторические поселения и малые города»: официальный сайт. Москва, 2018 – 2020. URL: <https://konkurs2018.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 15.04.2020).

Ещё одна градация малых городов использована на сайте Акционерного общества «ДОМ.РФ» (<https://xn--d1aqf.xn--p1ai/>), на котором в целях расчёта индекса качества городской среды эти города распределены по группам с численностью населения 50–25 тыс., 25–5 тыс., до 5 тыс. человек (методика формирования индекса качества городской среды утверждена распоряжением Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р¹, его значение для каждого города и для субъекта РФ учитывается при определении из федерального бюджета размера субсидии бюджетам субъектов РФ на поддержку государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ формирования современной городской среды, реализуемых в рамках национального проекта «Жильё и городская среда»).

Не вдаваясь в детали обсуждения², в какой мере должна учитываться численность проживающего в городе населения в том или ином комплексе критериев, позволяющих классифицировать города по тем или иным основаниям и, в том числе, выделять в их совокупности группу «малых городов», точнее – идентифицировать различия в их социально-экономическом развитии и лучше видеть причины и факторы этих различий, лучше понимать пути их преодоления, укажем, что город как поселение (и малый город, в частности) мы воспринимаем, прежде всего, как место с ограниченной территорией и с установленным определённым правовым статусом (город), в пределах которой осуществляется трудовая деятельность людей, их семейно-бытовая деятельность, забота о поддержании

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320891/ (дата обращения: 15.04.2020)

² См., напр.: *Касаткина С. С.* Определение концепта малого города в русле системно-семиотического подхода философских исследований // Социодинамика. 2017. № 6. С. 59–65; *Рассеко Ю. Ю.* Многоаспектное определение понятия «малый город» // Экономика, саццяялогія, права. Вестник МДУ імя А. А. Кулешова. 2015. № 2(46). С. 21–30; *Секушина И. А.* Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2 (26). С. 84–93.

и укреплении здоровья, проявляется их общественно-политическая активность, происходит потребление ими материальных и духовных благ. Это место – локус социального пространства, где накапливается, развивается и реализуется человеческий и социальный потенциал большей или меньшей по размеру и сложности городской общности; это – ресурсные центры и инфраструктурные узлы для освоения и развития окружающей сельской местности, природной территории.

Безусловно, численность населения имеет важное значение как количественный фактор, непосредственно влияющий на формирование условий, которые может предоставить город для осуществления различных форм и видов жизнедеятельности человека; как количественная оценка человеческого ресурса, определяющего её масштабы и спектр направлений. Однако понятно, что это лишь одна из возможных количественных оценок, которую следует учитывать при рассмотрении вопросов и проблем социально-экономического развития городов. Использование этого показателя в комплексе с методами оценки человеческого и социального потенциала населения территории, её экономико-географического состояния, пространственного развития, разработанными в социологии, экономике, социальной и экономической географии, даст, полагаем, исчерпывающую информацию для стратегического планирования социально-экономического развития муниципалитетов и регионов. При этом важно, чтобы эта информация, структурированная для АЗ РФ и для её малых городов, создавала возможности для выработки управленческих решений, реализующих принцип, сформулированный Президентом РФ В. В. Путиным на заседании III Международного арктического форума в 2013 г.: «Ключевым принципом развития Арктики должно стать природосбережение, обеспечение баланса между хозяйственной деятельностью, присутствием человека и сохранением окружающей среды»¹.

¹ Путин В. В. Выступление на пленарном заседании III Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» г. Салехард, 25.09.2013 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19281> (дата обращения: 15.04.2020).

Всего в АЗ РФ, как уже было сказано, 32 малых города (согласно классификации Минстроя РФ в Правилах градостроительства 2016 г.), это:

- 13 городов Мурманской области (всего в области 16 городов), в которых на 01.01.2018 г. проживало 231,5 тыс. человек¹ (то есть 30,7% всего населения области и 36,5% городского населения области): Мончегорск (42,1 тыс. чел. на 01.01.2018 г.), Кандалакша (31,3), Кировск (26,6), Оленегорск (20,8), Полярный (17,7), Ковдор (16,6), Заполярный (15,0), Полярные Зори (14,4), Снежногорск (12,6), Гаджиево (13,0), Заозёрск (9,9), Кола (9,7), Островной (1,8);
- город Нарьян-Мар, административный центр и единственный город Ненецкого автономного округа, в котором на 01.01.2018 г. проживало 24,8 тыс. человек (56,4% населения автономного округа);
- все три города Чукотского автономного округа, в которых на 01.01.2018 г. проживало 25,2 тыс. человек (51,1% населения округа): Анадырь, административный центр округа (15,6), Билибино (5,3), Певек (4,3);
- 6 городов Ямало-Ненецкого автономного округа (всего в округе 8 городов), в которых проживало 201,7 тыс. человек (37,5% всего населения и 47,6% городского населения округа): Салехард, административный центр округа (49,2), Надым (44,6), Муравленко (32,4), Губкинский (28,0), Лабытнанги (26,1), Тарко-Сале (21,4);
- 2 города в Республике Карелия (всего в Республике 13 городов) – административные центры муниципальных районов, в которых на 01.01.2018 г. проживало 20,9 тыс. человек (3,4% всего населения и 4,5% городского населения республики): Кемь (11,2 тыс. чел., 74,5% населения Кемского района), Беломорск (9,7 тыс. чел., 83% населения Беломорского района);
- 2 города в Республике Саха (Якутия) (всего в Республике 13 городов) – административные центры муниципальных районов, в которых на 01.01.2018 г. проживало 4,6 тыс. человек (0,5% всего населения

¹ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 443 с.

- Республики и 0,9% её городского населения): Среднеколымск (3,5 тыс. чел., 46,6% населения Среднеколымского района, административный центр района), Верхоянск (1,1 тыс. чел., 9,7% населения Верхоянского района, город районного подчинения);
- 2 города Красноярского края (всего в крае 23 города), в которых на 01.01.2018 г. проживало 25,5 тыс. человек (0,9% всего населения и 1,2% городского населения края): Дудинка (21,0 тыс. чел., административный центр Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, до 2007 г. – административный центр Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа, 66,2% населения района), Игарка (4,5 тыс. чел., 28,3% населения Туруханского района, город районного подчинения);
 - 3 города Архангельской области (всего в области 14 городов), в них на 01.01.2018 г. проживало 60,7 тыс. человек (5,3% всего населения и 7,8% городского населения области): Новодвинск (38,4 тыс. чел.), Онега (19,0 тыс. чел., 61,9% населения Онежского района), Мезень (3,3 тыс. чел., 36,7% населения Мезенского района).

Население малых городов АЗ РФ насчитывало на 01.01.2018 г. в общей сложности 594,9 тыс. человек. Как видим, основная его часть проживает на территориях Мурманской области и Ямало-Ненецкого автономного округа и составляет значительную долю населения этих субъектов Российской Федерации, что определяет степень внимания региональных органов государственной власти к вопросам качества жизни этой категории населения, социально-экономического развития малых городов. Не менее важно внимательно рассматривать и решать социальные проблемы населения малых городов и для органов государственной власти в Ненецком и Чукотском автономных округах, в которых нет больших городов и всё городское население (а это более половины населения округов) проживает в малых городах; решение социальных проблем этой социальной группы также должно быть в фокусе социально-экономической стратегии региональных органов власти. Несколько благоприятнее в этом отношении положение на-

селения малых городов Нарьян-Мара, Салехарда и Анадыря, являющихся по статусу административными центрами субъектов Российской Федерации и ощущающих поэтому заботу региональных органов государственной власти соответственно «столичному» статусу этих городов, хотя это не снимает остроту некоторых социальных проблем, которые испытывают их жители.

Таким образом, в АЗ РФ расположены:

13 малых городов первой подгруппы (по градации Минстроя РФ), численность населения которых от 20 до 50 тыс. человек, это:

- Салехард, Надым, Муравленко, Губкинский, Лабитнанги, Тарко-Сале в Ямало-Ненецком автономном округе;
- Мончегорск, Кандалакша, Кировск, Оленегорск в Мурманской области;
- Новодвинск в Архангельской области;
- Нарьян-Мар в Ненецком автономном округе;
- Дудинка в Красноярском крае.

9 малых городов второй подгруппы (от 10 до 20 тыс. жителей):

- Полярный, Ковдор, Заполярный, Полярные Зори, Гаджиево, Снежногорск в Мурманской области;
- Онега в Архангельской области;
- Анадырь в Чукотском автономном округе;
- Кемь в Республике Карелия.

10 малых городов третьей подгруппы (до 10 тыс. чел.):

- Заозёрск, Кола, Островной в Мурманской области;
- Билибино, Певек в Чукотском автономном округе;
- Среднеколымск, Верхоянск в Республике Саха (Якутия);
- Беломорск в Республике Карелия;
- Игарка в Красноярском крае;
- Мезень в Архангельской области.

Следует сказать, что малые города российской Арктики потребовали специального рассмотрения в связи со своей уникальностью, значимыми отличиями от аналогичных по численности населения городов центральных и южных регионов России. Их специфика проявляется как в сложившейся социально-экономической ситуации, так

и в направлении обозначившихся здесь социальных процессов. При этом малые города радикально отличаются и внутри АЗ РФ. Особенно ярко эти отличия проявляются между интенсивно растущими поселениями нефтегазового Западно-Сибирского арктического региона и большей частью стагнирующими городами европейского (Русского) и Восточно-Сибирского Севера.

В большинстве своём города на Крайнем Севере, в АЗ РФ, и малые города в том числе, возникали в периоды энергичного экономического развития страны и развивались как базы для освоения открытых месторождений природных ископаемых на необжитых или малообжитых местах, во втором случае – с использованием возможностей, имевшихся в исторически существовавших населённых пунктах для первоначального размещения участников освоения, в том числе в поселениях коренных народностей (Красноярский край, Мурманская область, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Якутия). В некоторых случаях города получали развитие в результате реализации военно-стратегических решений по обеспечению национальной безопасности и нередко имеют в настоящее время статус ЗАТО – закрытых административно-территориальных образований (Мурманская область) или развивались как опорные базы морских или сухопутных транспортных путей (Красноярский край, Мурманская область, Карелия, Ненецкий автономный округ).

Соответственно, в советский и постсоветский периоды малые города Арктики переживали периоды бурного роста, стабилизации или стагнации, в зависимости как от общей социально-экономической ситуации в стране, так и от этапа освоения соответствующих месторождений, смены стратегии освоения, в зависимости от способности страны к реализации военно-стратегического курса по обеспечению национальной безопасности или от изменения этого курса. Сегодня эти города «живут» в условиях значительных проблем, противоречий пространственного развития территории российской Арктики, наиболее заметными из них являются: противоречия в численности, в половой, возрастной и профессионально-квалификационной структурах населения; масштабный отток населения, значительное па-

дение естественного прироста, «оголение» территорий, на освоение которых были потрачены значительные ресурсы; увеличение расходов на содержание инфраструктуры, на обеспечение функционирования систем образования, здравоохранения, социальной помощи, транспортного обслуживания; увеличение региональных диспропорций вследствие концентрации основного экономического роста в нескольких крупных центрах страны, развития инновационной экономики преимущественно в крупных агломерациях, закрепления сырьевой специализации периферийных регионов; низкая транспортная доступность и связанность территории и т. д.). Исчерпывающим образом проблемы социально-экономического развития АЗ РФ по состоянию на 2013 г. описаны в пункте 5 Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г., утверждённой Президентом РФ. К сожалению, общего прорыва в решении этих проблем АЗ РФ и её малых городов за истекшие 5 лет пока не произошло.

Постсоветский период характеризуется практически общим процессом потери населения малыми городами Арктики, причем 11 городов – Островной, Игарка, Певек, Билибино, Беломорск, Заозёрск, Ковдор, Кандалакша, Оленегорск, Верхоянск, Кемь – утратили от 87,1% до 40,8% населения (города Островной, Игарка, Певек, Билибино, Беломорск, Заозёрск, теряя население, «перешли» за это время из второй подгруппы в третью, численность их жителей сегодня не превышает 10 и даже 5 тыс. чел.); города Мончегорск, Кола, Кировск, Мезень, Полярный, Заполярный, Дудинка – «потеряли» около трети населения; города Среднеколымск, Онега, Полярные зори, Новодвинск, Гаджиево, Снежногорск – около четверти жителей. Также уменьшилась численность жителей Анадыря (на 4,2%), Лабитнанги (на 7,1%), Муравленко (на 13%), Надыма (на 15%).

Рост численности населения отмечается лишь в городах: Салехарде (центре Ямало-Ненецкого автономного округа; следует отметить, что на 01.01.2019 г. численность населения этого города возросла на 55,1% – до 50,1 тыс. чел. и формально город перешёл в другую категорию учета по принятой Минстроем РФ градации), Нарьян-Маре (центре

Ненецкого автономного округа, +22,2%) и в городах Губкинском (в 2,9 раза) и Тарко-Сале (+24,1%) – базовых для нефтегазодобывающих компаний.

В настоящее время средняя численность населения малого города в АЗ РФ – 18,6 тыс. человек (на рубеже постсоветского времени в 1989–1996 гг. – 25,1 тыс. чел.), медианное значение численности – 16,1 тыс. человек. При этом средняя численность населения малого города в Мурманской области – 17,8 тыс. человек, а в Ямало-Ненецком автономном округе – 33,6 тыс. человек.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р города Онега Архангельской области, Кировск и Ковдор Мурманской области отнесены к моногородам с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций); города Новодвинск Архангельской области, Мончегорск, Заполярный и Оленегорск Мурманской области – к категории моногородов, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения. Нахождение в списках моногородов позволяет городу быть включённым в механизм дополнительного федерального финансирования инвестиционных проектов по диверсификации экономики и её стабильному развитию. Однако сам выбор инвестиционных проектов по созданию в том или ином городе нового рентабельного производства, которое создавало бы рабочие места, заполняемые местными кадрами, и самоокупалось, привлекло бы серьёзных инвесторов, представляет собой значительную сложность.

Очевидно, что малые города АЗ РФ третьей подгруппы с численностью населения до 10 тыс. человек имеют всё же относительно большие риски и проблемы развития. Так, согласно рейтингу 1112 городов России, составленному на основании тестовой оценки индексов качества городской среды 2017 г. (по данным 2016 г.) по методике, разработанной «ДОМ.РФ»¹, малые города первой подгруппы заняли в рейтинге места со 116-го (в Кировске, в Губкинском и Новодвинске состояние городской среды оценено как удов-

¹ Индекс качества городской среды. Москва. 2020. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 15.04.2020).

летворительное) до 691-го (Муравленко). В 2018 г. среднее значение индекса в этих городах составило 180 баллов из возможных 360¹, причём в пяти городах значения индекса оказались более 180 баллов, то есть городская среда в них, согласно методике, считается благоприятной, а в 2019 г. – 188 баллов (благоприятной считается городская среда уже восьми городов). В городах этой группы несколько выросли минимальное (161 – в 2018 г. и 164 – в 2019 г.) и максимальное (208 – в 2018 г. и 219 – в 2019 г.) значения индекса, при этом несколько увеличился разрыв между максимумом и минимумом (47 – в 2018 г. и 55 – в 2019 г.).

Города второй подгруппы заняли в рейтинге 2017 г. места с 37-го (в Полярных зорях, Кеми и Анадыре состояние городской среды оценено как удовлетворительное) до 558-го (Заполярный). В 2018 и 2019 гг. средние значения индексов в этой подгруппе составили 175 и 181 баллов соответственно (при этом городская среда 5 и 6 городов оценивается как благоприятная), однако более низким стало его минимальное значение (Кемь, 147 баллов в 2018 г. и 140 баллов в 2019 г.), несколько возросло максимальное значение (199 и 207 баллов), более значительным стал разрыв между его максимальным и минимальным значениями (56 и 67 баллов соответственно).

В третьей же подгруппе в 2017 г. только в Коле состояние городской среды было оценено как удовлетворительное, а некоторые города заняли в рейтинге 913-е место (Игарка), 952-е (Среднеколымск), 1009-е (Билибино), 1074-е (Певек), 1082-е место (Верхоянск). Естественно, что после расчёта индекса эти города оказываются в числе первых претендентов на получение субсидии из федерального бюджета – бюджетам субъектов РФ на поддержку государственных и муниципальных программ формирования современной городской среды, реализуемых в рамках национального проекта «Жильё и городская среда». Однако деградация городской среды в названных и в некоторых иных городах на самом деле является следствием глубоких, порой катастрофических изменений в первичном и вторичном секторах экономики городов, происшедших в последние два-три

¹ Индекс качества городской среды.

десятилетия, связана с утратой или недостаточностью внутренних возможностей развития муниципалитетов. Поэтому пока это дополнительное целевое финансирование способно лишь приостановить её (деградацию), но не позволяет кардинально улучшить качество городской среды. Так, в 2018 и 2019 гг. среднее значение индекса городской среды в этих городах возросло и составило 140 и 149 баллов соответственно, при этом возросли и минимальное (Верхоянск, 77 и 101 баллов), и максимальное (Кола, 190 и 201 баллов) значения индекса, уменьшился разрыв между максимумом и минимумом (113 и 100 баллов). Однако среднее значение индекса значительно ниже, чем для городов первой или второй подгрупп, при этом только в Коле городская среда оценивается как благоприятная.

В этих условиях муниципальным властям малых городов приходится изыскивать новые резервы социально-экономического развития поселений: например, город Онега (единственный из малых городов АЗ РФ) в 2018 г. оказался включённым в состав Онежского муниципального района, в механизм функционирования территорий опережающего социально-экономического развития, который устанавливает особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности при реализации резидентами инвестиционных проектов, облегчает условия инвестиционной деятельности (следует отметить, что за минувшее время это пока не дало городу ощутимых результатов; индекс качества его городской среды оставался в 2018 и 2019 гг. низким – 143 и 144 балла соответственно).

Другая форма поиска и мобилизации резервов развития – участие в различного рода общественных организациях и ассоциациях межмуниципального взаимодействия. Так, небольшая часть малых городов АЗ РФ включилась в деятельность вышеназванного Союза малых городов Российской Федерации – это Муравленко, Губкинский Ямало-Ненецкого автономного округа, Кировск, Полярный, Полярные Зори Мурманской области, Новодвинск Архангельской области, Певек Чукотского автономного округа, Среднеколымск и Верхоянск Республики Саха (Якутия). К сожалению, можно говорить о формальности членства этих городов в Союзе, так как в документах Союза, разме-

щённых на его интернет-сайте, нет информации об «особых интересах» данной группы и их учёте в деятельности Союза (собственно, и на официальных сайтах органов муниципальной власти перечисленных малых городов практически не найти содержательной информации об их членстве в Союзе), хотя акцентирование специфических интересов малых городов могло бы способствовать большей адресности рекомендаций и предложений, направляемых Союзом в федеральные и региональные органы государственной власти.

Одновременно 19 малых городов АЗ РФ осуществляют взаимодействие в рамках Союза городов Заполярья и Крайнего Севера (ассоциации экономического взаимодействия, созданной в 1992 г. четырнадцатью северными городами, в которую ныне входит 51 город, в том числе часть городов-членов Союза не принадлежат АЗ РФ), это: Салехард, Надым, Губкинский, Тарко-Сале (в составе Пуровского района – члена Союза) Ямало-Ненецкого автономного округа, Кировск, Оленегорск, Ковдор (в составе Ковдорского района), Полярные Зори, Полярный, Снежногорск и Гаджиево (все в составе члена Союза ЗАТО Александровск), Кола (в составе Кольского района) Мурманской области, Новодвинск Архангельской области, Нарьян-Мар Ненецкого автономного округа, Дудинка и Игарка Красноярского края, Анадырь, Билибино (в составе Билибинского района) и Певек Чукотского автономного округа. Однако деятельность этого Союза малозаметна на общероссийской «муниципальной сцене», смысл членства в нем не может быть оценён ввиду отсутствия актуальной информации. На интернет-сайте Союза нет никакой информации о состоянии и результатах экономического взаимодействия членов Союза, организация которого является уставной целью Союза, а на официальных сайтах органов муниципальной власти перечисленных малых городов, как и в предыдущем случае с Союзом малых городов России, практически нет содержательной информации об их членстве в Союзе.

Основное внимание в нашем исследовании было уделено малым городам Западно-Сибирского сектора Арктики, входящим в Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО).

В общем объёме инвестиций в основной капитал арктических территорий РФ доля ЯНАО составляет более 66%.

Из всех российских арктических проектов приоритетными являются именно ямальские, в первую очередь – это заводы «Ямал СНГ», порт Сабетта, Северный широтный ход (часть проекта «Энергия Арктики»). Сегодня на Ямале реализуются 30 приоритетных инвестиционных проектов на сумму более 2,8 трлн рублей.

Освоение этой территории происходит в условиях высокого уровня неопределённости, чрезвычайно динамично, носит неравномерный и несбалансированный характер. Именно поэтому здесь особую значимость приобрели мобильные формы организации труда, проточность населения северных городов, миграционные потоки с «Большой земли» и обратно¹.

Кстати, для социально неблагополучных малых городов Центральной России вахтовый метод работы их горожан на Севере превратился в одну из значимых стратегий сохранения жизнеспособности. Очевидно, органам местной власти этих поселений следовало бы наладить деловое взаимодействие с арктическими городами. Учитывая, что социальное обслуживание этих людей осуществляется частично по месту трудовой деятельности, а частично – отдыха, трёхстороннее горизонтальное сотрудничество (компания-работодатель и два муниципальных органа власти) могло бы серьёзно улучшить качество жизни вахтовиков. Речь идёт об организации доставки работников, их подборе, подготовке и повышении квалификации, их медицинском обслуживании и др.

По мнению экспертов, хорошо знающих местную специфику, пора забыть о муссируемой многие годы проблеме «закрепления населения в Арктике», а ориентироваться на мобильность, мультилокальность жизнедеятельности участников неиндустриального освоения этой территории, осознать нестационарное население как особое фронтальное социальное сообщество. Именно поэтому и научная, и практическая значимость изучения специфики малых городов значительно выше, чем крупных.

¹ Силин А. Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4(40). С. 113, С. 109–123.

В ходе исследований выяснилось, что многие известные законы регионального развития, пространственной организации в Арктике не работают.

Современная урбанистика, как известно, постулирует преимущества крупного города с большой численностью населения, обеспечивающей разнообразие и развитие социальной среды. Арктическая же урбанизация – это совершенно особый феномен¹. Она обусловлена экстремальными внешними условиями (природными и экономическими) с большими амплитудами изменений, пульсирующим характером (притоками и оттоками населения, вызванными, например, геополитической ситуацией, падением или ростом цен на добываемые природные ресурсы и др.).

Исследуя факторы и особенности арктической урбанизации, авторы опирались на концептуальные подходы, разработанные в первую очередь учёными ФНИСЦ РАН².

При этом роль социологического обеспечения формирования и функционирования малых городов АЗ РФ нами виделась в двух направлениях: во-первых – изучение возможностей повышения качества жизни и социальной удовлетворённости горожан, во-вторых – обоснование эффективных технологий развития человеческого и социального потенциала, обеспечивающего реализацию намеченных программ неиндустриального освоения, инвестиционных мегапроектов по добыче, переработке и транспортировке углеводородов и др.

Нами анализировалась как сложившаяся социальная ситуация в малых городах АЗ РФ, так и потенциал для её предстоящего развития. В первую очередь нас интересовал человеческий и социальный потенциал.

Следует отметить, что в научной литературе оба эти понятия, равно как и понятия человеческого и социально-

¹ *Замятина Н. Ю.* Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. М.: Ленанд, 2019. С. 279.

² *Горшков М. К.* Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып.16 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2018. С. 6–33.

го капитала, пока не нашли общепризнанной трактовки¹. Чаще всего социальный потенциал рассматривается как совокупность трёх составляющих: человеческого, ресурсного и институционального потенциала. Авторам более близок концептуальный подход, базирующийся на дополнении человеческого (способности людей и их групп осваивать арктический регион) и социального (совокупность связей и отношений между людьми и социальными группами, необходимых для реализации поставленных целей) потенциала.

В первом случае речь идёт о демографических характеристиках разных групп населения, их социальном и физическом самочувствии, уровне общего и профессионального образования². Во втором случае характеризуется целостность социально-территориальной общности и её элементов, способность к самоорганизации, поддержанию внутреннего равновесия с помощью адекватных реакций на внешние воздействия. Здесь, в частности, рассматривались показатели самоидентификации, отношения к власти, различным социальным институтам, доверия к ним на разных уровнях социального взаимодействия, условия для разработки и реализации инновационных технологий освоения Арктики³.

Нами в 2017–2019 гг. изучались особенности формирования и функционирования человеческого и социального потенциала в малых городах ЯНАО в разрезе четырёх социальных групп арктического населения: старожилы, представители северных аборигенных этносов – КМНС (коренных малочисленных народов Севера), новосёлы (прожившие в АЗ РФ менее трёх лет), вахтовики, приезжающие на работу из центральных и южных регионов России.

¹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 20–41.

² Маркин В. В., Силин А. Н. Человеческий и социальный потенциал неиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88.

³ Силин А. Н., Юдашкин В. А. Инновационные технологии социально-экономической интеграции Тюменской области как фактор повышения уровня и качества жизни населения // *Регионоведение*. 2011. № 3. С. 60. С. 54–63; Сморгачева В. И. Социальные инновации в Арктике как фактор устойчивого развития / В.И. Сморгачева, Н.К. Харлампьева // *Арктика в XXI веке. Гуманитарные науки*. 2015. № 1(4). С. 32. С. 30–39.

В 2017 г. по репрезентативным выборкам нами совместно с социологами Научного центра изучения Арктики (базирующегося в городах Салехард и Надым) были опрошены жители городов Муравленко и Губкинский ($n = 986$), в 2018 г. – городов Салехард, Лабитнанги и Тарко-Сале ($n = 1620$), в 2019 г. – города Надым ($n = 452$).

Помимо анкетного, проводился углублённый экспертный опрос, в котором участвовали представители власти, структур гражданского общества, науки, СМИ.

Среди прочего выяснилось, что из перечисленных городов наиболее интенсивно развиваются самые молодые и официально признанные нефтяными моногородами города Муравленко и Губкинский. В них же в наименее острой форме проявляются общие для всех малых северных городов социальные проблемы.

В целом по выборке лишь около 25% респондентов высказали намерение остаться в своём городе на всю жизнь, 16% хотели бы уехать на «Большую землю» при первой возможности. При этом в основном условия и качество жизни в малых городах Ямало-Ненецкого автономного округа опрошенные оценили достаточно позитивно (табл. 16.1).

Таблица 16.1

Мнение об условиях жизни в малых городах Ямало-Ненецкого автономного округа, 2018 г., % опрошенных

Условия жизни	Благоприятные	Вполне терпимые	Терпимые с трудом	Затрудняюсь ответить
Возможность заработать	39	44	15	2
ЖКХ	62	26	11	1
Торгово-бытовое обслуживание	51	37	9	3
Культурно-досуговое обслуживание	36	60	3	1
Возможность получения образования	36	44	16	4
Безопасность жизни	41	50	4	5

Судя по данным городских служб здравоохранения ЯНАО, заболеваемость горожан в 2018 г. составила 2,3 тыс. случаев на 1 тыс. человек. При этом наибольший рост зарегистрирован по болезням органов пищеварения, врожденным аномалиям и болезням костно-мышечной системы. Проведенный нами опрос пациентов медучреждений малых городов ЯНАО позволил выявить значимость для горожан недостатков в организации медицинской помощи. Требовалось указать лишь один, наиболее важный, по мнению респондента, недостаток. Ответы в процентах от числа опрошенных распределились следующим образом:

- очереди – 16% ;
- отсутствие узких специалистов – 14% ;
- недостаточная квалификация врачей – 12% ;
- неудобная процедура записи к врачу – 10% ;
- трудности при получении либо отсутствие высокотехнологической медицинской помощи – 9% ;
- отсутствие необходимого оборудования, реактивов для анализов – 8% ;
- неудобное время приёма врача – 7% ;
- грубость медперсонала – 6% ;
- сложность получения справок, результатов обследований, копий медицинских документов – 5% ;
- отсутствие необходимых, достаточно комфортных условий для пребывания пациентов – 4% ;
- отсутствие информации о работе медучреждения и отдельных врачей – 3% ;
- отсутствие обратной связи с руководителями учреждений – 2% ;
- не сталкивался ни с одним из перечисленных фактов – 1% .

Опрос горожан, проведенный по месту жительства, выявил достаточно высокие самооценки здоровья, особенно у мужчин (табл. 16.2).

При этом у представителей коренных северных этносов, проживающих в малых городах Арктики, самооценка здоровья оказалась значительно ниже, чем у остального населения. Из них считают себя здоровыми лишь 22,2% респондентов, позитивно оценили существующий механизм медобслуживания лишь 6,7% опрошенных. В первую очередь

Таблица 16.2

**Самооценки здоровья жителей малых городов
Ямало-Ненецкого автономного округа, % опрошенных**

Оценка здоровья	Мужчины	Женщины
Чувствую себя хорошо	40	37
Иногда болею	32	35
Часто болею	11	12
Хронически больные и инвалиды	12	12
Затрудняюсь ответить	5	4

их недовольство вызывает лекарственное обеспечение и его дороговизна – 46,9% респондентов. По мнению представителей аборигенных этносов, многие болезни вызваны ухудшающейся экологической ситуацией, низким качеством воды и фальсифицируемых продуктов питания, поступающих с «Большой земли». Раньше сохранять здоровье им позволяло традиционное для северян питание: оленье кровь, печень, строганина муксуна, морошка и др. Сегодня такую возможность имеют лишь меньше половины опрошенных аборигенов, больше четверти – «очень редко» и остальные – «практически нет».

Ситуация на рынке труда арктических малых городов достаточно стабильная, имеется большое число вакансий, из которых 65% по рабочим профессиям. По состоянию на 01.01.2019 г. наиболее востребованными на рынке труда малых городов ЯНАО являются: водители автомобиля, профессии (специальности) строительной отрасли (электросварщик, монтажник, инженер, маляр, электромонтер, производитель работ (прораб), облицовщик-плиточник и другие), врачи различной специализации, медицинские работники среднего и младшего звена, учителя и др.

Дефицит рабочих кадров по видам экономической деятельности отмечается в строительстве (34,9%), транспортировке и хранении (8,8%), добыче полезных ископаемых (8,5%), здравоохранении (6,1%), торговле (5,6%) и образовании (5,5%).

Среди безработных значительна доля представителей аборигенных этносов. Перейдя от кочевой жизни к оседлой, они не могут найти свое место в городах, часто спиваются.

Таблица 16.3

**Доверие к власти разных социальных групп горожан,
опрос 2018 г. (n = 1620), 2018 г., % опрошенных**

Социальная группа северян / Уровень доверия	Старожилы (северный стаж более 3 лет – без аборигенов)	Представители аборигенных этносов	Новосёлы (на Севере менее 3 лет)	Вахтовики из других регионов
Доверяю	22,1	19,6	26,5	28,1
Не доверяю	43,4	31,1	36,7	29,9
Затрудняюсь с ответом	34,5	49,3	36,8	42,0

В нефтегазовые отрасли их практически не берут. В наших опросах менеджеров нефтегазовых компаний это мотивировалось особенностями менталитета аборигенов: мечтательностью, неспособностью строго соблюдать трудовую и производственную дисциплину. Значимый элемент социального потенциала – доверие к власти (табл. 16.3).

Судя по результатам наших опросов, в малых арктических городах наблюдаются значимые проблемы с доверием к властям. Большая часть респондентов им не доверяет. При этом велика доля «затрудняющихся с ответом», что очевидно также не является выражением доверия. Наибольший уровень пессимизма и социального недоверия высказали в опросах старожилы и представители аборигенных этносов. Вахтовики, приехавшие на заработки из депрессивных регионов России, настроены более оптимистично.

Наукоград Дубна – особая экономическая зона

Общие сведения

Городской округ Дубна расположен на севере Московской области на границе с Тверской областью, в 128 км от Москвы в одном из самых экологически чистых районов Подмосковья. Это единственный населённый пункт Московской области, расположенный на Волге¹, он ограничен реками Дубной и Сестрой, каналом имени Москвы и Иваньковским водохранилищем. На территории города расположена Иваньковская ГЭС.

Сегодня территория города – 6 336 га (1090 га – водные объекты, 1490 га – лесные массивы). Город образует одноименный городской округ, на территории которого находится ещё несколько населённых пунктов – деревни Ратино, Юркино, Козлаки, посёлок Александровка.

История развития

История современной Дубны связана с началом строительства секретного объекта в рамках создания атомной бомбы. 13 августа 1946 г. по инициативе И. В. Курчатова правительством Советского Союза было принято Постановление о строительстве ускорителя протонов, получившего в дальнейшем название «синхроциклотрон». Позднее, в 1953 г., на базе лаборатории был создан Институт ядерных проблем Академии наук (ИЯПАН), а населённый пункт нанесён на карту и получил название Дубна – по названию реки, на берегу которой он был построен.

Ещё через три года, в 1956 г., на базе ИЯПАН был создан Объединённый институт ядерных исследований (ОИЯИ) – международный научно-исследовательский центр, который объединил учёных социалистических стран для фундаментальных исследований атомного ядра в мирных целях, и Дубна, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июля 1956 г., из рабочего посёлка была пре-

¹ Дубна сегодня. URL: <http://www.naukograd-dubna.ru/about/dubnatoday> (дата обращения: 24.04.2020).

образована в одноименный город. На тот момент в Дубне проживало всего 14 тыс. человек¹. Границы города были расширены, в его состав вошёл посёлок Большая Волга, а также деревни: Александровка, Козлаки, Ново-Иваново, Юркино, Ратмино, в том же году город Дубна вошёл в состав Московской области.

В 1960 г. к Дубне присоединили расположенный рядом город Иваново с населением 18,6 тыс. жителей.

В 1968 г. в Дубне был построен приборный завод «Тензор», спустя три года ФГУП «НИИ «Атолл»». В 1974 г. начинается история возведения Центра космической связи. Как олимпийский объект Летних игр в Москве в 1980 г. Центр Космической Связи становится крупнейшей станцией в России. С этого времени численность населения растёт ещё большими темпами. С развитием научно-производственной сферы происходило развитие образовательной системы, медицины и в целом социальной сферы. Обеспечение населения необходимой работой способствовало увеличению его доходов.

Однако в 1990-е гг. на благополучном развитии города сказался общий кризис. Как и везде в стране, наиболее сильно после распада СССР пострадала научная сфера, перестали проводиться исследования, резко упали доходы учёных, многие из которых покинули Россию, многие переквалифицировались в другие профессии. В Дубне трудно было сохранить весь научный потенциал при таком массовом распаде ранее налаженной системы. Но, несмотря на значительный сбой в трудоустройстве населения и оплаты работы, предпринимались меры по сохранению наработанных научных ресурсов. Ранее государственные предприятия стали предприятиями малого и среднего бизнеса, что дало первые результаты в виде половины доходов всего города. В 1994 г. в городе открывают Государственный университет природы международного значения. Постепенно Дубна приобретает всё большее значение как научный город Московской области.

Указом Президента Российской Федерации от 20 декабря 2001 г. № 1472 городу Дубна Московской области присвоен

¹ Дубна, история города. URL: <https://dubna-live.ru/gorod/istoriya.html> (дата обращения: 29.04.2020).

статус наукограда Российской Федерации на срок до 31 декабря 2025 г.

Наукоград Дубна – крупнейший в России центр по исследованиям в области ядерной физики. Реализацию задач экономического и социального развития региона во многом обеспечивает Особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Дубна» (ОЭЗ ТВТ «Дубна»), созданная в соответствии с Федеральным законом № 116-ФЗ от 22.07.2005 г. и Постановлением Правительства Российской Федерации № 781 от 21.12.2005 г.

Население города постоянно растёт. С 1959 г., когда проводилась Всесоюзная перепись населения, население выросло более чем в 5,3 раза (рис. 17.1)¹.

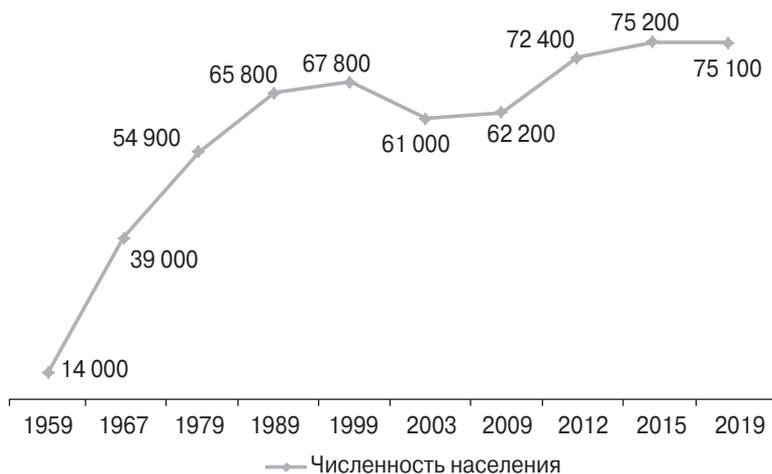

Рис. 17.1. Изменение численности населения в г. Дубна, 1959–2019 гг.

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst46&r=46718000 (дата обращения: 23.04.2020).

Современная ситуация

По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2020 г. численность населения округа составляет 75,1 тыс. человек. Средний возраст жителей 33,2 года. Доля экономически активного населения составляет 42,5 тыс. человек, или 56% от общей численности¹.

Город Дубна – относительно молодой город. Он не может привлечь туристов своими архитектурными ценностями, памятниками старины, многовековой историей. Но он имеет большое влияние на развитие страны. Иваньковская ГЭС, авиационный завод, институт проведения ядерных исследований, лаборатория ядерных реакций – это предприятия, где проведено множество научных исследований, инженерных разработок, сделано множество научно-технических открытий.

Дубна активно развивается. Удобное географическое положение, благоприятный инвестиционный климат региона, наличие развитой производственной, транспортной и социальной инфраструктур делают Дубну одним из наиболее привлекательных мест для локализации производств и развития бизнеса в России. Развитию города на протяжении всей его истории способствовало и удачное соседство со столицей. Город стал частью «мозгового центра» страны, а ставка на рост науки и образования способствовала достижению высокого уровня используемых технологий, росту экономики, что, в конечном итоге, влияет на благосостояние людей.

Здесь созданы хорошие условия для бизнеса и для отдыха. В 2018 г. произошло значимое для города событие – был открыт мост через р. Волга, что значительно улучшило транспортную инфраструктуру и повысило инвестиционную привлекательность города. Проект был реализован в рамках госпрограммы Московской области «Развитие и функционирование дорожно-транспортного комплекса».

¹ БД ПМО Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования. Городские округа Московской области. Городской округ с внутригородским делением Дубна за 2017, 2018, 2019 годы // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=46718000201720182019 (дата обращения: 24.04.2020).

Основные градообразующие предприятия

Основным предприятием города является Объединённый институт ядерных исследований (ОИЯИ) – международная межправительственная организация, всемирно известный научный центр, являющий собой уникальный пример успешной интеграции фундаментальных теоретических и экспериментальных исследований с разработкой и применением новейших технологий и университетским образованием.

В настоящее время в научно-производственный комплекс города входит 23 организации¹. В их числе ключевые градообразующие организации Дубны:

- Объединённый институт ядерных исследований;
- ОАО «Государственное машиностроительное конструкторское бюро “Радуга” имени А. Я. Березняка» (разработка высокоточного оружия для ВКС и ВМФ России);
- Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет “Дубна”»;
- АО «Дубненский машиностроительный завод имени Н. П. Федорова» (производство авиационной и ракетной техники, электронного оборудования);
- АО «Приборный завод “Тензор”» (производство электронной аппаратуры контроля для атомных электростанций, систем контроля и управления доступом);
- АО «Научно-исследовательский институт “Атолл”» (разработка и производство интеллектуальных систем мониторинга угроз объектам и зонам высокой ответственности морского, шельфового, прибрежного и сухопутного базирования);
- ФГУП «Научно-исследовательский институт прикладной акустики» (многопрофильный исследовательский центр в сфере нанотехнологий);

¹ Законодательно установленным критериям с 01.01.2017 г. (согласно ФЗ-100) для включения в НПК соответствуют свыше 150 организаций, зарегистрированных на территории города.

- АО «Научно-производственное объединение “Криптен”» (производство голограмм и других средств защиты изделий и документов от подделок);
- АО «Научно-производственный центр “Аспект” имени Ю. К. Недачина» (разработка и производство радиометрической аппаратуры, технических средств обеспечения безопасности);
- АО «НПК “Дедал”» (технические средства физической защиты объектов);
- Группа «Промтех» (электрифицированные системы для авиации и других подвижных объектов);
- Центр космической связи «Дубна» (филиал ФГУП «Космическая связь») – крупнейший телепорт в Российской Федерации¹.

В ноябре 2017 г. ОЭЗ ТВТ «Дубна» заняла первое место в рейтинге инвестиционной привлекательности особых экономических зон страны².

По предварительным итогам 2018 г., ОЭЗ ТВТ «Дубна» насчитывала 148 компаний-резидентов. Было привлечено 25 компаний, каждая четвертая из них планировала инвестировать от 300 млн рублей.

Общий объём осуществлённых инвестиций – 19,865 млрд рублей.

С учётом данных мониторинга по системообразующим предприятиям города, средняя заработная плата составляет 48 953 рублей, количество рабочих мест – 8374, объём отгрузки товаров собственного производства по итогам 9 месяцев 2018 г. составил 421 млн рублей³.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития наукограда Дубна на 2017-2026 годы и Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития наукограда Дубна на 2017-2026 годы». URL: <http://www.naukograd-dubna.ru> (дата обращения: 24.04.2020).

² Особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Дубна»: официальный сайт. Дубна, 2005 – 2020. URL: <http://oezdubna.ru/about/history> (дата обращения: 24.04.2020).

³ Глава Дубны Максим Данилов выступил с отчетом о работе в 2019 году и задачах на 2020 год //Вести Дубны. 06.03.2020. URL: http://indubnacity.ru/novosti/obschestvo/45485_glava-dubny-maksim-danilov-vystupil-s-otchetom-o-rabote-v-2019-godu-i-zadachah-na-2020-god (дата обращения: 24.04.2020).

Занятость населения и развитие предпринимательства

По данным ГКУ «Дубненский центр занятости», в 2018 г. численность занятых в экономике составила 38,33 тыс. человек, или 51% от общей численности постоянного населения города.

В 2018 г. большинство градообразующих предприятий работали стабильно, они сохранили направления своей деятельности, укрепили позиции на рынках научных исследований, разработок и производства высокотехнологичной продукции¹.

По состоянию на 31 декабря 2018 г. численность официально зарегистрированных безработных граждан составила 173 человека, что составляет 0,21% населения; в 2017 г. таких было 200 человек². Прослеживается динамика сокращения количества безработных.

В настоящее время в городе работает более 3,5 тыс. субъектов предпринимательства, начиная от субъектов крупного бизнеса, заканчивая субъектами среднего и малого бизнеса, индивидуальными предпринимателями.

В Дубне наблюдается рост количества субъектов малого предпринимательства – так, в 2009 г. их количество было 1636, а в 2015 г. – 2235, то есть за 6 лет количество увеличилось в 1,4 раза. Около 50% от числа субъектов малого предпринимательства – индивидуальные предприниматели. При этом количество занятых в сфере малого предпринимательства также выросло (с 8300 в 2009 г. до 9660 в 2015 г.), а оборот вырос на 9% с 2009 по 2015 г. (в сопоставимых ценах)³.

По состоянию на 19 декабря 2018 г., согласно данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы РФ, общее количество таких субъектов составило 3710 единиц, а прирост

¹ Центр занятости населения г. Дубна: официальный сайт. Дубна, 2020. URL: <http://czn-dubna.ru/> (дата обращения: 24.04.2020).

² Занятость населения в Дубне // Дубна.ru. 12.04.2020. URL: <https://dubna.ru/article/2019/04/zanyatost-naseleniya-v-dubne> (дата обращения: 24.04.2020).

³ Муниципальная программа города Дубны Московской области «Предпринимательство и инвестиции» на 2015–2019 годы, г. Дубна 2014 г.

количества субъектов, по отношению к началу текущего года, составил 606 единиц, или 19,52% (за соответствующий период 2017 г. прирост составил 408 единиц, или 15,34%). Существенная положительная динамика очевидна.

Основной ожидаемый прирост рабочих мест, конечно, связан с развитием технико-внедренческой особой экономической зоны. На 01.01.2019 г. ОЭЗ ТВТ «Дубна» представляют 154 компании-резидента. Основные направления ОЭЗ ТВТ «Дубна» – это, в первую очередь, информационные технологии, ядерно-физические технологии, традиционно сильные для Дубны, а также нанотехнологии, материаловедение, биотехнологии, системы безопасности и проектирование летательных аппаратов. Большое значение в ОЭЗ имеют вопросы подбора и закрепления кадров, в том числе вопросы обеспечения жильём, льготирования, ипотечного кредитования и т. д.

До 2024 г. в ОЭЗ ТВТ «Дубна» планируется создать 5700 новых рабочих мест и довести общее количество рабочих мест в компаниях-резидентах до 8000. Около 1000 рабочих мест планирует дополнительно создать Объединённый институт ядерных исследований. С учётом потребностей простого воспроизводства персонала в организациях научно-производственного комплекса (НПК) города в количестве не менее 250 человек в год, в ближайшие 10 лет потребуется ежегодный набор персонала в организации НПК (включая ОЭЗ ТВТ «Дубна») в количестве от 650 до 1050 человек в год, в том числе специалистов с высшим и средним профессиональным образованием – от 365 до 605 человек в год¹.

Однако, на наш взгляд, вопрос о выполнении плана в части привлечения собственных трудовых ресурсов остаётся открытым. Основной проблемой является относительно невысокий уровень заработной платы в Дубне, изменение которой идентично динамике средней зарплаты по Московской области. При таком уровне доходов будет трудно удержать в Дубне всех квалифицированных ИТ-специалистов, которые готовы ежедневно ездить в Москву и другие города Московской области на работу.

¹ Об утверждении стратегии социально-экономического развития наукограда Дубна на 2017–2026 годы.

В 2019 г. средняя заработная плата работников составляла 60 592 рублей. К примеру, среднемесячная заработная плата работников организаций муниципальной формы собственности – 40 719,7 рублей. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников муниципальных детских дошкольных учреждений – 38 191,9 рублей.

В анализе трудовой деятельности жителей Дубны основной акцент необходимо сделать на изучении маятниковой трудовой миграции.

Женщины, работающие в Дубне, вынуждены работать за меньшую заработную плату вследствие отсутствия свободы выбора места работы и ограниченного предложения на рынке труда. Вместе с тем активные женщины, работающие за пределами Дубны, имеют больше вариантов трудоустройства. Поэтому они на равных конкурируют с мужчинами и получают сравнимое с ними вознаграждение за труд. Более 70% жителей Дубны работают в торговле, промышленности, финансовом секторе и строительстве в Москве и других городах Подмосковья. В свою очередь, 86% приезжающих в Дубну жителей Подмосковья работают в тех же отраслях. Таким образом, можно предположить, что отток маятниковой миграции из города в какой-то мере компенсируется за счёт работников из соседних районов¹.

Ежегодное увеличение численности населения происходит за счёт миграции людей из близлежащих районов: Конаковского (г. Конаково, расстояние до Дубны 31 км), Кимрского Тверской области (г. Кимры, 17 км), Талдомского Московской области (г. Талдом, 38 км). Внутренняя миграция увеличивает сегмент трудоспособного населения.

Данные Росстата по миграции населения в 2018 г. свидетельствуют о том, что на количественный состав населения г. Дубны миграция практически не влияет, т. к. число прибывших и выбывших почти совпадает: число выбывших – 2458 человек, число прибывших 2439 – человек².

¹ Шитова Ю. Ю., Шитов А. Ю. Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмосковье (на примере г. Дубны) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4(109). С. 116.

² БД ПМО Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования.

Среди выбывших наибольшие показатели – в самой молодой группе от 15 до 34 лет, в 2018 г. из всего округа выехало 1044 человек. Миграционные потоки значительно ослабевают в более старших возрастных группах. Однако ситуацию с миграционным оттоком населения нельзя назвать серьёзной или катастрофической. На это влияют несколько факторов.

Во-первых, это связано с маятниковой миграцией. Дубна входит в орбиту огромного мегаполиса. Относительная близость к Москве и транспортная доступность позволяют жителям города выезжать ежедневно на работу в Москву и возвращаться обратно.

Во-вторых, Дубна экономически и социально – перспективный город. Наличие большого количества высокотехнологичных предприятий позволяет жителям находить работу непосредственно в городе, не ущемляя себя в заработной плате.

В-третьих, в Дубне один из лучших университетов в стране. Он не является крупным университетом, но входит в топ-100 российских вузов¹.

Государственный университет «Дубна» по праву можно назвать одним из важнейших объектов социально-экономического развития города. Университет развивается как образовательный, научно-методический, исследовательский и инновационный центр Московской области, ведёт подготовку специалистов на уровнях высшего, послевузовского и среднего профессионального образования, имеет 5 филиалов в Московской области (Дмитров, Лыткарино, Дзержинский, Котельники и Протвино). В настоящее время в университете обучаются около 8 тыс. студентов. Университет «Дубна» является классическим университетом, открыты IT-направления, гуманитарные направления (психология, социология, лингвистика и т. д.), естественно-научные (физика, химия, экология, геофизика и т. д.) и технические (ядерная физика, авиастроение, электроэнергетика и т. д.).

¹ От классического вуза к университету третьего поколения – ректор «Дубны» о планах развития. 17 мая 2019 г. Правительство Московской области. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/ot-klassicheskogo-vuza-k-universitetu-tretego-pokoleniya-ректор-dubny-o-planakh-razvitiya> (дата обращения: 24.04.2020).

В университете создана высшая инженерно-физическая школа для подготовки инженерно-технической элиты. После окончания университета выпускники имеют возможность сделать интересную и успешную карьеру, более 90% из них трудоустраиваются в первый год после окончания вуза. 70% выпускников работают по специальности. Выпускники работают в МКБ «Радуга», НПК «Дедал», Объединенном институте ядерных исследований и компаниях-резидентах ОЭЗ «Дубна»: «Аэрокосмические системы», «Роспартнёр», «Технокомплект» и многих других. Существует большой запрос на таких выпускников.

В 2018 г. 130 выпускников магистратуры остались работать в Дубне, 34 человека уехали в Москву, в другие города Московской области – 13 человек. Столько же выпускников уехали работать за границу¹. На территории Дубны также находится филиал НИИ ядерной физики МГУ.

Сегодня в городе работают более 1500 докторов и кандидатов наук. Более 3000 человек занимаются исследовательской работой и коммерциализацией научных (научно-технических) результатов исследований.

Из образовательных учреждений в Дубне функционируют 23 дошкольных учреждения, 12 государственных и 3 негосударственные школы, Московский областной промышленно-экономический колледж, Московский областной аграрно-технологический техникум.

Высокий интеллектуальный потенциал, богатые научные традиции, опыт зарубежных партнёров позволили создать в Дубне уникальную систему образования, которая позволяет начать обучение с двухлетнего возраста.

Соответственно способностям и наклонностям юные горожане могут выбрать учебное заведение с углублённым изучением физики, математики, экономики, гуманитарных предметов. Несмотря на экономические трудности, удалось сохранить музыкальные и художественные школы, балетные студии, хоровые коллективы, спортивные секции.

¹ Интервью с ректором университета «Дубна» Фурсаевым Д. М. Правительство Московской области. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/ot-klassicheskogo-vuza-k-universitetu-tretego-pokoleniya-rektor-dubny-o-planakh-razvitiya> (дата обращения: 24.04.2020).

Результаты экспертного опроса

В феврале – марте 2020 г. в Дубне был проведён анкетный опрос экспертов. Экспертами выступили представители муниципальных органов власти, местные журналисты, предприниматели, общественники, всего опрошено 22 человека. Специально разработанная анкета состояла из 32 вопросов. Опрос позволил получить взвешенные оценки респондентов по разным аспектам социально-экономической, общественно-политической и социокультурной жизни города.

Большинство опрошенных считают социально-экономическую ситуацию в городе вялотекущей. По мнению экспертов, *«некоторые сферы жизнедеятельности и развития города не учитываются местными органами самоуправления»*. В экспертной оценке о ситуации в городе явно преобладает критический подход, причём нередко критика весьма жёсткая, чувствовалась ностальгия по советскому прошлому. *«Это уже не тот тихий и спокойный город, что был в СССР», «раньше был очень интеллигентный и зелёный, сейчас всё больше становится похож на остальное Подмоскovie», «в советские времена школы были хорошие. Сейчас их почти не осталось»*.

«Во времена СССР было престижно жить в этом городке физиков. Город был ухожен, строилось много благоустроенного жилья, была очень качественная медицинская помощь населению. На сегодняшний день всё развалилось, начиная от плотины, заканчивая гнилыми трубами водоснабжения. Дороги в городе разбиты на 90 процентов и их ремонтом никто не занимается всерьёз. Произошёл существенный развал медицины в городе. Больных с инсультом, инфарктом возят теперь чуть ли не в Москву. Нет нормального освещения, нет нормальной воды в городе. Множество опасных предприятий, которые находятся в черте города, дымят ядовитыми выхлопами. Большой процент онкологических заболеваний. Цены в магазинах и на рынках намного выше, чем в других городах. Бывший когда-то славный город сейчас превратился в обыкновенный, разваленный посёлок «городского типа», т. к. сегодня его даже городом назвать трудно».

Низкое качество медицинского обслуживания отметили почти все эксперты и оценили это качество как «в большей степени неудовлетворительное». По их мнению, основные причины связаны с нехваткой медицинского персонала, их очень низкой квалификацией, постоянной поломкой оборудования в поликлиниках и больницах, сложностями записи к специалисту, постоянными очередями в листе ожидания. *«Медицина не устраивает. Запись к узким специалистам (к детским и взрослым) огромная, и даже в больнице на постоянной основе нет их. Платная тоже по записи, а болит сейчас. Иногда проще до Москвы доехать»*. Однако есть и позитивные отзывы: *«Медицина что у меня в районе в Москве, что здесь – одно и то же. Здесь даже лучше, наверное. По крайней мере, здесь невропатолог спину пролечила нормально, а в Москве ничего не делали, а также у детей врач здесь намного лучше нашего московского»*.

В 2016 г. сайт *Domofond.ru* составил рейтинг 37 городов Московской области, основанный на отзывах местных жителей. При его составлении учитывались наиболее важные критерии, характеризующие качество жизни в городе. Дубна возглавила рейтинг¹.

При составлении рейтинга учитывались мнения более 10 000 жителей Московской области². Им было предложено оценить качество жизни в городе по 5-балльной шкале, где «1» обозначает категоричное несогласие, а «5» – полное согласие с данной формулировкой, следующие утверждения:

- безопасность: «Я живу в безопасном районе и не боюсь идти домой в темное время суток»;
- чистота: «В моем районе чисто, мусор убирают своевременно»;
- экология: «В моем районе достаточно зелени и чистый свежий воздух»;
- транспорт: «Меня устраивают дороги, работа общественного транспорта и ситуация с парковками. Мне удобно добираться до работы»;

¹ Жители Дубны считают свой город самым комфортным и безопасным // Вести Дубны. URL: http://indubnacity.ru/novosti/gorodskaya_sreda/zhiteli-dubny-schitayut-svoy-gorod-samym-komfortnym-i-bezopasnym (дата обращения: 24.04.2020).

² Там же.

- наличие магазинов: «Я могу купить продукты и товары первой необходимости рядом с домом»;
- досуг и спорт: «В моем районе достаточно мест для отдыха, есть кафе, бары, спортивные площадки и т. д.»;
- инфраструктура для детей: «В моем районе есть всё необходимое для детей: игровая площадка, детский сад и поликлиника, школа и т. д.»;
- качество работы коммунальных служб: «Я доволен их работой»;
- стоимость жизни: «Для комфортного проживания в моем районе хватает среднего ежемесячного дохода по моему городу/области»;
- добрососедство: «Люди, с которыми я живу по соседству, в основном дружелюбные и вежливые».

Выше всего оценили комфорт проживания в своём городе жители Дубны. Наукоград стал лидером рейтинга не только по общему индексу, но и сразу по двум критериям – экологии и безопасности. Столь высокая оценка экологической обстановки (4,2 балла) обусловлена совокупностью факторов – удачным географическим положением (город расположен на Волге, на удалении от федеральных трасс), обилием зелёных зон и отсутствием крупных промышленных предприятий. Помимо экологии, жители Дубны достаточно высоко оценили безопасность своего города (4,0). В целом из 37 городов Подмосковья, жители которых участвовали в опросе, наукоград Дубна представлен в топ-10 сразу по 8 из 10 критериев, что обеспечило ему лидерство в общем рейтинге (табл. 17.1).

Таблица 17.1

Позиции наукограда Дубна по основным показателям в рейтинге 37 городов Московской области, 2016 г.

Безопасность	Чистота	Экология	Транс-порт	Магазины	Спорт и отдых	Условия для детей	ЖКХ	Стоимость жилья	Добрососедство
1-е место	4-е место	1-е место	15-е место	9-е место	2-е место	3-е место	10-е место	21-е место	2-е место

Важно, что при составлении рейтинга учитывалось мнение местных жителей, хорошо знакомых со спецификой территории. Это помогло составить целостную картину о городе.

В целом данные рейтинга 2016 г. совпадают с данными экспертного опроса 2020 г.

Мы предложили оценить по пятибалльной системе остроту проблем для города, где 1 балл – нет проблем, 5 баллов – острая проблема. Результаты экспертных оценок приведены в таблице 17.2.

Таблица 17.2

Основные социально-экономические проблемы г. Дубна, 2020 г.

Проблемы	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
Занятость населения			*		
Занятость молодёжи после окончания учёбы			*		
Развитие малого и среднего бизнеса		*			
Благоустройство города			*		
Развитие инфраструктуры			*		
Состояние жилищного фонда					*
Доступность жилья					*
Градостроительная политика			*		
Обеспеченность социальными услугами		*			
Доступность транспортного сообщения с другими городами			*		
Недостаток места отдыха			*		
Уровень преступности		*			
Низкий уровень зарплат и пенсий					*
Возможности для досуга молодёжи и других групп жителей			*		
Экология (загрязнение воздуха, почвы, воды)		*	*		
Плохое состояние дорог					*
Рост цен на продукты и товары первой необходимости				*	

Окончание табл. 17.2

Проблемы	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов
Рост цен на услуги ЖКХ					*
Социальная инфраструктура			*		
Доступная парковая среда для родителей с колясками, для инвалидов		*	*		
Места для проведения активного досуга, особенно для молодёжи (площадки, стадионы, спортивная инфраструктура)			*		
Качество городских СМИ			*		
Качество связи: телефонной, мобильной, интернет-связи			*		
Другое					

В список наиболее острых проблем, по мнению экспертов, входят неудовлетворительное состояние жилищного фонда, низкая доступность жилья, плохое состояние дорог (это отметили почти все эксперты), низкий уровень заработной платы и низкие пенсии, рост цен на услуги ЖКХ.

Эксперты говорят в основном о недостатках и ухудшении ситуации в городе, но при этом пытаются смягчить свои оценки: «...мало работы с зарплатой более 30 тыс. рублей. Особенно для женщин. Основная работа в торговле. Жилье, как в ближнем Подмосковье. Из плюсов только природа и наличие детских образовательных учреждений. Нет хороших или плохих мест, но есть недостатки». «Из минусов: отсутствие нормально оплачиваемой работы, отсутствие круглосуточных аптек, напряжённость с местами в детских садах».

В сфере занятости ситуация не настолько критична, как в других районных центрах Московской области. Средняя заработная плата в 2019 г. составила 61 тыс. рублей по крупным и средним предприятиям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства¹.

¹ БД ПМО Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования.

Однако, по мнению экспертов, ситуация, сложившаяся в сфере труда, весьма противоречива: люди с высшим образованием в массе своей не востребованы, и в то же время существует потребность в инженерах, врачах, не говоря уже о рабочих кадрах.

«Работу найти можно, она всегда есть, но очень редко есть та работа, которая нужна именно вам. Зарплата, конечно, в разы меньше, чем в Москве, но есть и очень высокие, особенно у главных инженеров превышают 100 тыс. рублей. Город у нас маленький, поэтому работа быстрее находится, когда есть нужные знакомые в нужных учреждениях».

Так же считает другой эксперт: *«чтобы такую работу иметь в Дубне, нужно будет очень долго поискать, если, конечно, у вас нет хороших знакомых в нужных вам структурах. Инженеры всегда и везде нужны, айтишники в ОЭЗ (Особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Дубна». – прим. авт.) часто требуются, но ни на 100, ни на 80 тыс. рублей, и даже на 60 тыс. рублей не найдёте (только по знакомым). Если бы ситуация была другой, Дубна ломилась бы уже от айтишников, бегущих из Москвы. Но пока движение наблюдается в обратном направлении».*

Очевидно, что людей не устраивают условия труда и, прежде всего, уровень зарплаты. Разумеется, если условия в малом городе меняются и появляется работа с приемлемой зарплатой, то люди нередко возвращаются домой. *«Люди среднего возраста сейчас меньше уезжают, поскольку в связи с открытием новых предприятий стали появляться рабочие места».* Этот вывод в целом подтвердился в ходе нашего исследования.

Наиболее серьёзной проблемой, по мнению экспертов, является плохое качество дорог. Это отметили все без исключения эксперты: *«В некоторых частях города совершенно ужасные дороги, которые не ремонтировались, кажется, с самой войны», «дороги – это просто кошмар, едешь, как по доске стиральной! Ремонт дорог отдельная тема – до сих пор не заделаны вырезанные в асфальте ямы», «дороги зимой не чистят! Особенно тротуары!».*

В список основных проблем также попали вывоз мусора, высокая стоимость коммунальных услуг. Эксперты дали са-

мую низкую оценку деятельности муниципальных органов власти по благоустройству города, большинство экспертов поставили 1 балл по 5-балльной шкале. Среди основных причин такой низкой оценки называли: *«несвоевременный вывоз мусора»*, *«отвратительная работа дворников и уборщиц»*, *«работники ЖКХ не исполняют свои обязанности»*.

Средний балл респонденты поставили участию крупного частного бизнеса в социально-экономическом развитии города: в обеспечении занятости на местном рынке труда, поддержке социальной сферы и в целом во влиянии на приоритеты городского развития. Мнение эксперта-общественника выражает общую оценку опрошенных: *«крупному бизнесу малый город с его нуждами не интересен, ему интересна лишь получаемая в нем прибыль»*.

На наш взгляд, такая оценка связана, в первую очередь, с деятельностью крупных предприятий, которые имеют поддержку на федеральном уровне.

Что касается развития предприятий малого и среднего бизнеса, в Дубне до 2019 г. действовала Муниципальная программа города Дубны Московской области «Предпринимательство и инвестиции» на 2015–2019 гг., целью которой являлось создание политических, правовых и экономических условий для свободного развития малого предпринимательства, однако программа не смогла удовлетворить потребности бизнеса. По мнению президента Торгово-промышленной палаты города Дубны Владимира Боброва, *«гораздо эффективнее была бы поддержка производственному бизнесу в получении кредитов под низкий процент. Если направить меры поддержки на реальное снижение стоимости кредита для субъектов малого и среднего бизнеса, то и его развитие шло бы активнее. Требуется кардинально изменить условия ведения предпринимательской деятельности: снизить налоговую нагрузку (налоговая реформа) и административное давление со стороны контролирующих органов (сокращение числа проверок и подходов к ним)»*¹.

¹ Орлов К. Развитие предпринимательства – залог развития Дубны URL: <https://dubna.bezformata.com/listnews/predprinimatelstva-zalog-razvitiya-dubni/37608672/> (дата обращения: 27.04.2020).

Практически все эксперты позитивно оценили экологию и природу города: *«Дубна – одно из самых лучших мест для проживания. Город тихий и спокойный, жители очень милые и отзывчивые», «с точки зрения природы, красоты и благополучия лучше города нет», «Дубна – уютный, красивый город, прекрасная природа».*

Высшую оценку эксперты поставили обеспеченности безопасности в городе. Вообще, надо отметить, что безопасности уделяется особое внимание. Преступность в Дубне одна из самых низких по Московской области – город стабильно занимает 3–4-е место по безопасности проживания среди всех районных центров области.

В 2019 г. принята муниципальная программа «Безопасность и обеспечение безопасности жизнедеятельности населения» на 2020–2024 гг. Отделом по безопасности постоянно ведётся мониторинг СМИ, сети Интернет, мессенджеров и социальных сетей на предмет размещения недостоверной и запрещённой информации, а также служебной информации ограниченного распространения¹.

В Дубне зарегистрировано 40 тыс. личных автомобилей, действуют 20 автобусных маршрутов. По мнению эксперта-предпринимателя, *«субъективно, примерно 50% велосипедистов спокойно ездят по проезжей части и это никого не удивляет. Тут я снимаю шляпу перед транспортными планировщиками города, которые не угробили улицы в угоду светлого автомобильного будущего, а успокоили движение на них в целях безопасности и всеобщего комфорта».*

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства обеспечивают содержание жилого фонда города, составляющего 1,27 млн м² общей площади. На обслуживании и содержании города находятся системы теплоснабжения, энергоснабжения, водоснабжения и канализации, свыше 680 тыс. м² муниципальных дорог, муниципальный пассажирский транспорт.

Эксперты в целом позитивно оценивают состояние городской инфраструктуры. *«Город очень активно развивается, застраивается неплохим жильём, обрастает торговыми*

¹ Глава Дубны Максим Данилов выступил с отчётом о работе в 2019 году и задачах на 2020 год.

центрами, есть кинотеатры, боулинги, вся инфраструктура как московская, только в миниатюре». «Выгодно отличается от других городов МО, хорошая инфраструктура, близость к большой воде и природе. Есть потенциал для развития». «В последнее время появились современные торговые и спортивные комплексы».

Сегодня в городском округе культивируются более 50 видов спорта, в том числе в системе спортивных школ – 16 видов. Традиционно самые массовые из них – плавание, волейбол и футбол. Всего же количество занимающихся физической культурой в 2019 г. возросло на 1700 человек по сравнению с 2018 г. На территории городского округа функционируют 3 муниципальных спортивные школы, в которых занимаются более 2000 спортсменов. Ежегодно проводится более 200 спортивно-массовых мероприятий различного уровня на 107 спортивных сооружениях. 2019 год в Дубне был объявлен «Годом спорта».

Эксперты весьма положительно оценивают изменения, которые происходят в городе в последние несколько лет. *«Ещё 10 лет назад Дубна представляла собой жалкое зрелище, но активно меняться она начала последние года три. Городок не узнать – ожил, омолодился. Очень много молодых семей с детьми. А вообще, город отличный. Зелёный, спокойный, на Волге и очень красивый».*

В настоящее время перспективы развития города связаны с созданием своего рода «силиконовой долины», концентрацией на территории городского округа высокотехнологичных предприятий, что позволит обеспечить рабочими местами около 10 тыс. профессионалов в области разработки программного обеспечения и компьютерных технологий, WEB-дизайнеров и IT-специалистов. Построенный в Дубне центр информационных технологий, в котором будут созданы все условия для комфортной жизни, сможет остановить «утечку мозгов» и стать средоточием российской электронной и компьютерной индустрии. Кроме сохранения и возвращения российских учёных и специалистов предприятия Дубны уже сегодня привлекают высококвалифицированных специалистов из числа иностранных граждан. Наблюдается приток иностранцев на обучение, на практику, на работу, для обмена опытом, особенно специалистов IT-сферы.

Эксперты были единодушны во мнении, отвечая на вопрос о необходимости изменений общегосударственной политики в отношении развития малых городов в интересах благополучия, порядка, возможностей для большинства их жителей: *«Считаю, что это очень острая проблема по развитию малых городов. У нас город ещё более-менее, развит хорошо. Но в 20 км есть другой город, там про развитие вообще не слышали. Просто есть такое чувство, что Москва – это Россия, а мы живём в другой стране», «хотелось бы, чтобы благосостояние малых городов было на должном уровне», «развитие малых городов – это главная политика государства, поэтому данная политика может вызывать только положительные отзывы», «малые города – это основа государств, их благополучие так же важно, как развитие Москвы».*

Развитие наукограда Дубна может являться моделью организации экономических связей, обеспечивающих жителей комфортом проживания. Дубна качественно отличается от многих других малых городов России, в первую очередь тем, что имеет долгосрочные перспективы развития благодаря наличию научно-промышленного комплекса и развитой инфраструктуры.

Дубна в социальном отношении в меньшей степени подвержена процессам маргинализации, ей не грозит проблема самовыживания, и вряд ли в Дубне когда-либо возникнет ситуация, при которой может произойти утрата внутренних и внешних социальных связей. Скорее наоборот, в Дубне эти связи будут воспроизводиться и наращиваться.

Конструктивные функции социальных конфликтов в малых городах России

Под социальным конфликтом обычно понимают наиболее острый способ развития и разрешения противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии социальных субъектов и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу. В этом определении наиболее важными, на наш взгляд, являются две характеристики социального конфликта: с одной стороны, *противодействие*, с другой – *взаимодействие* социальных субъектов в конфликтной ситуации. Сочетание формально противоположных признаков в одном определении социального конфликта означает, что отношения противоборства и сотрудничества – две взаимосвязанные стороны единого процесса «конфликтного взаимодействия – противодействия» социальных субъектов.

С точки зрения социологии конфликта первостепенное внимание заслуживает изучение противоречивой роли социальных конфликтов в обществе. В теоретическом плане наиболее распространены два подхода к определению и оценке общественных функций конфликта. Согласно одному из них, получившему развитие в рамках структурно-функционального анализа, социальные конфликты в основном разрушают сложившийся институциональный порядок и социальную организацию, приводят к деструктивным и дисфункциональным последствиям. В соответствии с противоположным подходом, представленным во многих социальных теориях – от марксизма до символического интеракционизма, – социальные конфликты выполняют не только деструктивные, но и важные конструктивные функции. Так, например, Л. Козер обращает внимание на позитивные функции социального конфликта, связанные, в частности, с самоорганизацией участников конфликта и становлением их социальной субъектности, с рационализацией и публичной артикуляцией конфликтной ситуации, с поиском и появлением новых форм общественной жизни, которые способствуют разрешению конфликта.

В связи с этим несомненный интерес представляет изучение социальных конфликтов в малых городах России с точки зрения соотношения их деструктивных и конструктивных функций, позитивных и негативных последствий. Для анализа в данном случае выбраны наиболее яркие, резонансные конфликты последних лет разного содержания и направленности: межэтнические, социально-трудовые и социально-экологические. Социально-политические конфликты не рассматриваются по причине того, что в целом они не характерны для малых российских городов.

Межэтнические конфликты представлены кейсом массовых беспорядков в карельском городе Кондопога в августе – сентябре 2006 г., вызванных убийством двух местных жителей выходцами с Кавказа. В результате широкого освещения и обсуждения этих событий в СМИ слово «кондопога» стало нарицательным при обозначении межэтнических конфликтов такого типа в современной России¹.

Город Кондопога – административный центр Кондопожского района, образующий Кондопожское городское поселение. В 2019 г. в нем проживало чуть менее 30 тыс. человек. В 2014 г. распоряжением Правительства РФ город лесозаготовителей включён в категорию моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением.

Поводом для конфликта послужил спор официанта ресторана «Чайка» (нелегального иммигранта из Азербайджана) с двумя посетителями из числа местных жителей. После драки к ресторану подъехала «крыша» заведения – группа чеченцев, вооружённых ножами, битами и железной арматурой. В потасовке с посетителями кавказцы убили двух местных жителей, девять были доставлены в больницы, пятеро – в реанимацию. Это спровоцировало в городе беспорядки, столкновения и погромы. Ресторан «Чайка» и другие заведения, принадлежащие местной чеченской диаспоре, были сожжены.

По итогам разбирательства двое зачинщиков драки с официантом получили 8 месяцев и 3,5 года колонии стро-

¹ Массовые беспорядки в Кондопоге. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые беспорядки в Кондопоге](https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые_беспорядки_в_Кондопоге) (дата обращения: 10.04.2020).

гого режима, 12 других участников беспорядков – по три года условно. За двойное убийство один из чеченцев был осуждён к 22 годам лишения свободы, четыре его подельника получили от 3 до 10 лет колонии.

Кондопожский конфликт спровоцировал кадровые перестановки в силовых структурах Карелии. Президент России Владимир Путин отправил в отставку руководителя МВД и начальника УФСБ республики, а генпрокурор Юрий Чайка отстранил от должности республиканского прокурора.

Деструктивные функции и негативные последствия данного конфликта очевидны – гибель людей, тяжкие телесные повреждения, утрата значительных материальных ценностей, остановка работы производственных предприятий, длительные тюремные сроки, отставка высокопоставленных чиновников, значительный моральный ущерб и т. п. А есть ли у этого конфликта конструктивные функции и позитивные последствия? И если да, то какие? Попробуем ответить на эти вопросы с помощью анализа материала из Википедии – свободной энциклопедии. Содержащееся в нем описание конфликтных событий основано на разнообразных публикациях в СМИ и представляет собой хотя и не строго научную, но достаточно взвешенную информацию, лишённую выраженного тенденциозного, субъективного (местнического, ведомственного или партийного) подхода. Как известно, каждый человек, имеющий доступ к Сети, может написать или отредактировать, внести правку, уточнение в любую статью Википедии.

Судя по статье в Википедии, события в Кондопоге не получили должной рационализации (понимания, объяснения) и артикуляции (освещения, разъяснения) в публичном пространстве. В тексте статьи, в частности, сообщается, что 1 сентября 2006 г., когда прошли похороны убитых в ресторане местных жителей, по телевидению показали сюжет, в котором всё произошедшее было названо «бытовой дракой». Это всколыхнуло население города: произошло несколько столкновений, в результате которых пострадали 8 человек. В ночь на 2 сентября на сайте Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) была организована постоянная лента новостей, основанная на свидетельствах очевидцев из Кондопоги. Ранее на том же сайте публико-

вались в режиме реального времени разрозненные сообщения, посвящённые событиям в Кондопоге. 4 сентября глава Карелии Сергей Катанандов возложил ответственность за события в Кондопоге на чеченцев. Он заявил: «Главной причиной стало то, что на наших глазах группа представителей другого народа вела себя дерзко и вызывающе, игнорируя менталитет нашего народа. Северных людей нужно долго доводить. В общем, я понимаю чувства тех людей, которые вышли на улицу... Наша цель – выгнать отсюда наглую дерзкую молодёжь, которая нас не уважает, причём местные власти и правоохранительные органы явно закрывали глаза на многие злоупотребления, тогда как наши граждане за те же нарушения несли ответственность по полной программе. Мы не против жителей Кавказа, наоборот, наши двери всегда открыты для честных и трудолюбивых людей, но мы не позволим не уважать наши законы»¹. 9 сентября в ответ на это заявление премьер-министр Чечни Рамзан Кадыров сказал, что сумеет найти правовой метод урегулировать ситуацию, если власти Карелии окажутся на это не способны².

На наш взгляд, довольно упрощённое и одностороннее освещение межэтнического конфликта в местной прессе не позволило в полной мере раскрыть его общественную природу, снизить напряжённость в отношениях между коренными жителями и мигрантами, показать возможные способы разрешения противоречий и примирения сторон. Процитированные заявления должностных лиц, а также интенции информационной активности Движения против нелегальной иммиграции касались в основном юридической стороны дела, в частности – нарушений российского законодательства об иммиграции. При этом не учитывался тот факт, что выходцы из Чечни и Дагестана – в данном случае не иммигранты, а полноправные российские граждане, которые могут в принципе жить в любом городе России. Истинные причины беспорядков в Кондопоге, как представляется, не были должным образом отрефлексированы и артикулированы в локальном публичном пространстве.

¹ Массовые беспорядки в Кондопоге.

² Там же.

Представленная в информационном материале хроника кондопожских событий свидетельствует также о преимущественно стихийном характере массовых действий со стороны рядовых горожан. 2 сентября в полдень был назначен народный сход жителей Кондопоги. На главной площади прошёл массовый митинг, участники которого потребовали от властей выселить в течение суток всех нелегальных мигрантов. Часть митингующих – несколько сот человек – отправились к ресторану «Чайка». Демонстранты сначала забросали заведение камнями, а затем, ворвавшись внутрь, подожгли подсобное помещение. После того, как сотрудники милиции оттеснили людей, а пожарные потушили огонь, люди начали громить коммерческие палатки. Ближе к 22:00 по московскому времени, как сообщает «Интерфакс», протестующие вновь собрались у ресторана и подожгли его. 5 сентября перед зданием администрации города Кондопога вновь прошёл стихийный митинг. 6 сентября ситуация в Кондопоге опять обострилась. По информации РИА «Новости», неизвестные подожгли здание спортивной школы, в которой проживали несколько семей из Средней Азии.

В приведённом описании беспорядков нет указаний на то, что в ходе конфликта возникли какие-либо общественные объединения. Такие упоминания могли бы в принципе свидетельствовать о самоорганизации жителей города, становлении их социальной субъектности в отношениях с мигрантами, органами власти и силовыми структурами. На представительство общественных интересов горожан первоначально претендовали лидеры Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), однако их вмешательство в кондопожские события было признано деструктивным и общественно вредным. 16 ноября прокуратурой Республики Карелия возбуждено уголовное дело по статье 282 ч. 1 против координатора общественных связей ДПНИ Александра Белова.

В качестве общественно значимых последствий конфликта, кроме чисто юридических решений и административно-организационных выводов, можно назвать инициативные требования участников городского митинга по созданию так называемых народных дружин для контроля за правопорядком, так как, по мнению митингующих, мили-

ция с этим самостоятельно не справлялась, а также требование изгнать из города мигрантов с Кавказа и из Средней Азии. Помимо этого участники митинга выдвинули инициативу по участию «представителей народа» в пересмотре регистрации приезжих в город. Но ни одна из этих новаций не получила поддержку и не была внедрена в общественную жизнь. Справедливости ради следует отметить, что события в Кондопоге подтолкнули процесс совершенствования миграционного законодательства в стране и способствовали усилению контроля за его соблюдением.

Таким образом, судя по информации из Интернета, конструктивные функции межэтнического конфликта в Кондопоге выглядят гораздо слабее, скромнее его деструктивных последствий, в результате чего кондопожские события получили преимущественно негативную коннотацию и отождествляются в первую очередь с массовыми беспорядками.

Далее рассмотрим общественные функции *социально-трудовых конфликтов* на примере также острорезонансного социально-экономического кризиса в малом городе Пикалёво в 2008–2009 гг.

Город Пикалёво расположен в Бокситогорском районе Ленинградской области и образует Пикалёвское городское поселение (МО «город Пикалёво») как единственный населенный пункт в его составе. В 2019 г. его население составляло 19 981 человек. Распоряжением Правительства РФ Пикалёво также включён в список моногородов Российской Федерации с наиболее сложным социально-экономическим положением.

Краткая хроника конфликтных событий представлена в Интернете следующим образом¹. Осенью 2008 г. в Пикалёво сложилась сложная социально-экономическая ситуация, которая была вызвана остановкой производства на трех крупнейших предприятиях города – «Пикалёвский глиноземный завод» (принадлежит компании «БазэлЦемент», относящейся к группе Олега Дерипаски «Базовый элемент»), «Пикалёвский цемент» (принадлежит компа-

¹ Пикалёво. Социально-экономический кризис 2008–2009 годов. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пикалёво> (дата обращения: 10.04.2020).

нии «Евроцемент групп») и «Метаксим», связанных единой технологической цепью. В ноябре «Пикалёвский цемент» объявил о планах по сокращению 650 сотрудников из тысячи работавших на нем. В феврале 2009 г. на «Пикалёвском глиноземном заводе» было объявлено о сокращении 504 сотрудников, а 18 февраля на заводе «Метаксим» предупредили о сокращении всех 267 сотрудников с 1 марта. Чуть позже было объявлено о предстоящих увольнениях ещё 515 сотрудников «Пикалёвского глиноземного завода» и 180 сотрудников «Пикалёвского цемента». Кроме того, 15 мая 2009 г. во всём городе были отключены горячая вода и отопление. Местная ТЭЦ отключила город от поставок из-за долгов одного из градообразующих предприятий – ЗАО «БазэлЦемент-Пикалёво».

Утром 2 июня примерно 250–300 жителей Пикалёво перекрыли федеральную трассу «Новая Ладога – Вологда» в знак протеста против тяжёлой социально-экономической ситуации, приурочив свою акцию к визиту председателя правительства России Владимира Путина в Санкт-Петербург. Правопорядок обеспечивали сотрудники местного ОВД, отказавшиеся от каких-либо силовых действий и не допустившие беспорядков. Не возникло (как утверждали СМИ) и серьёзной автомобильной пробки. К вечеру того же дня акция протеста закончилась, движение по федеральной трассе «Новая Ладога – Вологда» было полностью восстановлено.

Четвёртого июня в Пикалёво прибыли премьер-министр РФ Владимир Путин, вице-премьер Игорь Сечин, глава Минрегионразвития Виктор Басаргин, полпред президента в Северо-Западном Федеральном округе Илья Клебанов, губернатор Ленинградской области Валерий Сердюков, глава Федеральной антимонопольной службы Игорь Артемьев, глава РЖД Владимир Якунин, глава банка ВТБ Андрей Костин, собственник «БазэлЦемент» Олег Дерипаска и другие. Около 16:00 на Пикалёвском глиноземном заводе началось совещание с участием этих лиц, а также представителей региональных властей и трудовых коллективов. В ходе совещания «БазэлЦемент» и «Фосагро» подписали договор о возобновлении поставок сырья на предприятие «БазэлЦемент-Пикалёво».

Пятого июня задолженность по зарплате работникам трёх градообразующих предприятий Пикалёво была полностью погашена, на остановленной из-за долгов городской ТЭЦ в пятницу затопили котёл и зажгли горелку, а 6 июня утром дали горячую воду, отключённую в начале мая.

Девятого июня в Пикалёво состоялось заседание оперативного штаба по восстановлению Пикалёвского производственного комплекса с участием губернатора Ленинградской области Валерия Сердюкова. На этом заседании между руководством компаний «ФосАгро», «Метакхим», «Евроцемент групп» и «БазэлЦемент» были подписаны договоры, позволяющие возобновить производство на всех предприятиях города.

Первая публичная реакция на массовые сокращения работников предприятий прозвучала со стороны губернатора Ленинградской области Валерия Сердюкова. 28 апреля он заявил, что всем безработным Пикалёво будет одновременно выплачено по 5 тыс. рублей: «Тут по телевизору показывают, что жители Пикалёво голодают. Так вот – этими деньгами мы решаем эту проблему». Очевидно, что такая денежная выплата оказалась совершенно недостаточной и в принципе не могла решить финансовые проблемы безработных жителей города. Остановка производства на «Пикалёвском цементе» и последовавшее за этим массовое увольнение рабочих были связаны с решением собственников и руководителей предприятия перепрофилировать завод и повысить таким образом его экономическую эффективность. Возможные социальные последствия и издержки при этом не учитывались. Более того, прекращение работы на одном предприятии привело к остановке остальных, связанных с ним технологической цепочкой. В результате в условиях малого моноотраслевого города социальные проблемы стали нарастать, как снежный ком¹. Попытка губернатора Ленинградской области объяснить суть проблемы «голоданием» людей, погасить конфликт с помощью незначительных денежных выплат, можно сказать, провалилась, поскольку через месяц жители

¹ Пикалёво. Социально-экономический кризис 2008–2009 годов.

Пикалёво приняли участие в акции протеста и перекрыли федеральную трассу. Не вполне адекватные со стороны власти рационализация и публичная артикуляция кризисной ситуации, на наш взгляд, способствовали дальнейшей эскалации конфликта, его переходу в активную, наиболее острую фазу.

В отличие от беспорядков в Кондопоге массовые протестные действия жителей города проходили в целом мирно и организовано. 8 ноября 2008 г. в Пикалёво состоялся митинг против остановки производств на городских предприятиях, который собрал около 4 тыс. человек. 14 февраля 2009 г. в Пикалёво вновь прошёл митинг протеста, а 15 апреля жители города провели массовую акцию протеста в Санкт-Петербурге. Напомним, что не случилось массовых беспорядков и во время блокирования федеральной трассы «Новая Ладога – Вологда». На совещании 4 июня Владимир Путин заявил участникам акции протеста: «Последнее, что вы могли сделать, чтобы я сюда не приехал, это начать нарушать здесь закон».

Важно отметить, что, хотя в ходе конфликта не возникало постоянно действующих общественных объединений, представители протестующих приняли участие в совещании на Пикалёвском глиноземном заводе вместе с собственниками городских предприятий, а также руководителями федеральных и местных органов власти.

В процессе урегулирования локального конфликта в Пикалёво проявились важные новации в способах разрешения подобных социально-экономических конфликтов в целом по стране. Во-первых, для этого потребовалось вмешательство первых лиц государства. 12 марта губернатор Ленинградской области Валерий Сердюков ездил на личную встречу с президентом России Дмитрием Медведевым для обсуждения вопроса о возобновлении работы предприятий города. Однако реальное разрешение социально-трудового спора произошло 4 июня после приезда в Пикалёво Владимира Путина, который распорядился, чтобы вся задолженность по заработной плате работникам трёх пикалёвских заводов (41 242 000 руб.) была выплачена в тот же день. «Вы сделали заложниками своих амбиций, непрофессионализма и жадности тысячи людей.

Это недопустимо. Где социальная ответственность бизнеса?»¹, – заявил председатель правительства собственникам предприятий в ходе совещания.

Во-вторых, для урегулирования конфликта пришлось усадить за стол переговоров всех собственников пикалёвских заводов – Олега Дерипаску («БазэлЦемент»), генерального директора ООО «УК "СевЗапПром"» Александра Утевского, председателя совета директоров ЗАО «Евроцемент групп» Филарета Гальчева, члена Совета директоров ОАО «СУАЛ-Холдинг» Александра Бронштейна – и заставить их подписать договор о возобновлении работы городских предприятий, несмотря на их, возможно, недостаточную экономическую эффективность.

И, в-третьих, для преодоления локального социально-экономического кризиса потребовалось привлечь значительные финансовые средства на региональном и федеральном уровнях. Так, 21 мая 2009 г. из бюджета Ленинградской области городу было выделено 20 млн рублей в качестве дотации. В тот же день губернатор Ленинградской области подписал постановление о выделении 5 млн рублей для погашения задолженности по заработной плате перед работниками ТЭЦ со стороны предприятия «БазэлЦемент». Помимо этого, Валерий Сердюков подписал ещё одно распоряжение, согласно которому в Бокситогорский район было перечислено 1 млн 700 тыс. рублей для оказания поддержки жителям района, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Кроме того, правительство РФ пообещало компенсировать убытки РЖД в связи с перевозкой сырья от компании ОАО «Апатит» по железнодорожным путям на «БазэлЦемент-Пикалёво» по фиксированному тарифу, а не по рыночным ценам².

Анализ информации из Интернета позволяет сделать вывод, что у социально-трудового конфликта в Пикалёво были не только известные негативные последствия (остановка производства, масштабные увольнения работников, резонансные акции протеста и т. д.), но и важные конструктивные функции, связанные с мирной и относительно

¹ Пикалёво. Социально-экономический кризис 2008–2009 годов.

² Там же.

организованной формой массового протеста, с эффективными управленческими решениями, получившими дальнейшее распространение при разрешении подобных кризисных ситуаций.

Соотношение деструктивных и конструктивных функций в *социально-экологическом конфликте* проанализировано на примере протестных акций против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес в 2018–2020 гг.

Шиес – железнодорожная станция Сольвычегодского региона Северной железной дороги, находящаяся в Урдомском городском поселении Ленского района Архангельской области. Посёлок при станции необитаем. Ближайшие малые города и жилые посёлки: город Микунь в 75 км на северо-восток напрямик или 220 км по автодороге (2019 г. – 9683 чел.), посёлок Жешарт в 34 км на северо-восток по железной дороге (2017 г. – 7500 чел.), город Корьяжма в 131 км на юго-запад по железной или 162 км по автодороге (2017 г. – 37 092 чел.), рабочий посёлок Урдома в 35 км на юго-запад (4200 жителей). Активное участие в конфликте приняли многие жители Архангельской области, но, прежде всего, проживающие в близлежащих к Шиесу малых городах и посёлках.

Мусорный полигон предназначался для складирования твёрдых бытовых и промышленных отходов, вывозимых из Москвы и ряда других регионов западной части России. Поскольку строительство полигона предполагалось в болотистой местности, это могло привести к загрязнению поверхностных и подземных источников воды. Кроме того, все загрязнения с полигона могли через северные реки попасть в Баренцево море, а оттуда – в мировой океан, в том числе в страны Скандинавии.

Начавшийся в июле 2018 г. локальный протест местных жителей Шиеса к 2019 г. стал эпицентром «антимусорных» выступлений. Во втором квартале 2019 г. 34 из 56 экологических протестов в стране были объединены темой Шиеса, акции протеста в поддержку протестующих на Шиесе прошли в 30 регионах России. В Архангельской области 95% граждан высказались против строительства полигона, в том числе 25% были готовы участвовать в несогласо-

ванных акциях протеста. Жителями области было подано свыше 60 тыс. подписей в администрацию президента РФ с требованием учесть их мнение. В 2019 г. протест получил освещение в иностранной прессе.

В июне 2019 г. строительство полигона было приостановлено. 18 июля Европейский парламент утвердил резолюцию с требованием к России прекратить преследование экологических активистов Архангельской области. 20 июля президент России Владимир Путин дал поручение правительству Архангельской области и правительству Москвы обеспечить учёт мнения населения Архангельской области при решении вопроса о строительстве в районе станции Шиес объектов размещения твёрдых коммунальных отходов. В декабре 2019 г. власти Москвы подготовили территориальную схему обращения с отходами, в которую мусорный полигон на Шиесе не включили, чтобы не вызвать усиление общественных протестов.

Резонансный характер конфликта привлёк внимание не только журналистов, но и специалистов разных отраслей науки – экологов, юристов, социологов, экономистов и других, которые сразу стали рассматривать протесты против строительства полигона в Шиесе в широком контексте массового экологического движения, связанного с мусорным кризисом в стране. Суть этого кризиса состоит в том, что ежегодно в России образуется более 70 млн тонн твёрдых коммунальных отходов (ТКО). Большая часть отправляется на свалки без какой-либо сортировки и обезвреживания. На территории России в настоящее время размещено свыше 30 млрд тонн отходов. Полигоны ТКО занимают 4 млн га, ежегодно их площадь возрастает на 0,3 млн га. Почти все российские свалки, по мнению специалистов, могут переполниться в ближайшие пять лет.

Только из Москвы в Московскую область ежегодно вывозится 7 млн тонн ТКО, в результате многочисленные полигоны и свалки практически перестали справляться со столичными отходами. Жители многих районов Подмосковья объединились против завоза московского мусора, строительства новых и расширения действующих мусорных свалок. Массовые протесты, после которых были закрыты 24 мусорных полигона из 39, вынудили правительство

Москвы искать альтернативные возможности решения проблемы удаления из столицы ТКО. В результате было принято решение вывозить отходы в отдалённые регионы России. Земли были найдены на территории Архангельской области, около железнодорожной станции Шиес. Из Москвы в ЭкоТехноПарк «Шиес» в течение 20 лет, начиная с 2020 г., планировалось вывозить около 500 тыс. тонн ТКО в год¹.

Благодаря широкому освещению и активному обсуждению в прессе, в научных и общественных кругах, социально-экологический конфликт в Шиесе получил достаточно полную и адекватную рационализацию и публичную артикуляцию, что позволило привлечь к его разрешению все заинтересованные стороны, располагающие для этого необходимыми компетенциями, вплоть до мэра Москвы и президента России.

Краткая хронология массовых протестов в Архангельской области в целом такова. В июне 2018 г. местные жители случайно обнаружили в районе станции Шиес стройплощадку и технику. В конце года активисты поставили около стройки первый вагончик для круглосуточных дежурств, на которые приезжали люди из близлежащих поселений и даже из всего региона. Постепенно лагерь протестующих разрастался и появлялись всё новые посты. 2 декабря прошли митинги по всей Архангельской области, собравшие, по оценкам организаторов, около 30 тыс. участников (в том числе в Архангельске от 3 до 5 тыс. чел. и 10 тыс. чел. в Северодвинске). 3 февраля 2019 г. митинг в Архангельске собрал около 5 тыс. человек, а 24 февраля антимусорный митинг в Северодвинске насчитывал уже более 10 тыс. человек. 7 апреля в Архангельске прошли несанкционированные протестные акции и в тот же день было объявлено о начале бессрочного протеста на центральной площади Ленина. 22 сентября в единый день протеста в Архангельске прошёл антимусорный митинг в Соломбале на площади Терёхина, на который пришли 2 тыс. чело-

¹ Мусорный кризис в России. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мусорный_кризис_в_России#Антимусорные_протесты_в_Подмосковье_\(дата_обращения:_10.04.2020\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мусорный_кризис_в_России#Антимусорные_протесты_в_Подмосковье_(дата_обращения:_10.04.2020)).

век. 8 декабря на митинг против строительства мусорного полигона в городе Котласе на юге Архангельской области пришли 10 250 человек¹.

С учётом общей численности жителей Архангельска, Северодвинска, Котласа и других городов перечисленные массовые акции протеста равнозначны по значимости и действенности митингам и демонстрациям в Москве в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, на которые собирались сотни тысяч и даже миллионы человек. Проведение массовых антимусорных акций и круглосуточное многомесячное дежурство экоактивистов на стройплощадке рядом со станцией Шиес предполагают высокую степень организованности и сознательности участников экологического движения. Становление социальной субъектности противников строительства мусорного полигона вкупе с адекватной рационализацией и публичной артикуляцией создали благоприятные предпосылки для успешного разрешения социально-экологического конфликта. Властным органам разного уровня пришлось отказаться от планов строительства мусорного полигона в Архангельской области и искать другое, компромиссное решение проблемы утилизации мусорных отходов при условии сохранения окружающей природной среды.

Выходу из конфликтной ситуации способствовали, в частности, следующие судебные постановления. 25 апреля 2019 г. Архангельский областной суд признал незаконным постановление Архангельского областного собрания депутатов против проведения референдума о запрете ввоза мусора из других регионов на территорию Архангельской области. После этого губернатор Архангельской области Игорь Орлов, Архангельское областное Собрание и Прокуратура Архангельской области обжаловали в Верховном суде РФ решение Архангельского областного суда. 25 июня 2019 г. Верховный суд Российской Федерации отменил решение Архангельского областного суда о проведении референдума по ввозу отходов из других регионов на территорию Архангельской области.

¹ Протесты в Шиесе. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_в_Шиесе (дата обращения: 10.04.2020).

В сентябре 2019 г. Вилегодский районный суд отказал прокуратуре в иске об отчуждении в пользу государства (технопарка) земельных участков на станции Шиес, принадлежащих частным лицам, под полигон. Архангельский областной суд согласился с этим решением. 9 января 2020 г. Арбитражный суд Архангельской области по иску администрации рабочего посёлка Урдомы признал постройки полигона рядом со станцией Шиес незаконными.

Кроме судебных постановлений были приняты важные управленческие решения на государственном уровне. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, основываясь на заключении специалистов Двинско-Печорского бассейнового водного управления Федерального агентства водных ресурсов, пришёл к выводу, что строительство полигона для московского мусора на Шиесе в границах II и III поясов зоны санитарной охраны источника питьевого и хозяйственно-бытового назначения приведёт к загрязнению рек и нарушит все возможные санитарные нормы.

14 января 2019 г. президент России подписал указ о создании публично-правовой компании по формированию комплексной системы обращения с твёрдыми коммунальными отходами «Российский экологический оператор». 19 февраля председатель правительства Российской Федерации Д. А. Медведев назначил Дениса Буцаева руководителем «Российского экологического оператора». Таким образом, социально-экологический конфликт вокруг строительства ЭкоТехноПарка «Шиес» получил на данном этапе позитивное и эффективное разрешение.

16 мая 2019 г. Владимир Путин заявил на медиафоруме ОНФ: «Москва не может мусором зарастать, это десятиллионный город. Но и в других регионах не нужно создавать проблем. В любом случае это должно быть в диалоге с людьми, которые там живут. Я обязательно поговорю и с руководителем области, и Сергеем Семеновичем Собяниным. Они не могут решать это келейно, не спрашивая мнения людей, которые проживают в непосредственной близости от этих полигонов»¹.

¹ Протесты в Шиесе.

Конструктивные функции конфликта, связанные с его адекватной рационализацией и публичной артикуляцией, формированием социальной субъектности противников строительства мусорного полигона и поиском компромиссных решений проблемы утилизации ТБО без нанесения экологического ущерба северным территориям европейской части России, на наш взгляд, явно преобладают над его деструктивными и негативными последствиями. К последним можно отнести разве что частично замороженные средства, выделенные на строительные работы, и необходимость разработки альтернативных вариантов утилизации ТБО из Москвы.

Важнейшей предпосылкой успешного выхода из кризисной ситуации послужило, на наш взгляд, то обстоятельство, что первоначально ограниченный социально-экологический конфликт в районе необитаемой железнодорожной станции Шиес быстро вышел за локальные границы и даже за рамки Архангельской области и превратился в событие если не общероссийского, то, по крайней мере, макрорегионального масштаба, значимое для всего Севера и Центра Европейской части России. С конфликтологической точки зрения способы и результаты разрешения данного социально-экологического кризиса представляют собой относительный «образец», «идеальный тип» завершения социального конфликта, первоначально возникшего на уровне малого российского города в современных условиях.

Раздел V

Малые города в глобальном
дискурсе и цивилизационном
контексте

Глобализация и малые города:
проблема качества развития.
Опыт Италии

Для правильного решения вопросов территориально-го развития малых городов Италии остаются открытыми проблемы, связанные с приумножением их человеческого и материального наследия и их будущим прогрессом. На наш взгляд, в связи с этим полезно вспомнить характеристики более общих процессов глобального развития, с которыми эти проблемы тесно связаны.

Урбанизация и глобализация

Глобализация порождает изменения в двух существенных ориентирах жизни людей и сообществ. 1. *Идея времени* – с преобладанием культуры настоящего по отношению к любой привязке к ценности прошлого, а также к любой гипотезе возможного будущего. В связи с этим можно отметить, что современное общество *резко* снижает способность представлять коллективное будущее вне частных ожиданий. Мы сталкиваемся с опустыниванием будущего. 2. *Идея пространства*, побуждающая всё большее число людей и социальных групп (молодёжь, иммигранты и другие) не воспринимать уважительно традиционные границы государств, межкультурные связи по отношению к собственной стране¹. Эти изменения ощущения времени и пространства в культуре людей отображаются, например, в процессах экономического развития, когда капитал становится всё более глобальным, а труд остается ограниченным локальным масштабом. Издержки и преимущества глобальной эры, которую мы переживаем, очевидны. Издержки определяются страданиями, нестабильностью, человеческой неопределенностью, а также ущербом, вызванным структурными изменениями. Например, изменением климата,

¹ Bodei R. The Shared Future or Global Uncertainty // International Letter. 2010, n. 106 URL: <https://www.letterainternazionale.it>, Milano (дата обращения: 26.09.2019).

миграционными потоками, чрезмерным экономическим и социальным неравенством. Преимущества выражаются в необычайном росте некоторых экономик и повышении их роли на мировой арене, уменьшении числа людей, страдающих от голода в мире, увеличении продолжительности жизни, распространении социальной защиты в общей ситуации модернизации, больших и удивительных возможностях цифровых связей.

Устойчивое развитие и новое «право на город»

Столкнувшись с этим сценарием издержек и преимуществ глобализации и стремясь обеспечить реальный будущий прогресс для человечества, в 2015 г. все государства – члены ООН – одобрили Программу «Устойчивого развития» на период до 2030 г.¹ Одна из главных целей этой программы касается урбанизационных процессов, происходящих в мире, необходимости выстраивания ситуации территориального баланса между крупными и малыми городскими центрами, укрепления систем городского обслуживания для повышения качества жизни людей, а также обеспечения равного доступа ко всем большим позитивным возможностям, открывающимся в результате процессов глобализации. Фундаментальным вкладом в этом направлении является утверждение Организацией Объединенных Наций в 2016 г. «*Новой программы развития городов*», ибо «*преобразование нашего мира к лучшему означает преобразование наших городов*»². Новая программа развития городов представляет собой руководящий инструмент на ближайшие десятилетия для множества субъектов (государства, города, регионы, международные организации, финансирующие развитие, представители гражданского общества) в отношении политики и программ, которые дают импульс

¹ United Nations: Transforming our World. The 2030 Agenda for Sustainable Development, A/RES/70/1, New York, 2015. URL: <https://www.sustainabledevelopment.un.org> (дата обращения: 26.12.2019).

² United Nations: New Urban Agenda – NUA (Habitat III). Dichiarazione Finale approvata alla conferenza internazionale, Quito (Ecuador), 2016. URL: <http://habitat3.org/the-new-urban-agenda/> (дата обращения: 26.12.2019).

устойчивой урбанизации, чтобы сделать большие и малые города во всём мире более инклюзивными, более экологичными, безопасными и процветающими.

Существуют три основных принципа устойчивой урбанизации: никого не оставлять позади, устойчивая и инклюзивная городская экономика, экологическая устойчивость. Критерии и процедуры, с помощью которых проектируются, развиваются, финансируются, регламентируются и управляются города и населенные пункты, должны быть направлены на искоренение нищеты во всех её формах и измерениях, сокращение неравенства и поощрение инклюзивного и устойчивого роста, на достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин, улучшение здоровья и благосостояния людей, повышение устойчивости и защиты окружающей среды. Это – идеал города для всех населённых пунктов, организованных в соответствии с элементами, способными гарантировать качество жизни населения.

Важная основа для программы развития переосмысления городов и процесса урбанизации – *«право на город»*. Оно определяет право всех нынешних и будущих жителей создавать и использовать справедливые, инклюзивные и устойчивые города, которые определяются как общее благо, необходимое для качества жизни. Это право относится как к городскому пространству, так и к сельскому или полусельскому окружению, являющемуся частью его территории. Высказывания известного географа и политолога Д. Харви могут помочь понять, какие обязательства должны выполнять отдельные люди и их сообщества для достижения «новой утопии»: *«Вопрос о том, какой тип города мы хотим, не может быть отделен от других вопросов: какими людьми мы хотим быть, какие социальные отношения мы ищем, какие отношения мы хотим развивать с природой, какой образ жизни мы желаем, какие эстетические ценности мы преследуем. Поэтому право на город – это гораздо больше, чем право на доступ, индивидуально или коллективно, к ресурсам, которые воплощает город, – это право изменять и заново создавать город таким образом, чтобы он больше соответствовал нашим потребностям. Кроме того, это скорее коллективное, чем индивидуальное право, поскольку возрождение города неизбежно зависит*

от осуществления коллективной власти над процессами урбанизации»¹.

В Докладе о глобальном устойчивом развитии ООН (GSDR) 2019 г., представленном международной группой экспертов, была отмечена тенденция распространения концентрации городов по всему миру, а также связанные с этим риски и негативные последствия для общей устойчивости развития, серьезность территориальных диспропорций между крупными и средними и малыми городскими центрами. *«Если нынешние тенденции сохранятся, – говорится в пункте 5 доклада, посвящённого развитию городов, – то к 2050 году в городах будет проживать примерно 70% мирового населения и осуществляться 85% мирового экономического производства. Антропогенное и экологическое воздействие городов является ошеломляюще высоким и накладывает высокие издержки на окружающие сельские районы. 90% людей, живущих в городах, дышат воздухом, который не соответствует стандартам ВОЗ по качеству воздуха (10 микрограммов на кубический метр (мкг/м) твердых частиц); ни один мегаполис в субсахарской Африке или Азии не соответствует этим стандартам. Водный след городов – их площадь водных источников – составляет 41% поверхности Земли, в то время как их физический след – их площадь суши – охватывает лишь 2%; к 2050 году площадь земель, занятых городами в развивающихся странах, утроится. Города несут ответственность за 70% глобальных выбросов парниковых газов от сжигания ископаемого топлива... Если развитие будет продолжаться в формате обычной модели ведения бизнеса, то к 2050 году города мира будут потреблять 90 млрд тонн в год такого сырья, как песок, гравий, железная руда, уголь и древесина. Это будет иметь необратимые последствия для истощения ограниченных ресурсов и будет означать разрушение естественной среды обитания и зелёных насаждений, а в результате – потерю биологического разнообразия...»².*

¹ Harvey D. Città ribelli. [Rebel Cities]. Ed. Il Saggiatore. Milano, 2013. P. 141–147.

² United Nations: The Future is New: Science for Achieving Sustainable Development. Global Sustainable Development Report – GSDR, 2019. New York, 11 Settembre 2019. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/globalreport/2019> (дата обращения: 26.12.2019).

С другой стороны, современные тенденции подтверждают, что около половины мирового населения будет продолжать жить в средних и малых городах. К этому первому фактору добавляется второй, не менее важный: именно средние города до сих пор демонстрировали способность проявлять наилучшие результаты развития перед лицом глобальных процессов с точки зрения экономического роста, производительности, инвестиций. Эта тенденция, надо сразу сказать, подтверждается и итальянским примером.

Красота в малом: опыт Италии

Принципы, ценности и обязательства, подтверждённые в последние годы в международных исследованиях по вопросу о сбалансированном и устойчивом развитии городов, являются основополагающими для политики, которая должна осуществляться в интересах территорий и городов. Другой подход к территориальному планированию, в сочетании со способностью использовать огромные возможности, которые открывает цифровая революция, может привести к валоризации маргинализированных территорий и малых городов, ибо в них появляется возможность предложения людям высококачественных условий жизни в малых городах, по крайней мере, равных, если не превосходящих, нежели в крупных городских центрах. Последние тенденции, зафиксированные в Италии, связанные с возвращением населения к жизни и работе в небольших городах, являются важным признаком того, что такие центры, если они хорошо организованы и связаны, могут приобрести новую привлекательность и гарантировать гражданам лучшие условия жизни.

Италия – это страна средних и малых городов в историческом, социокультурном и экономическом аспектах. С социологической точки зрения это страна местных сообществ, малых групп, семей; с культурной точки зрения – это страна индивидуализма, инициативы отдельного человека, а не группы. Таким образом, итальянская культура весьма фрагментирована, богата широко известными ценностями, но выражается скорее индивидуальными, чем коллективными инициативами. История определила и нынешнюю градостроительную структуру в Италии. Для луч-

шего управления империей древние римляне строили большие консульские пути, которые доходили до дальних границ государства, а по пути строилось множество городских центров для расширения пересекаемых территорий. Города были построены по точной модели военного городка – с большой площадью в центре, где люди встречались для собраний, с храмом для религиозных церемоний, театром и цирком для развлечения, термальными банями для ухода за телом и библиотеками для культурного отдыха. Это была городская модель, направленная на удовлетворение самых разнообразных потребностей индивидуальной и общественной жизни, способная сочетать практические потребности горожан с качеством жизни. В Средние века и позже небольшие города стали «свободными муниципалитетами», то есть независимыми образованиями, каждое из которых имело свои специфические традиции, свой автономный характер. В результате даже самые маленькие итальянские города сохраняют присущие стране особенности, но следуют своим собственным путём развития, сохраняя совершенно разный менталитет и жизненную силу. Развитие города характеризуется, например: организацией специализированных промышленных районов; предпочтением работы на малых и средних предприятиях, разбросанных по всей территории, часто высокоразвитых и динамичных; организацией семейных предприятий; конкретными действиями по утверждению материальных и нематериальных активов своей территории, независимо созданных.

Население Италии на 1 января 2018 г. составляло около 60 млн человек. Городов, превышающих 1 млн жителей, два: Рим, столица (2 849 032 жителя) и Милан (1 385 023 жителя). Средних городов, с населением от полумиллиона до миллиона жителей, четыре: Неаполь (955 428 жителей), Турин (874 508 жителей), Палермо (660 263 жителя), Генуя (576 314 жителей). Всё остальное население живёт и работает в небольших городах. Широкое распространение итальянского населения на территории страны соответствует широкому распределению хозяйственной и производственной деятельности. Италия имеет самую высокую плотность производственной деятельности в Европе – с 72,4 предприятиями на тысячу жителей, что значительно выше, чем

в среднем по Европе (47,8 предприятий на тысячу жителей). Италия – страна малых и средних предприятий, а также микропредприятий¹. Цифры говорят сами за себя. В Италии, например, малые и средние предприятия составляют 99,9% от общего количества предприятий (0,1% крупных предприятий), имеют 80% занятых (20% заняты на крупных предприятиях), 57,6% произведённой добавленной стоимости (32% для крупных компаний). Аналогичная ситуация в целом наблюдается и в Европейском Союзе. Фактически в европейской системе (ЕС27) малые и средние предприятия составляют 99,0% от всех компаний (0,2% крупных компаний), имеют 66,5% занятых (33,5% заняты в крупных компаниях), 57,6% произведённой добавленной стоимости (42,4% для крупных компаний)².

В своей региональной политике в области малого и среднего предпринимательства ЕС объясняет, что *«поддержание широкой базы малых и средних предприятий очень важно для экономического развития, благосостояния и устойчивости региона. Чтобы помочь создать благоприятную для бизнеса среду и повысить конкурентоспособность малых и средних предприятий на региональном уровне, Европейская комиссия проводит анализ, делится передовым опытом, программами и политическими инициативами»*³. Таким образом, малый и средний бизнес является движущей силой производства материальных благ и занятости в итальянской системе и в целом в европейской системе.

Отличительной особенностью итальянского малого и среднего бизнеса является то, что в ней явно преобла-

¹ Европейский Союз классифицирует компании по размеру следующим образом: средние предприятия (до 250 сотрудников и с годовым товарооборотом в 50 млн евро), малые предприятия (до 50 сотрудников и с годовым товарооборотом в 10 млн евро), микрокомпании (до 10 сотрудников и с годовым товарооборотом в 2 млн евро).

² Governo Italiano – Presidenza Consiglio dei Ministri – Dipartimento Programmazione Economica: Strategia Nazionale per le Aree Interne 2019. [National Strategy for Internal Areas 2019], Roma, 2019. URL: <http://www.programmazioneeconomica.gov.it/2019/05/23> (дата обращения: 26.12.2019).

³ European Commission – SMES. 2012. URL: <https://www.statista.com/statistics/878412/number-of-smes-in-europe-by-size/>; https://ec.europa.eu/eurostat/statistics_explained/index.php/Statistics_on_small_and_mediumsized_enterprises#General_overview (дата обращения: 26.12.2019).

дают микропредприятия, то есть компании с менее чем 10 сотрудниками и оборотом в 2 млн евро. Фактически по сравнению со всеми малыми и средними предприятиями (3 694 288) в Италии микропредприятия также составляют 94,4% от них (3 491 826). Внутри ЕС микропредприятия составляют большую долю, равную 93% от общего числа в 24,5 млн. Италия является системой микропредприятий, где имеет большое значение личный опыт работы, гибкое управление компанией, особенно в отношениях между работодателем и работником. Все важные факторы для развития креативности и инноваций связаны, прежде всего, с низким уровнем капитализации этих компаний. В последние годы малые и средние итальянские компании осуществляют успешную экспансию на внешние рынки как для экспорта своей продукции и услуг, так и в качестве производственных организаций, порождая весьма специфическое и типичное явление итальянской системы – так называемые «карманные транснациональные корпорации»: малые и средние предприятия с производственными площадками, расположенными также в зарубежных странах. Этот процесс интернационализации малых и средних предприятий Италии, способных приносить доходы и создавать рабочие места в особенно сложный период, характеризующийся глубокими изменениями на мировых рынках, является ещё одним доказательством того, что в современных индустриальных экономиках малое и среднее предпринимательство не является остаточным явлением для покрытия операционных пространств, оставленных свободными крупными компаниями, а, наоборот, оно является важным фактором экономического роста.

Экономическое развитие малых городов:
малые города более продуктивны, чем крупные

Каковы основные последствия такого распределения людей и бизнеса для развития территорий малых городов? Первое общее соображение состоит в том, что такое распределение позволило лучше справиться с негативными последствиями тяжелого экономического и финансового кризиса последних лет для итальянской социально-эко-

номической системы. Негативные последствия кризиса продолжают сказываться на экономике, о чём свидетельствуют низкие темпы её роста, – 0,9% (по состоянию на 2018 г.)¹. Очевидно, что причины этой стагнации следует искать и в политической нестабильности, и в сложности государственного управления, и в трудностях реализации важных инфраструктурных проектов. В Отчёте Итальянского института экономических и социальных исследований за 2019 г. отмечается, что с 2007 по 2018 г. занятость в Италии увеличилась на 321 000 единиц, и эта тенденция поддерживалась также в течение 2019 г.² При этом число занятых полный рабочий день сократилось, а число занятых на условиях неполного рабочего дня выросло почти на 1,2 млн единиц. В стране есть 2,7 млн рабочих, которые вынуждены выполнять временную работу, не имея альтернативы. В настоящее время двое из десяти занятых вынужденно работают неполный рабочий день.

В Италии в эти трудные годы продукция, произведённая в малых городах, превысила количество продукции средних и крупных городов. В условиях малых городов широко распространённая система хозяйственно-производственной деятельности показала, что она лучше умеет реагировать на кризис, оказалась более динамичной и предприимчивой. В 2018 г. фабрики, офисы, магазины и торговые центры, действующие в небольших муниципальных образованиях с населением менее 20 тыс. человек, произвели 38% ВВП, генерируемого всем частным сектором экономики страны (промышленность и сфера услуг). Этот показатель выше аналогичного в средних и крупных городах с населением более 100 тыс. человек (35% ВВП)³. Из 750 млрд евро добавленной стоимости, произведённой всеми частными компаниями, расположенными в стране

¹ Istituto Nazionale Statistica – ISTAT. Censimento Distretti industriali. [Census Industrial districts]. Roma, 2011. URL: <https://www.istat.it/it/archivio/150320> (дата обращения: 26.09.2019).

² Governo Italiano. Указ. соч.

³ Associazione Artigiani e Piccole Imprese Mestre – CGIA. 2019: Rapporto [Report] per l'Associazione per la Sussidiarietà e la Modernizzazione DegliEntiLocali – ASMEL, Mestre (VE). URL: <http://www.cgiamestre.com/wp>; <http://www.asmel.eu> (дата обращения: 26.09.2019).

(что составляет чуть менее половины национального ВВП), 286,6 млрд евро генерируются в малых городах и 261,2 млрд евро – в крупных городах.

Итальянский опыт показывает, что малые города могут быть значимыми двигателями роста и развития страны при условии, что государственно-частное сотрудничество способно поддерживать широкую экономическую и производственную систему, основанную на реальной экономике, открытую для международных связей, готовую отвечать вызовам глобализации.

Малые города и промышленные районы

Характерной чертой итальянской социально-экономической системы является распространение промышленных районов вокруг небольших городов. Эти производственные промышленные районы очень динамичные, творческие, конкурентоспособные даже на международном уровне, часто являются ориентиром для высококачественных производств, связанных со знаменитым брендом *made in Italy*, брендом глобального успеха, который относится к итальянской конкурентоспособности в так называемых 4А (Abbigliamento, Alimentare, Arredamento, Automazione e Meccanica): одежда, продукты питания, мебель, автоматизация и механика. Следует сказать, что распространение районов, состоящих из сотен или тысяч микро-, малых и средних предприятий, не было и не является результатом государственного, национального или регионального планирования, а, напротив, – результатом спонтанного формирования и развития. Эти районы способны сохранять материальные и нематериальные ценности территории: исторические, экологические и т.п. ценности, традиции, систему общественных отношений, практику межличностных взаимодействий и имплицитного противостояния в общественной жизни небольшого города, где все так или иначе знают и стимулируют друг друга.

Основные характеристики итальянской модели промышленного района включают: производственную специализацию, гибкость, лёгкость привлечения квалифицированных кадров, социально-экономическую сеть, способствующую

предпринимательской инициативе. Внутри района ремесленные и промышленные предприятия работают бок о бок, в цепи поставок со взаимодополняющими связями за пределами самого района, осуществляют все функции, которые облегчают циркуляцию продукта и рыночной информации, передачу технологий, создание отношений доверия и непрерывного взаимодействия. В последние годы итальянские промышленные районы претерпели эволюцию, характеризующуюся как процесс вертикализации в связи с утверждением роли ведущей компании, чьи результаты деятельности, оборот, размер, способность к инновациям и конкуренции в конечном итоге взяли на себя стратегическую роль ориентира для других компаний данного района. Процесс вертикализации сопровождается параллельным процессом укрепления системы деловых сетей, которые, как подчёркивается в анализе итальянского Института политических, экономических и социальных исследований (EURISPES), всё больше стремятся к созданию новых синергетических связей за пределами района и более активно проецируются на национальные и глобальные рынки¹.

Новые бизнес-сети, по сути, действуют внутри и за пределами района и пытаются позиционировать себя на наиболее ценных узлах производственных цепочек. В целом в итальянской экономической системе до сих пор прочно сохраняется модель *гибкой специализации*, основанная на способности компаний реагировать и адаптироваться к колебаниям рынка, к меняющимся вкусам потребителей, к внезапным и непредсказуемым социально-экологическим событиям. Гибкая специализация основана на *«бережливом производстве»*, обновляющемся всякий раз, когда этого требуют текущие обстоятельства и экономические требования. Компоненты, входящие в эту модель, обеспечивают принятие компанией быстрых решений для управления в рабочих группах и организацию современных и эффективных коммуникационных потоков на основе передовых форм ИКТ – информационных и коммуникаци-

¹ Eurispes Istituto di Studi Politici Economici e Sociali: 23 Rapporto Italia. Percorsi di ricerca nella società italiana. [Italy 23rd Report. Research Paths in Italian Society]. Eurilink, Roma, 2011. URL: <https://eurispes.eu> (дата обращения: 26.12.2019).

онных технологий. Гибкая специализация характерна для малого бизнеса центральной и северной Италии, особенно в глубинке, где преобладают малые и средние города и где культура индустриального гигантизма всегда боролась за то, чтобы пустить там корни. Здесь компании сотрудничают и конкурируют одновременно, поскольку они нацелены на поиск новых сегментов рынка и инновационных продуктов, которые могут адаптироваться к короткому сроку производства того или иного товара, пытаясь предвосхитить вкусы потребителя. Такая стратегия постоянных инноваций, в которой преобладает ориентация на руководство и управление изменениями, происходящими изнутри общества, считается желательной и перспективной с производственной точки зрения¹.

Взаимоотношения между промышленным районом, малыми и средними городами округа, к которому они относятся, подразумевают ещё один важный аспект. В основе функционирования местного округа находятся неписанные правила межличностных отношений, общих ценностей сообщества и его территории. Такие правила непосредственно влияют на производительность и структуру местного округа. В итальянском контексте межличностные отношения имеют большое значение.

Промышленные районы в Италии – это структуры, организованные на основе определённого размера и местной культуры. Что касается размеров, то общепризнанно, что малое и среднее предприятие ценит работника, создаёт ему условия труда, и в этом руководство предприятия видит выгоду в силу разных причин, связанных с выполняемой работой. В то время как крупная промышленность относится к работнику, прежде всего, как к исполнителю поставленных задач, а главным для неё является история компании и её *бренд*, независимо от выполняемой работы, и собственная репутация.

Социальные отношения определяют эталонную среду в промышленности, которая способствует социализации и интеграции промышленности на территории небольших

¹ Piore M. J., Sabel C. F. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. Basic books. New York, 1984. P. 17.

городов, таких как Прато, Виченца или городов в долине Валь-Тромпия (Северная Италия). В таких промышленных районах трудовая деятельность может придать статус и престиж работникам, поскольку она сохраняет и укрепляет социально-производственную традицию. *«Богатый спектр местных субкультур, существующих в Италии, помимо всего прочего, выявил профили “широко распространённого рабочего”, а также “малого предпринимателя”, которые характеризуют наиболее динамичные места и районы. Социально-политические субкультуры могут благоприятствовать профсоюзному присутствию или административной традиции, которые, в свою очередь, влияют на позицию и социальную оценку работы»*¹. Человека видят и обращаются с ним по-разному в зависимости от того, в какой сфере он работает. Определённые различия наблюдаются, прежде всего, между профессиональными профилями, занятыми в так называемых «красных» районах (связанных с социалистической культурой части населения) или в «белых» районах (связанных с католической и другой культурой населения). Если отраслевые хозяйства нарушат местные нормы и традиции, они могут столкнуться с очень серьёзными моральными и социальными санкциями.

Малые города: бизнес-инкубаторы

Важную и признанную функцию отраслевого и территориального развития выполняют специфические организованные структуры – бизнес-инкубаторы, которые в Италии особенно распространены в реалиях малых и средних городов из-за импульса, который они генерируют прежде всего в местном и региональном экономическом развитии². Эти структуры эффективно функционируют на территориях и как опорные полюсы для широко распространённой системы малых и средних предприятий, так и в качестве инструмента агрегирования также в городских реалиях малых

¹ Accornero A. Il mondo della produzione. [The Production' World]. Ed. Il Mulino. Bologna, 2013. P. 251.

² Final Report: Benchmarking of Business Incubators. Centre for strategy and evaluation services. European Commission Enterprise Directorate General. Brussels, February 2002. 12 p.

городов между государственными и частными структурами, например, активизируя органическую синергию между миром исследований университетов и экономическими операторами, особенно молодыми, которые хотят проверить ценность своих идей и инициатив и попробовать новые пути развития предпринимательства.

Итальянская панорама инкубаторов очень разнообразна. Фактически существуют: инкубаторы, продвигаемые региональными правительствами, университетами, специализированными исследовательскими центрами; инкубаторы, созданные на основе соглашений между местными администрациями, заинтересованными в этом организациями и местными торговыми палатами; инкубаторы, состоящие из частных инвесторов, банков, инвестиционных фондов, простых предприятий. Наряду с многочисленными и квалифицированными инициативами частных операторов, университеты и регионы с их региональными органами развития очень активны в государственном секторе: в Северной Италии мы можем упомянуть инкубаторы, организованные регионом Фриули – Венеция-Джулия, Политехническим университетом Милана, Политехническим университетом Турина, университетом Болоньи; в Центральной Италии – инкубаторы, продвигаемые университетами Флоренции и Пизы и регионом Лацио; в Южной Италии инкубаторы продвигаются университетом имени Федерико II в Неаполе и другими организациями. Эта весьма сложная и артикулированная панорама, которая в 2017 г. зафиксировала деятельность 162 единиц бизнес-инкубаторов: 102 частных, 35 государственно-частных, 25 государственных. Распространение бизнес-инкубаторов не только способствует развитию местных реалий, но и побуждает к развитию исследовательские и образовательные структуры национального и регионального значения, такие как университеты, поскольку бизнес-инкубатор, заявляя о своём присутствии на территории и организовывая действенные инициативы даже в небольших городах, становится движущей силой местного развития. Политика развития бизнес-инкубаторов в малых и средних городах открывает большие возможности: повышение уровня привлекательности городов и ослабление тенденции маргинализации и заброшенности этих городов.

Малые города и цифровизация: эффекты интеллектуальной работы

Значимый фактор, поддерживающий тенденцию итальянцев жить и работать в малых городах, касается развития новых форм занятости, которым благоприятствуют технологические инновации и, в частности, цифровые платформы и ИКТ – информационно-коммуникационные технологии. Компании, позиционирующие гибкость своим главным элементом, обеспечивают основу для внедрения *умной работы* в итальянских производственных средах. Это естественное следствие непрерывных изменений, вносимых в организацию труда, где технология играет фундаментальную движущую роль. Здесь, прежде всего, интересно подчеркнуть, что именно огромная доля технологических устройств изменила представление о времени и пространстве, произвела революцию в образе жизни и привычках значительной части итальянцев.

По данным Миланского политехнического университета, рассматриваемая модель определяется следующим образом: *Умная работа подразумевает возможность работать не только дома, но и в других местах, таких как аэропорты, коворкинги, бары и залы ожидания. Работа на гибкой основе представляет собой не только возможность, но и необходимость, которая должна всё чаще реализовываться организациями и поддерживаться институциональными и местными заинтересованными сторонами*¹. Эта новая форма работы может улучшить условия жизни людей в малых и средних городах, как только будут введены новые организационные структуры, которые влечёт за собой это явление. Умная работа – это модель, основанная на трёх «В»: поведение (*behaviours*), байты (*bytes*) и кирпичики (*bricks*). Существует очень сильная связь между поведением, технологией и физическими пространствами. Физическое пространство объясняется следующим образом: *«Офис больше не является единственным рабочим местом, становится важным рассмотреть другие рабочие площадки*

¹ Osservatorio [Smart Working]. Università Politecnico di Milano. 2019. URL: <https://www.digital4.biz/hr/hr-transformation/politecnico-di-milano-smartworking-si-puo-e-si-deve/> (дата обращения: 26.09.2019).

(ресторан, аэропорт, кафе и т. д.), которые, однако, должны позволить человеку работать и достигать своих целей: всё должно быть перепроектировано в соответствии с новым образом жизни и работы. В этой связи основополагающим является подготовка нового рабочего места, которое должно быть максимально функциональным и удобным, чтобы не уступать традиционному рабочему месту»¹. Новые организационные структуры позволяют деллокализовать увеличивающиеся квоты на работу и в то же время замедлить процессы урбанизации, которые со времен промышленной революции привели к огромному росту многих городов Италии, расположенных рядом с внушительными промышленными поселениями.

Малые города и сельские районы:
возможности многофункционального
сельского хозяйства

В 2014 г. исследование, проведённое среди молодёжи Национальной конфедерацией фермеров *Coldiretti* (итальянская сельскохозяйственная организация), выявило неожиданное явление: растущий интерес молодёжи к сельскому миру, вплоть до рассмотрения сельского хозяйства как источника дохода и занятости. В репрезентативной выборке 46% опрошенных молодых людей заявили, что пошли бы работать в сельскую местность, если бы у них была возможность иметь землю, жить в контакте с природой и развивать предпринимательскую идею. Многие молодые фермеры имеют высшее образование и ранее работали в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства. Подавляющее большинство из них (74%), согласно опросу *Coldiretti* в 2014 г., удовлетворены выбором, сделанным в пользу работы в сельской местности. Согласно этим данным, Италия занимает первое место в Европе по числу молодых людей,

¹ *Sanetti F.* Il futuro dell'occupazione: lo smart-working tra rischi e opportunità. Tesi di laurea. Dipartimento di Comunicazione e Ricerca sociale, Sapienza Università di Roma, anno accademico 2017/18. [The Future of Employment: Smart-Working Between Risks and Opportunities, Degree thesis, Department of Communication and Social Research, Sapienza University of Rome, academic year 2017/18]. Roma, 2018. P. 65–66.

занятых в сельском хозяйстве¹. В период кризиса на рынке труда молодые работники осознали, что промышленный сектор больше не может гарантировать, как в прошлом, надёжную перспективу занятости. Отсюда необходимость с новым интересом смотреть на сельское хозяйство как на возможность проявить свои профессиональные навыки. Неслучайно «гонка за землей» гораздо более распространена в регионах, где безработица среди молодёжи выше.

В Италии в 2013 г. около 7,5% владельцев сельскохозяйственных предприятий были в возрасте до 35 лет и руководили около 60 тыс. предприятиями. В 2015 г. количество молодых фермеров увеличилось на 35% по сравнению с 2014 г., тенденция роста подтвердилась и в последующие годы: + 4,1% в 2018 г. по сравнению с 2017 г. 70% этих молодежных предприятий осуществляют многофункциональную деятельность: наряду с обычным сельскохозяйственным производством они вносят свежие предложения, продвигая различные виды деятельности, свои знания и умения в таких сферах, как фермерские праздники, социальное сельское хозяйство (ориентированное на уход за инвалидами, работу с заключёнными, оздоровление наркоманов), образовательные фермы, детские сады, прямые продажи сельскохозяйственной продукции, переработка сырья. На практике эти молодёжные инициативы революционизируют работу в стране, обновляют старые традиции путём применения инновационных понятий и практик, создают многочисленные источники дохода, во многих случаях создают новые предприятия (*стартапы*), успешно продвигают инновационные идеи в сфере дистрибуции и экспорта на основе интенсивного использования новых коммуникационных и информационных технологий – всё это в секторе, который долгое время, по мнению молодёжи и не только, играл второстепенную роль по сравнению с другими видами экономической деятельности.

Большое внимание уделяется качеству продукции и системе гарантий, определяемых точными наименованиями

¹ Confederazione Nazionale Coltivatori Diretti – COLDIRETTI. Il ritorno degli giovani alla terra. [The Return of Young People to Land]. Indagine (Survey) Coldiretti/Ixè, Roma, 2014. URL: <http://www.coldiretti.it> (дата обращения: 26.12.2019).

марок безопасности в отношении качества и происхождения продукции и контроля за конкретными услугами, продуктами, широко распространёнными на национальном и внешнем рынках. Поэтому доля потребителей, предпочитающих продукцию итальянского производства (*made in Italy*), продолжает расти, а также доля тех, кто часто покупает продукцию с качественными брендами *Dop*, *Igp* и *Stg* и органические продукты. Существуют 299 итальянских сельскохозяйственных продуктов с марками *Dop*, *Igp* и *Stg*¹.

Большое развитие сектора биологического производства даёт ещё одно подтверждение новым тенденциям, так как, с другой стороны, растёт число молодых людей, поступающих в технические школы сельского хозяйства и агропромышленности (+12% в 2015 г. по сравнению с 2014 г.), в профессиональные школы по оказанию услуг в области сельского хозяйства и развития сельских районов (+ 8% в 2015 г. по сравнению с 2014 г.), в школы по производству продуктов питания и вина, гостиничного сервиса и, нако-

¹ Основными знаками безопасности качества и происхождения сельскохозяйственной продукции, действующими в Италии и ЕС, являются следующие.

DOP. Обозначение Защищенного Происхождения – это правовой охраняемый знак наименования, который Европейский Союз присваивает пищевой продукции с качественными характеристиками, существенно или исключительно зависящими от территории, на которой она была произведена. Чтобы получить такое признание, все этапы производства или изменения продукта должны проходить в определенной географической зоне, соблюдая исходную спецификацию и рецептуру. В группе мы находим такие продукты, как мясо, сыры, масло и некоторые фрукты и овощи.

IGP/PGI. Защищенная Географическая Индикация – это знак происхождения, который Европейский Союз присваивает сельскохозяйственным и продовольственным товарам, имеющим определённое качество, репутацию или другие характеристики, связанные с географическим происхождением, и производство, преобразование и / или переработка которых происходят в определенном географическом районе. Таким образом, для получения IGP / PGI по крайней мере одна фаза производственного процесса должна происходить в определённой области. В группе мы в основном находим сельскохозяйственные продукты, такие как фрукты, овощи, злаки и свежее мясо.

STG. Гарантированная Традиционная Специальность – не относится к происхождению, но имеет целью улучшение традиционного состава продукта или традиционного способа производства.

нец, на сельскохозяйственные факультеты университетов¹. По данным официальной статистики, в 2018 г. число молодых людей, выбравших высшее образование, связанное с сельским хозяйством, достигло исключительного числа – более 45 000 человек².

Три важных вклада в поддержку этого нового явления были сделаны государственными органами.

1. Запрет на культивирование генетически модифицированных организмов (ГМО).
2. Запуск в 2012–2013 гг. *Национальной стратегии развития внутренних территорий (SNAI)* на основе соглашения о межведомственном партнёрстве между государством и регионами, которое способствует синергии между сельскохозяйственной деятельностью, увеличением территориального капитала, расширением основного спектра услуг для качества жизни людей и интенсивным и экстенсивным развитием 4261 малых муниципалитетов, расположенных в этих районах³.

¹ Confederazione Italiana Agricoltori – CIA. Documento base per l'incontro AGIA-CIA e il ministro del l'agricoltura italiano. [Basic document for the AGIA-CIA meeting with the Italian Minister of Agriculture]. Roma, 2014. URL: <https://www.cia.it> (дата обращения: 26.12.2019).

² Confederazione Italiana Agricoltori. Указ. соч.

³ Национальная стратегия развития внутренних территорий – SNAI, относится к соглашению о партнерстве между государством и регионами, подписанному в 2012 г. министром территориального единства. Внутренние территории составляют одно из ключевых территориальных измерений региональной политики на 2014–2020 гг. Постановлением № 9 от 29 января 2015 г. межведомственный Комитет по Экономическому Планированию (CIPE) утвердил оперативные руководящие принципы этой стратегии. Применительно к территории, отнесенной к внутренним территориям, стратегия исходит из различия двух способов местного развития: а) интенсивного развития; б) экстенсивного развития. Под интенсивным развитием понимаются все те изменения, которые повышают поддушевое благосостояние жителей внутренних районов, начиная с конкретной производственной ситуации; под экстенсивным развитием понимаются все те изменения, которые, помимо повышения поддушевого благосостояния жителей внутренних районов, также приводят к увеличению размеров производственных процессов. С национальной точки зрения внутренние районы Италии обладают необычайно широким потенциалом развития: они обладают неиспользуемым территориальным капиталом, который может сочетаться с незанятыми рабочими местами. Внутренние районы могли бы покрыть часть безработицы, существующей в крупных итальянских городах.

С этой целью государство содействовало конкретной координации между министерствами территориального единства, сельского хозяйства, окружающей среды, культурного наследия, образования, здравоохранения, труда.

3. Принятие Закона № 228 / 2001, который ввёл более широкое понятие сельскохозяйственного предпринимателя, занимающегося уже не только производственной и селекционной деятельностью, но и преобразованием продукции и поставкой товаров и услуг. Результатом этого широкого подхода, закреплённого в законе, основанного на идее многофункционального сельского хозяйства, является то, что сельский мир в настоящее время представляется весьма привлекательным для молодёжи, которая всё больше ориентируется на переезд, проживание и работу в сельской местности.

Итальянский опыт вовлечения молодых мужчин и женщин в сельский мир – это явный признак возрождения сельской цивилизации и возможности построения новых и позитивных отношений с городской цивилизацией; короче говоря, это возможность укрепить малые города, которые являются одними из главных бенефициаров развития этих потенциалов в сельскохозяйственном мире, а также создать условия для содействия устойчивому росту.

Малые города и территориальный брендинг

Очевидно, что территория развивается позитивно в той мере, в какой ей удаётся создавать, привлекать и поддерживать внутри себя факторы, имеющие значение для её устойчивого развития, такие как: производительная деятельность, генерирующая высокую добавленную стоимость; знания и навыки; финансовые ресурсы; инновационные проекты; спрос на товары и услуги, производимые на территории. Поэтому территория должна быть способна привлекать в свои пределы бизнес, инвесторов, людей, носителей этих факторов, четко определяя то, что принято называть оптимальными «контекстными условиями» для достижения своих первичных целей. Но для устойчивого развития

территории необходимо не только привлекать определённые субъекты, но и благоприятствовать их укоренению и росту добавленной стоимости, которую они генерируют в пользу территории, способствуя привлекательности субъектов в долгосрочной перспективе. Для достижения указанных целей территориальный маркетинг работает со среднесрочными и долгосрочными стратегиями, ориентируясь на управление территорией для подготовки такой системы поставок, которая наилучшим образом отвечает потребностям целевого спроса, то есть тех субъектов, которых вы хотите привлечь и укоренить на самой территории.

Территориальный маркетинг предлагает метод планирования и реализации стратегии, направленной на развитие системы снабжения, с учетом центральной роли спроса. Он руководит поведением всех тех, кто несёт прямую и косвенную ответственность за определяющие факторы привлекательности территории; он представляет собой общий язык и «культурный клей», необходимый для обеспечения сплоченности действий различного характера, осуществляемых различными субъектами, государственными и частными, и в значительной степени независимыми, способствуя их сотрудничеству в общих инициативах по укреплению территориального предложения. Сюда добавлен и новый опыт, связанный с определением и использованием «*брендинга места*». Важное подтверждение этому даёт европейская сеть *Eurocities*, которая работает в Европейском Союзе уже более тридцати лет и состоит из 140 средних и крупных городов ЕС. В рамках инициатив, продвигаемых с целью расширения территорий и организации «*города будущего*», сеть *Eurocities* всё чаще признает важность вклада, который может быть внесён определением бренда *места* со всеми стратегиями, политикой и планами, которые влечёт за собой использование такого инструмента. «Брендинг места» направлен на формирование или уточнение идентичности конкретной территории, иллюстрирование её ценностей и репутации, повышение её привлекательности путем стимулирования новых направлений роста. Для достижения этой цели местный бренд действует стратегически, определяет точные стандарты, которые должны соблюдаться, определяет планы развития, необходимые для достижения

этих стандартов, поощряет сотрудничество между государственными и частными операторами и всем населением для наилучшего выбора, который должен быть сделан для выполнения этой задачи. Это новый стратегический инструмент роста и прогресса, полезный для включения города в систему национальных и международных отношений. Инструмент, во многом напоминающий о ценности того междисциплинарного подхода к развитию территорий, который уже был выявлен во Франции в 90-х годах прошлого века и впоследствии получил распространение в Европе. Он определяется как «*территориальный интеллект*», направленный на стимулирование у населения малых центров выработки адекватного видения будущего развития их реальности – от локальной до глобальной – и на поощрение согласованных инициатив в этом направлении. Малые города имеют всё, чтобы выиграть от принятия аналогичной новой практики, связанной с «местным брендом». В связи с этим итальянский опыт представляет несколько примеров успеха, которые полезно вспомнить.

Первый случай касается модернизации территориального бренда *Umbria Region*, небольшого региона в центральной Италии. Региональные власти уже давно разработали свой собственный институциональный бренд – *Bollo Rosso*, сопровождаемый надписью *Umbria Region*, которая обозначала региональный орган¹. С 2010 г. региональная власть изменила эту регистрацию, удалив ссылку на учреждение, то есть удалив слово «регион» и оставив только ссылку на название территории *Umbria*. Это простое описательное изменение оказалось важным и смелым выбором, который со временем дал хорошие результаты, особенно в секторе экономической деятельности и территориального продвижения: фактически всё больше частных компаний стали просить у региональных властей разрешения использовать бренд *Bollo Rosso* с новой формулировкой для продвижения своей продукции на внутреннем и внешнем рынках. Следствием этого является то, что распространение терри-

¹ Regione Umbria, Servizio Comunicazione – Sezione Marketing Istituzionale: Bollo Rosso [Red Brand]. Perugia, 2019. URL: <http://www.regione.umbria/la-regione/bollo> (дата обращения: 26.12.2019).

ториальной идентичности Умбрии в настоящее время осуществляется основными участниками процесса развития, спонтанно вовлечёнными в это новое обязательство.

Аналогичная ситуация произошла и в небольшом городе Пиза, известном во всем мире своей падающей башней. В данном случае местная Торговая палата ориентировала выбор бренда места не только на город, пусть даже известный, но и на территорию; то есть она не давала бренду отсылку к названию *Pisa*, а стимулировала основных государственных и частных операторов к принятию бренда, отсылающего ко всей территории, на которой расположен город. Таким образом, выбор был сделан в пользу бренда *TerrediPisa*, который выражает широкое чувство принадлежности, например, к гражданам, живущим за пределами узких муниципальных границ¹. Этот выбор стимулировал большую дискуссию между операторами и гражданами, он дал толчок к сотрудничеству в определении стратегий развития, которые обязательно должны сопровождать определение бренда; выбор бренда стал поводом для коллективного размышления о будущем экономическом развитии территории и в то же время способствовал приобретению важного опыта демократического участия граждан.

Крупные города формируются по экономическим и финансовым причинам. Никто не отрицает, что стратегические решения принимаются в деловых центрах, небоскрёбах и финансовых структурах европейских столиц и крупнейших городов, в том числе и деловых центрах Милана, Рима, Болоньи и Флоренции. Тогда почему, несмотря на концентрацию крупных транснациональных холдинговых компаний в нескольких очень многолюдных городах, кто-то стремится убежать из них (в выходные, праздники и летние каникулы)?

Социальные издержки, налагаемые крупными городами, очень высоки. Москва и Нью-Йорк, например, очень красивые города. Но никто не говорил нам, что мегаполисы созданы, скажем, для детей и стариков. Эти города созданы

¹ Camera di Commercio di Pisa: Manuale d'uso, Marchio Terre di Pisa [User Manual, Terre di Pisa Trademark]. Pisa, 2018. URL: <http://www.terredipisa/wp-content/uploads/2018/05/terre-di-pisa-brand-manual-generale.pdf> (дата обращения: 26.12.2019).

не для празднеств или солидарности; они не были созданы для того, чтобы усиливать чувства людей, а для того, чтобы концентрировать возможные рациональности и использовать их для достижения всё более высоких целей производительности. Это происходило до тех пор, пока кто-то не сказал, что цель экономического развития рынка больше не совместима с человеческим развитием, а тем более с идеей экологической устойчивости.

Новая Программа ООН в области развития городов также подчёркивает необходимость учёта перспективы, присущей «*праву на город*». Это большой шаг вперёд, который определяет право граждан сегодняшнего и завтрашнего дня создавать, занимать и использовать справедливые, инклюзивные и устойчивые города, определяемые как необходимое общее благо для защиты и улучшения качества жизни людей, проживающих в них, и способствовать их счастью. При ближайшем рассмотрении эта перспектива, безусловно, не является стимулом для строительства больших городов, скорее наоборот. Всем известно, что качество жизни в средних и малых городах ЕС лучше, чем в крупных мегаполисах.

Предполагается, что новые технологии, новое, особое внимание к *зелёному* и *био* могут изменить особенности внегородской среды. Это возврат к природе, основанный на амбициозной долгосрочной инвестиционной программе, которая благоприятствует экономической и социальной инфраструктуре при условии, что в то же время будут созданы современные, действенные и эффективные услуги связи. Таким образом, будущее, которое нас ожидает, касается не только *умной работы*, но и *сети умных деревень*, которые в Италии напоминают о «коллективном характере» рядового гражданина, дремлющем под влиянием философии промышленников, но никогда по-настоящему не замолкающим.

Опыт Латвии в развитии малых городов:
возможности и барьеры

В настоящее время в 76 городах Латвии живёт 68% жителей, в 1438 сёлах – 32% жителей страны. При этом в 410 из этих сел число жителей не превышает 50 человек. Урбанизация в Латвии показывает, что значительная часть населения мигрирует из сельской местности в города и, прежде всего, в столицу – Ригу, где сосредоточено 36,4% населения страны.

Административно страна делится на 119 органов местного самоуправления – 9 республиканских городов, таких как Рига, Даугавпилс, Валмиера, Вентспилс, Екабпилс, Елгава, Лиепая, Резекне, Юрмала, и 110 краев. Из 110 краёв 60 – это малые краевые и районные города, в состав которых административно входит один или несколько малых городов (поэтому их в целом 67), и 50 – сельские края, которые образованы в результате объединения нескольких сельских волостей (районов) в данной местности. Территориально Латвия состоит из шести регионов: Рига, Пририжье, Видземе, Курземе, Земгале и Латгалия.

В стране преобладает центростремительная динамика населения, дорожного движения и экономического развития. Сбалансированное полицентрическое развитие Латвии в советское время, до 1991 г., утрачено, а методы и пути реализации полицентризма в современных рыночных условиях и членства в ЕС ещё не разработаны¹. Основные текущие проблемы малых городов Латвии – кризис рынка труда и развития инфраструктуры: сокращение численности жителей, снижение качества жизни (невысокая заработная плата, спад объёмов производства товаров и услуг, проблемы бюджетной эффективности – устойчивый дефицит, который нуждается во внешних средствах). В таком положении находится большинство малых краевых и районных городов Латвии вне агломераций, а в наибольшей степени данное

¹ *Valtenbergs V., Fermin A., Grisel M., Servillo L., Vilka I., Liviņa A., Bērzkalne L.* Challenges of Small and Medium-Sized Urban Areas (SMUAs), their economic growth potential and impact on territorial development in the European Union and Latvia. Valmiera: Vidzeme University, 2015. P. 101.

обстоятельство затронуло периферию: города Латгальского региона, в том числе краевые промышленные города, например, Ливаны, районные центры производства / переработки сельскохозяйственной продукции, расположенные в 50–200 км от Риги, как рынки сбыта продукции, например, Прейли¹. Более подробный анализ особенностей развития малых городов Латвии предполагает их рассмотрение через отдельные взаимосвязанные показатели.

Население и демография

В Латвии лишь один город имеет более 100 тыс. жителей – столица Рига (693 тыс. чел.), 3 города – более 50 тыс. жителей (Даугавпилс, Елгава, Лиепая), 7 городов – от 20 до 50 тыс., 12 городов – от 10 до 20 тыс., 12 городов – от 2 до 10 тыс., 41 город – менее 2 тыс. жителей. Всего в малых городах Латвии проживает около 25% населения страны. При этом население Латвии устойчиво стареет и сокращается: средний возраст жителей в 1990 г. – 36 лет, в 2019 г. – 45 лет; население Латвии в 1990 г. составляло 2 млн 668 тыс. человек, а в 2019 г. – 1 млн 920 тыс. человек². Естественный прирост остаётся отрицательным все годы после объявления независимости (1991 г.). Эти процессы обусловлены учебной и рабочей эмиграцией работоспособного населения в другие страны Европы из-за снижения уровня национального благосостояния и недостаточной его поддержкой государством. В большинстве малых городов Латвии идёт устойчивое снижение численности населения: примерно на 12–13% – каждые 10 лет. При этом в городах, входящих в агломерацию Риги (Саласпилс, Олайне, Икшкиле, Лиелварде, Баложь), идёт устойчивый рост населения: примерно на 6% каждые 10 лет. Малые краевые города в регионах показывают устойчивое сокращение населения. Наибольшее сокращение населения наблюдается в отдельных городах Латгальского региона: Ливанах (-21,3%), Краславе (-21,0%), хотя в последние годы (2017–2019 гг.) он там замед-

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/34> (дата обращения: 20.10.2020).

² Latvijas statistikas gadagrāmata, 2019. Rīga: Centrālā statistikas pārvalde, 2019. P. 40, 46.

лился. Также заметное сокращение населения идет в Валке (-21,0%) Видземского региона. В то же время в Сигулде наблюдается рост населения на (+2,3, Рижский регион)¹.

Экономика и хозяйственная активность в городах

Особенностью Латвии является крайне несбалансированное социально-экономическое развитие территории страны, затрудняющее решение задач стратегии экономического развития стран Евросоюза: выравнивание уровней развития территорий (направляется 81% средств из Фондов ЕС), повышение региональной конкурентоспособности и занятости (16%), территориальное сотрудничество (3%). По экономическому потенциалу различают два полюса: «центр» (Рига с Пририжьем) и «периферия» (все остальные регионы, города). Экономический потенциал страны на $\frac{2}{3}$, а хозяйственная активность от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ концентрируются в Рижском регионе. Это влечёт за собой значительные трудности в развитии малых городов и объясняет иерархию, а также экономический профиль их развития в регионах страны. Положительная корреляция между численностью населения, нахождением малого города в агломерации со средним или крупным городом и различными экономическими показателями была подтверждена несколькими исследованиями в Латвии². По уровню личных доходов и темпам роста малые города Пририжья (например, Саласпилс), расположенные в пределах 50 км, а также малые города Видземского региона – Валмиера и Цесис – занимают лидирующие позиции. Сочетание личных доходов, безработицы, плотности населения и темпов развития в Риге и городах, расположенных в пределах 70 км, показывают более высокий уровень экономического развития в целом³.

¹ *Valtenbergs V. et al.* P. 99–101.

² Там же. С. 101; *Воронов В. В., Рачко Э. Э., Бийжанова Э. К.* Оценка конкурентоспособности регионов и управление факторами её повышения (опыт Евросоюза на примере Латвии) // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 69–78.

³ *Vitola A., Hermansons Z.* Latvijas pilsētu sociālekonomiskās attīstības līmeņa un tempa novērtējums. Rīga: RTU, 2010. P. 155. URL: <https://ortus.rtu.lv/science/lv/publications/9604> (дата обращения: 20.10.2020).

Отдельные малые города республиканского значения, такие как Валмиера, где в 2018 г. проживало 23 тыс. человек, а ВВП на 1 человека составляло 16,7 тыс. евро, и Вентспилс, где в 2018 г. проживало около 35 тыс. человек, а ВВП на 1 человека составляло 13,8 тыс. евро, получают более высокие оценки общего уровня экономического развития, но при этом демонстрируют сравнительно невысокие темпы локального развития. Многие города уже имеют сформировавшийся экономический профиль и свою экономическую специализацию, например, Вентспилс (морская перевозка грузов), Краслава (лёгкая промышленность и деревообработка), Прейли (переработка продуктов питания) и другие.

Малые города Латвии пока не могут выступать в качестве локальных центров инновационного развития, за редким исключением (производство оптического стекловолокна в городе Ливаны, в Латгалии). Для этого они ещё не соответствуют критерию инновационного развития локальной территории (создание своих наукоемких технологий при производстве продукции), что достигается при локальном уровне эффективности хозяйствования, где ВВП на 1 человека превышает 16 тыс. евро. В Латвии этому критерию среди малых городов соответствуют Валмиера и, в переходной период, Вентспилс и Саласпилс. Все другие малые города страны отвечают пока критерию инвестиционного развития локальной территории (использование имеющихся наукоёмких технологий при производстве продукции), что достигается при локальном уровне эффективности хозяйствования, где ВВП на 1 человека составляет от 9 до 16 тыс. евро¹. Они имеют возможности предоставления специализированных товаров и услуг, расширения межсезонных и всесезонных видов деятельности, чтобы обеспечить полную занятость экономически активных местных жителей. Такая возможность в определённой мере обеспечивается поддержкой ежегодных поступлений средств из структурных Фондов ЕС и Фонда выравнивания самоуправлений большинству малых городов Латвии.

Различные формы, виды бизнеса и концентрация отраслей экономики в Риге с её регионом, в сравнении со сред-

¹ Воронов В. В., Рачко Э. Э., Бийжанова Э. К. Указ. соч. С. 70–71.

ними и малыми городами других регионов Латвии, отражаются в разных моделях трудоустройства населения. Например, крупный и средний бизнес являются доминирующей формой предпринимательства в Риге, крупных и средних городах Латвии, в то время как в малых городах преобладают филиалы предприятий столицы страны, других стран ЕС, индивидуальные предприниматели и фермерские хозяйства, производящие и продающие продукты питания, а также работники бюджетных сфер. Органы местного самоуправления являются основным работодателем на территориях с небольшим населением в маленьких краевых городах и в прилегающей сельской местности. Структура экономики современной Латвии следующая: на 73,2% она состоит из сферы услуг (традиционных и посреднических), на 3,3% – из аграрного сектора, а доля обрабатывающей промышленности в общем промышленном производстве (23,5%) составляет 16,8%¹. Из реальных секторов латвийской экономики заметны на рынке лесная, пищевая, лёгкая, химическая промышленность, промышленное производство (машиностроение), деревообрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и некоторые другие отрасли производства. Хотя латвийское производство в 2019 г. выросло, всё же его объём не обеспечивает необходимую занятость экономически активного населения в реальном секторе экономики. В экономике страны преобладает средний и невысокий технологический уровень производства. На долю продукции высокой и средней технологичности производства приходится, соответственно, 6,8% (биотехнологии и фармацевтика, оборудование в сфере информационно-коммуникационных технологий) и 33,2% (машиностроение), а на долю продукции низкой технологичности (деревообработка, лёгкая промышленность, продукты питания и др.) – 60% от общего

¹ Centrālās statistikas pārvaldes datu bāze. 2019.IK10_040c. Iekšzemes kopprodukts par darbības veidiem (NACE 2.red.) par ceturkšņiem (tūkst. euro) URL: http://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/ekfin/ekfin_ikp_IKP_isterm/IK10_040c.px/table/tableViewLayout1/?rxid=d8284c56-0641-451c-8b70-b6297b58f464; Экономика Латвии: общая информация и структура 2019. URL: <https://zagranportal.ru/latviya/finansy-latviya/ekonomika-latvii.html> (дата обращения: 20.10.2020).

объёма производства¹. Поэтому в малых городах «периферии» основную роль играет средне- и низкотехнологичное производство продукции, всё больше внимания уделяется привлечению туристов для обеспечения занятости жителей и поступлений средств в бюджет муниципалитетов. Однако и эта отрасль переживает не лучшие времена из-за кризиса 2014 г. и вирусной пандемии 2020 г., даже опираясь на имеющиеся инструменты финансовой поддержки малого и среднего бизнеса в малых городах Латвии. Лишь отдельным малым и средним городам республиканского значения, таким как Вентспилс и Даугавпилс, удаётся удерживать или увеличить количество объектов и мест для развития туризма².

Доходы жителей, расходы, безработица и уровень образования

В 2019 г. средняя месячная чистая заработная плата в Латвии составила 793 евро (чистая заработная плата или зарплата нетто – зарплата, получаемая «на руки», с учётом вычета всех налогов). В регионах Латвии средняя чистая зарплата в 2019 г. быстрее всего росла в Пририжье (+9,0%), в Земгале и Латгалии (+8,8% – в обоих регионах). Однако при этом средняя чистая зарплата в Латгалии составляла только 71% от средней по стране. Средняя чистая зарплата в 2018 г. была выше всего в Риге – 880 евро. За столицей следуют Вентспилс (750 евро) и Валмиера (730 евро). Средняя чистая зарплата в Елгаве – 711 евро, Юрмале – 654 евро, а в Екабпилсе – 635 евро. На последних местах оказались латгальские города Лудза, Краслава и Дагда: в Лудзе средняя чистая зарплата – 509 евро, в Краславе – 492 евро, а в Дагде – 487 евро.

В среднем по Латвии домохозяйства в 2018 г. тратили на продукты и безалкогольные напитки 26,2% от общих расходов, обувь и одежду – 6,0%, на содержание жилья,

¹ Centrālās statistikas pārvaldes datu bāze. 2019 SBG040. Uzņēmumu uzņēmējdarbības rādītāji apstrādes rūpniecībā pēc tehnoloģiskās intensitātes. 2017. URL: https://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/uzn/uzn__uzndarb/SBG040.px (дата обращения: 20.10.2020).

² *Valtenbergs V.* et al. P. 105–106.

водоснабжение, электроэнергию, газ, жилищное оборудование и др. – 20,1%, здоровье – 6,6%, транспорт – 13,9%, связь – 4,3%, культуру и отдых – 7,6%, образование – 1,2%, гостиницы, кафе и рестораны – 4,8%, другие товары и услуги – 6,0%¹. За последние 10 лет почти в 2 раза выросли расходы людей на большинство товаров и услуг, кроме расходов на образование, одежду и обувь (из-за массового спроса на одежду и обувь в магазинах секонд-хенд, особенно в малых краевых и районных городах периферии). Заметно снизились расходы домохозяйств на алкоголь и табак. Данные анализа бюджета домашних хозяйств Центрального статистического бюро Латвии показывают, что в краевых и районных малых городах общие расходы и расходы на основные нужды (продукты питания и безалкогольные напитки, жилье, вода, электричество, газ и другие виды топлива, бытовое оборудование и текущее обслуживание домашних хозяйств, здравоохранение, транспорт, связь) на человека выше, чем в среднем по Латвии. Число лиц, у которых выявлено соответствие статусу нуждающейся семьи, в процентах от общей численности населения данного республиканского, краевого или районного малого города значительно дифференцировано по критерию «центр – периферия». Например, в Рижском регионе, в Пририжье, Курземе и Видземе данный показатель не превышает 4%: Валмиера – 0,95%, Вентспилс – 2,52%. В Латгальском регионе другая ситуация: Лудза – 7,05%, Дагда – 9,15%, Карсава – 10,44%².

Самый низкий уровень безработицы, по отношению ко всему активно занятому населению, в 2019 г. был в Валмиере – 3,2%. Чуть выше, но близко к этому уровню, показатели в столице страны – Риге (3,3%), в Юрмале – 4,3% и Елгаве – 4,4%. Безработных в Вентспилсе – 4,8%, в Екабпилсе – 7%, а в последней тройке – малые города Латгалии, где безработных в 2–3 раза больше, чем в среднем по Латвии: Карсава – 18,8%, Лудза – 16,6%, Дагда – 12,4%. Все

¹ Centrālās statistikas pārvalde sdati. 2019. MBG010. Mājsaimniecību patēriņa izdevumu struktūra (%) https://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/sociala/sociala_mb_izdevumi/MBG010.px (дата обращения: 20.10.2020).

² RAIM: Модуль индикаторов регионального развития Латвии: <https://raim.gov.lv/ru/node/39> (дата обращения: 20.10.2020).

это также свидетельствует о концентрации рабочих мест с лучшими условиями труда и его оплаты в центре страны, близко к столице и на северо-западе страны у побережья Балтийского моря. Вместе с тем отток трудоспособного населения с окраин страны несёт в себе риски несбалансированного развития территории Латвии, а также угрожает её национальной безопасности.

В краевых малых городах средняя доля населения с высшим образованием в 2018 г. составляла 16,7%, что было ниже, чем в среднем по стране (22,8%). При этом дифференциация составляла от 24,6% в среднем в малых городах Рижского региона до 13,4% в краевых малых городах Латгальского региона. В 2018 г. число учащихся в средних профессиональных учреждениях от 800 до 1 тыс. и более человек было только в малых городах республиканского значения и в краевых малых городах центральной Латвии: в Валмиере – 883 учащихся, в Вентспилсе – 903, в Резекне – 1149. Доля жителей в возрасте старше 15 лет со средним профессиональным образованием в республиканских и краевых малых городах составляет 32,70%, что выше, чем в среднем по Латвии (30,2%). В краевых малых региональных городах Видземе, Курземе, Земгале, Латгалии в 2018 г. доля жителей со средним профессиональным образованием составляла: в Латгалии – 35%, в Видземе – 34%, в Земгале – 33%, в Курземе – 29%¹.

Пространственное городское развитие

Возможности и барьеры перспектив пространственного развития малых городов и сельских поселений достаточно актуализированы в региональных исследованиях в Латвии².

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/39> (дата обращения: 20.10.2020).

² *Zaļuksne V.* The urban system in Latvia and its development prospects. Jelgava: LLU, 2014; *Krūzmētra Ž.* Settlement changes in rural suburban areas in Latvia. Rīga: LU, 2011. URL: <https://luis.lu.lv/pls/pub/luj.fprnt?l=1&fn=F1139073800/Zenija%20Kruzmetra%202011.pdf>; *Zobena A.* Priekšlikumu sagatavošana Latvijas pilsētu politikas izstrādei. Rīga: VRAA, 2009. URL: http://www.vraa.gov.lv/uploads/petnieciba/petijumi/Priekslikumai%20pilssetpolitikai_GALA_zinojums.pdf; un citi (дата обращения: 20.10.2020).

Результаты исследований подтверждают сказанное выше, что Рига и отдельные республиканские и краевые развитые средние и малые города оказывают значительное влияние на прилегающие территории. Это влияние определяется рядом значимых факторов, таких как развитость экономической и социокультурной инфраструктуры, дороги и движение транспорта, доступность образовательных, медицинских и иных услуг. Дифференциация городов с точки зрения экономической активности и мобильности населения весьма заметна в Латвии. Можно выделить ряд территорий (кроме Риги), где успешно реализуется пространственное городское развитие: Валмиера, Елгава, Лиепая, Саласпилс, Юрмала и некоторые другие. При этом влияние Риги доминирует практически во всех функциональных областях с точки зрения занятости, услуг и различных видов деятельности. Значительный консолидирующий эффект пространственного городского развития, благодаря широким социальным и образовательным услугам, также выражен в Валмиере, Вентспилсе, Лиепае и Резекне. Более значимые экономические различия наблюдаются между центрами городского развития национального значения, которые предоставляют все необходимые услуги населению на прилегающих к ним территориях (Вентспилс, Лиепая, Резекне). Тогда как различия между центрами городского развития регионального и районного значения менее выражены (Валка, Краслава, Ливаны, Огре, Прейли).

Из-за устойчиво растущей дифференциации между крупными городами центральной Латвии и краевыми, районными малыми городами, волостными сельскими поселениями периферии страны, а также из-за обострения демографических проблем возрастает понимание в государственных органах власти (в декларируемых программных документах развития страны) важности и необходимости взаимодействия между центром и периферией в Латвии для выравнивания уровней их развития. Преимуществами взаимодействия в хозяйственной сфере между городскими центрами развитых регионов и краевыми, районными малыми городами, волостными сельскими поселениями периферии могут быть расширение возможностей трудоустройства для граждан, улучшение доступности услуг и повышение

удовлетворенности жителей качеством жизни по месту их жительства. Такое сотрудничество в настоящее время не является обязательным и эпизодически происходит в сфере образования, культуры, спорта и общего обмена знаниями. Основные препятствия для более тесного сотрудничества связаны с культурными, социальными и системными институциональными факторами¹. Малые и средние латвийские города – движущая сила развития для каждого региона: здесь, как уже отмечалось выше, делают попытки стимулирования партнерства города и прилегающих сельских районов (волостей), чтобы обеспечить равноценные условия жизни и труда населения, доступ к основным услугам и возможностям для мобильности в городах и селах. Повышение качества городской среды выступает предпосылкой для привлечения инвестиций, развития бизнеса и сохранения культурно-исторического наследия. Каждый малый город имеет определенные возможности перепрофилирования устаревших предприятий и производств, использования своих уникальных особенностей и укрепления своей особой роли и социокультурной идентичности. Всё это требует значительных средств, которых у малых городов нет. Однако членство в ЕС пока позволяет малым городам Латвии решать вопрос о финансировании разнообразных проектов по своему социально-экономическому, инфраструктурному развитию с помощью Союза самоуправлений Латвии, государственного Фонда выравнивания развития самоуправлений Латвии, различных структурных фондов ЕС (см. ниже *Кейс-стади* семи малых краевых и районных городов страны, представляющих все регионы Латвии).

Общим стремлением долгосрочных планов развития средних и малых городов и агломераций в консолидированном пространстве страны является гармонизация городского пространства и функционирования социально-экономической системы города. Например, самоуправление города Валмиера сформулировало следующие стратегические цели и приоритеты развития на период 2015–2020 гг. *Четыре цели*: рост человеческого капитала; развитие бизнеса; функ-

¹ *Bulderberga Z.* The assesment of urban-rural relations in Latvian regions. Jelgava: LLU, 2014. P. 105–107.

циональная городская среда, включающая эстетические и городские ценности; социальная и физическая безопасность населения. *Приоритеты*: образованное, активное, творческое, здоровое и экологически чистое общество; среда, которая привлекает инвестиции и способствует экономическому росту, развитию национального и международного конкурентоспособного бизнеса; инновационная, экологически чистая и сбалансированная городская среда; доступ к работе, жилью, медицинскому обслуживанию и социальным услугам в безопасном городе¹. Меры по улучшению городской среды могут одновременно укреплять и основополагающие сильные стороны существования города (например, усиливать узнаваемость города в международных СМИ, привлекать инвестиции, туристов и другое). Современным городам требуется не просто человеческий потенциал в плане квалификации и здоровья, но и развитие определённых традиций, культурных коммуникаций (открытости, лёгкой адаптации к изменениям, стремления к жизни и работе в этом городе), что находит своё отражение в стратегических документах, которые разрабатывает каждый муниципалитет в Латвии². Современный процесс пространственного городского развития заключается и в том, что всё чаще долгосрочные планы реализуются и адаптируются с учётом мнения разных акторов: местных органов власти, бизнеса, объединений, ассоциаций, профсоюзов, НКО, образовательных учреждений, политических групп, отдельных граждан. Это предполагает постоянное научное сопровождение стратегических планов развития средних и малых городов и агломераций на всех этапах их осуществления, постоянный всесторонний научный мониторинг результативности проводимых мер.

Для эффективного пространственного городского развития пока не разработаны эффективные кредитно-денежные, налоговые инструменты политики, способствующие более интегрированному сотрудничеству и поддержанию отношений между ближними и дальними административными

¹ Valmieras pilsētas attīstības programma 2015–2020 gadam. Valmiera: Valmieras pilsētas pašvaldība. 2015. P. 31.

² Например, стратегический план пространственного развития г. Тукума и района до 2033 г.: Ilgstspējīgas attīstības stratēģija līdz 2033. gadam. Tukums: Tukuma novada dome, 2014. 63 p.

территориями краевых и районных городов регионов Латвии. Государственные принципы реализации действующей региональной политики вселяют сдержанный оптимизм в отношении достижения её общей цели: обеспечение условий для реализации совместных проектов муниципалитетов малых районных городов и для инвестиций в центры развития соседних муниципалитетов средних и малых краевых и районных городов. Ибо критерием такой политики является рентабельность предоставления государственных услуг в муниципалитетах, а не повышение качества жизни горожан, улучшение среды их жизнедеятельности и снижение их оттока (миграции) в более крупные города региона, страны, за границу. Исследования, основанные на выборочных опросах, подтверждают, что молодые люди, а также люди с более высоким уровнем образования, более высокими доходами и желанием улучшить жилищные условия мигрируют в крупные города и агломерации. Вместе с тем исследования показывают, что пожилые и бедные жители подчас вынуждены мигрировать в малые районные города и посёлки, чтобы преодолеть свои экономические трудности¹. Рост числа таких жителей ведёт к риску изоляции отдельных пространств малых городов периферии, значительно сужая перспективы их развития в обеспечении жителей этих пространств широким спектром услуг, что снижает доступ городского населения к социальной инфраструктуре, такой как здравоохранение и транспортные услуги, приводит к оптимизации дошкольных и школьных учреждений. А если будут закрывать периферийные школы, дома культуры, медицинские учреждения, то тогда немного шансов, что в этих малых районных городах и посёлках надолго останутся жить люди.

Институты городского развития и их роль

Опыт городских стратегий ряда городов и городских агломераций «старых» стран ЕС показывает, что имеет место существование определённого набора элементов в долгосрочных планах городского развития. К ним относятся: интегральность (комплексность, маневренность, непрерывность

¹ Zaļuksne V. P. 159–162.

развития пространства и включенность различных акторов, в том числе не экономических, в качестве равнозначной ценности); включенность в территориальный контекст более высокого уровня (укрепление регионального и международного положения города в плане отраслевой и территориальной специализации); создание благоприятной среды для экономической деятельности (различные механизмы государственно-частного партнёрства для крупного, среднего и малого бизнеса); привлекательность города (культивирование и стимулирование привязанности жителей к городу, повышение его туристической привлекательности); укрепление городской идентичности посредством политики муниципалитета (центр образования, транспортный центр, город, благоприятный для малого и среднего бизнеса и т. д.) и формирование успешного бренда – внешнего восприятия города; развитие элементов «умного города» (в сферах транспорта, инженерных подсистем, экологии, административного функционирования); диверсификация городской среды, экологические инновации, мультимодальное транспортное развитие городской территории; формирование компактного города для повышения общей эффективности его социально-экономической системы и социальной связанности городского пространства; развитие «солидарного» города (политика поддержки уязвимых групп населения и борьба с социальной эксклюзией); развитие малых социальных систем, социальных объединений и самодеятельности жителей (создание местных ассоциаций, кооперативов, потребительских сообществ, художественных и культурных объединений, обеспечение возможностей для реализации творческих и спортивных талантов); территориальное развитие (инновационно-технологические полюса роста региона, локальной территории¹, территории города,

¹ *Полюса роста* – термин из теории пространственной экономики французского экономиста XX в. Франсуа Перру. Под полюсами роста, в условиях неравномерного территориального развития, можно понимать города, располагающие компактно размещенными и динамично развивающимися отраслями промышленности и отдельными предприятиями как источниками инноваций, в которых сосредоточен «импульс развития», оказывающий влияние на территориальную структуру хозяйства и её динамику. См.: Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.

создание местных бирж труда, адаптация мигрантов и климат толерантности); выделение сферы управления реализацией долгосрочных планов (городская власть обеспечивает координацию, отбор представленных основными акторами проектов к реализации, которые представлены в городе бизнесом, объединениями, ассоциациями, профсоюзами, НКО, образовательными учреждениями, политическими группами, отдельными гражданами)¹. Латвия активно работает над реализацией этого общеевропейского опыта. Латвийская институциональная система наделила органы местного самоуправления значительными полномочиями, тогда как роль органа регионального планирования относительно слаба. В 2019 г. была завершена административно-территориальная реформа, в рамках которой было осуществлено объединение органов местного самоуправления. Целью реформы было укрепление административного потенциала и потенциала развития местных органов власти. Основное влияние на развитие городской экономики оказал доступ к структурным фондам ЕС, из которых значительные суммы были инвестированы в реализацию полицентрической пространственной структуры. Большинство проектов были посвящены реконструкции улично-дорожной сети и благоустройству городов и городских территорий. Городские проекты были сосредоточены на решении основных и наиболее очевидных проблем инфраструктуры, но недостаточно на целевом решении создания новых рабочих мест. Распределение по тематике договоров софинансирования ЕС в период 2009–2014 гг. было следующим: строительство (44%) и инфраструктура и городской ландшафт (15%), культурная инфраструктура (15%)². Подробно о распределении структурных Фондов ЕС изложено в данной главе в разделе *Кейс-стади*. Несмотря на значительные полномочия местных органов власти произошел переход к централизации административных функций и финансов, что усилило некоторые местные инициативы. Однако они сталкиваются с барьерами центральной государственной политики оптимизации в отношении предоставления помощи определённым

¹ Малые города в социальном пространстве России. С. 94–98.

² *Zaļuksne V.* P. 32.

отраслям производства и сферам образования, культуры, занятости или сокращения им финансирования. Необходимое финансирование поступает в виде государственных трансфертов, кроме того, до 60% собираемых налогов и сборов не уходят в центральный бюджет, а остаются в распоряжении местных властей¹, но муниципалитетам не хватает мотивирующих факторов для активизации деловой среды. Нынешняя система налогообложения не стимулирует выравнивание уровней регионального развития, поскольку налоговые льготы для бизнеса в основном определяются отраслевым принципом и в настоящее время недостаточно связаны с региональным развитием². В Латвии функционируют несколько особых экономических зон: в Риге, Лиепае, Вентспилсе и Резекне. Они предоставляют налоговые льготы для бизнеса, однако без поддержки фондов ЕС, которые выполняют компенсационную роль (в структурных изменениях экономики и системы жизнедеятельности части республиканских и краевых городов) за требование ЕС оптимизировать в Латвии неконкурентоспособные отрасли, и здесь не обходится. Этим объясняется сокращение вагоностроения в Риге, ликвидация сахарной промышленности в городах Елгаве, Екабпилсе, Лиепае, завода химического волокна в Даугавпилсе, закрытие в Лиепае акционерной металлургической компании *Liepajas Metalurgs* и др.

Общие выводы

Важными факторами для развития малых городов являются: усиление и улучшение транспортной доступности территории и мобильности горожан; придание динамики экономической деятельности и создание новых форм и мест занятости горожан; активизация набора мер по поддержке рождаемости и по закреплению молодого и активного населения в городе (работа, жилье, образование, медицина); расширение мер по социальной и территориальной

¹ Экономика Латвии: общая информация и структура 2019. URL: <https://zagranportal.ru/latviya/finansy-latviya/ekonomika-latvii.html> (дата обращения: 20.10.2020).

² *Pūle B. Corporate income tax as an instrument in promotion of Latvian regional development. Jelgava: LLU, 2014. P. 44.*

гармоничности малого города, то есть борьба с угасанием экономической жизни в нем и окружающих волостях; усиление социально-экономической привлекательности города посредством позиционирования уникального бренда города и территории. Вместе с тем большинство малых краевых и районных городов, удаленных от центра экономической активности, не могут предоставить достаточную альтернативу видам занятости местного населения (например, в сфере туризма или транспортных и логистических услуг, в других отраслях экономики), возможность интеграции с рынками жилья и труда более крупных городов региона, страны. Идёт устойчивое сокращение населения и потеря рабочих мест в краевых и районных городах, сельских поселениях в большинстве регионов Латвии, кроме Рижского региона и Пририжья. При этом внутренняя миграция демонстрирует определённую последовательность: из сельских поселений люди уезжают в ближайшие районные и краевые города, что в определённой мере сдерживает процесс «опустынивания» периферии, а из районных и краевых городов – в республиканские центральные города и за границу.

В хозяйственной деятельности малых городов всех регионов, краёв и районов заметна положительная корреляция между численностью населения и количеством предприятий малого и среднего бизнеса. При этом концентрация предприятий, уровень занятости и размер оплаты труда заметно выше в городах центральной Латвии, в Рижском регионе, Пририжье и в городах побережья Балтийского моря, где находятся отрасли промышленности со средними и высокими технологиями, развита наука, отмечается высокий уровень образования у населения. В других регионах, особенно в Земгале и Латгалии, ситуация по этим показателям скромнее, что наглядно отражается в индексах уровня территориального развития малых городов этих регионов – они в большинстве случаев отрицательные. Данное обстоятельство показывает и особенность роли структурных фондов ЕС в жизнедеятельности малых краевых и районных городов Латвии. Они играют заметную роль в выживании этих городов – через поддержку проектов малого и среднего бизнеса их жителей, в развитии городской инфраструктуры, городской среды, но для стимулирования общегородского

развития (создание новых рабочих мест, новых средне- и высокотехнологичных производств в рамках национального и международного разделения труда) этого недостаточно. Здесь необходимы государственные целевые инвестиции в форме частно-государственного партнёрства с приданием городским краевым и районным властям большей автономии и гибкости в планировании своего городского пространственного развития, в поиске новых интегрированных форм сотрудничества между соседними малыми городами региона. Поэтому встаёт вопрос о модернизации институциональной иерархической структуры управления, приоритетов развития республиканских, краевых, районных малых и средних городов страны, ибо при существующей структуре «богатые богатеют, а бедные беднеют».

Эти негативные перспективы для малых краевых и районных городов периферии страны требуют политической воли государственной власти для обращения к методам и путям реализации полицентризма в территориальном развитии страны при современных рыночных условиях. В настоящее время этому препятствуют следующие объективные и субъективные барьеры. Высокий уровень бюджетной нагрузки на экономику делает проблематичным заметное развитие реального сектора. Кредитно-денежная политика настроена на интересы иностранного финансового капитала. Система налогообложения не стимулирует выравнивание уровней регионального развития, поскольку налоговые льготы для бизнеса в основном определяются отраслевым принципом и в настоящее время недостаточно связаны с региональным развитием. Центральная власть, представленная национально-радикальными и либеральными партиями, получает невысокий кредит доверия населения к своим политическим институтам из-за проводимой ими политики дискриминации значительной части русскоговорящего общества.

Кейс-стади

Для более полного содержательного раскрытия положений и результатов проведенного исследования в работе использован социологический метод анализа конкретной социально-экономической ситуации в семи малых городах

Латвии: Бауска, Валмиера, Вентспилс, Краслава, Резекне, Саласпилс, Тумумс. Эти малые города являются типичными в своём статусе и представляют все регионы страны и все административные уровни городов: Бауска – краевой город региона Земгале; Валмиера – краевой город региона Видземе; Вентспилс – республиканский город региона Курземе; Краслава – краевой город региона Латгале; Резекне – республиканский город региона Латгале; Саласпилс – районный город в агломерации с Ригой, регион Пририжья; Тукумс – краевой город Рижского региона.

Бауска. Краевой малый город центральной части Латвии, региона Земгале, включает в себя 8 волостей края. Расположен в 68 км от Риги на международной автотранспортной магистрали Латвия – Литва. Индекс уровня территориального развития города, согласно данным Государственного агентства регионального развития (VRAA), в 2019 г. был весьма невысокий (-0,161). Количество жителей на начало 2020 г. составляло 8,6 тыс. человек. Отток жителей (чистая миграция) из города в 2019 г. составил 8 человек на 1 тыс. человек. В городе молодёжь получает лишь общее среднее образование. Учреждений высшего образования, науки в городе нет.

Традиционная специализация экономики города – производство и переработка сельхозпродукции, транспорт и логистика, а также сельский туризм и сопутствующие услуги. Хорошая экология и разнообразие исторических и архитектурных памятников (замков и др.) дают возможность развития активного сельского, культурного и исторического туризма. В экономику города регулярно поступают значительные дополнительные средства по линии публичного финансирования от Министерства сельского хозяйства и поддержки села Латвии. Их сумма в 2018 г. составила 12,7 млн евро. В том числе по линии Европейского сельскохозяйственного гарантийного Фонда (ELGF) – 8,4 млн евро, а по линии проектов Европейского сельскохозяйственного Фонда развития сельских районов (ELFLA) – 4,3 млн евро. Фонды ЕС представляют собой значительный ресурс для социально-экономического развития Бауски.

Среднемесячная чистая зарплата в городе составляла в 2018 г.: в малом бизнесе (<50 чел.) 640 евро, в общественном секторе – 631 евро, в среднем и крупном бизнесе

(>50 чел.) – 661 евро. Уровень безработицы в городе около среднего значения по стране и составляет 5% от активно занятого населения.

Бюджет самоуправления Бауски в 2018 г. составлял: по поступлениям (доходам) – 33 млн евро, а по расходам – 37,8 млн евро. При этом поступления из Фонда выравнивания финансов самоуправлений Латвии составили 2,5 млн евро¹.

Валмиера. Город региона Видземе, представляет собой крупный узел дорожных и железнодорожных коммуникаций северной территории Латвии. Количество жителей к началу 2020 г. составляло 24,8 тыс. человек. Миграционный прирост населения города в 2019 г. составил 7 человек на 1 тыс. жителей. Индекс уровня территориального развития города, согласно данным Государственного агентства регионального развития, в 2019 г. был средний (0,328). Валмиера имеет хорошее стратегическое положение для бизнеса и инвестиций: 14% территории города приходится на промышленные, коммерческие предприятия, а 33% территории – зелёные зоны, что повышает качество жизни и отдыха населения. Сферы образования, науки и новых технологий развиты, имеют источники воспроизводства: 1 университет, 12 филиалов различных вузов, 2 профессионально-технических училища.

В экономику города дополнительно поступили средства по линии Европейского сельскохозяйственного гарантийного Фонда (ELGF) – 816 тыс. евро, а по линии проектов Европейского сельскохозяйственного Фонда развития сельских районов (ELFLA) – 733 тыс. евро.

Среднемесячная чистая зарплата в городе составляла в 2018 г.: в малом бизнесе (<50 чел.) – 728 евро, в общественном секторе – 637 евро, в среднем и крупном бизнесе (>50 чел.) – 825 евро. Уровень безработицы в городе низкий – 3,2% (2019 г.), что почти в 2 раза ниже, чем в среднем по Латвии (6,2%).

Бюджет самоуправления Валмиеры в 2018 г. составлял: по поступлениям (доходам) – 38,9 млн евро, а по расходам –

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/37>

47,5 млн евро. При этом поступления из Фонда выравнивания финансов самоуправлений составили 146,1 тыс. евро¹.

Вентспилс. Малый город на берегу Балтийского моря и крупный морской порт страны, расположен на северо-западе Латвии. Количество жителей на начало 2020 г. составляло 37,5 тыс. человек. Индекс уровня территориального развития города, согласно данным Государственного агентства регионального развития, в 2019 г. был невысокий (-0,999), что можно объяснить снижением грузооборота морского порта в последние годы. При этом Вентспилс – современный, ухоженный «умный» город с удобной средой для семейного проживания: развитая социальная сфера, городское хозяйство, окультуренная природная среда (парки, зоны отдыха и прогулок и т. п.). Город также имеет развитую экономическую инфраструктуру: кроме градообразующего морского порта есть различные инновационные производства. В городе развитые сферы образования (более 20 общих и профессиональных учебных заведений), науки (1 вуз), новых технологий.

Среднемесячная чистая зарплата в городе составляла в 2018 г.: в малом бизнесе (<50 чел.) 749 евро, в общественном секторе – 716 евро, в среднем и крупном бизнесе (>50 чел.) – 777 евро. Уровень безработицы в городе – 4,8% (2019 г.), что немного ниже среднего по Латвии.

Бюджет самоуправления Вентспилса в 2018 г. составлял: по поступлениям (доходам) – 64,1 млн евро, а по расходам почти 67 млн евро. При этом Вентспилс, как один из немногих латвийских городов-доноров, ежегодно делает взносы в Фонд выравнивания финансов самоуправлений Латвии. В 2018 г. этот взнос составил 1 млн 76 тыс. евро.

В экономику города регулярно поступают дополнительные средства по линии публичного финансирования от Министерства сельского хозяйства и поддержки села Латвии. Их сумма в 2018 г. составила 2 млн 121 тыс. евро. В том числе по линии Европейского морского и рыбного Фонда (EJZF) – 2,1 млн евро, по линии Европейского сельскохозяйственного гарантийного Фонда (ELGF) – 18,5 тыс. евро,

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/37>

по линии проектов Европейского сельскохозяйственного Фонда развития сельских районов (ELFLA) – 345 евро¹.

Краслава. Краевой малый город Краслава является одним из 21 региональных центров Латвии. Он образует объединенные муниципальные районы с одиннадцатью волостными посёлками. Администрация Краславского муниципалитета находится около реки Даугава, на юго-востоке страны в Латгальском регионе. Согласно данным Государственного агентства регионального развития, индекс уровня территориального развития города в 2019 г. был очень низкий (-1,187). Краслава имеет статус пограничного района с Белоруссией, который устанавливает определённые правила для местных жителей. Недалеко от Краславы (44 км) находится город республиканского значения – Даугавпилс. Географически Краслава является приграничным районом с Россией, Белоруссией, Литвой, Эстонией. Поэтому в Краславе, совместно с Даугавпилсом, реализовано несколько трансграничных проектов с Литвой, Эстонией, Белоруссией и Россией. Например, еврорегион «Страна озёр» как латвийско-литовско-белорусская ассоциация приграничных самоуправлений и администраций, созданная в 1998 г. В настоящее время этот еврорегион объединяет 30 членов – 15 муниципалитетов из Латвии, 7 муниципалитетов из Литвы и 8 администраций из Белоруссии. Наибольшая численность населения Краславы была в 1990 г. – 12,4 тыс. человек. С тех пор она ежегодно сокращается и в 2019 г. составила 8,5 тыс. человек. Основными предприятиями и организациями в Краславе в советский период до 1991 г. были швейная фабрика, предприятие по производству льна, завод сухого молока, предприятие по обработке древесины, туристический комплекс, а также существовало ремесленное производство и другие виды хозяйственной деятельности. В этот период в городе наблюдался рост населения за счёт промышленности. В 2018 г. отрасли по обороту и экспорту продукции были представлены такими промышленными предприятиями, как *Kraslavas piens, AS* (переработка молока), *Nemo, SIA*

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/37>

(фабрика по пошиву женской верхней одежды), *Varpa, SIA* (деревообработка), *Naive Wood, SIA* (производство мебели), *Fiwolat, SIA* (оптовая торговля лесоматериалами, стройматериалами и сантехническим оборудованием), *Latgran, SIA* (деревообработка). На местный и краевой рынок работали несколько сотен малых предприятий по производству и торговле продуктами питания. Работали ремонтно-дорожные предприятия, малые предприятия автосервиса (*Stivuls, SIA*) и другие. Крупнейшими отраслями экономики в городе, по количеству занятых в 2018 г., являлись переработка молока, производство и торговля продуктами питания, предприятие легкой промышленности (фабрика по пошиву женской верхней одежды) и другое.

Бюджет самоуправления Краславы в 2018 г. составлял: по поступлениям (доходам) – 17,3 млн евро, а по расходам – 18,1 млн евро. При этом поступления из Фонда выравнивания самоуправлений составили 4 млн евро.

В экономику города регулярно поступают дополнительные средства по линии проектов публичного финансирования от Министерства сельского хозяйства и поддержки села Латвии, которые в 2018 г. составили 8,2 млн евро. В том числе по линии Европейского сельскохозяйственного гарантийного Фонда (ELGF) – 5,4 млн евро, по линии проектов Европейского сельскохозяйственного Фонда развития сельских районов (ELFLA) – 2,5 млн евро, по линии Европейского морского и рыбного Фонда (EJZF) – 0,3 млн евро¹. Фонды ЕС представляют собой значительный ресурс для развития Краславы. При поддержке программы «Городское развитие» Европейского фонда регионального развития (ERAF) и программы приграничного сотрудничества между Литвой и Латвией и Латвией, Литвой и Белоруссией был реализован проект «Улучшение имиджа исторического центра Краславы» (2,3 млн евро). Проекты по улучшению транспортной инфраструктуры (улицы, пешеходные дорожки, велосипедные зоны), а также по программе смягчения последствий изменения климата инвестируются в социальную инфраструктуру – в учреждения образования и культуры,

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/37>

которые предоставляют услуги для населения¹. В Краславе находится музыкальная школа – значимый очаг культуры для детей города и края.

Уровень безработицы в Краславе (2019 г.) – 11%, что почти в 2 раза выше, чем в среднем по Латвии (6,2%). Наиболее значительными задачами являются содействие занятости местных жителей с учётом их компетенции, создание новых рабочих мест при поддержке предпринимательства. Среднемесячная чистая зарплата работников в разных секторах экономики составляла в 2018 г.: в малом бизнесе (<50 чел.) – 492 евро, в общественном секторе – 522 евро, в среднем бизнесе (>50 чел.) – 431 евро. Самоуправление Краславского края сейчас сосредоточено на программе поддержки инфраструктуры бизнеса: создание пограничного с Белоруссией логистического центра в Патарниеках, который будет оказывать платные услуги по предоставлению в пользование заинтересованным юридическим и физическим лицам промышленной зоны терминала движения и стоянки грузовых автомобилей.

Резекне. Является одним из девяти республиканских городов Латвии и имеет статус центра национального значения. Индекс уровня территориального развития города, согласно данным Государственного агентства регионального развития, в 2019 г. был очень низкий (-1,863). Город находится на востоке Латгальского региона, в 100 км от России. Численность населения составляла в 2009 г. 34,4 тыс. жителей, в 2019 г. – 26,8 тыс. жителей, то есть устойчиво сокращается ежегодно на 2–2,2%. Это связано с постоянным выездом трудоспособных жителей города в другие страны ЕС в поисках работы и более достойной оплаты труда, что отражается в снижении уровня безработицы с 17,8% в 2017 г. до 15,3% в 2019 г. Чистая миграция составляет 22 человека на 1 тыс. жителей города (2018 г.). Резекне – многонациональный город. 46% жителей города – латыши, что значительно меньше, чем в среднем по Латвии (61,4%). С 1997 г. Резекне получил статус «Резекненской особой экономической зоны» (РОЭЗ), и налоговые льготы применяются к предприятиям, имеющим этот ста-

¹ *Valtenbergs V. et al. P. 118–120.*

тус. Также статус обеспечивает определённое преимущество для привлечения иностранных и местных инвесторов. Крупнейшими предприятиями в РОЭЗ являются *VEREMS, AS* (фанера из берёзы), *NewFuels, SIA* (древесные паллеты), *LEAX Rēzekne, SIA* (металлообработка), *Rebir, SIA* (электроинструменты), *Rēzeknes Dzirnavnieks, AS* (переработка зерна). Другие крупные промышленные предприятия в Резекне: *Rēzeknes Gaļas Kombināts, AS, Nook Ltd, SIA* (дисковые пилы и авиадетали), *Rēzeknes autobusu parks, AS* (пассажирские перевозки). Среднемесячная чистая зарплата в городе составляла в 2018 г.: в малом бизнесе (<50 чел.) – 583 евро, в общественном секторе – 583 евро, в среднем и крупном бизнесе (>50 чел.) – 583 евро. Уровень безработицы в городе последние три года снижается: 17,8% (2017 г.), 16% (2018 г.), 15,3% (2019 г.), что объясняется устойчивой внешней миграцией трудоспособных жителей в другие страны ЕС. Безработица в Резекне в 2,5 раза выше, чем в среднем по Латвии, и это остаётся одной из социально-экономических проблем города.

Бюджет самоуправления Резекне в 2018 г. составлял: по поступлениям (доходам) – 49,1 млн евро, а по расходам – 61,6 млн евро. При этом поступления из Фонда выравнивания самоуправлений составили 4,5 млн евро.

В экономику города регулярно поступают дополнительные средства по линии проектов публичного финансирования от Министерства сельского хозяйства и поддержки села Латвии, которые в 2018 г. составили 511,2 тыс. евро. В том числе по линии Европейского сельскохозяйственного гарантийного Фонда (ELGF) – 755 евро, по линии проектов Европейского сельскохозяйственного Фонда развития сельских районов (ELFLA) – 510,4 тыс. евро¹. При поддержке структурных фондов ЕС было реализовано несколько проектов.

Для улучшения и развития деловой среды в Резекне созданы и функционируют различные субъекты экономической деятельности: Резекненская специальная экономическая зона с целью привлечения инвестиций, развития производственной инфраструктуры и создания новых рабо-

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/37>

чих мест в городе; Научно-технический парк; Латгальский инженерно-технологический центр; Резекненский филиал Латвийской торгово-промышленной палаты и другие. В Резекне функционирует высшее учебное заведение (Резекненская высшая школа, с 2016 г. – Резекненская академия технологий), которое создано в 1993 г. на базе Латвийского университета и Резекненского филиала Рижского технического университета. В нём функционируют три факультета: факультет экономики и управления, инженерный, а также факультет образования, языков и дизайна. Кроме того, в Резекне имеется возможность получить высшее образование в Резекненском филиале Балтийской международной академии, в Латгальском филиале Латвийской академии художеств, в филиале Медицинского колледжа Латвийского университета им. П. Страдина и в Резекненском филиале Рижского института аэронавигации. Это даёт молодым людям определённую возможность для реализации способностей в своём городе и крае.

Саласпилс. Вошёл в историю как город, где в годы Второй мировой войны находился нацистский концлагерь для детей из стран Восточной Европы. Теперь это один из развитых городов Латвии, «поднявшийся» благодаря своему географическому положению. Население города в 2019 г. составляло 19 тыс. человек. Прирост жителей (чистая миграция) в город в 2019 г. составил 7 человек на 1 тыс. человек. Саласпилс расположен в центральной части страны, муниципалитет находится в агломерации со столицей Ригой (регион Пририжье), что является территориально и экономически выигрышными аспектами для развития города. Индекс уровня территориального развития города, согласно данным Государственного агентства регионального развития, в 2019 г. был одним из самых высоких (0,703).

Экономическая специализация города – логистика (развитая транспортная инфраструктура и близость к Риге). Саласпилс также позиционирует себя как город науки. Здесь расположены четыре научных института страны: Институт биологии и Институт физики Латвийского университета, Институт органической химии Рижского технического университета, Латвийский государственный институт лесного хозяйства. В городе находится и бывший Саласпилский

ядерный реактор Института химической физики Латвийского университета, который планируется преобразовать в Национальный центр циклотрона стран Балтии.

Экономика города регулярно получает дополнительные средства по линии публичного финансирования от Министерства сельского хозяйства и поддержки села Латвии. Их сумма в 2018 г. составила немного более 1 млн евро, в том числе по линии Европейского сельскохозяйственного гарантийного Фонда (ELGF) – 736 тыс. евро, а по линии проектов Европейского сельскохозяйственного Фонда развития сельских районов (ELFLA) – 358 тыс. евро.

Среднемесячная чистая зарплата в городе одна из самых высоких в стране и составляла в 2018 г.: в малом бизнесе (<50 чел.) – 901 евро, в общественном секторе – 698 евро, в среднем и крупном бизнесе (>50 чел.) – 1076 евро. Уровень безработицы в городе невысокий и составляет 3,3% от активно занятого населения.

Бюджет самоуправления Саласпилса в 2018 г. составлял: по поступлениям (доходам) – 27,8 млн евро, а по расходам – почти 25,5 млн евро, то есть бюджет профицитный, а не дефицитный – редкое исключение для городов страны. При этом Саласпилс – один из немногих городов-доноров, который сделал взнос в 2018 г. в Фонд выравнивания финансов самоуправлений Латвии в размере около 800 тыс. евро¹.

Тукумс. Краевой малый город центральной части Латвии, в Рижском регионе, объединяет четыре других муниципалитета. Город является центром административного округа – Тукумс, который включает в себя 10 волостей края. Население города в 2019 г. составляло 18,3 тыс. человек. Отток жителей (чистая миграция) в городе устойчиво снижается: в 2017 г. он составлял 15 жителей на 1 тыс. человек, а в 2019 г. всего 2. Индекс уровня территориального развития города, согласно данным Государственного агентства регионального развития, в 2019 г. был положительным (0,144).

Экономическая специализация города – производство и переработка сельхозпродукции, лесное хозяйство. Круп-

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/37>

нейшие производственные предприятия города – *Tukuma piens, AS* (молочные продукты), *Pure Food, SIA* (экологические продукты питания), *Baltic Feed, SIA* (сельскохозяйственный корм), *Tukuma straume, AS* (производство кормов для домашних животных), *Skonto buve, SIA* (строительные и ремонтные работы). В экономику города регулярно поступают значительные дополнительные средства по линии публичного финансирования от Министерства сельского хозяйства и поддержки села Латвии. Их сумма в 2018 г. составила почти 12 млн евро. В том числе по линии Европейского сельскохозяйственного гарантийного Фонда (ELGF) – 7,9 млн евро, а по линии проектов Европейского сельскохозяйственного Фонда развития сельских районов (ELFLA) – 3,9 млн евро, по линии Европейского морского и рыбного Фонда (EJZF) – 148,7 тыс. евро. Фонды ЕС представляют собой значительный ресурс для социально-экономического развития Тукума.

Среднемесячная чистая зарплата в городе составляла в 2018 г.: в малом бизнесе (<50 чел.) 668 евро, в общественном секторе – 618 евро, в среднем и крупном бизнесе (>50 чел.) – 713 евро. Уровень безработицы в городе средний по стране и составляет 5,3% от активно занятого населения.

Бюджет самоуправления Тукумса в 2018 г. составлял: по поступлениям (доходам) – 38,8 млн евро, а по расходам почти – 40,4 млн евро. При этом поступления из Фонда выравнивания финансов самоуправлений Латвии составили 3,8 млн евро¹.

¹ RDIM: Regional development indicators module: <https://raim.gov.lv/ru/node/37>

Брендинг малых городов: зарубежные практики¹

Общая теория брендинга
и стратегия продвижения территорий

Брендинг территориальных образований, в том числе малых городов, базируется на общей теории *позиционирования* некоторого объекта. Процесс начинается с формирования *имиджа* объекта (заявленная позиция) – виртуальной конструкции, которую предполагается продвигать (позиционировать) в социальном пространстве. Имидж предстоит трансформировать в воспринятую целевыми группами позицию – *репутацию*. Процесс такой трансформации называют *репутационным менеджментом*. На первом этапе данного процесса фигурируют такие понятия, как информированность, осведомлённость (*awareness*), или публицити (*publicity*) объекта. Далее публицити приобретает позитивные, негативные или комбинированные черты. Позитивная сторона публицити обозначается термином «лояльность» (*loyalty*). Высшей ступенью достигнутой известности и потребительской лояльности становится **бренд** – графический и смысловой образ объекта, получившего высокую степень известности, лояльности и, как следствие, эмоционального доверия, не требующего рациональной аргументации. Бренд – приобретённая репутация, выраженная в чётком и позитивном восприятии смысловых (текстовых, визуальных, аудиальных, сенсорных) посланий, исходящих от объекта. Бренд – высшая стадия развития имиджа. Спланированный процесс такого развития называется *брендингом*.

Брендировать можно любой объект, находящийся в структуре глобальных жизненных контекстов – природного, рукотворного и персонализированного человеческого. Разумеется, что в комплексе этих объектов присутствуют

¹ Эмпирический материал (за исключением случаев, когда в тексте имеются специальные ссылки) базируется на основе проведённого автором собственного социологического исследования в малых городах зарубежья и России в 2018–2019 гг.

и территории, представляющие собой меж- и трансконтекстуальную сущность в виде различных населённых пунктов: городов, поселков, сел и т. д., в том числе **малых городов**, являющихся предметом нашего внимания.

Рассмотрим, какие типовые операции планируются на разных стадиях создания бренда и управления им (бренд-менеджмента). Одна из технологических задач бренд-коммуникаций заключается в том, чтобы в одном или нескольких глобальных контекстах или их сегментах выбрать объекты, с которыми бренд будет органично идентифицироваться. Операции по размещению атрибутов объекта в сопряжённых со своей тематикой пространствах получили название *идентификационного брендинга*.

На определённом этапе жизни бренда с неизбежностью или желательностью встаёт вопрос *ребрендинга* – полного или значительного обновления стандартов визуальной идентификации бренда в сочетании с изменением правил, регламентирующих его жизнедеятельность. Ребрендинг планируется в случаях, когда меняется миссия, философия, сокращается или, напротив, расширяется перечень приоритетных целевых групп объекта, возникают его принципиально новые качества. Именно этим изменениям сопутствуют новые графические и цветовые решения, но никак не наоборот.

Ребрендинг следует отличать от *рестайлинга* – операций по изменению компонентов визуальной идентификации бренда (логотипа, цвета, шрифта и пр.). О мотивации второго определения очень чётко говорит его английский эквивалент – *up-to-the-minutestyling* – оформление объекта в соответствии с новейшей модой. Мотивация к ребрендингу – более глубокая, это необходимость восстановления упавшей лояльности потребителей к существующему бренду или сохранения и увеличения уровня лояльности в новых социально-экономических условиях.

В целях усиления рыночной эффективности бренда осуществляется планирование *кобрендинга*. Это – совместное размещение в информационном пространстве фирменных знаков и продвижение брендов двух или нескольких объектов, позволяющее реализовать преимущества соединённых усилий: предоставить потребителям дополнительные блага и комфорт их приобретения, а партнёрам по кобрендин-

гу – прирастить лояльную аудиторию и объёмы продаж. Кобрендинг – способ взаимной рекламы объектов, чьи товары и услуги органично для клиента сочетаются при различных вариантах потребления. Размещение своего бренда рядом с другим сильным брендом, в целях получения синергетического эффекта, активно используется во многих сферах.

К концу второго десятилетия XXI в. в рамках обозначенных исходных положений сформировалась теория продвижения (позиционирования, брендинга) территорий. Так, российский исследователь А. Панкрухин называет следующие цели брендинга: выраженность признаков, по которым оценивается регион в целом; улучшение/сохранение конкурентоспособности предприятий региона; признание и поддержка гражданами программ развития территории, привлечение новых ресурсов. Через эти параметры решаются задачи комплексной реализации таких назначений территории, как места жительства, места отдыха и места хозяйствования. А. Панкрухин обозначает категории потребителей региональных услуг, в отношении которых осуществляется брендинг: посетители деловые (бизнесмены, командировочные) и частные (туристы, друзья, родственники); жители, работающие по найму; инвесторы и отрасли экономики, отечественные инорегиональные и международные рынки.

Ф. Котлер и его последователи выделяют «четыре метода развития места»: развитие социальной сферы, улучшение городской среды, экономическое развитие, стратегическое рыночное планирование. Помимо инфраструктуры, авторы указывают на важность продвижения следующих позиций: природные красоты и объекты; история и знаменитые личности; покупки; культурные достопримечательности; отдых и развлечения, спортивные арены; фестивали и другие праздники; здания, монументы и скульптуры, музеи¹.

Важно подчеркнуть, что брендинг территорий строится не только на рациональной составляющей названных объ-

¹ Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. С. 131.

ектов, но и на виртуальных конструкциях. Так, Т. Гэд предложил осуществлять развитие бренда одновременно в четырёх измерениях. Первое, функциональное (functional), описывает практическую пользу от продукта (в нашем случае – совокупности территориальных продуктов). Второе, социальное (social), предоставляет потребителю возможность идентифицировать себя с определённой общественной группой. Третье, ментальное (mental), показывает, как бренд влияет на людей, формируя новую ценность. Наконец, четвёртое, духовное (spiritual) измерение, – то, чем бренд обогащает личные ощущения потребителей. Т. Гэд не противопоставляет рациональное виртуальному, он лишь фиксирует, что из года в год, по мере дальнейшего перенасыщения рынка в целом всеми видами товаров, наблюдается постоянное усиление социальной, ментальной и духовной составляющих, то есть виртуального комплекса позиций за счет сокращения значимости позиции функциональной, содержащей преимущественно экономический, материально-потребительский смысл¹.

Признавая ценность теоретических выкладок и практических примеров, приведённых А. Панкрухиным, Ф. Котлером и другими исследователями, выскажем несколько гипотез, которые попробуем подтвердить в дальнейшем изложении.

1. Институционализация такого научного и прикладного направления, как территориальный брендинг, началась в мире всего несколько десятилетий назад, а в нашей стране – позднее. Отсюда сделанные исследовательские разработки неизбежно включали в себя, с одной стороны, глобальные подходы, а с другой – большой мозаичный набор примеров, которые иллюстрировали отдельные позиции общей теории и не составляли единой конструкции.
2. Построенные на эмоциях и наборе примеров выводы типа: «Вот какой у них получился Париж, Лондон, Амстердам» и т. д. или, применительно к России, «Вот что значит грамотное позиционирование Москвы,

¹ Гэд Т. 4D Брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

Санкт-Петербурга, Золотого кольца» и пр., есть в малой части результат умелого продвижения городских брендов, а в доминирующей степени являются результатом исторически сложившейся ситуации.

3. Даже в случае разработанной цельной миссии и видения большого города у него в принципе вряд ли может быть единый и единственный план позиционирования: он распадается на продвижение (брендинг) отдельных внутригородских отраслевых и территориальных сегментов.
4. Но в малых городах, в силу локальной обзримости их пространств, такой план в виде нескольких ключевых позиций брендинга территории возможен, а результаты его выполнения поддаются более точному, по сравнению с большими городами, прогнозированию.

Зарубежные модели успешного позиционирования малых городов

При описании лучших мировых практик «умного» брендинга обычно фигурируют столицы стран, регионов и другие большие города, например: Барселона, Будапешт, Гаага, Лиссабон, Эдинбург в Европе; Ахмадабад, Гонконг, Куала-Лумпур, Сеул, Токио в Азии; Монтевидео и Нью-Йорк в Америке; Сидней в Австралии.

В обзорах практик, как правило (мы указывали на это выше), представляется не весь процесс, а несколько фрагментов целенаправленной деятельности в области бренд-менеджмента. Обратимся к некоторым из них, во-первых, для того, чтобы проанализировать соотношение рациональных и виртуальных «весов» бренд-кампании, а во-вторых, чтобы в дальнейшем перенести структурированный опыт на деятельность малых городов.

Остановимся на прецедентах, связанных с проведением в городе важного международного мероприятия, когда информационная кампания решала задачу, с одной стороны, обеспечения высокого уровня самого мероприятия, с другой – извлечения из него долгосрочных позитивных (брендинговых, премиальных) дивидендов. В связи с этим познавателен опыт «олимпийских» столиц, поскольку побе-

да в конкурсе на проведение Олимпиады всегда рассматривается как значительная удача в постоянном соревновании между ведущими городами мира за престиж и инвестиции. Так, в 2004 г. столицей летних Олимпийских игр стали Афины. Эксперты признавали, что до Игр при абсолютной исторической (традиционной) узнаваемости у Афин не было прогрессивных форм брендинга города. Греческая национальная организация по туризму рекламировала туризм в стране в целом, а не специально для Афин. Международные СМИ рассказывали в основном о ходе подготовки к Олимпиаде, причём в значительной степени о недостатках: слабая организация, непрофессионализм, стремление откладывать всё на последнюю минуту. Именно с такими представлениями пытались бороться организаторы Игр, желая сформировать новые представления об Афинах – родине Олимпиады.

Коммуникационная кампания по перезапуску имиджа сопровождалась конкретными достижениями. На протяжении пяти лет Афины и пригород выглядели как одна огромная стройка: открылся новый международный аэропорт, были улучшены или построены заново около 3 тыс. км дорожных сетей, пущены новые линии метро, значительно перестроен стадион. Символом соединения старого и нового должна была стать марафонская дистанция – она в точности соответствовала тому пути, который в 490 г. до н. э. пробежал Фидиппид, чтобы сообщить об исходе сражения при Марафоне. Заканчивалась дистанция на Мраморном стадионе в Афинах – месте проведения первых современных Олимпийских игр в 1896 г.

Однако дальнейший опыт показал, что одни «реальные дела» не смогли оказать решающее воздействие на формирование бренда города. После Олимпиады у Афин не осталось смысловых историй-легенд, разработанных на годы вперед, включенных в особый медиаплан, направленных на продвижение стратегических целей, призванных соединить традиционную идентичность и современные свойства. По прошествии десяти лет после проведения Игр-2004 в Афинах стало ясно: Олимпиада произвела весьма ограниченное влияние на формирование репутации Афин как обновлённого города. Греция по-прежнему привлекала туристов тради-

ционной информацией о морском отдыхе. В Афинах слабо развивались инициативы, представляющие современные достижения, продвигающие различные (помимо посещения Олимпиады и артефактов Древней Греции) виды туризма, посылающие последовательные сообщения миру о том, кто такие греки, в чем их преимущества и какие ещё новшества предлагают город и страна.

Совершенно другой эффект наблюдался в период и после проведения летней Олимпиады-1992 в испанской Барселоне. Напомним, что первые демократические выборы прошли в Испании в 1979 г., и после 40 лет диктатуры Франко страна стояла перед необходимостью создания своего бренда фактически с нуля. Барселона вместе со всей Испанией начала новую эру, полную амбиций, надежд и желаний преодолеть один из самых печальных периодов своей истории. Первый крупный проект трансформации города стартовал именно в период подготовки к Олимпиаде. Он нашёл своё отражение в стратегическом плане округа Барселона и включал ряд областей, критически важных для развития города: новая инфраструктура (аэропорт, порт, автодороги), связь города с морем, восстановление исторических кварталов, реурбанизация, модернизация систем здравоохранения и образования, льготы для нового бизнеса, новые культурные зоны. Олимпиада показала миру перестроенный город, способность его жителей и привлечённых специалистов креативно и эффективно организовывать столь масштабные и сложные мероприятия и эффективно управлять ими.

Но главное – и в этом основное отличие от Афин – полностью переосмысливался имидж территории, имевшей к тому времени слабую историческую идентичность. Барселону представили на международной арене как современный, инновационный, дружелюбный, смелый город, обладающий собственным неповторимым стилем. Спустя всего 13 лет после прихода в Испанию демократии задачи по трансформации позиционирования города в международном пространстве были выполнены и Барселона заняла достойное место среди ведущих городов мира.

Важно и то, что после 1992 г. Барселона не перестала перестраиваться. Новые планы в 1994, 1999 и 2003 гг.

последовали за первым стратегическим планом развития Барселоны и продолжили процесс её позиционирования как одного из самых достойных посещения европейских городов. Проводились «тематические годы»: Год Гауди, Год дизайна, Год книг и чтения, Год Пикассо и Год науки, которые структурировали все культурные предложения города вокруг конкретных сфер интересов. В 2004 г. придуман Всемирный форум культур – очередная платформа мобилизации экономической и социально-культурной энергии города. В итоге сегодня Барселона находится в когорте городов с самой высокой узнаваемостью и позитивной репутацией в международном масштабе. Это третий по значимости европейский бренд города, делящий почётное место с Берлином и Амстердамом и далеко обогнавший столицу Испании Мадрид. Впереди только Париж и Лондон, а множество европейских столиц остались позади¹.

Сопоставляя эти примеры с опытом московской Олимпиады 1980 г., Зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 г. и Чемпионата мира по футболу 2018 г. в 11 городах России, можно прийти к выводу, что в первом (советском, т. е. ещё в период СССР) случае усилия по реконструкции спортивных объектов и наведению «порядка» в городе в период Олимпиады не привели к скачку в его дальнейшем развитии и признании, несмотря на значительные материальные затраты; что же касается остальных примеров, то и создание новых сооружений, и масштабные коммуникационные кампании имели существенно больший брендинговый эффект.

Переходя к малым городам, следует признать, что подавляющее большинство из них никогда не будет обладать «олимпийскими» бюджетами. Более того: вместе с красивыми «картинками» малых городов, состоявшихся как бренды, в информационном пространстве далеко не всегда демонстрируется основа «чуда», которое – как отмечается в многочисленных исследованиях – не может произойти без помощи властей государства или региона. Однако, во-первых, власти не являются единственными инвесторами.

¹ Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / Под. ред. К. Динни. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013.

Во-вторых, и наличие финансирования не означает автоматического успеха. Должна работать формула: финансы (каким образом удалось их привлечь) плюс контекст (пространство, в которое органично вписан проект брендинга), плюс креативные решения внутри выбранного контекста. На этих факторах мы и построим последующий обзор.

Анализируя экономические основания брендинга, заметим, что проблемы развития, а точнее сохранения и даже предотвращения вымирания малых городов во всем мире, в разгар XXI в. весьма остры и сходны с отечественными. Поддержка статус-кво или позитивной динамики этих территорий осуществляется через инвестиционную политику, усиление отдельных сфер городской экономики, проведение муниципалитетами имиджевых мероприятий. Наиболее распространённым инструментом экономического стимулирования малых городов является размещение в них второстепенных производств и поддержание традиционных ремёсел.

В качестве *экономического решения*, повлиявшего на превращение города в бренд, но не связанного с большими вложениями, а также с достопримечательностями и туризмом, рассмотрим опыт шведского Нючёпинга. В начале 1990-х гг., на фоне стремительного роста цен на жильё и коммунальные услуги в шведской столице, этот городок, расположенный в 75 км от Стокгольма, привлёк внимание как альтернативное место жительства для людей, ранее проживавших в крупнейшем городе страны. С тех пор и до недавнего времени политика городских властей направлялась на создание и поддержание имиджа Нючёпинга в качестве комфортного места для жизни. При этом фактор привлечения бизнеса и создания новых рабочих мест практически не учитывался, так как большинство новых горожан продолжали работать в Стокгольме.

Постепенно Нючёпинг стал частью Большого Стокгольма, но в столичный регион интегрировались и другие небольшие городки, которые также сфокусировали усилия на привлечении прежних жителей столицы Швеции (в небольшие городки). Острая конкуренция на рынке жилой недвижимости и мотивировала Нючёпинг на создание программы брендинга. Она базировалась на трёх

фундаментальных образах: достойная жизнь (комфорт, спокойствие, безопасность); Балтийское море, дружелюбное человеку и окружающему миру; хаб (от англ. *hub* – транспортный узел) – пересечение путей, точка встречи людей из разных мест.

Городской совет выделил из муниципального бюджета 5 млн шведских крон (около 500 тыс. евро) на передачу через стокгольмские медиа этих составляющих бренда и создание эмоциональной вовлеченности потенциального жителя и инвестора в отношении с Нючепингом. Но самой мощной акцией по брендингу города стал контракт, заключенный городом с крупнейшей в Европе авиакомпанией *RyanAir*. Этот перевозчик, выполняющий множество рейсов в Стокгольм, не использует главный аэропорт столицы для своих полетов – его базой является аэропорт *Skavsta* в предместьях Нючепинга. Контракт предусматривал размещение баннера города на сайте авиакомпании, рекламных материалов о Нючепинге на каждом пассажирском месте и надписи *www.nykoping.se* на фюзеляжа самолетов. Благодаря сотрудничеству с *RyanAir* маленький аэропорт стал альтернативными воздушными воротами Стокгольма. В 2000-х гг. индустрия обслуживания посетителей города с населением 50 тыс. человек и без особых достопримечательностей достигала ежегодного оборота около 90 млн евро.

Активная маркетинговая деятельность принесла плоды и с точки зрения демографических изменений. Нючепинг имеет наилучшие среди всех городов-сателлитов показатели числа переезжающих сюда из Стокгольма: люди селятся в новых жилых районах на побережье Балтийского моря и на территории старого порта в центре Нючепинга, при этом многие продолжают работать в Стокгольме. Если в конце прошлого века между Нючепингом и шведской столицей курсировал единственный поезд, то в XXI в. количество ежедневно отправляемых вагонов увеличилось до 800.

Приток активных жителей и рост числа туристов оказал позитивное влияние на развитие розничной торговли в городе. На центральных улицах открылось множество магазинов национальных и мировых брендов. Начал действовать крупный *Roavalla Event Centre*, где проводятся культурные

и спортивные события, привлекающие жителей Нючэпинга, обитателей Стокгольма, пассажиров аэропорта¹.

В качестве основания для бренд-развития небольших территорий стоит обратить внимание на их *исторический ресурс*. Как отмечают исследователи, большинство малых городов имеют статус исторических. В отличие от сравнительно недавно образованных поселений (промышленных, курортных, научных), малый исторический город – это особый тип сообщества, в котором в значительной мере сохранился национальный историко-культурный потенциал, способный актуализироваться в современности. Малые города являются своеобразной переходной ступенью от городской культуры с её значительной профессиональной составляющей к традиционной сельской. Небольшой город ценен прежде всего тем, что он крепко связан с сельской периферией и является своего рода «столицей» сельского района. Важнейшая особенность малого города – взаимодействие с живой природой, первозданным ландшафтом, контрастирующими с искусственной средой большого города. Социальная организация жизни в малом городе характеризуется неспешностью и размеренностью, близким знакомством жителей друг с другом, взаимоотношениями горожан с преобладанием чувства перед рассудочностью. В связи с этим накопленная социальная информация (традиции, обычаи, мифы, фольклор) сохраняется здесь дольше и больше востребована².

Кроме того, сам фактор «нематериализованной» истории может играть самостоятельную притягательную для посетителей роль. Посмотрим на город (муниципалитет) Ватерлоо (<https://www.waterloo.be/>) в Бельгии (население – ок. 30 тыс. чел.). Особенности географического (около 20 км от столицы Бельгии – Брюсселя) и политического (Брюссель – штаб-квартира Евросоюза) положения Ватерлоо позволяют использовать преимущества, сходные с Нючэпингом: четверть населения Ватерлоо – иностранцы, в основном работающие в Брюсселе.

¹ Стась А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды. М.: Группа ИДТ, 2009.

² Лысова Н. Ю. Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы // Регионоведение. 2008. № 2. URL: <https://regionsar.ru/en/node/125> (дата обращения: 25.05.2020).

Но историческая известность города в большей степени связана с битвой 1815 г., когда французская армия под командованием Наполеона Бонапарта была разбита коалиционными войсками под командованием герцога Веллингтона и фельдмаршала Блюхера. Материальные достопримечательности Ватерлоо немногочисленны: это памятник – статуя льва, установленная королём Нидерландов в честь своего сына, принца Оранского, который был ранен в битве; музей Веллингтона и католическая церковь св. Иосифа, в которой Веллингтон молился перед битвой. В принципе на посещение всех объектов достаточно нескольких часов, но современный «Исторический тур 1815 года» из разных городов Европы предлагает для этого несколько дней. Это посещение мест расположения штаба, маршрутов передвижения войск, основного и промежуточных сражений и др.

Ватерлоо – полноценное и полностью оправдывающее себя в финансовом плане туристическое направление¹.

Рассмотрим некоторые модели брендинга малых европейских городов с учётом их исторического ресурса и потенциала значимой для данной территории персоны (*именной брендинг*). Так, широко известен испанский Фигерас (население – 39 тыс. чел., 140 км от Барселоны), где родился, провёл большую часть жизни и умер великий живописец-сюрреалист Сальвадор Дали. К материальным основаниям популярности малого города стоит, разумеется, отнести то, что в музее Фигераса находится самая масштабная подборка полотен Дали, а также других знаменитых художников.

Таким бэкграундом для бренда может похвастаться редкий малый город в мире, тем не менее прецедентов креативного использования для брендинга имени знаменитого горожанина довольно много. Скажем, Фигерас можно сопоставить с французским Арлем (население – 52 тыс., 92 км от Марселя). Здесь Ван Гог создал более 180 своих работ, однако их подавляющее большинство экспонируется за пределами города и страны. Тем не менее в Арле открыт музей художника, что в принципе не является эксклюзивом для многих других городов. Однако, в дополнение к му-

¹ Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Указ. соч. С. 183.

зею, здесь создан туристический маршрут «По следами Ван Гога». Он проходит по девяти точкам города, где туристы видят натуры для произведений художника рядом с их большими копиями, чувствуют атмосферу, в которой жил и работал мастер: «Терраса кафе на площади Форум», «Вход в общественный парк», «Больничный сад», «Мост Ланглуа», «Желтый дом» и др.

Очередной иллюстрацией модели брендингования с помощью имени знаменитого жителя станет британский Бродстэрс (25 тыс. чел., графство Кент) – город Чарльза Диккенса. Имя писателя, жившего в Бродстэрсе многие годы, появляется всюду, равно как и названия его романов, имена главных героев и места действий с их участием. Доступен для посетителей «Холодный дом», где писатель создал свой знаменитый роман «Дэвид Копперфильд», работал над другими произведениями. Интересен для туристов и активно ими посещается ежегодный летний Фестиваль Диккенса – главное событие в жизни Бродстэрса. На время Фестиваля город погружается в атмосферу Викторианской эпохи. В доме-музее Диккенса идут постановки произведений писателя, в концертном зале исполняют музыку того периода. Жители и туристы посещают традиционную уличную ярмарку, слушают выступления уличного оркестра, смотрят игру в крикет, совершают экскурсии по памятным местам города. Многие горожане одеваются в костюмы времён Диккенса. В то же время было бы неправильным сделать вывод о том, что своей яркостью и привлекательностью Бродстэрс обязан лишь Диккенсу. Это город – популярный морской курорт на северо-востоке графства Кент. Любопытно другое. Бродстэрс вовсе не является «монополистом» Чарльза Диккенса, т. к. музей, мероприятия вокруг имени и произведений писателя существуют в Лондоне, Портсмуте, других городах Великобритании. Но, возможно, самый масштабный Фестиваль Диккенса ежегодно проводится накануне Рождества в голландском городе Девентере (население 98 тыс. чел., 75 км от Амстердама), не имеющем отношения к писателю. Данный факт никак не влияет на интерес к Фестивалю, однако в декабре на средневековых улицах в историческом центре Девентера оживают около тысячи персонажей из книг Чарльза Диккенса, историче-

ская картина Фестиваля дополняется декорациями той эпохи. И всё это происходит в романтической рождественской атмосфере.

В руководствах по брендингу упоминаются также виртуальные персонажи, способствующие продвижению товаров, компаний и мест. Это может быть и образ когда-то жившей личности, и герой сказок, и даже человек или иное существо, реальность которого в принципе находится под сомнением (*мифический брендинг*). В связи с этим уместно вспомнить шотландский Инвернесс – портовый город на побережье Северного моря, самый северный город Великобритании с населением около 60 тыс. человек. Название города долгое время не было широко известно, но с 1934 г. прилегающая к нему местность стала набирать популярность. Это случилось благодаря доктору Р. Уилсону, который якобы сфотографировал «уникальное существо» в озере Лох-Несс (Loch Ness – озеро у реки Несс), получившее имя Несси – «лохнесское чудовище». Ещё в 1990-х снимок признали фальшивкой, но это уже не имело значения: озеро закрепило статус международной столицы мифологических чудовищ и фигурировало как одна из последних земных тайн.

Однако город с тысячелетней историей, столица Северной Шотландии, расположенный всего в 13 км от озера, оставался практически неизвестным. Наконец, в 2014 г. утверждается концепция развития туризма *Uniqness* (от англ. – уникальное Несс). Визуальная идея бренда базировалась на географических и лингвистических основаниях: озеро, соединяющая его с городов петляющая река, такое же извилистое чудовище и помогающее актуальному восприятию реальное английское слово *uniqueness* (уникальность). Графическое изображение озерного монстра и надпись *Visit Inverness / Loch Ness* стало визитной карточкой местной туриндустрии¹.

В концепции *Uniqness* тематика Несси присутствовала лишь как одна из частей («Приходите на охоту за Несси»). Помимо неё в туристическую программу вошли разделы

¹ Золотарев А. 7 самых аутентичных городских брендов // Вокруг света. 13 мая 2019 года. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/314537/> (дата обращения: 25.05.2020).

«Горные маршруты», «Хайленд Гольф», «Познакомьтесь с местными жителями», «Лохнесс 360 градусов» три марафона за три дня – ультра-марафон 80 миль, беговой и горный веломарафоны), «Зимний Инвернесс» (с наблюдением северного сияния) и даже «Программа для собак»¹. На берегу озера начал ежегодно проводиться фестиваль музыки *RockNess*. Всё это вместе способствовало тому, что к 2020 г. город, озеро и окрестности ежегодно посещали более 200 тыс. иностранных туристов.

В Германии прижилась и развивается «маршрутная» модель брендинга малых городов. Здесь популярны так называемые *тематические дороги*, включающие в себя малые города. Многие из них не способны самостоятельно привлечь значительное число туристов, поэтому кооперируются с более крупными соседями и образуют цепь населённых пунктов, объединённых той или иной тематикой. Это, например, один из старейших маршрутов «Романтическая дорога» (нем. *Romantische Straße*) – путь от Вюрцбурга до Фюссена протяжённостью около 400 км, пролегающий от Майна через Франконию, баварскую Швабию и Верхнюю Баварию до альпийских вершин. Он включает в себя 28 населённых пунктов «обязательной программы» и множество достопримечательностей в непосредственной близости от главного маршрута.

Привлекателен маршрут «Дорога замков» (нем. *Burgenstraße*) по югу Германии и западной Чехии. Он начинается в баварском Мангейме, заканчивается в Праге и на почти 600-километровом пути охватывает более 70 средневековых замков и городов. Стоит упомянуть и сходную по протяжённости «Дорогу сказок» (нем. *Deutsche Märchenstraße*). Маршрут берет начало в городе Ханау и доходит до Бремена. Каждый из путевых объектов связан с творчеством знаменитых братьев Гримм – в многочисленных путешествиях они собирали местный фольклор для будущих волшебных произведений. Так, в Касселе – «столице» «Дороги сказок» – находится музей Якова и Вильгельма Гримм, а Швальмштадт – «столица» Красной Шапочки.

¹ Туристический сайт города Инвернесс и озера Лохнесс. URL: <https://www.visitinvernesslochness.com/> (дата обращения: 25.05.2020).

Добавим к этому, что берега Рейна, Мозеля, Ара и Саара в землях Рейнланд-Пфальц и Саарланд сплошь покрывают виноградные плантации, образуя «Вайнштрассе» – «Дорогу виноделия».

В ряде случаев передвижение путешественников по некоторому маршруту вместе с посещением его отдельных точек становится не только желательным, но неизбежным. Это обычно прямой или «пересадочный» пешеходный или автомобильный маршрут, в процессе которого проходящий или проезжающий должен остановиться в одном или нескольких пунктах на какой-то период. Само осознание такой потребности властями, бизнесменами, обычными гражданами данного пункта может стать стимулом для формирования *бренда места временного пребывания*, или *походного бренда*. Если такое осознание происходит и необходимая подготовка к приёму посетителей ведётся, то даже наличие или создание новых достопримечательностей не является обязательным либо играет второстепенную роль.

Характерным направлением территориального брендинга стала *организация нового сервиса для посетителей* – чаще всего в виде комплекса услуг для активного отдыха и развлечений: летнего и зимнего; морского, горного и равнинного; традиционного и экстремального; для молодежи и людей более старшего возраста; индивидуального и семейного и т. д. С развитием досуговой индустрии и в условиях высокой конкуренции заявить реальную новинку всё труднее. Но дело заключается не только в этом: как и в предыдущих случаях, важно вписать новый сервис в органичный контекст, сделать его актуальным для посетителей определенного места.

Двумя популярными новинками пополнился в 2000-х гг. комплекс услуг в финском спортивно-туристическом центре Вуокатти в общине Соткамо (население около 11 тыс. чел.) – горнолыжным центром Max Snow World и подземным туннелем для круглогодичного катания на лыжах. Сами по себе эти события не способны произвести революцию в туризме без учёта сопутствующих факторов, но применительно к Финляндии такие факторы присутствовали в полном объёме. Главное заключается в том, что посетители едут в эту страну преимущественно за зимним отдыхом и спортом.

С одной стороны, предложение активного досуга зимой со стороны ряда европейских стран и России также объёмно и многообразно. С другой стороны, Финляндия претендует на предоставление самых комфортных услуг этого плана, при этом их набор в Вуокатти практически не ограничен¹. Не случайно туристы приезжают сюда, хотя место удалено от европейских центров: Вуокатти расположен почти в 600 км от Хельсинки, добраться сюда можно только железнодорожным или автомобильным транспортом. В подобной ситуации усиление привлекательности места за счёт открытия новых сервисов стало оправданным и экономически эффективным действием. Вот как позиционировался горнолыжный центр: «Новый и замечательный *MAX Snow World в Вуокатти* – это зимняя страна чудес для всей семьи, с более чем 30 прохладными мероприятиями, включая точное метание снежков и склоны слоупстайла»². С открытием комплекса Вуокатти становится первым горнолыжным центром в Финляндии, где можно кататься на лыжах 365 дней в году. Среди достопримечательностей есть шестигранный снежный замок, который специально спроектирован для детей, а также различные сооружения для любителей слалом и сноубордистов. Лыжники могут оттачивать свои навыки скоростного спуска на новом склоне слоупстайла, который подходит для любителей лыжного спорта всех уровней, включая новичков. Будь то мороз или палящая жара на открытом воздухе, в *MAX Snow* это всегда удобные -3°C , без ветра или дождя.

В то же время добавим, что к моменту своего открытия *MAX Snow World в Вуокатти* стал тридцать четвертым подобным центром в Европе. Но подземный лыжный тоннель с круговой трассой в 1210 м стал первым в мире. Его привлекательность заключалась не только в круглогодичном катании, а тем более не в катании как таковом. В окрестностях Вуокатти находятся около 150 км оборудованных лыжных трасс, однако погода в зимней Финляндии может быть как очень холодной, так и сопровождаться оттепеля-

¹ Вуокатти, спортивно-туристический центр. URL: <https://vuokatti.fi/> (дата обращения: 25.05.2020).

² Там же.

ми – вот здесь и приходит на выручку тоннель, куда можно попасть с улицы или спуститься прямо из гостиничного комплекса.

О том, что новый сервис оправдал себя, говорит тот факт, что к 2020 г. лыжные тоннели были построены ещё в четырёх местах Финляндии, а также в Швеции, Германии, Голландии, Японии и России.

Бренд-менеджмент малых городов зарубежья и России: сравнительный анализ

В рассмотренных выше моделях становления брендов малых городов, несомненно, просматриваются и многочисленные российские аналоги. В большинстве случаев они не являются простым копированием европейских и других образцов, но представляют собой естественный процесс поиска и реализации эффективных моделей продвижения территорий в сходных отечественных условиях.

Если говорить о брендинге территорий в целом, стоит напомнить о довольно «старом» процессе стремления больших и малых городов мира к получению статуса неформальных столиц. Часто это связано с выращиваемой или производимой в регионе продукцией. Напомним о «столицах» коньяка – городе Коньяк (население 18 тыс. чел.) в провинции Шаранта и шампанского – городе Труа (население 60 тыс. чел.) в провинции Шампань во Франции. Пивными «столицами» Европы называют 10 городов в разных странах. Одной из столиц шоколада на американском континенте является город Херши (население 14 тыс. чел.).

На сайте «Циклопедии» опубликован список неформальных столиц России¹. Здесь около 180 наименований, среди которых и города-миллионники, и столицы субъектов РФ меньшей численности (причём не все), и малые города, являющиеся предметом нашего рассмотрения. Сам прецедент отнесения к «столицам» указывает на сложившийся бренд либо, как минимум, на заявленную и отражённую в информационном поле амбицию.

¹ Неформальные столицы России. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Неформальные_столицы_России (дата обращения 25.05.2020).

Хорошо известны в стране такие малые города, как Урюпинск – столица российской провинции, Великий Устюг – столица Деда Мороза, Мичуринск – садовая столица, Палех – шкатулочная столица, Абрау-Дюрсо – столица шампанского, Мышкин – мышиная, провинциальная музейная столица.

При разработке сайта о практиках малых городов¹ лидеры выбирались не по «столичности», а по типу деятельности: малый бизнес, стартапы (Кандалакша, Таруса, Зарайск и др.); социальные проекты, вовлечение жителей (Сарапул, Тотьма, Егорьевск и др.); события (Углич, Боровск, Выкса и др.); туризм, продвижение (Клин, Вятские Поляны, Коломна и др.); культура, эстетика (Старая Русса, Беломорск, Азов и др.); гастрономия, сельское хозяйство (Коломна, Луховицы). Всего в список включён 31 малый город.

Далее попробуем провести сопоставления обозначенных выше моделей мирового опыта и российских проектов.

Начнём с бренда малого города как *экономического решения*, рассмотренного выше на примере шведского Нючёпинга. В качестве российского варианта такого решения может быть назван Сарапул (население 98 тыс. чел.) – город в Удмуртской республике, центр городского округа, расположенный на берегу реки Кама. Становление этой территории как бренда началось с включения города в федеральную целевую программу (далее – ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». Выполнив ряд последовательных действий (создание туристско-рекреационного кластера «Камский берег», стратегии развития города и др.), в 2014 г. власти Сарапула подали заявку на конкурс Ростуризма, поле чего город включили во второй этап ФЦП.

В 2015 г. кластер «Камский берег» в Сарапуле объединил около 40 компаний и стал важнейшей составной частью Центра кластерного развития Удмуртской Республики. Первый серьёзный проект Центра – формирование зонтичного туристического бренда. Его активное продвижение на выставках, взаимодействие со СМИ позволили Сарапулу войти

¹ Лучшие практики малых городов России. URL: <https://town-practices.ru/> (дата обращения: 25.05.2020).

в перечень моногородов и попасть в программу «Территория опережающего развития». К 2020 г. Сарapul начали называть «Прикамской Барселоной»¹.

Исторический брендинг, показанный на примере Ватерлоо, также имеет развитые российские аналоги, среди которых следует отметить «три ратных поля России» с крупными музейными комплексами. Первое – «Куликово поле» возле села Монастырщино Кимовского района в Тульской области; Второе – «Бородинское поле» возле деревни Бородино в Можайском городском округе Подмоскoвья; Третье – «Прохоровское поле» рядом с административным центром района посёлком городского типа Прохоровка в Белгородской области.

Именной брендинг, который мы иллюстрировали европейскими городами Фигерас, Бродстэрс, Арль и Девентор, имеет разные, а порой противоположные истории развития в России. Примером традиционного города-бренда может служить Мичуринск Тамбовской области (население 93 тыс. чел.), названный в честь выдающегося селекционера Ивана Мичурина. Здесь находится его дом-музей, действовал организованный по инициативе И. В. Мичурина Институт селекции плодово-ягодных культур, позднее ставший Мичуринским государственным аграрным университетом. В 2003 г. город получил статус первого и единственного в стране сельскохозяйственного наукограда. Признанные городские бренды – всероссийские фестиваль «Мичуринское яблоко» и выставка «День садовода». В основе городского бренда современного периода – не только отдельные практики, но и в целом значимая деятельность по выведению новых сортов плодов и ягод.

Иной подход к новому именованному бренду демонстрирует город Циолковский (население около 7 тыс. чел.) в Амурской области – закрытое территориальное образование со статусом городского округа (до 2015 г. – Углегорск). Здесь нет музея одного из основателей космонавтики К. Э. Циолковского, но его имя используется как символ. Градообразующим объектом города является космодром «Восточный», который позиционируется одновременно

¹ Лучшие практики малых городов России. Сарapul. URL: <https://town-practices.ru/practices/sarapul/> (дата обращения: 25.05.2020).

как бренд специального назначения (запуски космических объектов) и массового интереса. Так, к 2020 г. были подготовлены трёхдневные экскурсии на космодром из Благовещенска, куда входили посещения музея космодрома и его территории, испытательного и стартового комплексов, наблюдение пуска пилотируемого корабля¹.

Если говорить о *маршрутном брендинге*, то за прецедент для сопоставления возьмём тематические дороги Германии. В России данная модель широко распространена: это маршрут «Золотое кольцо» в северо-восточной части страны, куда входят малые города Переславль-Залесский, Ростов Великий и Суздаль; маршрут «Серебряное кольцо (ожерелье) России», охватывающий земли Новгородского княжества в разные эпохи, с малым городом Ивангород и селом Старая Ладога; «В гости к Деду Морозу» с малым городом Великий Устюг и т. д.

У *мифического бренда* Несси, обитающего в озере близ шотландского города Инвернесс, есть прямой аналог – «Лабынкырский черт», которого так и называют: «старший брат Лохнесского чудовища». Озеро Лабынкыр в глубине Якутии (530 км от Якутска по реке Лена до города Олёкминска, затем около 100 км по суше) стало знаменитым благодаря неизвестному науке громадному животному, якобы обитающему в его водах². Несмотря на удалённость, трудности и дороговизну передвижения, озеро популярно: сюда организуются туры для охотников, рыбаков и наблюдателей за озером, а также исследовательские экспедиции. Сам процесс посещения этих мест, включая малый город Олёкминск (население около 9 тыс. чел.), служит поводом познакомиться с атмосферой Якутии как самого холодного места на земле (минимальная температура в Олёкминске – -60°C).

У *новых сервисов*, подобных финскому подземному лыжному тоннелю, в России также есть аналоги: первый такой тоннель построен в посёлке городского типа Токсово под Санкт-Петербургом.

¹ Восточный. Полная программа. – CosmoTravel. URL: <https://kosmotravel.ru/tours/tur-na-kosmodrom-vostochnyy> (дата обращения: 25.05.2020).

² Наваждение озера Лабынкыр. – Ufolog.ru. URL: <http://www.ufolog.ru/publication/4049/> (дата обращения: 10.11.2020)

Сделаем краткие выводы. Представляется, что главной экономической основой брендинга малого города является его включение в федеральные, межрегиональные, региональные целевые программы. Именно они помогают определить, под каким брендом следует продвигать расширенные традиционные и новые услуги территории. Вхождение в программы позволяет предметно программировать и удовлетворять ожидания горожан, а поток приезжих потребителей услуг города – превращать из стихийного в институциональный.

Возможности бренд-менеджмента территории увеличатся при включении малого города в стратегические транспортные маршруты, в том числе специальные туристические.

Наряду с очевидными требованиями к финансированию начинаний малого города, важно определить наиболее актуальный и выгодный для конкретного места социально-экономический и культурный контекст, в который бренд-проекту предстоит органично вписаться. В этом случае затраты на развитие бренда принесут более заметную количественно-качественную отдачу.

В бренд-менеджменте малых городов следует различать контекстуальные модели и частные случаи использования экономических и гуманитарных (креативных) схем. Простой набор даже самых привлекательных прецедентов «чужих» практик не является автоматическим критерием успеха для «своей» территории.

Обозначенные в настоящей главе примеры: «экономическое решение для бренда»; «брендинг нового сервиса»; «исторический», «именной», «маршрутный», «мифический» брендинг являются вариантами модельного сочетания частного и контекстуального решений.

Цивилизационный потенциал малых городов России

Постсоветская трансформация российских малых городов, в том числе и моногородов, разворачивалась системно и всесторонне, что позволяет определить происходящие в них перемены как цивилизационные. Малые городские поселения, их население втянуты не только в региональные, федеральные, но глобальные социально-экономические и культурные процессы. Экономика, социальное благополучие, культура локальных территорий выживали и развивались, если предприятия и их продукция включены в оборот российской и мировой экономики. Российские малые города, включая моногорода, прошли и проходят чрезвычайно сложный период устроения нового уклада и поиска устойчивости в условиях местного самоуправления, рынка, постиндустриального развития. Адаптация к новым условиям осуществляется в процессе становления новых институтов, прежде всего благодаря государственной поддержке, ресурсам бизнеса, некоммерческих организаций и жителей малых городов.

Масштабность, глубина и комплексность в социально-структурных, политико-правовых, культурных, религиозных, в целом общественных изменений в малых и различных монопрофильных городах требуют целостного объёмного объяснения, которое в полной мере достигается в рамках современного цивилизационного анализа. На основе цивилизационного подхода, основанного на категориальной схеме увязанных друг с другом базовых понятий: социальной структуры, культуры, институтов и акторов (агентов), предлагается концепция цивилизационного развития современного малого города, в том числе моногорода. Данная концептуальная схема цивилизационного уклада или комплекса локальной (моно- и полипрофильной) территории позволяет объяснить сложный механизм преодоления кризиса советской модели малых и моногородов, диверсификацию их традиционного экономического и производственного уклада, формирование и воспроизводство разнонаправленных социально-структурных

эффектов динамично меняющейся культуры, жизни местного сообщества.

Собранный в рамках исследования социально-структурных последствий цивилизационных изменений российского общества (2018–2020 гг.) массив полевого материала позволяет проверить предлагаемую мной концептуальную схему цивилизационного комплекса и уклада местного сообщества малых муниципальных образований. Эмпирическое обследование было проведено в ряде малых городов, преимущественно моногородов Архангельской (г. Коряжма), Ленинградской (города Сланцы, Сясьстрой, Пикалёво, Бокситогорск), Вологодской (города Сокол, Тотьма) областей, Республики Карелия (города Сегежа, Кондопога). Данный подход направлен на выявление степени освоения и развития территорий малых городов (моногородов) с учётом специфики поселения, плотности заселения, геосоциальной структуры города, динамики социальной и культурной идентичности, места современного российского моногорода в глобальных и региональных процессах.

В центре изучения цивилизационного развития пространства российского малого города (моногорода) как цивилизационного комплекса территории и уклада жизни местного сообщества находится проблема институционального и ресурсного обеспечения для достижения экономического благосостояния, социальной и культурной самореализации населения. Возможности индустриального и постиндустриального цивилизационного развития позволяют различным группам населения малых городов (моногородов) не только поддерживать сложившийся традиционный уровень и стиль жизни, но и изменять их по образцам текущей модерности (современности). Пространство цивилизационного развития малых городов и моногородов, в целом российского общества крайне неравномерно формировалось в последние тридцать лет новыми властными и экономическими элитами, активностью самих граждан. Проекты выстраивания современного цивилизационного комплекса различных локальных территорий осуществимы и эффективны лишь при участии большинства, если не всех акторов, то есть местного сообщества малого города и моногорода как цивилизационного территориального локального

объекта. В данном исследовании мы опираемся на цивилизационный подход и теорию множественных модерностей, позволяющих дать целостный анализ и разностороннюю оценку цивилизационных изменений российских локальных городских территорий.

Диверсификация профильного регионального индустриализма малых городов и моногородов Северо-Запада России

В настоящее время идёт процесс перехода от сложившейся в советское время монопрофильной индустриальной зависимости моногородов Северо-Запада России к их диверсифицированному социально-культурному и территориально-экономическому развитию в условиях рыночной экономики. Достижение современных стандартов качества жизни, благосостояния, занятости на весьма удалённых пространствах российских регионов является одной из насущных практических задач. Отягчающим обстоятельством является снижение численности населения, дефицит занятости и рабочих мест из-за закрытия традиционных для этих мест предприятий промышленности, услуг и сельского хозяйства, растущая внутренняя миграция. Проблема современного развития российских регионов находится в центре аналитической, экспертной, проектной и управленческой деятельности власти разных уровней, бизнеса, общественных организаций и самих граждан. В социально-территориальной структуре региона выделяются малые города, особенно монопрофильные города, большинство из которых возникли в эпоху советской модернизации. Модель монопрофильного индустриального развития ряда регионов Северо-Запада России всё ещё воспроизводится и в начале XXI в.

На примере ряда моногородов Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей и Республики Карелия, достаточно близких в социально-территориальном, административном, промышленном устройстве, обнаруживаются значимые социально-экономические и культурные различия. Сравнение достижений малых монопрофильных городов в рамках цивилизационного подхода показывает существенное снижение роли градообразующих предприя-

тий. Изменяются многие ориентиры в их социально-структурном и культурном развитии. Формируется и удерживается социально-территориальное и социально-экономическое неравенство в решении задач трудовой занятости, повышения уровня и качества жизни, ликвидации ветхого и аварийного жилья, материального благосостояния, культурной инфраструктуры, социальной дифференциации как суммарный эффект множественного цивилизационного развития малых городов.

Согласно статистическим данным, идёт непрерывная трансформация монопрофильной индустриальной зависимости моногородов Северо-Запада России. Происходит переход их к поливариантному, в ряде случаев многовекторному диверсифицированному социально-культурному и территориально-экономическому развитию. На основе модели цивилизационного комплекса локальной территории малых городов Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей и Республики Карелия проведённое сопоставление и сравнительный анализ некоторых показателей ряда малых и монопрофильных городов (Бокситогорск, Кондопога, Коряжма, Пикалёво, Сегежа, Сланцы, Сокол, Сясьстрой, Тотьма) позволили зафиксировать их социально-структурное и культурное своеобразие, территориальное неравенство в решении задач занятости, уровня жилищной обеспеченности, материального благосостояния, транспорта, сферы услуг. В целом складывается вывод о медленном преодолении советского типа модернизации и формировании новых форм модерностей. Малые города и моногорода испытывают, прежде всего, давление фактора растущей социальной мобильности, оттока человеческих и трудовых ресурсов, дефицит в развитии экономической, социальной и культурной инфраструктуры.

Для этих городов характерны разные темпы цивилизационной динамики локальной территории региона и отдельного региона, которая выражается в случае стагнации в депрессии, депривации и деградации территории, в затруднениях и замедлении роста. Кризисная динамика малого города и моногорода определяется отсутствием и активным поиском необходимых ресурсов для решения актуальных жизненно важных задач текущего и стратегического по-

рядка. В данном типе проявляется способность моногорода к институциональной и гражданской мобилизации ради разрешения временных кризисов. Стабилизирующая развивающаяся динамика связана с активным и успешным решением важных задач в отдельных сегментах жизнедеятельности малого города и местного сообщества, например, в социальной сфере, но с замедлением в других важных направлениях. Опережающая цивилизационная динамика локальной территории включает эффективное решение текущих проблем, реалистическое прогнозирование, перспективное планирование и достижение целей экономического, социокультурного развития. Анализ и оценка динамики пространственного развития локальных территорий позволяют выделить веер возможных путей преобразования малых городов.

Для объяснения специфики современного малого города мы предлагаем концепт «богатство локальной территории», отражающий значимый инфраструктурный, ресурсный и территориально-поведенческий потенциал, создаваемый всеми активными участниками, прежде всего субъектами власти и управления, хозяйственной и экономической деятельности, местными сообществами, различными группами интересов. Наличие данного потенциала сталкивается при этом с диапазоном полярных социальных настроений разных групп населения, свидетельствующих, например, о феномене более высоких миграционных установок жителей названных выше малых городов и моногородов. В период 2000–2019 гг. происходит преодоление затянувшегося кризиса советской модернизационной модели малых городов и моногородов, масштабная диверсификация их традиционного экономического и производственного уклада. В резко меняющихся общественных условиях рыночной экономики, включенности в глобализацию неизбежно формируются новые институты местной власти, муниципального самоуправления, трансформируется культура и поведение населения практически во всех регионах страны. Эти факты отражают радикальные цивилизационные перемены в российском обществе, одним из центробежных последствий которых является наряду с неравномерным экономическим ростом усиление социального неравенства, поляризации

в уровне и качестве жизни. Соответственно, повсеместно осуществляется воспроизводство разнонаправленных весьма контрастных эффектов социально-структурной дифференциации и поляризации общества.

Предлагаемая нами общая концептуальная схема координации основных элементов цивилизационного комплекса городского поселения отражает панораму цивилизационных перемен в отдельных монопрофильных поселениях. Согласно определению Н. Элиаса, цивилизация – это «проявление природы той обладающей принудительной силой закономерности, которая задает формы совместной жизни людей, включая социальные формы и институты нашего собственного общества, возникающие, сохраняющиеся и меняющиеся на основе данной закономерности»¹. Эта концептуальная схема является базовой для выявления «текучей» современности, проживаемой отдельными людьми, группами, сообществами. Методологически мы опираемся на четыре конкурирующие теории модерности: конвергентная (классическая теория модернизации); трансформационная (теория «второго модерна»); диверсификационная (теория разновидностей капитализма и модерности); плюралистическая (представленная опирающейся на цивилизационный анализ теорией множественных модерностей, включая версии теории культурной глобализации).

В теоретической схеме, которую мы используем для исследования цивилизационного комплекса локальных территорий, в том числе для оценки цивилизационного потенциала местного сообщества, выделяются главные элементы: социальная структура – культура; агентность (субъектная структура) – институты.

В предлагаемой схеме на передний план выходит вопрос о ресурсах или богатствах локальной территории, малого монопрофильного города и местного Сообщества (см. рис. 22.1). В него мы включаем основные взаимосвязанные компоненты, определяющие цивилизационный комплекс локальной территории: *социум (социальная структура) – культура*;

¹ Элиас Н. О процессе цивилизации // Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М., СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. С. 327.

материальные ресурсы – социальная инфраструктура; институты – акторы. Ограничимся перечислением элементов ресурсного богатства местного сообщества локальной территории (малого города), то есть всего того, что составляет цивилизационный потенциал местного сообщества малого города российского региона. Это культура, социальные ресурсы, экономические и прочие, например – природные капиталы, особенно важные для характеристики локальной территории.

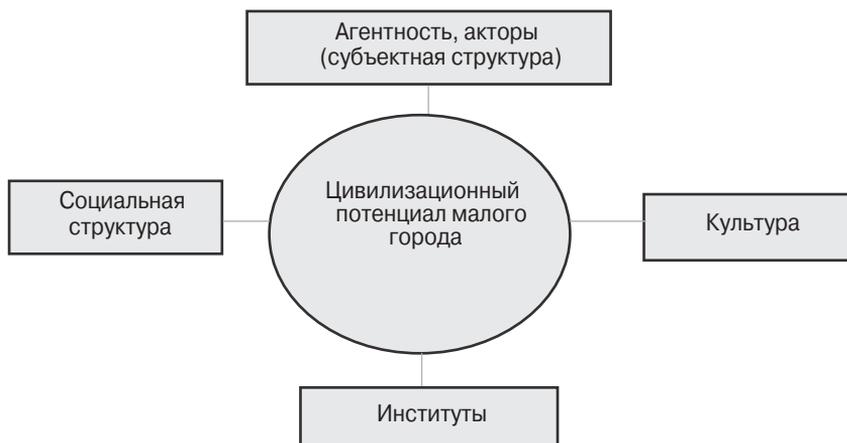

Рис. 22.1. Цивилизационный потенциал малого города

Наш подход заключается в выявлении процессов, динамики, которые отражают взаимное воздействие социальной структуры и культуры друг на друга, их взаимное переплетение, исторически конкретные конфигурации констелляции, создание, проживание людьми своего социально-культурного пространственно-временного континуума (хронотопа). Малый город – это социокультурное пространство для живущих в нем людей, для их разнообразной деятельности созданное, ими формируемая и видоизменяемая территория. Разные группы интересов (или публики) проектируют это пространство под себя, распределяют его в соответствии с традициями, обычаями и институтами для жизнеобустройства и решения текущих задач. Как они это делают – по-хозяйски, рационально, эффективно

или бесхозяйственно, не рационально, не эффективно – это вопрос местного сообщества, местной власти, их инициатив и ресурсов. Для этих целей в теоретической схеме, которую мы используем в исследованиях цивилизационного комплекса локальных территорий, цивилизационного потенциала местного сообщества, выделяются главные элементы: социальная структура – культура; агентность (субъектная структура) – институты.

В данный комплекс входят все необходимые ресурсы, соответственно – богатства местного сообщества локальной территории.

- Социально-демографические (население).
- Социально-территориальные (удалённость, климат, освоенность).
- Институты (право, собственность).
- Культура (религия, обычаи, традиции, бытовая культура).
- Социально-структурные (неравенства, социальные иерархии).
- Социально-культурные (образовательный потенциал).
- Человеческие ресурсы (здоровье, опыт, квалификация).
- Трудовые и профессиональные ресурсы.
- Экономические ресурсы (постоянный и переменный капитал).
- Финансовые ресурсы (капиталы, объем бюджетных и внебюджетных средств).
- Другие капиталы (природный, социальный, культурный).

Общая концептуальная схема координации основных элементов цивилизационного комплекса городского поселения отражает панораму цивилизационных перемен в отдельных монопрофильных поселениях. Для объяснения природы локальной территории и социального измерения малого города исходим из основных принципов, требующих воплощения в изучении месторазвития как локальной территории: релевантность, самореферентность, автономность, идентичность, самооценность, модернизируемость, измеримость развития, эффективность самоорганизации и деятельности местного сообщества малого города. Малый

город, а это реально действующая отдельная локальная территория, имеет автономное значение, играет самостоятельную роль и самоценен для жителей города, для данного региона и страны. В зависимости от того, как сами люди конструируют, формируют и воплощают в повседневности свою идентичность, наполняется смыслом их текущая жизнь, оцениваются перспективы перемен и развития малых городов. Наконец, эффективность самоорганизации и самоактивности в деятельности местного сообщества, согласованности и сотрудничества с местной властью является важнейшим самостоятельным элементом, служит залогом и мощным человеческим ресурсом для поддержания достойного уровня и качества жизни, самореализации жизненных путей в соответствии со сложившимися современными стандартами.

Цивилизационный подход позволяет масштабно и комплексно раскрыть социально-структурные, политико-правовые, культурные, религиозные глобальные и региональные общественные изменения в XX столетии и начале XXI в. Он позволяет изучить комплексно проблемы освоения и развития локальных территорий: поселенческую структуру, плотность заселения, геосоциальную структуру, территориальное поведение местных сообществ малых городов¹. В частности, объектами социологической экспедиции и, соответственно, цивилизационного анализа в нашем проекте 2018–2020 гг. стали российские малые города, и в том числе названные выше моногорода в Архангельской, Вологодской, Ленинградской областях, Республике Карелия: Коряжма, Пикалёво, Бокситогорск, Сланцы, Сясьстрой, Сокол, Тотьма, Сегежа, Кондопога.

¹ *Завалишин А. Ю.* Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ): монография / А. Ю. Завалишин. М.: РУДН, 2008.; Обзор российских моногородов. Аналитический доклад ИКСИ. Июнь 2017 г. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf; *Рязанцев И. П., Завалишин Ю. А.* Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический проект, 2006.

Цивилизационный потенциал развития российских малых городов и моногородов

Проблема цивилизационного потенциала развития локальных территорий малых городов и моногородов современного российского общества практически не обсуждается в научной литературе и публицистике. Хотя вопрос о современном этапе развития российских регионов, российской «глубинки», безусловно, находится в числе самых животрепещущих в экономической, социальной, культурной жизни населения в удалении от крупных городов. Понятие локальной территории, с нашей точки зрения, отражает особенности небольших, преимущественно малых городов, моногородов и поселков городского типа, в которых проживает 15,54% российского населения (табл. 22.1).

Таблица 22.1

**Количество городов и малых городов
Северо-Западного ФО России на 1 января 2019 г.**

Города и малые города	Российская Федерация		Северо-Западный федеральный округ РФ	
	Кол-во городов	Население, чел.	Кол-во городов	Население, чел.
Города, их население	1117	102 586 948	147	9 244 889
Малые города (до 50 тыс. чел.), их насе- ление	792	15 939 052	123	2 628 518

Источник: Данные Росстата (2019). URL: <http://www.gks.ru/population>

На Северо-Западе России, согласно статистическим данным Росстата по Северо-Западному федеральному округу, на 1 января 2019 г. проживало 13 981 992 человек. Это около 9,53% населения России. Из таблицы 22.1 видно, что в Северо-Западном федеральном округе РФ значительная часть (28,43%) населения живёт в малых городах и посёлках городского типа. Притом что, по данным на январь 2020 г., в Санкт-Петербурге насчитывается 5 398 064 жителей, т. е. 58,39% городского населения Северо-Запада РФ. На средние города приходится всего лишь 13% населения округа.

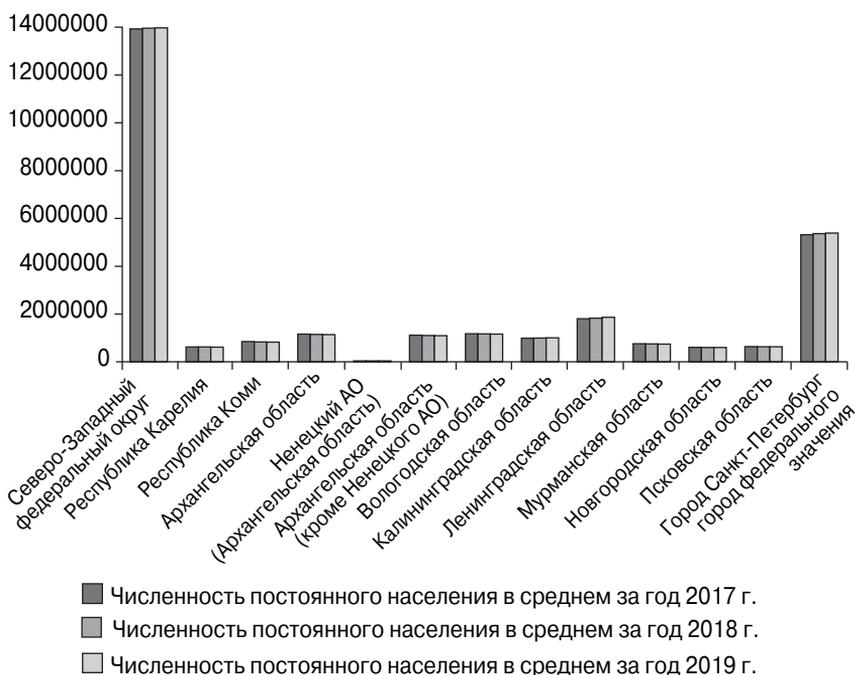

Рис. 22.2. Численность постоянного населения в Северо-Западном федеральном округе РФ, 2017–2019 гг., тыс. чел.

Источник: Данные Росстата (по состоянию на 1 янв. 2020 г.). URL: <http://www.gks.ru>

Заметна некоторая положительная динамика демографических процессов в северо-западном регионе. В частности, численность населения в Северо-Западном федеральном округе на 1 января 2018 г. незначительно увеличилась, на 26 347 человек, хотя в сравнении с 2017 г. в 2019 г. увеличилась ещё на 14 994 человек, составив 13 977 031 человек (см. табл. 22.2). Однако в среднем в большинстве областей и республик округа произошло уменьшение населения. Прирост отмечен лишь в Калининградской, Ленинградской областях, Ненецком автономном окру-

ге, входящем в Архангельскую область, которая потеряла 5391 человек, и Санкт-Петербурге (см. рис. 22.2). Этот факт свидетельствует о тенденции прироста в основном городского населения, хотя, например, в Калининградской, Ленинградской областях также увеличилось сельское население. Интересно, что в Мурманской области на фоне уменьшения городского населения произошёл небольшой прирост сельского населения. Если по России сельское население составляет на протяжении последних тридцати лет около 26%, то в Северо-Западном федеральном округе оно значительно ниже – около 16%.

В современном российском обществе в постсоветский период доминирует тенденция активного пространственного перемещения значительных групп преимущественно молодого населения из сельской местности в крупные и средние города. При этом доля городского населения выросла с 1991 по 2018 г. и колеблется около 74%, то есть практически не изменяется. Между тем текущая внутренняя миграция довольно значима. Она имеет маятниковый характер и зависит от экономической ситуации в стране, структуры занятости, устойчивости в поддержании уровня жизни. Большинство исследователей в соответствии со статистическими данными отмечали вымирание деревни. Однако наряду с процессом уменьшения численности сельского населения наблюдается обратный, хотя и небольшой поток из города в сельскую местность, прежде всего в пригороды, дачные поселения, заброшенные деревни, фермерские хозяйства. Это, в частности, летнее проживание в деревне, возвращение в село и деревню в силу ряда причин, дауншифтинг, фермерское и другое освоение сельских территорий. Иными словами, урбанизация в России сталкивается с устойчивой тенденцией дезурбанизации. Новые государственные инициативы наподобие «дальневосточного гектара», инвестиционные проекты новой аграрной индустрии в европейской и азиатской части страны также способствуют новому освоению обширных сельских территорий.

Следует отметить, что таким образом набирают силу тренды сдвига и стирания границ в структуре аграрного и перерабатывающего производства сельской продукции, соответственно, трудовой занятости местного и приезжего

Таблица 22.2

**Численность постоянного населения в Северо-Западном федеральном округе
на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г., чел.**

Субъект	На 1 января 2018 г.			В среднем за 2017 г.		
	Всё население	Городское население	Сельское население	Всё население	Городское население	Сельское население
Северо-Западный федеральный округ¹	13 952 003	11 771 437	2 180 566	13 925 656	11 741 714	2 183 942
Республика Карелия	622 484	500 558	121 926	624 784	501 671	12 311 311
Республика Коми	840 873	656 821	184 052	845 713	660 124	185 589
Архангельская область, включая Ненецкий автономный округ	1 155 028	900 962	254 066	1 160 389	903 687	256 702
Вологодская область	1 176 689	851 560	325 129	1 180 274	853 023	327 251
Калининградская область	994 599	775 122	219 477	990 430	771 278	219 152
Ленинградская область	1 813 816	1 157 086	656 730	1 802 866	1 152 313	650 553
Мурманская область	753 557	695 764	57 793	755 589	698 085	57 504
Новгородская область	606 476	430 486	175 990	609 499	432 123	177 376
Псковская область	636 546	451 143	185 403	639 355	452 653	186 702
г. Санкт-Петербург	5 351 935	5 351 935	–	5 316 757	5 316 757	–

Источник: Данные Росстата (2018). URL: <http://www.gks.ru>

¹ По состоянию на 1 января 2020 г. численность постоянного населения в Северо-Западном федеральном округ составляет 13 981 992 человек (9,53% от населения России).

населения. Дополнительный поток составляет пожилое и старое население пенсионного возраста. Этот поворот пока ещё слабо исследован и оценён, однако в нем присутствует явное стремление найти новые формы личного и частного жизнеустройства, обретения близких природе способов проживания, автономного индивидуального стиля и уклада повседневного существования. Отток из городов, в силу реальных физических, экономических и иных трудностей, безусловно, крайне невелик, но мигрирующие горожане, как правило, имеют несомненно большой экономический, социальный, символический и культурный капитал. Их трудовой стаж, профессионализм, образованность, интеллектуальный потенциал и составляют основу для транзита накопленного личного опыта в новые удалённые от плотно заселённого города сельские места. Это богатство горожанина определяется воспринятыми и усвоенными возможностями весьма комфортной городской цивилизации.

Культурная автономия, устойчивые цивилизационные образцы (паттерны) городской жизни, рациональные институциональные порядки, привычка к отлаженности коммунальных услуг, открытые ресурсы досуга и отдыха неизбежно транслируются жителями города в условия сельской жизни. Этот процесс можно определить как цивилизационный трансфер из города в деревню, то есть как перенос приобретённого цивилизационного опыта жизни в урбанизированных условиях в дезурбанизированную среду. Следствием этого цивилизационного транзита из города в село является создание близкой к современным городским условиям социальной культурной и хозяйственно-экономической инфраструктуры.

Таким образом, складывается новый цивилизационный порядок, или уклад, современности разных групп людей, решивших радикально поменять сельскую жизнь на городскую, и наоборот – городской комфорт, доступную и, возможно, невысоко оплачиваемую работу на деревенские просторы. С точки зрения активного развиваемого в современных социальных науках цивилизационного подхода и теории множественных модерностей подобный обратный ход из города в деревню (село), как и из деревни в города, вполне объясним логикой культурного, шире – цивилизационного

преодоления контрастного социального неравенства, институциональной жёсткой заданности, политической атомарности и отчуждения от природы. Цивилизационный потенциал локальных территорий Северо-Запада России весьма своеобразен в сравнении с другими регионами страны, вместе с тем он хотя и медленно, но неизменно нарастает.

Социальные следствия цивилизационных изменений русских моногородов

Среди малых и средних населённых пунктов России моногорода составляют значительную долю. Моногорода – это поселения с монопрофильной экономикой, в которых расположены градообразующие предприятия. По состоянию на начало 2016 г. в них проживало 13 025 тыс. человек (около 9% населения России). Основными критериями для определения категории города являются: состояние градообразующей организации (продолжает ли она производство, планирует ли высвобождение персонала), уровень безработицы в городе (по сравнению со средним по РФ), оценка населением социально-экономической ситуации в городе (на основе социологических опросов)¹. В экономической и социальной политике государства моногорода занимают особое место, так как они сами и окружающие их территории в новой рыночной экономике оказались вынужденными на ходу перестраиваться. Это затронуло прежде всего градообразующий блок моногородов.

Согласно Переченю монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), утверждённому распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 668-р, в стране имеются 319 моногородов в 61 из 85 регионов страны. По состоянию на начало 2016 г. в них проживало 13 025 тыс. человек (около 9% населения России). Данное число моногородов уже частично не отражает реальность, так как часть этих городов утрачивают статус моногородов из-за существенного сокращения занятых на градообразующих предприятиях, изменения их роли и положения. Тем не менее список мо-

¹ Обзор российских моногородов.

нопрофильных городов есть, и он работает¹. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) весьма различны: от наиболее сложного до стабильного социально-экономического положения (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций в ряде моногородов СЗФО РФ: Пикалёво, Коряжма, Сокол, Сланцы, Сясьстрой).

Моногорода разбиты по категориям монопрофильных муниципальных образований. Весьма симптоматично увеличение числа моногородов в «красной зоне» и уменьшение их в «зелёной зоне». Фактически это означает признание крайне серьёзного положения в данной области. Конечно, едва ли моногорода являются экономическим ядром страны, но в то же время они представляют значимый сегмент народного хозяйства и, прежде всего, занимают весомое место в поселенческой структуре. Фактически они являются центром экономической деятельности прилегающих территорий, население которых вовлечено в деятельность градообразующих моногородов предприятий. В частности, ряд комбинатов целлюлозно-бумажной промышленности на Северо-Западе России включает в свою орбиту лесозаготовительные предприятия нескольких районов. Химические и металлургические предприятия моногородов, соответственно, являются ключевым звеном в развитии экономики других регионов. В жизни моногородов с начала 1990-х гг. произошли радикальные перемены. Приватизация, акционирование, технологическое обновление, в ряде случаев перепрофилирование крупных предприятий сопровождалось первоначально спадом производства, банкротствами, соответственно – резким сокращением численности занятых. В постсоветский период внимание к моногородам государство стало проявлять относительно поздно, если судить по официальным документам (см. табл. 22.3).

¹ Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf>; Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 668-р) // URL: <http://econom32.ru/bank/makroekonomika/rasporjazhenie-ot-16042015--668-r.pdf>. В красной зоне находятся 94 города, в оранжевой – 154, и в зеленой зоне – 72.

Таблица 22.3

**Категории монопрофильных муниципальных образований
Российской Федерации (моногородов), 2014, 2015 гг.**

Категории моногорода	Количество моногородов	
	2014	2015
<i>Категория 1</i> Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций), «красная зона»	75	94
<i>Категория 2</i> Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, «жёлтая зона»	150	154
<i>Категория 3</i> Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией, «зелёная зона»	88	71
Всего:	313	319

В настоящее время специфическая динамика российских моногородов фиксируется достаточно формально на основании выделения градообразующих предприятий и занятости в них населения. В списке моногородов их число незначительно выросло. Моногорода имеются в 61 из 85 регионов России. Планы цивилизационного выстраивания локальных территорий, местных сообществ конкретного поселения, безусловно, требуют самых разных ресурсов: культуры, образования, идентичности, включая местный патриотизм, которые чрезвычайно важны для полноценной жизни в моногороде.

Приведённая выше схема анализа цивилизационного комплекса локальной территории нацелена на исследование прежде всего малых городов, именно моногородов. К ним относятся и такие крупные города, как Череповец,

Северодвинск, но развитие этих городов разительно отличается от малых территориальных поселений. Полученные нами данные о моногородах Ленинградской области (Сланцы, Сясьстрой), Вологодской области (Сокол), Архангельской области (Коряжма) дают очень интересные материалы для сравнения с цивилизационными переменами в малых городах. В Архангельской области город Коряжма – образец такого преобразования, в Вологодской области – город Сокол. Удивительный феномен достаточно существенных различий обнаружился в сравнении двух локальных территорий: города Коряжма и города Сокол. При примерно одинаковой численности населения эти города существенно различаются по основным показателям.

В городах Коряжма и Сокол за последнее десятилетие наблюдается небольшое уменьшение численности населения, но при этом в Коряжме оно существенно больше (с 42 до 36,5 тыс. чел.), чем в Соколе. Однако доходы и расходы местного бюджета, развитие этих городов значимо различаются. Из данных таблицы 22.4 видно, что муниципальное образование город Коряжма имеет расходы бюджета почти в 3 раза больше, чем город Сокол. Это подтверждается данными интервью с главами администрации этих городов летом 2018 г. Удивительное и даже контрастное различие, хотя по структуре промышленности, занятости и доходов оба города очень близки. Оба входят во вторую категорию списка моногородов, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения. В ряде позиций Сокол производит впечатление полудепрессивного города, например – по наличию ветхого и старого жилищного фонда, который практически отсутствует в Коряжме. В Соколе имеется гораздо более богатая индустриальная структура, включающая предприятия целлюлозно-бумажной, картонно-бумажной, деревообрабатывающей, пищевой промышленности, в отличие от Коряжмы, где имеются лишь предприятия АО «Группа «Илим»» (бывший Котласский целлюлозно-бумажный комбинат), на котором за последние два десятилетия от 12,5 тыс. осталось примерно 3600 занятых, и химический завод. Практически в городе одно градообразующее предприятие, вносящее большой вклад в развитие города, например, социальную и культурную инфраструктуру, в частности –

Таблица 22.4

Сравнение показателей развития моногородов Северо-Запада РФ

Индикаторы	Коряжма	Сокол	Сланцы	Пикалёво	Сегежа	Кондопога
Население, чел. 01.01.2017 г. 01.01.2019 г.	37 092 36 224	37 191 36 668	32 838 32 337	20 379 19 981	27 108 26 241	30 802 29 735
Доходы местного бюджета, фактически исполненные, тыс. руб. 31.12.2017 г. 01.01.2019 г.	876 445 1 033 000	314 720 102 700 (план)	322 045 337 306	187 180 191 763	780 637 1 057 704	143 215 Нет данных
Расходы местного бюджета, фактически исполненные, тыс. руб. 31.12.2017 г. 01.01.2019 г.	907 567 1 081 000	312 113 102 700 (план)	301 877 354 503	182 299 181 650	799 668 1 058 061	137 055 Нет данных
Средняя зарплата в 2017 г., руб.	41 365,8	31 651,2	29 646	Нет данных	Нет данных	36 536,4
Средняя зарплата в 2018 г., руб.	44 503,6	35 545,0	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Примечание: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01.01.2018 и 01.01.2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1>; данные об исполнении бюджетов взяты с сайтов муниципалитетов указанных моногородов.

большой спортивный комплекс «Олимп», больничный комплекс. Программа ликвидации ветхого жилья, которая реализуется в стране, в Коряжме реализована лет 10–15 назад. Есть и другие, отличающие оба города показатели, например – уровень владения легковыми автомобилями, которых в Коряжме на порядок больше, чем в Соколе. Социальные сравнительные измерения цивилизационных комплексов локальных территорий позволяют объёмно представить и объяснить потенциал, факторы, ресурсы обновления и саморазвития российских моногородов в региональном и глобальном контекстах.

Для достижения экономического благосостояния, повышения качества жизни, социальной и культурной самореализации населения малых городов имеются совершенно разные накопленные ранее и складывающиеся в настоящее время ресурсы, обеспечивающие социально-территориальные преимущества и воплощаемые в территориальном поведении местных сообществ. Они позволяют жителям моногородов, хотя и крайне неравномерно, обеспечить уровень и стиль жизни по стандартам современности. Следует подчеркнуть, что цивилизационное развитие моногородов и регионов российского общества формировалось в последние двадцать пять лет новыми властными и экономическими элитами, активностью самих граждан. Проекты выстраивания современного цивилизационного комплекса различных территорий осуществимы и эффективны лишь при участии всех акторов моногорода как цивилизационного территориального локального объекта. Российским поселениям разного уровня действительно необходима адаптированная к местным условиям концепция или программа пространственного развития локальных территорий. В нашей терминологии определяем подобного рода планы как стратегический проект развития цивилизационного комплекса локальной территории, пространства, места развития конкретного поселения. Такие ресурсы, как культура, образование, идентичность, включая местный патриотизм, чрезвычайно важны для полноценной жизни в малом городе. Необходима система формирования и реализации институционально закрепляемой стратегии развития цивилизационных комплексов локальных территорий прежде всего

малых и средних населённых пунктов, ориентированных на эффективность муниципального самоуправления, внутренний рынок, ресурсы и баланс и, безусловно, самоорганизацию и активность местных сообществ.

Цивилизационные перемены в малом городе

В условиях продолжающейся радикальной трансформации российского общества эволюция народного хозяйства протекает крайне медленно. Сказывается доминирование государственно-капиталистической экономики сырьевого характера, слабое развитие среднего и малого предпринимательства, инноваций, новых институтов. Реформа политической и правовой системы государства направлена преимущественно на поддержание устойчивости сложившегося порядка административно-политического управления, а не на действенное оперативное стратегическое воздействие на ключевых направлениях. Замедление экономического роста, социально-экономического благосостояния населения, экономической активности требует новых решений в разных областях: промышленности, сельском хозяйстве, секторе услуг. Сокращение численности и старение населения практически во всех регионах страны принуждает власть на всех уровнях искать эффективные ответы в виде различных программ и проектов развития территорий, например – целого ряда Национальных проектов. На этом фоне происходят значимые цивилизационные перемены в жизни малых городов региональных территорий. Привычный, унаследованный от советского времени традиционный уклад подвергается прессу современных требований рыночной экономики, новой системы занятости, новейших информационно-коммуникационных технологий, стандартов потребления, социальных коммуникаций. Происходящие на региональном и локальном уровнях цивилизационные перемены воплощаются в самые разнообразные следствия в форме усиливающейся социальной дифференциации и поляризации, мобильности, перемещений, миграционных настроений.

Задача увеличения цивилизационного потенциала локальных территорий заключается в развитии их как целостности, включая весь комплекс различных ресурсов,

институтов регионального и муниципального управления, социальной и культурной инфраструктуры, население, его занятость, уровень и качество жизни. Собственно, это и есть цивилизационный комплекс малого города и местного сообщества. Цивилизационный анализ развития локальных территорий, в данном случае малого города, направлен на понимание целостности жизненных путей, типологического и особенного в биографии человека, уникальной комбинации времени, обстоятельств, ресурсов и условий местожительства, в той или иной мере доступных индивидам, социальным группам, сообществам и реализуемых ими в жизни. Иными словами, цивилизационный подход означает выявление хронотопа личной и публичной жизни людей разного возраста, жителей локальных территорий, наполняющих проживаемое ими время уникальным содержанием модерности (или современности).

Заключение

Социальные проблемы малых городов как самостоятельных поселенческих образований неаграрного типа неслучайно возникли в фокусе исследований российских и зарубежных учёных. Эти поселения оказались на перекрёстке разных, порой противоречивых тенденций. С одной стороны, во многих странах, таких, к примеру, как Китай, продолжился процесс урбанизации, стягивания населения в крупные мегаполисы. С другой стороны, в развитых странах малые города не только не потеряли значение, но и, напротив, стали точками притяжения для горожан, желающих более спокойной, упорядоченной жизни. Сыграли свою роль развитие новых технологий, дающих возможность удалённой занятости, благоприятная окружающая среда, возможность прямого участия в городских органах власти и продуктивной деятельности на благо местных сообществ.

В исследованиях малых городов нашли применение два подхода. Первый, геопространственный, имеющий географический генезис и развитый в междисциплинарном плане экономистами, экологами, политологами, психологами, культурологами и т. д. во взаимодействии с концептуалистами в области архитектуры и градостроительства, привёл к выделению в 80-х годах прошлого века «нового урбанизма» как такого комплексного подхода к стратегическому планированию городов, в котором особое значение имеют рациональность (ограничения) использования природных ресурсов и воспроизводство местной культуры. В этом подходе предусмотрены процедуры, позволяющие жителям поселения принимать участие в его управлении.

Второй подход, социопространственный, появившийся в начале XX в. как альтернатива геопространственному, стал продуктом социологической рефлексии, рассматривающей города как места интеракции индивидов и групп, как среду, обеспечивающую социальную близость благодаря общему физическому пространству. Развитие обоих подходов, стимулируемое социальной практикой, сблизило их, создало предпосылки для их интеграции. Сегодня мы можем говорить об их коэволюции в общем мейнстриме пространственной науки, где большие (city) и малые (town) города рассматриваются как самостоятельные типы

поселений. Утверждается, что для каждого типа характерны общности с разными ментальными характеристиками, сходным образом проявляющиеся в различных социетальных (национально-государственных) условиях. Если для крупных городов характерна большая свобода социального взаимодействия, возможности реализации индивидуальных способностей и удовлетворения потребностей за счёт дифференцированной экономической и социальной сферы, то в малом городе эти возможности ограничены, отношения людей замкнуты на непосредственные контакты, традиционный образ жизни и социальный контроль.

В рамках интегративного научного подхода малые городские поселения представлены как особый объект комплексного междисциплинарного исследования на социологической основе, дающего возможность синтеза гео- и социопространственных парадигм, использования микс-методологии, сочетающей качественные и количественные методы анализа, прямого выхода на социальные практики. В исследовании установлено, что малые города обладают значительной спецификой, прежде всего, в структурно-территориальном и поселенческо-расселенческом измерении. Характерные параметры жизни малого города обусловлены отдалением от крупного (большого) города. Городские сообщества, включённые в крупные агломерации, стремятся к капитализации значительных преимуществ, которые даёт такое расположение, но при этом, как правило, стараются сохранить относительную автономию и самодостаточность. Столь популярные сегодня административно-территориальные преобразования, в которых «малых» присоединяют к «большим» без учёта особенности и самобытности городов, чреваты социальной напряжённостью (особенно в группах «проигравших»), потерей «лица» поселения, социальной дезинтеграцией и другими негативными последствиями.

Удалённые от больших центров, пространственно-локализованные малые города сами становятся ядрами притяжения близких поселений, образуя социально-территориальные сети в пространстве на десятки и сотни (в малонаселённых местностях) квадратных километров, транслируя другим субъектам этого пространства локально интериоризованные социальные ценности и смыслы, связываю-

щие в единый комплекс экономику, политику, культуру, имиджевые характеристики, выраженные в конкретных формах – названии города, природных и культурных достопримечательностях, связях со значимыми историческими событиями, знатными земляками. В больших городах эти характеристики, как правило, либо вовсе не сохраняются, либо не оказывают существенного влияния на общественное сознание.

Рассматривая вопросы пространственного развития, следует исходить из того, что в современных условиях практически все социально-территориальные образования, в том числе и малые города, подвержены динамичным изменениям. Конечно, содержание и темп этих изменений в разных городских поселениях различаются в широких пределах. Можно сказать, что мы имеем дело с городами не только разных уровней развития, но и разных скоростей. Скорость не обязательно говорит о положительных изменениях, иногда это, напротив, быстрое движение к упадку и деградации. За последнее десятилетие доля благополучных городов с положительной динамикой составила примерно треть, а доля неблагополучных с негативным трендом – примерно четверть от общего количества подобных поселений. Не вошедшие в эти две категории города, а это более 40% от всей их совокупности, можно отнести к числу поселений, не имеющих выраженного тренда. В них отмечается разбалансированность, рассогласование экономической и социальной сфер, диспропорции между отдельными отраслями. Негативные тренды, как правило, затрагивают социальную сферу, в которой происходит воспроизводство местных социумов, их человеческого и социального капиталов.

Социокультурное пространство малых городов, в котором, собственно, и происходит это воспроизводство, тесно связано с социально-экономическим развитием территории. В этом пространственно-временном континууме основные акторы – власть, бизнес, сообщества жителей – действуют практически во всех сферах, имея специфические интересы. Власть, будучи заинтересованной во влиянии на все стороны жизни города и контроле над ней, представлена федеральными органами (прокуратура, полиция, налоговая служба, суды), подотчётными ей отраслями социальной

сферы (образование, здравоохранение, занятость, социальная защита) и собственно местным уровнем (администрация и депутаты), который в большинстве случаев оказывается под влиянием федеральных органов. Бизнес также дифференцирован. Крупный бизнес, имеющий в малом городе дочерние предприятия, заинтересован в получении максимальной прибыли за счёт ресурсов территории. Средний и малый бизнесы, как правило, местные, находятся в положении, когда их возможности влиять на социоэкономическое и социокультурное развитие города, увеличивая человеческий и социальный потенциалы, ограничены. По сути дела, в развитии малого города заинтересовано лишь городское сообщество, рассматривающее движение вперед как важное условие своего воспроизводства. Зафиксированная в нашем исследовании озабоченность местных сообществ существующими проблемами социальной сферы демонстрирует этот непосредственный интерес и потенциал развития. Рассогласование между общими декларациями и реальными делами, нарушающими интересы населения малых городов, отсутствие механизмов, позволяющих полноценно использовать их потенциал, провоцируют неудовлетворённость населения тем, как развивается социальная ситуация. Это чувство обостряется нарастающим «ощущением ненужности», отраженным в данных опросов и экспертных оценках. Это недовольство становится фактором, затрудняющим реализацию выверенной стратегии социально-экономического и социокультурного развития поселений. Ведь такая стратегия не может быть реализована без того, чтобы иметь поддержку, причём активную, со стороны жителей. Без нее не решить насущные проблемы малого города, среди которых первоочередными являются проблемы здравоохранения, образования и досуга.

Постсоветская трансформация российских малых городов, в том числе и моногородов, разворачивалась в схожих культурных формах, что позволяет считать эти перемены цивилизационными. Малые городские поселения, их жители оказались втянуты не только в региональные и национально-социетальные, но и глобальные процессы. Экономика, социальная сфера, культура в этих городах выживали и развивались, если предприятия и их продукция

включались в оборот российской и мировой экономики. Российские малые города, включая моногорода, прошли и проходят чрезвычайно сложный период становления нового уклада и поиска устойчивости. Адаптация к новым условиям осуществляется в процессе становления новых институтов, которые должны соединить государственную поддержку, ресурсы бизнеса, некоммерческих организаций и жителей малых городов. В связи с этим важно видеть глобальные тенденции, учитывать международные установки и зарубежный опыт.

Оценивая издержки и преимущества глобализации и стремясь обеспечить реальный будущий прогресс для человечества, все государства – члены ООН – в 2015 г. одобрили Программу «Устойчивого развития» на период до 2030 г., в рамках одного из главных направлений которой является утверждение «*Новой программы развития городов*». Она содержит стратегические установки на ближайшие десятилетия для множества субъектов (государства, города, регионы, международные организации, финансирующие развитие, представители гражданского общества) в отношении политики и программ, которые дают импульс устойчивой урбанизации, чтобы сделать большие и малые города во всём мире более инклюзивными, более экологичными, безопасными и процветающими.

Зарубежный (в частности, итальянский) опыт показывает, что малые города могут быть значимыми двигателями роста и развития при условии, что государственно-частное сотрудничество содействует этому процессу, поддерживая сложную экономическую и социальную систему, открытую для международных связей, готовую отвечать на вызовы глобализации. Новые бизнес-сети, сформированные в ответ на эти вызовы, действуют внутри и за пределами территории, стремятся внедриться в наиболее выгодные производственные цепочки в рамках хорошо зарекомендовавшей себя модели *гибкой специализации*, основанной на способности компаний быстро реагировать и адаптироваться к колебаниям рынка, к меняющимся вкусам потребителей, к внезапным угрозам во внутренней и внешней средах. В этой модели обеспечиваются принятие быстрых управленческих решений в рабочих группах и организация эф-

фективных информационно-коммуникационных потоков на основе современных форм ИКТ. Модель гибкой специализации вошла в практики малого бизнеса центральной и северной Италии, особенно в глубинке, где преобладают малые и средние города и где культура «индустриального гигантизма» всегда стремилась создавать свои очаги. Здесь компании сотрудничают и конкурируют одновременно, поскольку они нацелены на поиск новых сегментов рынка и инновационных продуктов, которые можно освоить в течение короткого срока производства, опережая запросы потребителя. Взаимоотношения между промышленным районом, малыми и средними городами, которые в нем расположены, имеют ещё одну важную особенность: в основе функционирования местного округа находятся неписанные правила межличностных отношений и общие ценности. Несмотря на стремление к формализации этих отношений, неформальные правила по-прежнему являются фактором, влияющим на производительность и структуру внутри конкретной территории. Промышленные районы в Италии – это структуры, имеющие определённый размер и особый культурный профиль. Исследователи отмечают их влияние, имеющее довольно чёткие последствия: малое и среднее предприятие ценит работника, прежде всего, за содержание его труда, в то время как крупная промышленность оценивает его, прежде всего, в той степени, в которой он помогает ей укрепить её репутацию. В первом случае содержание и условия труда являются более выгодными, а во втором случае история компании и её *бренд* имеют больший вес, независимо от выполняемых задач. При этом брендинг компании и территории (района, города), как правило, имеет согласованные маркеры.

Важно изучать и другой, в том числе негативный опыт социопроостранственной трансформации. В частности, на постсоветском пространстве, наиболее близком для России, имеются некоторые страны, где потоки мобильности направлены главным образом от малого города к большому. По обоснованному заключению специалистов, сбалансированное полицентрическое развитие Латвии в советское время, до 1991 г., к настоящему времени фактически утрачено, а методы и пути реализации полицентризма в современных

рыночных условиях при членстве в ЕС ещё не освоены. Для малых городов в этой стране характерны перманентный кризис рынка труда, сужение инфраструктуры, сокращение численности жителей, снижение качества жизни. В наибольшей степени эти тенденции проявились на периферии: в городах Латгальского региона, краевых промышленных городах (например, Ливаны), районных центрах производства/переработки сельскохозяйственной продукции, которые практически утратили какие-либо значимые перспективы развития. Малые города приграничных территорий Северо-Запада России должны учесть этот опыт, чтобы избежать подобных ошибок. Федеральные и региональные органы власти и бизнес-структуры должны изыскать возможности для поддержки малых городов в российской провинции, предупреждая их деградацию.

В настоящей монографии на основе интегративного подхода предлагается концепция социопространственного развития (трансформации) современного малого города. Она позволяет исследовать и объяснить сложный механизм трансформации советской модели малых городов, ломку их традиционного экономического уклада, возникновение и освоение новых форм хозяйственной деятельности и самоорганизации населения, его социальной структуры, появление и воспроизводство разнонаправленных социально-экономических, социально-психологических и социокультурных эффектов динамично меняющейся жизни местных сообществ.

На трансформацию (развитие) современного российского малого города оказывают значительное влияние такие факторы, как доминирование государственно-капиталистической экономики сырьевого характера, слабое развитие среднего и малого предпринимательства, отсутствие серьёзных инноваций и новых институтов. Реформирование политической и правовой системы государства направлено главным образом на поддержание устойчивости институтов функционирования сложившейся системы политико-административного управления, а не на формирование институтов развития, обеспечивающих ускорение экономического роста, повышение социально-экономического благосостояния населения, стимулирование экономической активно-

сти в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг на основе новейших научно-технологических достижений. Демографический кризис, связанный с резким сокращением численности, дисбалансом естественного воспроизводства и старением населения, также является вызовом для политики в отношении малых городов, особенно на мало-заселённых территориях, которые ещё можно сохранить в региональных и общенациональных интересах.

Малые города с наглядностью продемонстрировали свои преимущества в условиях пандемии, задействовав в короткие сроки эффективные механизмы самоорганизации и адаптации к экстраординарным ситуациям. Они демонстрируют жизненную силу местных сообществ, их способность к выживанию и развитию даже в самых неблагоприятных условиях. На этом фоне особенно заметны значимые, в том числе цивилизационные перемены в жизни малых городов, находящихся на периферийных территориях. Привычный, сформированный ещё в советские времена традиционный уклад подвергается коренным изменениям под влиянием различных факторов: становления рыночных отношений, появления новых форм занятости, повышения требований к человеку, распространения информационно-коммуникационных технологий и т.д. Происходящие на региональном и локальном уровнях трансформационные процессы обнаруживают себя в самых разнообразных формах, приводя к усилению социальной дифференциации и поляризации, мобильности, миграционных перемещениям, распространению установок на отъезд, особенно в рядах молодёжи.

Дальнейшие социологические исследования малых городов представляются перспективными и необходимыми, при условии базирования на интеграционном теоретико-методологическом основании. Данный подход даёт возможность учесть в полной мере социальный потенциал конкретного поселения, сформировать работающую типологию, помогающую создать на этих территориях предпосылки развития.

Библиографический список

1. Аракчеева О. В., Кривдина И. Ю. Миграции населения Нижегородской области // Успехи современного естествознания. 2018. № 12–2. С. 339–344.
2. Барбошина Н. В. Малый город России: в поисках культурного своеобразия // Молодой ученый. 2017. № 21.1(155.1). С. 1–3. URL: <https://moluch.ru/archive/155/43963/> (дата обращения: 13.02.2020).
3. Башкатова А. Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной // Независимая газета. 2011. 09 дек. URL: https://www.ng.ru/economics/2011-12-09/1_nabiullina.html (дата обращения: 16.01.2020).
4. БД ПМО Московской области. Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования. Городские округа Московской области. Городской округ с внутригородским делением Дубна за 2017, 2018, 2019 годы // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=46718000201720182019 (дата обращения: 24.04.2020).
5. БД ПМО Нижегородской области. Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы муниципального образования. Балахнинский муниципальный район. Городское поселение. Город Балахна за 2018 год // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=226051012018 (дата обращения: 20.03.2020).
6. Белова А. В. Роль полусредних городов в развитии эксклавного региона России – Калининградской области: Дис. ... канд. географ. наук: 25.00.24 / Белова Анна Валерьевна; ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта». Калининград. 2017. 198 с.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
8. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / Под. ред. Кейта Динни; пер. с англ. Веры Сечной. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013. 336 с. ISBN 978-5-91657-655-9.
9. Бумкомбинат «Волга» вошел в топ-200 крупнейших экспортеров России // РБК: [сайт]. Н. Новгород. 18 окт. 2016. URL: <https://nn.rbc.ru/nn/freenews/580617259a794748b3df4e5b> (дата обращения: 28.03.2020).
10. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. ISBN 5-86709-005-1.
11. Бурлуцкая М. Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Экономика. Социология. Менеджмент: [сайт]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/178/668/1219/016_Burlutskaya_M.pdf (дата обращения: 01.07.2020).
12. Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. Социология. Этнология. 1997. № 4. С. 53–88.

13. Вакуленко Е. С., Мкртчян Н. В., Фурманов К. К. Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2011. Т. 9. С. 431–450.
14. Вебер М. Город / Пер. с нем. М. И. Левиной; Науч. ред. К. А. Левинсон. М.: strelka press. 2017. 250 с. ISBN 978-5-906264-64-0.
15. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6.
16. Верещагина Т. А., Дегтярев П. Я., Тюнин А. И. Кризис традиционной модели развития малых городов // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 53–60.
17. Видение Арктики. г. Кируна, Швеция, 15 мая 2013 г. // МИД России: [сайт]. 15.05.13. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/ecology/-/asset_publisher/9jm0ASADm3qm/content/id/110278 (дата обращения: 07.05.2020).
18. Воробьева Л. А., Карпенко Е. В. Особенности развития малых городов // Менеджер. 2017. № 2 (80). С. 3–8.
19. Воронов В. В., Рачко Э. Э., Бийжанова Э. К. Оценка конкурентоспособности регионов и управление факторами ее повышения (опыт Евросоюза на примере Латвии) // Социологические исследования. 2012. № 5 (337). С. 69–78.
20. Габдулова Н. Н. Культурное пространство провинциального города // Труды псковского политехнического института. 2007. № 11.1. С. 40–43.
21. Гаман-Голутвина О. В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 24–45.
22. Гармиза В. Подготовка земской реформы 1864 года. Изд. МГУ. 1957. 264 с.
23. Глава Дубны Максим Данилов выступил с отчетом о работе в 2019 году и задачах на 2020 год // Вести Дубны: [сайт]. 06.03.2020. URL: http://indubnacity.ru/novosti/obschestvo/45485_glava-dubny-maksim-danilov-vystupil-s-otchetom-o-rabote-v-2019-godu-i-zadachah-na-2020-god. (дата обращения: 24.04.2020).
24. Горнаева Л. А. Малый провинциальный город в социальной структуре современного российского общества: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Горнаева Любовь Алексеевна; Саратов. гос. техн. ун-т. Саратов, 2002. 363 с.
25. Города России // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Города_России (дата обращения: 02.05.2020).
26. Городские населённые пункты Московской области // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93> (дата обращения: 06.09.2019).
27. Горшков М. К. Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып.16 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2018. С. 6–33.

28. Градостроительные основы развития малых населенных мест: Сел. расселение и города-центры Нечернозем. зоны РСФСР / Е. М. Маков, В. П. Бутозова, В. А. Таратынов, В. В. Мусатов. М. : Стройиздат, 1989. 416 с.
29. *Гуриев С.* Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е изд., переработ. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. 295 с.
30. Гусь-Хрустальный историко-художественный музей // Музеи России: [сайт]. URL: <http://www.museum.ru/M1807> (дата обращения: 20.04.2020).
31. *Гэд Томас.* 4D брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики / Томас Гэд; предисл. Ричарда Брэнсона; [пер. с англ. М. Аккая]. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 232 с. ISBN 5-315-00032-х, 5-315-00017-6.
32. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: «Известия», 2003. 605 с. ISBN 5-206-00619-X.
33. Демографическая обстановка в Нижегородской области за январь – декабрь 2019 года // Правительство Нижегородской области: [сайт]. URL: <https://kreml.government-nnov.ru/?id=253047> (дата обращения: 20.12.2019).
34. Дети в подростковом возрасте: основные факторы самореализации. Результаты исследования. 2019 // Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации: [сайт]. URL: <https://www.ya-roditel.ru/professionals/research/> (дата обращения: 20.12.2019).
35. *Джейн Джекобс.* Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Леонида Мотылева. М.: Новое издательство, 2011. 460 с. ISBN 978-5-98379-149-7.
36. *Джекобс Д.* Города и богатство наций: принципы экономической жизни Новосибирск: Культурное наследие, 2009. 332 с. ISBN 978-5-903718-02-3.
37. *Дидковская А. Н.* Кому доступно высшее образование в России / IQ.HSE RU: [научно-образовательный портал]. 30 января 2017 г. URL: <https://iq.hse.ru/news/190611819.html> (дата обращения: 15.04.2020).
38. *Дмитриев А. В.* Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. 320 с. ISBN 5-8297-0044-1.
39. Доступность высшего образования в России // Отв. ред. С. В. Шихкин. Независимый институт социальной политики. М., 2004. 500 с. ISBN 5-86208-156-9.
40. *Дридзе Т. М.* Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 20–28.
41. Дубна сегодня // naukograd-dubna.ru: [сайт]. URL: <http://www.naukograd-dubna.ru/about/dubnatoday> (дата обращения: 24.04.2020).
42. Дубна, история города // Живая Дубна: [сайт]. URL: <https://dubnalive.ru/gorod/istoriya.html> (дата обращения: 29.04.2020).
43. *Дубровский С. П.* Стратегии социально-экономического развития малых городов // Экономика образования. 2010. № 1. С. 56–59.

44. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с. ISBN 5-02-013399-X.
45. Еманова С. В., Хомутникова Е. А. Дополнительное образование детей и взрослых как фактор формирования досуговой культуры студенческой молодёжи // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 55–56.
46. Епихина Ю. Б. Исследования неравенства в образовании в современной Российской социологии // Вестник РУДН. Серия Социология. 2009. № 4. С. 73–84.
47. Жители Дубны считают свой город самым комфортным и безопасным // Вести Дубны: [сайт]. 31 октября 2016 года. URL: http://indubnacity.ru/novosti/gorodskaya_sreda/zhiteli-dubny-schitayut-svoy-gorod-samym-komfortnym-i-bezopasnym. (дата обращения: 24.04.2020).
48. Заборова Е. Н. Городское управление: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 296 с. ISBN 978-5-7996-1130-9.
49. Завалишин А. Ю. Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ) / А. Ю. Завалишин. М.: РУДН, 2008. 348 с. ISBN 978-5-209-02883-3.
50. Закон Свердловской области от 13 апреля 2017 г. № 34-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Свердловской области» (с изм. на 2 августа 2019 г.) URL: <http://docs.cntd.ru/document/446449432> (дата обращения: 02.10.2019).
51. Замятина Н. Ю. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. М.: Ленанд, 2018. 395 с. ISBN 978-5-9710-5397-2.
52. Занятость населения в Дубне // Дубна.ru: [сайт]. 12.04.2019. URL: <https://dubna.ru/article/2019/04/zanyatost-naseleniya-v-dubne> (дата обращения: 26.02.2019).
53. Зарубежный опыт управления развитием муниципальных образований и его ресурсного обеспечения // economics.studio: [сайт]. URL: <https://economics.studio/finansistam/zarubejnyiy-opyit-upravleniya-razvitiem-90890.html> (дата обращения: 26.02.2019).
54. Захаркин Р. И. Зарубежный опыт социально-экономического развития муниципальных образований и его интеграция в российскую модель местного самоуправления // Правозащитник. 2018. № 1. С. 20–25.
55. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. XII. № 4. С. 86–117.
56. Землянский Д. Ю., Ламанов С. В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 69–74.
57. Зиммель Г. Проблема социологии / Тексты по истории социологии XIX–XX вв. / сост. и отв. ред. В. И. Добренко, Л. П. Беленкова. М.: Наука, 1994. С. 324–339.
58. Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру: [сайт]. 17 января 2016 г. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 10.04.2020).

59. *Зубаревич Н. В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики. 2010. 160 с. ISBN 978-5-903599-10-3.
60. *Зубаревич Н. В.* Социальная дифференциация российского пространства // Гражданское общество в России. Научная электронная библиотека: [сайт]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zubarevich_Tetr_59.pdf (дата обращения: 19.03.2020). Режим доступа: свободный.
61. *Игнатова Т. В., Перевозкин Л. М.* Стратегия социально-экономического развития малых городов: понятие, социальная сущность, принципы // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 60–65.
62. Индекс качества городской среды: сайт. Москва. 2020. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 15.04.2020).
63. Индикаторы образования: 2020: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 496 с. ISBN 978-5-7598-2156-4 (в обл.).
64. Итоги социально-экономического развития городского округа Большой Камень за 2019 год // Сайт органов местного самоуправления городского округа Большой Камень. URL: <http://www.bk.pk.ru/life-town/economy/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-gorodskogo-okruga/economygoal/> (дата обращения: 11.05.2020).
65. Итоги социально-экономического развития городского округа Спасск-Дальний за 2019 год // Официальный сайт городского округа Спасск-Дальний. URL: <http://spasskd.ru/index.php/ekonomikamenu1/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/20392-itogi-sotsial-no-ekonomicheskogo-razvitiya-gorodskogo-okruga-spask-dal-nij-za-2019-g> (дата обращения: 11.05.2020).
66. К разработке Доктрины развития малых городов // Институт демографии, миграции и регионального развития: [сайт]. 6 января 2012 г. URL: <http://www.idmrr.ru/news/00545.html> (дата обращения: 15.02.2020).
67. Как вымирает Россия // РОСБАЛТ: [сайт]. 10 июля 2019 г. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2019/07/10/1791243.html> (дата обращения: 20.02.2020).
68. *Калимуллина Э. Р.* Государственная молодёжная политика в малых городах как механизм антимиграционного воздействия // Современные проблемы развития техники, экономики и общества. Сборник докладов I Международной научно-практической заочной конференции (Лениногорск, 14 марта 2016 г.) / Науч. редактор А. В. Гумеров. Казань: ООО «Рóкета Союз», 2016. С. 180–183.
69. *Касаткина С. С.* Определение концепта малого города в русле системно-семиотического подхода философских исследований // Социодинамика. 2017. № 6. С. 59–65.
70. *Катина Д.* Сколько стоят мигранты. Образование и лечение приезжих оплачивают россияне // Еженедельник «Аргументы и Факты» 2014. 07 мая. № 19.

71. *Ключарев Г. А.* Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 89–105. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Klucharev.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
72. *Ключникова В. Р.* Методический инструментарий оценки социально-экономического развития малых городов: содержание и проблемы использования // Проблемы современной экономики. 2014. № 3. С. 258–260.
73. *Кодина И. Н.* Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты: на материалах Ивановской области: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Кодина Инна Николаевна; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. 248 с.
74. *Козлова О. А., Суханова Н. С.* Роль вуза в социокультурном развитии малых и средних городов России // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. № 1 (6). С. 78–84.
75. *Козырева П. М.* Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 213–235.
76. *Кокарев И.* Соседские сообщества: путь к будущему России / И. Кокарев. 2-е изд., испр. М.: Прометей, 2001. 248 с. ISBN 5-93165-040-7.
77. Конкурс «Исторические поселения и малые города»: официальный сайт. Москва, 2018 – 2020. URL: <https://konkurs2018.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 15.04.2020).
78. Конфликтология // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. 2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.04.2020).
79. Концепция Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие малых городов Российской Федерации на период 2015–2020 гг.» / Министерство экономики Республики Татарстан: [сайт]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/file/КОНЦЕПЦИЯ%20ФЦП%20МГР.pdf> (дата обращения: 02.10.2019).
80. *Коряковцева О. А.* Управление развитием социальной активности молодёжи как ресурс совершенствования системы социального воспитания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 5. С. 105–107.
81. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с. ISBN 5-315-00027-3.
82. *Коулмен Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
83. *Кузьмина Л. Р.* Сущность и роль малых и средних городов в системе территориально-отраслевой организации страны // Научные ве-

- домости БелГУ. Сер. Экономика. Информатика. 2016. № 16 (237). Вып. 39. С. 16–23.
84. *Лазарева Е.* Четыре города Нижегородской области стали победителями Всероссийского конкурса «Малые города и исторические поселения» // Комсомольская правда. 28 февраля 2020 г. URL: <https://www.nnov.kp.ru/online/news/3781266/> (дата обращения: 15.03.2020).
85. *Ланно Г. М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 480 с. ISBN 5-691-00047-0.
86. *Ланно Г. М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с. ISBN 978-5-94881-151-2.
87. *Лыска А. Г.* Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых // Социологические исследования. 2013. № 7 (351). С. 99–104.
88. *Лысова Н. Ю.* Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы // Регионоведение. 2008. № 2. С. 357–359. URL: <https://regionsar.ru/en/node/125> (дата обращения: 20.04.2020)
89. Льюис Козер. Функции социального конфликта. М. «Идея-Пресс». 2000. С. 34–111, 147–167 // textarchive.ru: [сайт]. URL: <https://textarchive.ru/c-1064705-pall.html> (дата обращения: 25.03.2020).
90. *Макогон Т. И.* Местные сообщества и гражданские инициативы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 192–198.
91. *Малева Т. М., Бурдяк А. Я.* Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России // Журнал НЭА. 2016. № 4 (32). С. 62–85.
92. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019. Стат.сб. М. Росстат, 2019. 87 с. ISBN 978-5-89476-481-8. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf (дата обращения: 17.03.2020).
93. Малые города – большие проблемы. Социальная антропология малого города: Сборник статей / Ред. М. Е. Кабицкий, О. Ю. Артемова, М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2014. 358 с. ISBN 978-5-4211-0102-4.
94. Малые города в социальном пространстве России: [монография] / А. Ю. Ардальянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский [и др.]; отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751. ISBN 978-5-89697-323-2. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
95. Малый город // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Малый_город (дата обращения: 02.07.2019).
96. *Манаева И. В.* Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1235–1249. DOI: 10.24891/re.16.7.1235
97. *Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю.* Малые города России: комплексный мониторинг развития. Ч. 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 46–54. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-46-55

98. Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Ч. 2 // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 61–74. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-61-74
99. Маркин В. В., Силин А. Н. Человеческий и социальный потенциал неиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.5
100. Массовые беспорядки в Кондопоге // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовые_беспорядки_в_Кондопоге (дата обращения: 10.04.2020).
101. Мерсиянова И. В. Проблема формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 52–66.
102. Мкртчян Н. В. Миграция молодёжи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2017. № 1 (137). С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15
103. Мкртчян Н. В. Пространственные особенности внутрirosсийской миграции в постсоветский период // Современные исследования миграции населения. Вып. 25 / Под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. М.: МГУ, 2015. С. 94–111.
104. Мониторинг региональных проблем доступности высшего образования. Информационный бюллетень / А. С. Ключев [и др.]. Екатеринбург, 2006. 143 с.
105. Муниципальная программа города Дубны Московской области «Предпринимательство и инвестиции» на 2015-2019 г. Дубна, 2014 // Инвестиционный портал наукограда Дубна: [сайт]. URL: <https://dubnainvest.com/sites/default/files/pdfs/mun-prog-dubna.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).
106. Мусорный кризис в России // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мусорный_кризис_в_России#Антимусорные_протесты_в_Подмосковье (дата обращения: 10.04.2020).
107. Мышкин // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мышкин>. (дата обращения: 20.04.2020).
108. Нефедова Т. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). URL: <https://strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi> (дата обращения: 20.05.2020).
109. О внесении изменений в постановление Правительства Нижегородской области от 17 апреля 2006 года № 127. Правительство Нижегородской области. Постановление от 20 марта 2009 года № 130 // Кодекс: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/944938515> (дата обращения: 15.04.2020).
110. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296 (ред. от 13.05.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации.

- URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201405050030?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 15.04.2020).
111. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития наукограда Дубна на 2017-2026 годы и Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития наукограда Дубна на 2017-2026 годы» РС-1(36)-3 от 18.01.2017 г. // Официальный интернет-портал органов местного самоуправления городского округа Дубна Московской Области. URL: <http://www.naukograd-dubna.ru> (дата обращения: 24.04.2020).
112. Обзор крупнейших наукоградов России // via Future: [сайт]. URL: <https://viafuture.ru/privlechenie-investitsij/naukogrady-rossii> (дата обращения: 10.02.2019).
113. Обзор российских моногородов. Аналитический доклад ИКСИ. Июнь 2017 г. // ИКСИ: [сайт]. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 15.04.2020).
114. Образование в России, 2003: Стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России); Ред. кол.: М. Н. Сидоров [и др.]. М.: Госкомстат России, 2003. 414 с. ISBN 5-89476-140-9.
115. *Омельченко Е. Л.* Начало молодёжной эры или смерть молодёжной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 2. С. 151–183. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-molodezhnoy-ery-ili-smert-molodezhnoy-kultury-molodost-v-publichnom-prostranstve-sovremenности> (дата обращения: 07.05.2020).
116. *Омельченко Е. Л., Лукьянова Е. Л.* Образовательные сети нижегородских вузов в фокусе доступности высшего образования // Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С. В. Шишкин; Независимый институт социальной политики. М., 2004. С. 242–286
117. *Орлов К.* Развитие предпринимательства – залог развития Дубны // BezFormata: [сайт]. 11 января 2019. URL: <https://dubna.bezformata.com/listnews/predprinimatelstva-zalog-razvitiya-dubni/37608672/> (дата обращения: 27.04.2020).
118. *Осипов Г. В.* Российская академия наук – три века служения Отечеству / Г. В. Осипов; ИСПИ РАН. М.: ИСПИ РАН, 2013. 358 с. ISBN 978-5-7556-0484-0.
119. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области: [сайт]. URL: https://nizhstat.gks.ru/main_indicators. (дата обращения: 16.01.2020).
120. Особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Дубна»: официальный сайт. Дубна, 2005 – 2020. URL: <http://oezdubna.ru/about/history>. (дата обращения: 24.04.2020).
121. От классического вуза к университету третьего поколения – ректор «Дубны» о планах развития / Д. М. Фурсаев; записала А. Ирисова // Правительство Московской области: [сайт]. 27.11.2018 – 17.05.2019. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/ot-klas-sicheskogo-vuza-k-universitetu-tretego-pokoleniya-ректор-dubny-o-planakh-razvitiya>. (дата обращения: 24.04.2020).

122. Отчёт врио Губернатора Нижегородской области о результатах деятельности Правительства области за 2017 год на заседании Законодательного Собрания Нижегородской области. 31 мая 2018 г. // Правительство Нижегородской области: [сайт]. 9 июня 2018. URL: <https://government-nnov.ru/?id=214458> (дата обращения: 18.02.2020).
123. Отчёт о научно-исследовательской работе Приволжского филиала ИС РАН в 2014-2016 гг. «Изучение динамики изменений социально-политической ситуации в различных регионах Приволжского федерального округа» / Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; рук. С. В. Устинкин. Нижний Новгород, 2017. 74 с. Исполн.: А. Ю. Труфанов, Н. М. Морозова, А. И. Самсонов, П. И. Куконков. Библиогр.: с. 74. № ГР 02140051145. Инв. № 05324348675.
124. Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 года // Росстат: [сайт]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm (дата обращения: 10.05.2020).
125. Павлов Ю. В. Влияние численности населения на экономическую эффективность модели управления городской агломерацией. Статистика и экономика. Т. 14. № 3. 2017. С. 92–104. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-3-92-104
126. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. 2-е изд. доп. СПб.: Питер, 2006. 416 с. ISBN 5-469-00706-5.
127. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Пер. с англ. Н. Л. Поляковой // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122.
128. Пациорковский В. В. Аналитические ресурсы территориальных исследований. База данных «Муниципальная Россия» // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. Ч. 1. С. 226–233. ISBN 978-5-93299-420-7 (ч.1).
129. Пациорковский В. В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с. ISBN 978-5-89997-040-5.
130. Пациорковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. База данных «Муниципальная Россия» // Статистика как средство международных коммуникаций. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2014. С. 358–360.
131. Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3 С. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589 URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_30/Patsiorkovsky_i_dr.pdf (дата обращения: 10.05.2020).
132. Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Муниципальные образования России со стабильной численностью населения // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 47–65. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00026
133. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 527 с. ISBN 5-85270-230-7.
134. Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Том 22. № 9. С. 11–19.

135. Пикалёво. Социально-экономический кризис 2008-2009 годов // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пикалёво> (дата обращения: 10.04.2020).
136. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории, СПб: Кристалл, 1997. 838 с.
137. Подсвинова А. В. Малые города России: специфика и факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 52–55.
138. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. О тенденциях занятости работающего населения // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 54–59. DOI: 10.7868/S0132162517070066
139. Покровский Н. Е., Николаева У. Г., Демидова Ю. А. Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 12. С. 71-80. DOI: 10.31857/S013216250007752-0
140. Попова Т. В Среднеуральске «пахнет дымом» ... После досрочной отставки мэра жители всерьез опасаются, что власть в городе перейдет... к местной «управляшке» // Урал Ведомости: [сайт]. 25.01.2019. URL: <http://vedomostiural.ru/main/71170/> (дата обращения: 06.08.2019).
141. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова, С. Л. Барышева [и др.]; Ред.: Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова. М.: Логос, 2014. 495 с. ISBN: 978-5-98704-714-9.
142. Программа развития малых городов и районов России // Институт демографии, миграции и регионального развития: [сайт]. URL: <http://www.idmrr.ru/00746.html> (дата обращения: 15.02.2020).
143. Протесты в Шиесе // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_в_Шиесе (дата обращения: 10.04.2020).
144. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании III Международного арктического форума «Арктика – территория диалога». г. Салехард // Президент России: [сайт]. 25.09.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19281> (дата обращения: 15.04.2020).
145. Пясецкая Е. Н. Местное сообщество и муниципальное управление: трансформация взаимодействия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 9 (сентябрь). С. 61–65. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15311.htm> (дата обращения: 19.03.2020).
146. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р. (в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 668-р) Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) // Правительство России: [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf> (дата обращения: 18.02.2020).
147. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской

- Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html/> (дата обращения: 05.02.2020).
148. Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320891/ (дата обращения: 15.04.2020).
149. *Рассеко Ю. Ю.* Многоаспектное определение понятия «малый город» // Вестник МДУ имя А. А. Кулешова. Экономика, сацьялогия, права. 2015. № 2 (46). С. 21–30.
150. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России // М. К. Горшков, А. Г. Гусейнов, А. В. Дмитриев [и др.]; Под ред. М. К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2015. 624 с. ISBN 978-5-94881-290-8.
151. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 443 с. ISBN 978-5-89476-464-1 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/reg-gor18.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).
152. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/Main.htm (дата обращения: 10.11.2018).
153. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 10.05.2020).
154. *Рейтова М. Н.* Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи // Социологические исследования. 2004. № 6 (242). С. 139–143.
155. Российская провинция и её обитатели (опыт наблюдения и попытка описания / С. Г. Кордонский, Ю. М. Плюснин, Ю. А. Крашенинникова [и др.] // Мир России. 2011. № 1. С. 3–33.
156. Российский статистический ежегодник. 2018 Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2018. 694 с. ISBN 978-5-89476-456-6. URL: <https://org.gnicpm.ru/wp-content/uploads/2019/01/year18.pdf> (дата обращения: 10.11.2018).
157. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2019. 549 с. ISBN 978-5-89476-465-8. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/rus19.pdf> (дата обращения: 27.04.2020).
158. Россия и Канада: арктические гиганты: Материалы Седьмых Канадских чтений. СПб., 5–6 апреля 2019 г. / Под ред. Ю. Г. Акимова, К. В. Минковой. Ч. I. СПб.: СКИФИЯ-принт, 2019. 436 с. ISBN 978-5-98620-363-8.
159. Россия. Хроника основных событий IX – XX вв. / С. С. Илизаров [и др.]. М., РОССПЭН, 2002. 894 с. ISBN 5-8243-0356-8.
160. *Ростовская Т. К., Саралиева З. Х.* Особенности и жизненные стратегии молодых мигрантов из национальных республик Российской федерации, проживающих в Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 1. 2018. С. 72–85. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-1-72-85

161. РСПП Социально-ответственное предпринимательство в Арктической зоне РФ: официальный сайт. Москва, 2020. URL: <http://www.arctic-social.biz> (дата обращения: 15.04.2020).
162. *Рязанцев И. П., Завалишин Ю. А.* Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический проект, 2006. 464 с. ISBN: 5-8291-0732-5.
163. Свод правил СП 42.13330.2016 «СНиП 2.07.01-89*. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». Пункт 4.4. Приказ Минстроя и ЖКХ Российской Федерации от 30.12.2016 № 1034. Официальное издание, актуализированная редакция. М.: 2016. 98 с.
164. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. СП 42.13330.2011. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084712> (дата обращения: 12.02.2019).
165. Свод правил. СП 42.13330.2011. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (утв. Приказом Минрегиона РФ от 28.12.2010 № 820). 84 с. // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской информационно-методический центр «Доступная среда»: [сайт]. URL: <https://www.dostupnigorod.ru/wp-content/uploads/2015/11/sp-42.13330.2011.pdf> (дата обращения: 17.03.2020).
166. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир. Июль, 2018 / Институт экономики роста им. Столыпина П. А.: [сайт]. URL: <http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/07/issledovanie-ier-msp-27.07.18.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).
167. *Секушина И. А.* Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2 (29). С. 84–93. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-2-84-93
168. *Селиверстова Н. А., Короткая Н. Д., Габитус* // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 311–316. DOI: 10.17805/zpu.2015.4.30
169. *Селиверстова Н. А., Юмашева Н. Д.* Чтение в студенческой среде: Опыт социологического исследования. М.: Московский гуманитарный университет, 2009. 108 с.
170. *Силин А. Н.* Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири / Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 109–123. DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.7
171. *Силин А. Н., Юдашкин В. А.* Инновационные технологии социально-экономической интеграции Тюменской области как фактор повышения уровня и качества жизни населения // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 54–63.
172. *Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д.* Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 36–49. DOI: 10.24411/1561-7785-2018-21-4-04
173. Система дополнительного образования как определяющий фактор формирования и развития интеллектуального капитала

- современной молодёжи / Э. Д. Ананьина, Т. А. Осипов, М. А. Павлюк, С. А. Сафонов, М. О. Татура, Д. С. Шарафеева // Интеллектуальный капитал в XXI веке. Сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; науч. ред.: Т. И. Грабельных. Иркутск: Из-во «Оттиск», 2019. С. 139–142.
174. Система муниципального управления / В. Б. Зотов [и др.]; под ред. В. Б. Зотова. М.: КНОРУС, 2018. 680 с. ISBN 978-5-406-06105-3.
175. Слинкин С. В., Бельская Н. Л. Вуз в малом городе: исторические аспекты и тенденции развития // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: <http://science-education.ru/article/view?id=8886> (дата обращения: 30.03.2020).
176. Слободян Е. Численность студентов и количество мест в вузах в России. Инфографика // Аргументы и факты. 2020. 24 апреля. URL: https://aif.ru/society/education/chislennost_studentov_i_kolichestvo_mest_v_vuzah_v_rossii_infografika (дата обращения: 11.05.2020).
177. Сморгочова В. И., Харлампыева Н. К. Социальные инновации в Арктических муниципалитетах как фактор устойчивого развития / В. И. Сморгочова, Н. К. Харлампыева // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 30–39.
178. Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике / Х. Беркинг, М. Лёв [и др.]; Отв. ред. Х. Беркинга, М. Лёв. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с. ISBN 978-5-4448-0630-2.
179. Соловьёв С. М. Об истории древней России. М.: Просвещение, 1992. 544 с.
180. Сорокин П. А. Структурная социология // Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / Общ. ред., предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 543 с. ISBN 5-250-01297-3.
181. Список городов России // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_городов_России (дата обращения: 07.08.2019).
182. Спицин А. Всероссийский форум «Развитие малых городов и исторических поселений» стартовал в Нижегородской области // Знамя труда. 24.10.2019. URL: <http://moyaokruga.ru/znamiatruda-niz/Articles.aspx?articleId=298566> (дата обращения: 21.02.2020).
183. Стась А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды. М.: Группа ИДТ, 2009. 208 с. ISBN 978-5-94833-084-6.
184. Статистика населения. URL: <https://all-populations.com/> (дата обращения: 02.05.2020).
185. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова [и др.]; Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Изд-во «Весь мир», 2018. 312 с.
186. Стратегия развития Нижегородской области: сайт. Нижний Новгород. 2020. URL: <https://strategy.government-nnov.ru/> (дата обращения: 23.03.2020).
187. Таршис Е. Я. Ментальность человека: подходы, концепции и постановка задач исследования. М.: Институт социологии РАН, 1999. 122 с. ISBN 5-89697-034-X.

188. Тённис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии* / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2002. 450 с. ISBN 5-93615-020-8.
189. Технологии и медиа // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/ (дата обращения: 3.02.2020).
190. *Торопцев А. П.* Москва. Путь к империи. М.: Тверская, 13, 2000. 640 с.
191. *Тургель И. Д.* Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: РАГС при Президенте РФ, Уральская акад. гос. Службы, 2010. 519 с. ISBN 978-5-8056-0255-0.
192. Федеральная служба статистики: сайт. Москва, 1999 – 2020. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst46&r=46718000 (дата обращения: 23.04.2020).
193. Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ: [принят Государственной Думой 3 июля 2015 года; одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 года] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 14.04.2020).
194. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 14.04.2020).
195. Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 № 119-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 14.04.2020).
196. Федеральный проект «Культура малой Родины» // Единая Россия: [сайт]. URL: <https://proekty.er.ru/node/6605> (дата обращения: 20.05.2020).
197. *Филиппов А. Ф.* Социология пространства. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. 290 с. ISBN 978-5-93615-078-4.
198. *Флоринская Ю. Ф.* Миграция и демографическая ситуация в России: лекция // Российский красный крест [сайт]. 18 апреля 2018. URL: http://spbredcross.org/images/pr_grant/__2018.pdf (дата обращения: 26.09.2019).
199. Центр занятости населения г. Дубна: официальный сайт. Дубна, 2020. URL: <http://czn-dubna.ru/> (дата обращения: 24.04.2020).
200. *Чепуренко А. Ю.* Гибкость организационной структуры и типология неформального малого предпринимательства в России. По данным лонгитюдного исследования (2013–2015 гг.) // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 4. С. 39–69.
201. *Черныш М. Ф.* Социальная мобильность в российском и китайском мегаполисах // Россия реформирующаяся: Ежегодник. 2010. Вып. 9. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 151–168.

202. Чернышова Е. А. Тенденции развития системы расселения России и место малых городов // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 1 (79). С. 126–129.
203. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с. ISBN 978-5-7598-1579-2.
204. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105.
205. Численность населения в разрезе городских округов и муниципальных районов // Приморскстат: [сайт]. 10.04.2019. URL: [https://primstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C\(1\).htm](https://primstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C(1).htm) (дата обращения: 10.05.2020).
206. Шитова Ю. Ю., Шитов Ю. А. Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в подмосковье (на примере г. Дубны) // Проблемы прогнозирования. № 4 (109). 2008. С. 112–122.
207. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социокультурная преемственность в российской семье (Опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 5–27.
208. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц; сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с. ISBN 5-93947-012-2.
209. Экономика Латвии: общая информация и структура // Zaganportal: [сайт]. URL: <https://zaganportal.ru/latviya/finansy-latviya/ekonomika-latvii.html> (дата обращения: 16.04.2020).
210. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.: СПб: Университетская книга, 2001. 332 с. ISBN 5-94483-011-5.
211. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.: СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с. ISBN 5-94483-008-5.
212. Яницкий О. Н. К вопросу о пространственной организации РФ // Институт социологии: [сайт]. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_127.html (дата обращения: 26.02.2019).
213. Яницкий О. Н. Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 52–64.
214. Ястребов Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. II // МирРоссии. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 6–36.
215. Accornero A. Il mondo della produzione. [The Production' World] / Ed. P Mulino. Bologna, 2013. 352 p.

216. *Andrienko Y., Guriev S.* Determinants of Interregional Mobility in Russia. Evidence from Panel Data // *Economics of Transition*. 2004. Vol. 12 (1). P. 1–27.
217. Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. 505 p. ISBN 978-92-893-3881-3 // Norden. diva-portal [сайт]. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:788965/FULLTEXT03.pdf> (дата обращения: 07.05.2020).
218. Associazione Artigiani e PiccoleImprese Mestre – CGIA. 2019: Rapporto [Report] perl’Associazione per la Sussidiarietà e la Modernizzazione Degli Enti Locali – ASMEL, Mestre (VE). URL: <http://www.asmel.eu> (дата обращения: 26.12.2019).
219. *Bennett A.* The post-subcultural turn: some reflections 10 years on // *Journal of youth studies*. 2011. T. 14. № 5 (5). С. 493–506.
220. *Blau P. M., Duncan O. D.* The American Occupational Structure. NY., L., Sydney: John Wiley & Son, Inc., 1967. P. 243–275. DOI: 10.1080/13676261.2011.559216
221. *Bodei R.* The Shared Future or Global Uncertainty // *International Letter*. 2010. № 106.
222. *Bulderberga Z.* The assesment of urban-rural relations in Lavian regions. Jelgava: LLU, 2014. 165 p.
223. Camera di Commercio di Pisa: Manualed’uso, Marchio Terre di Pisa: [сайт]. Pisa, 2018. URL: <http://www.terredipisa/wp-content/uploads/2018/05/terre-di-pisa-brand-manual-generale.pdf> (дата обращения: 26.12.2019).
224. Central Statistical Bureau of Latvia. Statistical Yearbook of Latvia 2019. Riga: CSB, 2020. 226 p.
225. Centrālā statistikas pārvaldes datubāze SBG040. Uzņēmumu uzņēmējdarbibas rādītāji apstrādes rūpniecībā pēc tehnoloģiskās intensitātes. 2019. URL: https://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/uzn/uzn__uzndarb/SBG040.px (дата обращения: 15.04.2020).
226. Centrālās statistikas pārvaldes dati. 2019 MBG010. Mājsaimniecību patēriņa izdevumu struktūra (%). URL: https://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/sociala/sociala__mb__izdevumi/MBG010.px (дата обращения: 16.04.2020).
227. Confederazione Italiana Agricoltori – CIA. Documento base per l’incontro AGIA-CIA e il ministro dell’agricoltura italiano. [Basic document for the AGIA-CIA meeting with the Italian Minister of Agriculture]. Roma, 2014/ URL: <https://www.cia.it> (дата обращения: 26.12.2019).
228. Confederazione Nazionale Coltivatori Diretti – COLDIRETTI. Il ritorno degli giovani alla terra. [The Return of Young People to Land]. Indagine (Survey) Coldiretti/Ixè, Roma, 2014. URL: <http://www.coldiretti.it> (дата обращения: 26.12.2019).
229. *Desmet K., Rossi-Hansberg E.* Spatial Development. *American Economic Review*. 2014. Vol. 104 (4). P. 1211–1243. DOI: 10.1257/aer.104.4.1211
230. ESDP. European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the EU. European

- Communities. Luxembourg[^] Office for Official Publications of the European Communities. 1999. 83 p.
231. Eurispes Istituto di Studi Politici Economici e Sociali: 23° Rapporto Italia. Percorsi di ricercanellasocietàitaliana. [Italy 23rd Report. Research Paths in Italian Society]. Eurilink, Roma, 2011. URL: <https://eurispes.eu> (дата обращения: 26.12.2019).
232. European Commission – SMES. 2012. URL: <https://www.statista.com/statistics/878412/number-of-smes-in-europe-by-size/>; https://ec.europa.eu/eurostat/statistics_explained/index.php/Statistics_on_small_and_mediumsized_enterprises#General_overview (дата обращения: 26.12.2019).
233. *Fajgelbaum P. D., Gaubert C.* 2020. Optimal Spatial Policies. Geography and Sorting // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 135 (2). P. 959–1036. DOI: 10.1093/qje/qjaa001
234. Final Report: Benchmarking of Business Incubators. Centre for strategy and evaluation services. European Commission Enterprise Directorate General. Brussels, February 2002. 12 p.
235. *Ganzeboom H. B. G., Treiman D. J.* The International Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status // Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables / J. H. P. Hoffmeyer- Zlotnik, C. Wolf (Eds.). NY: Kluwer Academic Press, 2003. P. 159–193.
236. *Ganzeboom H. B. G., Treiman D. J., Ultee W. C.* Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // Annual Review of Sociology. 1991. Vol. 17. P. 277–302.
237. Governo Italiano – Presidenza Consigliodei Ministri – Dipartimento Programmazione Economica: Strategia Nazionale per le Aree Interne 2019. Roma, 2019. URL: <http://www.programmazioneeconomica.gov.it/2019/05/23>(дата обращения: 26.12.2019).
238. *Harvey D.* Città ribelli [Rebel Cities] / Ed. Il Saggiatore. Milano, 2013.
239. *Harvey D.* Social Justice and the City. Athens and London. The University of Georgia Press, 2009. 368 p.
240. *Hauser R. M., Featherman D. L.* Socioeconomic Achievement and City Size // The Process of Stratification: Trends and Analyses. NY, SF, L.: A Subsidiary of Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1977. P. 249–269.
241. *Howard E.* Garden-cities of Tomorrow. Massachusetts. MIT Press, 1965. 168 с.
242. I Distretti industriali // Istituto Nazionale Statistica – ISTAT: [сайт]. Roma, 2011. URL: <https://www.istat.it/it/archivio/150320> (дата обращения: 26.12.2019).
243. Ilgstspejigas attistibas stratēģija līdz 2033.gadam.Tukums: Tukumnovada dome, 2014. 63 p.
244. *Karachurina L., Mkrtychyan N.* Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990-2000s // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2015. № 28. P. 91–111. DOI: 10.1515/bog-2015-0018
245. *Krūzmētra Ž.* Settlement changes in rural suburban areas in Latvia. Doctoral thesis. Rīga: LU, 2011. 139 p.

246. Lane A. Occupational Mobility in Six Cities // American Sociological Review. 1968. Vol. 33. № 5. P. 740–749.
247. Latvijas pilsētas. Pilsētas. lv Informatīvais portāls. URL: <http://pilsetas.lv/lv/pilsetas> (дата обращения: 16.04.2020).
248. Latvijasstatistikas gadagrāmata, 2019. Rīga: Centrālāstatistikaspārvalde, 2019. 228 p.
249. Miles S. Youth lifestyles in a changing world. - McGraw-Hill Education (UK), 2000.
250. Miller S. M. Comparative social mobility // Current Sociology. 1960. № 9. P. 1–89.
251. Mueller C. W. City Effects on Socioeconomic Achievements: The Case of Large Cities // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 5. P. 652–667.
252. Osservatorio [Smart Working]. Università Politecnico di Milano. 2019. URL: <https://www.digital4.biz/hr/hr-transformation/politecnico-di-milano-smartworking-si-puo-e-si-deve/> (дата обращения: 26.09.2019).
253. Patsiorkovsky V., Fugita S., O'Brien D. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast // International Migration Review. 1995. Vol. 29. P. 566–575.
254. Piore M. J., Sabel C. F. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. Basic books. New York, 1984. 355 p.
255. Pūle B. Corporate income tax as an instrument in promotion of Latvian regional development. Jelgava: LLU, 2014. 44 p.
256. RDIM: Regional development indicators module // RAIM.gov.lv: [сайт]. URL: <https://raim.gov.lv/ru/node/39> (дата обращения: 15.04.2020).
257. Regione Umbria, Servizio Comunicazione – Sezione Marketing Istituzionale: Bollo Rosso [Red Brand]. Perugia, 2019 // Regione Umbria: [сайт]. URL: <http://www.regione.umbria/la-regione/bollo> (дата обращения: 26.12.2019).
258. Sanetti F. Il futuro dell'occupazione: lo smart-working tra rischi e opportunità. Tesi di laurea. Dipartimento di Comunicazione e Ricerca sociale, Sapienza Università di Roma, anno accademico 2017/18. Roma, 2018. Pp. 65-66.
259. Sorokin P. A. Social and Cultural Mobility. NY: The Free Press, L.: Collier-Macmillan Limited. 1964. P. 108–128.
260. Spaliviero M., Boerboom L., Gibert M., Spaliviero G. & Bajaj M. 2019. The Spatial Development Framework to facilitate urban management in countries with weak planning systems // International Planning Studies. Vol. 24 (3–4). P. 235–254. DOI: 10.1080/13563475.2019.1658571
261. United Nations: New Urban Agenda – NUA. Dichiarazione Finale approvata alla conferenza internazionale // Habitat III: [сайт]. Quito (Ecuador), 2016. URL: <http://habitat3.org/the-new-urban-agenda/> (дата обращения: 26.12.2019).
262. United Nations: The Future is New: Science for Achieving Sustainable Development. Global Sustainable Development Report – GSDR, 2019. New York, 11 Settembre 2019. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/globalsdreport/2019> (дата обращения: 26.12.2019).

263. United Nations: Transforming our World. The 2030 Agenda for Sustainable Development, A/RES/70/1, New York, 2015. URL: <https://www.sustainabledevelopment.un.org> (дата обращения: 26.12.2019).
264. Valmieras pilsētas attīstības programma 2015 – 2020 gadam. Valmiera: Valmieras pilsētas pašvaldība, 2015. 32 p.
265. *Valtenbergs V., Fermin A., Grisel M., Servillo L., Vilka I., Liviņa A., Bērskalne L.* Challenges of Small and Medium-Sized Urban Areas (SMUAs), their economic growth potential and impact on territorial development in the European Union and Latvia. Valmiera: Vidzeme University, 2015. 158 p.
266. *Vitola A., Hermansons Z.* Latvijas pilsētu sociālekonomiskās attīstības līmeņa un tempa novērtējums. Rīga: RTU, 2010. 155 p.
267. *Zaluksne V.* The urban system in Latvia and its development prospects. Jelgava: Latvia Agriculture University, PhD Thesis, 2014. 155 p.
268. *Zobena A.* VRAA pētījums “Priekšlikumu sagatavošana Latvijas pilsētu politikas izstrādei.” Rīga: Valsts Reģionālās Attīstības Aģentūra, 2009. 156 p.
269. Centrālās statistikas pārvaldes datu bāze Iekšzemes kopprodukts pa darbības veidiem (NACE 2.red.) pa ceturkšņiem (tūkst. euro) 2019. IK10_040c. URL: http://data1.csb.gov.lv/pxweb/lv/ekfin/ekfin_ikp_IKP_is-term/IK10_040c.px/table/tableViewLayout1/?rxid=d8284c56-0641-451c-8b70-b6297b58f464 (дата обращения: 15.04.2020).

Сведения об авторах

Ардальянова Анна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, Россия, ardy2004@mail.ru

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент, Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru

Воронов Виктор Васильевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, viktor.voronov@du.lv

Воропаева Ася Васильевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, voropaeva@isras.ru

Горшков Михаил Константинович – академик РАН, доктор философских наук, директор ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, director@isras.ru

Егоров Валерий Кузьмич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, Egorov.vana@yandex.ru

Епихина Юлия Борисовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, заместитель декана (Социологический факультет ГАУГН). Москва, Россия, epikhina@gmail.com

Заборова Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной социологии, Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, Россия, ezaborova@yandex.ru

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, uzubok@mail.ru

Кинсбургский Александр Владимирович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, alex_kins@mail.ru

Клейменов Михаил Вячеславович – кандидат социологических наук, доцент, Уральский государственный экономический университета. Екатеринбург, Россия, k-mihaell@mail.ru

Козловский Владимир Вячеславович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, директор Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН. Санкт-Петербург, Россия, v.kozlovskiy@socinst.ru

Коростелева Лариса Юрьевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, larisa_55@rambler.ru

Куконков Павел Иванович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН. Нижний Новгород, Россия, kukonkov_pavel@rambler.ru

- Леденева Виктория Юрьевна** – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, Vy.ledeneva@yandex.ru
- Майкова Элеонора Юрьевна** – доктор философских наук, зав. кафедрой социологии и социальных технологий, проректор по учебной работе, Тверской государственный технический университет. Тверь, Россия, maykova@yandex.ru
- Мальшев Михаил Львович** – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, anpi_2006@mail.ru
- Маркин Валерий Васильевич** – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, markin@isras.ru
- Марко Ричери (Marco RICCI)** – эксперт, и.о. генерального секретаря Института политических, экономических и социальных исследований EURISPES (www.eurispes.eu), «Почетный доктор» Института Европы Российской академии наук, ИЕ РАН. Москва, Россия, Eurispes.intldept@libero.it
- Марков Евгений Мануилович** – академик Международной Академии менеджмента, член Наблюдательного совета конкурса управленцев «Менеджер года», президент «Союза малых городов Российской Федерации», вице-президент Российской муниципальной академии. Москва, Россия, smgrf@smgrf.ru
- Морозова Наталья Михайловна** – кандидат политических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; заместитель директора Приволжского филиала ФНИСЦ РАН. Нижний Новгород, Россия, 4379037@gmail.com
- Пациорковский Валерий Валентинович** – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, patsv41@gmail.com
- Пешкова Вера Михайловна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, pever@mail.ru
- Ренато Фонтана (Renato FONTANA)** – профессор кафедры «Сложных организационных систем», факультет коммуникаций и социальных исследований, Римский университет Сапиенца. Рим, Италия. renato.fontana@uniroma1.it
- Роговая Анастасия Владимировна** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, av_rogovaya@mail.ru
- Руза Оксана Павловна** – доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, Институт гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский Университет. Латвия. Даугавпилс. oksana.ruza@du.lv

Силин Анатолий Николаевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник, Тюменский индустриальный университет. Тюмень, Россия, sm-2004@rambler.ru

Симонова Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, Тверской государственной технической университет. Тверь, Россия, Simonova-E-V@yandex.ru

Труба Анатолий Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства; профессор Российский новый университет. Москва, Россия, truby.anatoly@yandex.ru

Устинкин Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор; декан факультета международных отношений, экономики и управления, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; директор Приволжского филиала ФНИСЦ РАН. Нижний Новгород, Россия, sv.ustinkin@gmail.com

Черныш Михаил Федорович – член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, mfche@yandex.ru

Чумиков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, chumikov@pr-club.com

Чупров Владимир Ильич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия, chuprov443@yandex.ru

Юдашкин Валентин Андреевич – кандидат социологических наук, директор Западно-Сибирского филиала ФНИСЦ РАН. Тюмень, Россия, wsb-isras@mail.ru

Научное издание

Черныш Михаил Федорович, **Маркин** Валерий Васильевич,
Ардальянова Анна Юрьевна, **Винокурова** Анна Викторовна,
Воронов Виктор Васильевич, **Воропаева** Ася Васильевна,
Егоров Валерий Кузьмич, **Епихина** Юлия Борисовна,
Забонова Елена Николаевна, **Зубок** Юлия Альбертовна,
Кинсбургский Александр Владимирович, **Клейменов** Михаил Вячеславович,
Козловский Владимир Вячеславович, **Коростелева** Лариса Юрьевна,
Куконков Павел Иванович, **Леденева** Виктория Юрьевна,
Майкова Элеонора Юрьевна, **Мальшев** Михаил Львович, **Ричери** Марко,
Марков Евгений Мануилович, **Морозова** Наталья Михайловна,
Пациорковский Валерий Валентинович, **Пешкова** Вера Михайловна,
Фонтана Ренато, **Роговая** Анастасия Владимировна,
Ружа Оксана Павловна, **Силин** Анатолий Николаевич,
Симонова Елена Валерьевна, **Труба** Анатолий Сергеевич,
Устинкин Сергей Васильевич, **Чумиков** Александр Николаевич,
Чупров Владимир Ильич, **Юдашкин** Валентин Андреевич

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ: СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ

Редактор *Н. Н. Никс*
Корректор *В. В. Камышан*
Компьютерная верстка *Е.В. Чичилов*

Подписано в печать 28.10.2020
Усл. печ. л. 33,0. Тираж – 500 экз.

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
Тел: +7 (499) 125-00-79
E-mail: fnisc@isras.ru

ISBN 978-5-89697-335-5

9 785896 1973355

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru
8(495) 988-63-76, т/ф. 8(496) 726-54-10

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок
